

Министерство
образования и науки России

Российский Союз ректоров

Совет ректоров вузов
Дальневосточного федерального округа

Министерство
транспорта России

ГОУ ВПО
«Дальневосточный
государственный университет
путей сообщения»

**СОЦИАЛЬНЫЕ
И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ**

Научно-теоретический журнал
издается с января 2004 года
выходит один раз в три месяца

№ 1 (29) 2011

Хабаровск, 2011

Ministry of Education and Science
of the Russian Federation

Ministry of Transportation
of the Russian Federation

The Russian Rectors' Union

Council of Rectors of Higher Educational
Institutions in the Far Eastern
Federal District

State Educational Institution of Higher
Professional Education
«Far Eastern State Transportation
University»

**THE HUMANITIES
AND SOCIAL STUDIES
IN THE FAR EAST**

Research-theoretical journal
published since January 2004
issued once in three months

№ 1 (29) 2011

Khabarovsk, 2011

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ю.М. Сердюков

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

К.И. Воробьева, Л.П. Лазарева, Р.Л. Лившиц,
О.А. Любичкая (ответственный секретарь), Н.Е. Мерецкий,
С.В. Пишун, З.Г. Прошина, В.В. Романова,
Е.Н. Спасский (заместитель главного редактора), А.М. Шкуркин

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ларри Смит (США), Нобуюки Хонна (Япония), Чжан Байчун (Китай),
Кальво-Мартинез Томас Мариано (Испания), Кэрол Джой Макрае (Австралия)

РЕДАКТОР ВЫПУСКА

В.В. Романова

СОТРУДНИКИ РЕДАКЦИИ

А.С. Волков (web-мастер), Е.В. Листопадова (технический секретарь),
Т.Н. Тагирова, Е.А. Яшкина (переводчики)

*Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий, в которых должны быть
опубликованы основные научные результаты диссертации
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук»*

*Высшей аттестационной комиссии
Министерства образования и науки РФ*

*Печатается по решению Совета ректоров вузов
Дальневосточного Федерального округа № СР/ДФО-54а
от 9 октября 2002 г.*

УЧРЕДИТЕЛЬ

ГОУ ВПО «Дальневосточный государственный
университет путей сообщения»

(680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, д. 47).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:

ПИ №77-16283 от 29 августа 2003 г.

Адрес редакции: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, д. 47, оф. 262,
тел./факс: (4212) 40-71-93, E-mail: journal@festu.khv.ru

Web-site: www.eastjournal.ru

EDITOR-IN-CHIEF

Y.M. Serdyukov

EDITORIAL BOARD

C.I. Vorobyova, L.P. Lazareva, R.L. Livshits,
O.A. Lyubitskaya (executive secretary), N.E. Meretsky,
S.V. Pishun, Z.G. Proshina, V.V. Romanova,
E.N. Spassky (deputy editor), A.M. Shkurkin

INTERNATIONAL EDITORS

Larry E. Smith (USA), Nobuyuki Honna (Japan), Zhang Baichun (China)
Calvo-Martinez Tomás Mariano (Spain), C. Joy McRae (Australia)

MANAGING EDITOR

V.V. Romanova

EDITORIAL STAFF

A.S. Volkov (web-design), E.V. Listopadova (technical secretary),
T.N. Tagirova, E.A. Yashkina (translators)

*Research-theoretical journal is published on the decision
of the Council of Rectors of Higher Educational Institutions
in the Far Eastern Federal District № CR/FEFD-54a of October 9, 2002*

FOUNDER

State Educational Institution of Higher Professional Education
«Far Eastern State Transportation University»
47, office 262, Seryshev Str., Khabarovsk, 680021
Media Registration Certificate PE №77-16283 of August 29, 2003
Editorial office address: 47, office 262, Seryshev Str., Khabarovsk, 680021
Phone/fax: (4212) 40-71-93
E-mail: journal@festu.khv.ru

Web-site: www.eastjournal.ru

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Романова В.В.</i> Предисловие.....	9
---------------------------------------	---

СТАТЬИ

СОВЕТСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1922–1941 годы)

<i>Пикалов Ю.В.</i> Городские предприниматели на Дальнем Востоке РСФСР в годы нэпа	9
<i>Дубинина Н.И.</i> Дальневосточная вахта Яна Гамарника	14
<i>Кулинич Н.Г.</i> Опыт создания советской праздничной культуры в городах Дальнего Востока в 1920-е годы.....	25
<i>Цуканов С.С.</i> Взаимодействие Дальревкома и Наркомата иностранных дел СССР в процессе подготовки советско-японского соглашения 1925 года.....	32
<i>Романова В.В.</i> Реализация «биробиджанского проекта» и зарубежное еврейство (конец 1920 – 1930-е гг.).....	40
<i>Осипова М.В.</i> Научные экспедиции 20–30-х гг. прошлого века на территории Хабаровского края и их значение для отечественной и мировой этнографии (историографический аспект).....	50
<i>Крыжановская Я.С.</i> Рождение Амурского театра (1920–1940 гг.)	58
<i>Тужилин С.В.</i> Из истории советской контрразведки: «дальневосточный "Трест"» (1939–1945 гг.)	67

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

<i>Тимошенко В.Н.</i> Восточно-Азиатское сообщество и его перспективы для стран Азиатско-Тихоокеанского региона	71
<i>Рудецкий О.А.</i> Интеграционные процессы мира глобализации и этническая структура российского Дальнего Востока	77
<i>Максимова Ю.С.</i> Реализация компромиссных стратегий в условиях межкультурной коммуникации западной и восточной культур	86
<i>Платонова Н.М.</i> Становление стройиндустрии как отрасли промышленного комплекса на Дальнем Востоке РСФСР в 1965–1970-е гг.....	94
<i>Эфендиева Г.В.</i> «В одном строю с советским поколением...»: о творчестве молодых харбинских поэтов 1940-х годов	103
<i>Ахмыловская Л.А., Барыш А.Ю.</i> Театральный Владивосток в пространстве идеологических преобразований (1922–1941 гг.).....	111
<i>Яхимович С.Ю.</i> Советские граждане в Северной Маньчжурии во время вооруженного конфликта на КВЖД (1929 год).....	121
<i>Чернов В.А.</i> Становление трактирного промысла как этап развития индустрии гостеприимства (на примере Дальнего Востока).....	129

РЕДАКЦИОННАЯ ПОЧТА

<i>Прошина З.Г.</i> Первый международный форум «Английский как международный язык в Азии» (Макао, 2010)	129
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

СВЕДЕНИЯ О ДИССЕРТАЦИЯХ	133
ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА О.Л. РУДЫХ.....	137
К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ.....	138
К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ	139

CONTENTS

<i>Romanova V.V. Foreword (translated by E.A. Yashkina)</i>	8
---	---

ARTICLES

THE SOVIET FAR EAST DURING THE INTERWAR PERIOD (1922–1941)

<i>Pikalov Y.V. City Businessmen in the Soviet Far East during the New Economic Policy (translated by E.A. Yashkina)</i>	147
<i>Dubinina N.I. Far Eastern Watch of Jan Gamarnik (translated by E.A. Yashkina)</i>	152
<i>Kulinich N.G. Experience of the Establishment of the Soviet Festivity Culture in the Cities of the Far East in the 1920s (translated by T.N. Tagirova)</i>	162
<i>Tsukanov S.S. Cooperation of the Far Eastern Revolutionary Committee and People's Commissariat of Foreign Affairs in the Process of Preparing the Soviet-Japanese Agreement of 1925*</i>	169
<i>Romanova V.V. Realization of the "Birobidzhan Project" and Foreign Jewry (Late 1920s-1930s) (translated by T.N. Tagirova)</i>	170
<i>Osipova M.V. Research Expeditions of the 1920s–1930s in the Territory of the Khabarovsk Krai and their Impact on Domestic and World Ethnography (Historiographic Aspect) (translated by T.N. Tagirova)</i>	180
<i>Krizhanovskaya Y.S. Birth of the Amur Theatre (translated by E.A. Yashkina)</i>	187
<i>Tuzhilin S.V. From the History of the Soviet Counter-Intelligence Service: «Far Eastern "Trust"» (1939–1945)*</i>	196

PROBLEMS OF THE FAR EAST

<i>Timoshenko V.N. East Asian Community and its Prospects for Russia and the Asian Pacific Countries*</i>	197
<i>Rudetsky O.A. Integration Processes of the World of Globalization and Ethnical Structures of the Russian Far East*</i>	197
<i>Maksimova Y.S. Realization of Compromise Strategies in Conditions of Intercultural Communication between Western and Oriental Cultures*</i>	197
<i>Platonova N.M. Formation of the Construction Industry as a Branch of Industrial Complex in the Far East of the USSR in 1965-1970*</i>	198
<i>Efendieva G.V. "In the Same Ranks with the Soviet Generation ...": about the Creativity of the Young Poets of the 1940s*</i>	198
<i>Akhmylovskaya L.A., Barysh A.Y. Theatrical Vladivostok in the Sphere of Ideological Transformation (1922–1941)</i>	199
<i>Yakhimovich S.Y. Soviet Citizens in North Manchuria during the Conflict on the Chinese Eastern Railway in 1929*</i>	199
<i>Chernov V. A. Formation of the Inn Business as a Stage in the Development of the Hospitality Industry (on the Example of the Far East)*</i>	199

AUTHORS GUIDELINES	200
--------------------------	-----

*Abstracts only

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемый читатель!

Вашему вниманию предлагается специальный выпуск журнала, посвященный истории российского Дальнего Востока в период между двумя войнами – Гражданской и Великой Отечественной. Развитие региона в эти годы – это сложный и противоречивый процесс, недостаточно исследованный современной отечественной историографией. Напомню читателям, что в его рамках условно можно выделить два отличающихся друг от друга по целям и стратегиям государственной политики этапы. Двадцатые годы – это время восстановления советской власти, создания соответствующих ей институтов, разработки планов социально-экономического и культурного развития восточной окраины страны. Однако конец этого десятилетия характеризуется ухудшением внешнеполитической обстановки. Рост напряженности в отношениях с Китаем, приход в Японии власти сторонников экспансионистской политики вызвали целый ряд вооруженных приграничных конфликтов. Эти обстоятельства, а также взятый курс на построение социализма в одной отдельно взятой стране в условиях капиталистического окружения, поставили руководство страны перед необходимостью не только интенсивного хозяйственного освоения Дальнего Востока, но и создания здесь мощного военно-промышленного потенциала. На решение этой сложнейшей задачи и были направлены, в первую очередь, усилия как центральной, так и местных властей. Методы и цена достижения поставленной цели сегодня достаточно хорошо известны; большую роль также имел созданный здесь к концу 1930-х годов оборонный комплекс в условиях начавшейся вскоре Отечественной войны Советского Союза против нацистской Германии и ее союзников, в том числе Японии.

Представленные в выпуске статьи отражают исследования известных историков хабаровской школы, таких как доктор исторических наук, заслуженный деятель науки РФ профессор Н.И. Дубинина, доктор исторических наук профессор Ю.В. Пикалов, а также молодых ученых, которые только делают первые шаги в науке. Работы отличаются «свежими» историческими сюжетами, новыми архивными материалами и обоснованными выводами. Они располагаются в хронологической последовательности и посвящены различным аспектам обозначенной темы. Многие из публикуемых материалов являются фрагментами продолжающихся исследований, которые, хочется верить, внесут вклад в историографию актуальной проблемы.

Мы надеемся, что материалы этого выпуска журнала вызовут читательский интерес.

Профессор, д-р ист. наук В.В. Романова

Dear reader!

We offer you a special issue dedicated to the history of the Russian Far East in the period between the two wars – the Russian Civil War and the Second World War. The development of the region in these years was difficult and controversial, insufficiently researched by modern Russian historiography. Let me remind the readers that in its framework there are two different stages in the aims and strategies of state policy. The 1920s was the time of establishing the Soviet regime, creating relevant institutions, and developing plans for socio-economic and cultural development in the eastern parts of the country. However, the end of this decade is characterized by deterioration in the foreign environment. Growing tensions in relations with China, and the coming to power of supporters of expansionist policy in Japan caused a number of armed border conflicts. These circumstances as well as the course of building socialism in one country in a capitalist environment faced the government of the country with the necessity not only to develop the Far East economically, but to establish a powerful military-industrial potential in this region. The efforts of both central and local authorities were aimed at solving this complicated task. The methods and costs of achieving this goal are well-known today. We also know what role the military complex established here by the end of the 1930s played in World War II against Nazi Germany and its allies, including Japan.

Articles presented in this issue reflect the research of historians of the Khabarovsk school such as Doctor of Science (History), Honored Worker of Science, Professor N. Dubinina, Doctor of Science (History), Professor Y. Pickalov, young scientists and those who are just taking the first steps in science. However, all the work seems to be distinguished by fresh historical subjects, new archival materials and a solid data base, with well-grounded conclusions. They are arranged in chronological order and deal with different aspects of the designated themes. Many of the published materials are fragments of ongoing research, which will contribute to the historiography.

We hope that the materials in this issue will arouse the interest of readers.

*V.V. Romanova,
Doctor of Science (History), Professor*

СТАТЬИ

СОВЕТСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1922–1941 годы)

ГОРОДСКИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РСФСР В ГОДЫ НЭПА

Ю.В. Пикалов

Пикалов Юрий Васильевич – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Дальневосточного государственного гуманитарного университета (г. Хабаровск).

В статье рассматривается судьба городских предпринимателей Дальнего Востока РСФСР в годы проведения нэпа. Раскрывается основное содержание политики центральных и местных органов власти, которая была направлена вначале – на ограничение, а затем и на полное вытеснение этих слоёв собственников из политической, социальной и экономической жизни региона.

Ключевые слова: новая экономическая политика, городские предприниматели, политика ограничения, политика вытеснения, социальная и экономическая деградация предпринимателей.

Предприниматели, как социальная группа населения Дальнего Востока, существовали здесь вплоть до конца 1930-х гг. В большей степени они проявляли себя в 1920-е гг. и в меньшей – как остаточное социальное явление – в 1930-е гг.

Рост численности и социальной активности собственников наблюдался в РСФСР в 1920-е гг. в связи с введением новой экономической политики. Партийные и государственные органы относились к данной политике неоднозначно. С одной стороны, они понимали ее полезность в деле восстановления экономики, а с другой – наблюдалось резкое неприятие ее социальных последствий – роста слоёв новой буржуазии. До 1924 г. ведущие политики страны только на словах выражали ей поддержку. Причиной тому являлись ленинские установки на то, что нэп – это всерьёз и надолго. После смерти В.И. Ленина даже эта словесная доброжелательность в отношении к нэпу отпала.

С самого начала новой экономической политики были предусмотрены условия, которые препятствовали росту экономического и политического веса новой буржуазии в советском обществе. Наиболее успешно эти условия ограничивали развитие городских слоёв собственников. Экономически они полностью зависели от государства, поскольку все важнейшие промышленные предприятия, транспорт, топливная и энергетическая промышленность, внешняя торговля целиком находились в его руках. Расширительное толкование ст. 65 Конституции РСФСР 1924 г. давало возможность отстранить новую буржуазию не только от власти, но и от самого участия в выборах ее органов.

В 1925 г. закончился период «временного отступления» перед нэпом. Теоретическое обоснование переходу в «наступление» против него дал И.В. Сталин: «...Наш строй в целом есть переходный от капитализма к социализму, – где все еще преобладает, в смысле объема продукции, частновладельческое крестьянское производство, но где доля социалистической промышленности растет непрерывно. Доля социалистической промышленности растет так, что эта промышленность, пользуясь своей концентрированностью, пользуясь своей организованностью, пользуясь тем, что у нас есть диктатура пролетариата, пользуясь тем, что транспорт в руках государства, пользуясь тем, что кредитная система – наша и банки – наши, пользуясь всем этим, наша социалистическая промышленность, доля которого во всем объеме производства растет шаг за шагом, эта промышленность, идя вперед, начинает подчинять себе частную промышленность, приспособлять к себе и вести за собой остальные уклады хозяйства» [17: с. 152]. Иначе говоря, Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) дал развернутое определение экономико-политического содержания термина «командные высоты в экономике», которые прочно находились в руках государства. В силу этого предприниматели всецело зависели от партийно-советской власти. Когда было необходимо, власть делала послабления, когда такая нужда отпала – государство вытеснило собственника из сферы производства и торговли.

Важным этапом борьбы партии с частником стал XVI съезд ВКП(б) (июнь-июль 1930 г.).

В постановлении съезда «По отчету центрального Комитета ВКП(б)» говорилось о переходе к политике ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации: «Съезд подчеркивает величайшее историческое значение этого лозунга, означающего штурм рабочего класса на последний оплот капиталистической эксплуатации в стране» [15]. Данной фразой съезд констатировал практически полную ликвидацию городских слоев собственников, поскольку оставался уже только один слой собственников в деревне – крестьяне-кулаки.

Региональная партийно-государственная политика в отношении городских предпринимателей проводилась в рамках общесоюзной, являясь ее местной интерпретацией. Наряду с общепринятыми закономерностями, логикой и последовательностью такой политики, она имела на Дальнем Востоке свои специфические особенности.

Первая особенность вытекала из исторически сложившегося на Дальнем Востоке России соотношения роли государства и частного в социально-экономическом и политическом развитии региона. Все крупные предприятия, железные дороги, порты, города строились в основном за счет государства. В 1913 г. смета доходов и расходов российского правительства в этом регионе составила 217 млн. рублей. При этом расходы достигали 189 млн. рублей, или 87 % сметы [6, т. 5]. Обширный Дальневосточный край мог жить только благодаря огромным дотационным программам царского правительства. Следовательно, в дореволюционное время здесь возникла ситуация, при которой частные предприниматели во многом зависели от политики государства.

В период с октября 1922 по 1926 гг. в этом отношении сложилась совершенно иная обстановка. Такой зависимости частного предпринимателя от государства, какая была в дореволюционные годы, не было. К такому выводу приводит ряд фактов. В числе первых следует признать отсутствие капиталовложений из центра в экономику дальневосточной окраины страны. В 1923–1924 гг. бюджет Дальневосточного края составлял только 12,4 % к довоенному 1913 г. В 1924–1925 гг. он достиг 15 % и в 1925–1926 гг. – 20,2 % [17]. Председатель Дальневосточного революционного комитета Я.Б. Гамарник в своем докладе Первому краевому съезду Советов Дальневосточного края (17 марта 1926 г.) отмечал: «...в этом бюджете мы не находим привлеченных со стороны средств. Только в этом году мы получили некоторые средства на нужды железнодорожного транспорта в виде погашения

дефицита железных дорог» [20: с. 28]. Возможности местного краевого бюджета были весьма ограничены. Источники его пополнения были подорваны войной. В довоенное время золотопромышленность края давала 45 % всей добычи золота в стране. К 1923 г. она составила около 10 % довоенного уровня [2]. Все финансовые учреждения были разграблены интервентами и белогвардейцами. По подсчетам А.И. Крушанова, с Дальнего Востока было вывезено 11,5 тыс. пудов золота на сумму почти 242 млн. руб. [17].

Предприниматели Дальнего Востока, не имея собственных оборотных средств и возможности получить кредиты у государства, даже в условиях нэпа не могли развивать производство.

Далее следует отметить, что транспорт и крупные промышленные предприятия, принадлежавшие государству и составлявшие основу дальневосточной экономики, были разрушены. Паровозное и вагонное хозяйство, железные дороги на 80 % пришли в негодность [6, т. 5]. Водный транспорт региона пострадал еще сильнее. От плавсредств и портового хозяйства осталось пригодным к эксплуатации только 5 % мощностей [17].

Прекратилась промышленная добыча цветных металлов и известняка для производства цемента. Добыча железной руды составляла 14 % от уровня 1916 г. [19]. В 1920–1922 гг. за границу было вывезено более 1 млн. пудов цветных металлов. Из многих районов Дальнего Востока были вывезены все металлические предметы, вплоть до кровельного железа, железных печек и медных дверных ручек [19].

При отсутствии капиталовложений из центра и весьма ограниченных финансовых средств на местах, восстановительный период на Дальнем Востоке РСФСР не привел к таким результатам, как в европейской части страны. В 1926 г. золотопромышленность была восстановлена на 40 %, обрабатывающая промышленность – на 68 %, остальная промышленность – на 62 % [17]. Из этого следовало, что местные партийные и государственные органы не имели таких рычагов экономического ограничения частного, как в центре страны.

Следующей особенностью было изолированность внутреннего рынка Дальнего Востока от остальных частей государства. Последствием этого являлась большая его зависимость от ввоза товаров из-за рубежа. В свою очередь, это ослабляло позиции местных органов власти. Опасность усиления зависимости от ввоза товаров из-за рубежа особо подчеркнул И.В. Сталин в своем докладе XVI съезду ВКП(б): «...В области внешней торговли очень многое зависит не только от

нас, но и от поведения западно-европейских капиталистов, причем, чем больше растет наш экспорт и импорт, тем больше мы становимся зависимыми от капиталистического запада, тем больше становимся уязвимыми для ударов со стороны врагов» [20: с. 48].

Из всего вышеизложенного можно было бы сделать поспешный вывод о том, что на Дальнем Востоке нэп представлял большую угрозу для советской власти, поскольку государство здесь не имело таких сильных позиций в экономике, таких «командных высот» в ней, какие имело в других регионах. Казалось бы, власти региона слабо влияли на ограничение роста частных собственников. Однако это было далеко не так. Данное обстоятельство составляло вторую особенность проведения партийно-государственной политики в отношении городских предпринимателей.

В годы Гражданской войны и интервенции российские предприниматели на Дальнем Востоке были вытеснены с ведущих позиций практически во всех сферах бизнеса. Под прикрытием интервентов иностранные кампании захватили в свои руки промышленность и торговлю, экспортные поставки. В 1923 г. из 2 382 обследованных промышленных предприятий 1380, или 60 %, принадлежало иностранным владельцам [19]. В деле вытеснения российского бизнеса активно использовался метод кабального кредитования. Большинство российских кампаний не в состоянии были вернуть полученные кредиты и превращались в дочерние предприятия иностранных фирм. Главную роль в использовании данного метода играли американцы [2].

Английские и немецкие компании захватывали российский бизнес под видом смешанных предприятий. Японские предприниматели прибрали к рукам всю лесопромышленность Приморья, получив право на вырубку леса с площади почти 5 млн. десятин [5]. Они же захватили практически всю рыбную промышленность Российского Дальнего Востока. В охотско-камчатском районе им принадлежало 93 % рыболовных участков. Они производили здесь 99 % всех рыбных консервов. В Николаевском-на-Амуре районе они имели более 80 % всего улова рыбы, а в Приморье – 75 % [8]. Кроме того, арендная плата за лов рыбы в российских водах собиралась японскими властями и поступала в Японию.

Иностранные фирмы господствовали и в сфере товарного обращения. В среднем по российскому Дальнему Востоку им принадлежало около 60 % торговых заведений [19]. Русские торговцы, не имея запасов товаров и оборотных

средств, не выдерживали конкуренции и сворачивали дела.

Перечисленные факты позволяют сделать важное заключение: в годы Гражданской войны и интервенции иностранный капитал сыграл в судьбе дальневосточных предпринимателей по сути ту же роль, что и политика «военного коммунизма» по отношению к предпринимателям центральных регионов страны.

Та часть городских слоев собственников, которая осталась в регионе после ухода белогвардейцев и интервентов, не имела сколько-нибудь значительных перспектив для своего развития. Тем не менее они попытались активно, исходя из возможностей, развивать предпринимательство. Однако эта активность наталкивалась на такие преграды, которые составляли третью особенность региональной партийно-государственной политики в отношении частных.

Суть этого явления заключалась в том, что местные партийные и государственные органы недостаток экономических рычагов влияния на собственников компенсировали административным давлением на них. До 1924 г. политика являлась инструментом ограничения роста собственников, а с 1924 г. она стала активно использоваться в реализации установок ЦК РКП(б) на борьбу с частным капиталом. Такие призывы появились во многих партийных документах, например – в Постановлении ЦК РКП(б) от 19 сентября 1924 г «О подборе работников для торговых, кооперативных и кредитных учреждений» [6, т. 3].

Как известно, по установкам X и XI съездов РКП (б), крупные предприятия не сдавались в аренду частникам. Кроме того, предприниматели-дальневосточники не имели достаточных капиталов для развития крупного бизнеса. Местные органы власти знали это и всегда подозрительно относились к попыткам наших бизнесменов открыть крупное дело, поскольку за этим, как правило, стоял иностранный капитал. А такие попытки были. В мае 1923 г. образовалось «Акционерное общество по эксплуатации рыбных и звериных промыслов Дальнего Востока», половина акций которого принадлежала государству, а половина – местному крупному рыбопромышленнику М.М. Люри. В 1925 г. он был отстранен от участия в этом деле. В 1923 г. многие русские претенденты на получение концессий для лесоразработок оказались подставными лицами – посредниками иностранных кампаний. Вследствие этого, все лесные концессии оказались в руках японских лесопромышленников че-

рез русских посредников. В 1924 г. власти отстранили их от дел и вели переговоры уже непосредственно с японцами [1].

Решающую помощь местным органам власти в их борьбе с частником оказывало советское законодательство. По закону, эмиссия денежных знаков, а главное – все финансово-кредитные учреждения находились в руках государства. Такие рудименты финансово-кредитной системы ДВР, как обращение драгоценных металлов и иностранной валюты, просуществовали на Дальнем Востоке лишь два года с небольшим. Несмотря на всю их экономическую состоятельность, они были запрещены к октябрю 1925 г., поскольку представляли политическую опасность, усиливая роль местного и иностранного частного капитала [4]. Свободное обращение золота и иностранной валюты на внутреннем рынке в качестве платежных средств прекратилось.

Для предпринимателей экономический и социальный эффект этой акции имел негативную окраску. В 1923 г. местные частные предприниматели вывозили за рубли 34 % всех экспортных товаров, а ввозили 52 % всего импорта [17]. Надо учитывать, что 53 % всех импортных товаров, ввозимых на Дальний Восток, составляло продовольствие [17]. Центральная Россия не могла обеспечить свои дальневосточные окраины продовольствием потому, что его просто не хватало и пути сообщения с Дальним Востоком были нарушены. В таких условиях социальная роль частника была выше, чем государства, поскольку социальное значение обеспечения городов и поселков жизненно важными товарами было огромным.

Официально монополия государства на внешнюю торговлю была введена на Дальнем Востоке после восстановления здесь советской власти в конце 1922 г. На деле местные органы партийной и государственной власти, не имея финансовых средств, не могли ее осуществлять. К 1925 г. это положение кардинально изменилось. По итогам 1925 г. удельный вес частников в импорте из-за границы упал до 0,15 %. То есть сократился по сравнению с 1923 г. в 346 раз [18]. Урон, который советская власть нанесла собственникам в сфере внешней торговли, был невосполнимым.

Наряду с вытеснением частника из внешней торговли, органы государственной власти взяли курс на уменьшение импорта в этой сфере торговли. При этом доля продовольствия в структуре импорта также уменьшилась в пользу большего ввоза сырья для промышленности, машин и оборудования, продукции химической промышленности [9].

По странам ввоза импорт распределялся (по данным 1925 г.) следующим образом: Китай – 66 %, Америка – 14 %, Япония – 12 %, Германия – 6 %, прочие – 2 % [10]. Как видим, главным внешнеторговым партнером советского Дальнего Востока являлся Китай. Вместе с тем ввозимые товары не являлись собственно китайскими. Китайский порт Шанхай являлся тогда мировым рынком. Советские внешнеторговые учреждения не имели возможности закупать товары в самом Шанхае из-за его удаленности. Они вынуждены были приобретать их в Харбине, куда они доставлялись из Шанхая. Естественно, что стоимость этих товаров в Харбине была выше. Кроме того, средства на закупку импорта в Харбине Дальгосторг получал в виде товарного кредита в Америке, Китае и Японии [12]. Проценты по этим кредитам ложились на стоимость возможных товаров. В итоге – оптовая стоимость импортных товаров на внутреннем рынке советского Дальнего Востока была значительно выше, чем в сопредельном Китае. Высокие оптовые цены сокращали возможности частников для широкого внедрения в сферу внутренней торговли региона. Динамичное расширение государственной оптовой торговли объяснялось активным внедрением на Дальний Восток филиалов центральных трестов и синдикатов Народного Комиссариата торговли [14]. Частник не мог конкурировать с финансово-мощными центральными торговыми организациями и отступил, имея потери в своем социально-экономическом положении.

Местные частные предприниматели сделали попытку сохранить позиции путем контрабанды товаров из приграничных районов Китая и Японии, где они были значительно дешевле. По подсчетам Дальневосточного революционного комитета, в 1925 г. удельный вес контрабанды в объеме внешнеторгового оборота составил 20 млн. руб., или 12,5 % [17]. Однако Дальневосточный революционный комитет с самого начала своей деятельности поставил задачу беспощадной борьбы с контрабандой. Решающую роль в борьбе с ней сыграло укрепление охраны государственной границы и запрет на свободное обращение золота и иностранной валюты. И эта попытка частных собственников сохранить свои позиции во внутренней торговле потерпела неудачу.

Эффективность внешней и оптовой торговли получила свое социальное отображение в розничной торговле, поскольку здесь реализовывалось главное общественно-экономическое предназначение этой сферы экономики. Розничная торговая сеть обеспечивала все жизненно необ-

ходимые потребности населения. В этом смысле ее социальная роль была очень высокой.

Государственные предприятия розничной торговли представляли собой, как правило, крупные магазины с размерами годового товарооборота более 1 млн. рублей. Частные же предприятия являлись небольшими лавками и палатками с годовым оборотом, в среднем около 10,5 тыс. рублей. Несмотря на то, что общий годовой товарооборот частных предприятий торговли уступал государственному почти в три раза, их социальная роль была довольно высока. Разветвленная сеть таких лавок и палаток охватывала все уровни городских и поселковых селений, делала их более доступными для широких масс населения.

Был еще один рычаг в политике государственной власти, ограничивавшей рост частника. Им являлось избирательное налогообложение населения. По данным Госналога Наркомата финансов СССР, средняя величина налога с промышленников и торговцев составляла в 1924 г. 23,5 % годового дохода, а в 1925 г. – 32,6 % [10]. Для сведения отметим, что налог с годового дохода рабочего и служащего составил в среднем соответственно 9 % и 10 % [10]. Помимо налогов на доход с предпринимательской деятельности, с частников взимались так называемые налогооблагаемые сборы. Проще говоря, это были своеобразные налоги на богатство. Лица нетрудового дохода, как называли частных собственников, платили завышенную арендную плату за торгово-промышленные помещения; с них взималась более высокая квартплата и плата за коммунальные услуги. Они были обязаны оплачивать обучение своих детей и т. д. [11].

В итоге получалось, что около 50 % доходов предпринимателей уходило на выплату налогов, оплату аренды, квартплату и обучение детей. Целенаправленная партийно-государственная политика создавала неблагоприятные условия для развития частного предпринимательства. В результате оно оказалось в состоянии стагнации.

С началом социалистической реконструкции на Дальнем Востоке частные промышленники и торговцы не только не допускались к участию в этом процессе, но и стали активно вытесняться даже из тех весьма ограниченных сфер экономики, где они еще имели хоть какой-то социальный вес и влияние. Экономически окрепшее государство более не нуждалось в социальных услугах предпринимателей. В политическом отношении частник являлся классовым врагом советского государства и подлежал уничтожению.

В 1922–1926 гг. городской собственник являлся важной фигурой в дальневосточной экономике. Его социально-экономический облик определялся: экономическим весом – участием в развитии торговли, транспорта, промышленности; социальным весом – исполнением важных социальных функций в снабжении населения товарами, продовольствием, создании рабочих мест. В то же время его социально-экономическое развитие ограничивалось тем, что частники не имели возможности участвовать в политической жизни, были зажаты в «тиски» экономических ограничений в смысле расширения бизнеса и увеличения его доходности. Реконструктивный период привел к деградации этого социального слоя населения Дальнего Востока РСФСР. Его численность в составе населения сократилась с 9 % в 1923 г. до 0,2 % в 1932 [15]. Государство сменило частника, вытеснив его из социальной и экономической сфер.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. *Архипов, Н.Б.* Дальневосточный край / Н.Б. Архипов. – М. – Л.: Государственное издательство, 1929. – 156 с.
2. Вечерняя газета. – Владивосток. – 1921. – 1 июля.
3. Государственный архив Приморского края (ГАПК). – Ф. 44. – Оп. 1. – Д. 459. – Л. 81–84.
4. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). – Ф. 58. – Оп. 1. – Д. 67. – Л. 62–64.
5. *Григорцевич, С.* Американская и японская интервенция на советском Дальнем Востоке и ее разгром / С. Григорцевич. – М.: Госполитиздат, 1957. – 200 с.
6. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – 9-е изд., доп. и испр. – М.: Политиздат, 1983. – Т. 3. – 442 с. – Т. 5. – 446 с.
7. *Крушанов, А.И.* Борьба за власть Советов на Дальнем Востоке и в Забайкалье / А.И. Крушанов. – Владивосток, 1962. – 355 с.
8. *Кутаков, Л.Н.* Портсмутский мирный договор / Л.Н. Кутаков. – М.: Соцэкгиз, 1961. – 291 с.
9. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 372. – Оп. 1. – Д. 280. – Л. 54 об.
10. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 85. – Д. 81. – Л. 50.
11. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 85. – Д. 81. – Л. 52.
12. РГАСПИ. – Ф. 372. – Оп. 1. – Д. 280. – Л. 57.
13. РГАСПИ. – Ф. 372. – Оп. 1. – Д. 633. – Л. 7.
14. РГАСПИ. – Ф. 372. – Оп. 1. – Д. 280. – Л. 65.
15. Сибирская советская энциклопедия. В 4 т. Т. 1: А–Ж / под общ. ред. М.К. Азадовского, А.А. Ансона, М.М. Басова [и др.]. – Новосибирск: Зап.-Сиб. отд-ние Огиз, 1929. – 988 с.
16. Советское Приморье. – 1925. – № 10. – С. 23.
17. Стенографический отчет первого краевого съезда Советов Дальнего Востока. – Хабаровск, 1926.
18. Что сделала Советская власть на Дальнем Востоке за год: краткий отчет Дальревкома за 1923–1924 гг. – Хабаровск: Книжное дело, 1924. – 147 с.
19. Экономическая жизнь Дальнего Востока. 1924. – № 3. – С. 6–7.
20. XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенограф. отчет. – М., Л., 1926.

ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ ВАХТА ЯНА ГАМАРНИКА

Н.И. Дубинина

Дубинина Нина Ивановна – доктор исторических наук, профессор кафедры политической истории Дальневосточного государственного гуманитарного университета (г. Хабаровск).

Контактный адрес: nindubinina@yandex.ru

В статье впервые раскрывается выдающийся вклад Я.Б. Гамарника – заместителя наркома обороны СССР, председателя Дальневосточной комиссии ЦК ВКП(б) и СНК СССР – в создании военно-промышленного потенциала Дальнего Востока в 1930-х гг.

Ключевые слова: Ян Гамарник, Дальний Восток, партийно-политический курс, военно-промышленный потенциал, дальневосточная армия.

В истории советского Дальнего Востока трудно найти руководителя масштаба Яна Борисовича Гамарника (1894–1937 гг.), внесшего весомый вклад в социально-экономическое развитие и военно-оборонительное строительство Дальневосточного региона. За пять с половиной лет работы на Дальнем Востоке (1923–1928 гг.) он исполнял обязанности председателя Приморского губернского исполкома совета, председателя Дальревкома, председателя Далькрайисполкома, секретаря Дальневосточного краевого комитета Коммунистической партии. С его именем связана разработка в первой половине 1920-х годов модели социально-экономического развития ДВК, 10-летнего плана развития дальневосточной окраины, включавшего планы колонизации и капитального строительства, выдвижение формулы «ДВК – аванпост СССР на берегах Тихого океана». Более 7 лет Я.Б. Гамарник являлся начальником Политического управления Красной Армии, в 1930–1934 гг. первым заместителем наркома по военным и морским делам, в 1934–1937 годах – первым заместителем наркома обороны. Он был активным участником модернизации Красной армии, строительства военно-промышленного комплекса СССР, частью которого стало создание военно-промышленного потенциала на востоке страны. В качестве председателя Дальневосточной комиссии ЦК ВКП(б) и СНК СССР он координировал всю работу по промышленному и военному строительству в Дальневосточном крае. Выступая на Военном совете при наркомате обороны СССР в 1934 г., Я.Б. Гамарник сказал: «...Я последние два года очень усиленно занимался вопросами Дальнего Востока, торчал там много времени» [2: с. 246]. И в последующие годы Гамарник много времени проводил на Дальнем Востоке, руководя реализацией установок центра по укреплению оборо-

носпособности самой удаленной от центра, пограничной, стратегически важной территории страны. Так случилось, что эта многотрудная деятельность Я.Б. Гамарника в истории Дальнего Востока осталась в должной степени не исследованной и не оцененной. Целью статьи является раскрыть вклад Я.Б. Гамарника в военно-промышленное строительство, укрепление обороноспособности Дальнего Востока в 1930-е годы в контексте истории Советской страны. Сделать это позволяют вышедшие в последние годы фундаментальные сборники документов, посвященные деятельности партийно-государственных и военно-политических структур СССР в 1930-е годы.

Для советского руководства конфликт на КВЖД (1929 г.) стал первым тревожным сигналом, который привлек внимание к проблеме обеспечения безопасности ДВК, имевшего сухопутную границу с Китаем, Монголией, Кореей и еще более протяженную морскую границу при отсутствии здесь военного флота. Гражданская война в Китае, вначале породившая надежду на развитие мировой революции на Востоке, все более разочаровывала большевиков и Коминтерн. А зашевелившаяся после конфликта многотысячная российская эмиграция в Маньчжурии в лице генералов и казацких атаманов с их громкими заявлениями о реванше, внушала определенные опасения.

В дальневосточной дипломатии советское руководство в лице Г.В. Чичерина и Л.М. Карахана имело надежных профессионалов. В военном деле центр во многом полагался на В.К. Блюхера, учитывая его опыт в Гражданской войне и успешную работу военным советником Чан Кайши в Китае. А вот дальневосточное партийно-политическое руководство ситуацией в крае владело слабо. Поэтому появление в руководстве наркомата обороны Гамарника – опыт-

ного партийного работника с большим и успешным опытом работы на Дальнем Востоке – оказалось как нельзя более подходящим ко времени и к месту.

19 апреля 1930 г. Гамарник был приглашен к Сталину на прием, который продолжался около двух часов. На нем произошло их близкое знакомство и был решен вопрос о председательстве Гамарника в создаваемой комиссии ЦК ВКП(б) и СНК СССР по вопросам укрепления обороноспособности Дальнего Востока (Дальневосточная комиссия). Гамарник должен был отправиться в командировку на Дальний Восток – для участия в решении партийно-политических и военных вопросов, главное содержание которых было обозначено Сталиным.

Поездка на Дальний Восток была первой после того, как в конце 1928 г. Ян Борисович покинул его, сохраняя в своей благодарной памяти имена людей, с которыми поднимал край из руин после длительной Гражданской войны и военной интервенции. Первой остановкой стала Чита, центр Забайкалья, где располагалась группа войск ОКДВА и находился тревожный участок границы с Маньчжурией, охраняемой пограничниками. В Хабаровске состоялось знакомство с командным и начальствующим составом ОКДВА, обсуждение перспектив укрепления государственной границы региона.

Инспектируя состояние партийно-политической работы, знакомясь с состоянием охраны государственной границы, спустя год после военного конфликта на КВЖД, заместитель наркома обороны Гамарник поставил задачи усиления боевой подготовки, овладения красноармейцами и командирами новой техникой.

В Хабаровске он выполнил приятную миссию – вручил войскам Пограничной охраны ОГПУ Дальнего Востока за боевые заслуги во время конфликта на КВЖД орден Красного Знамени. По поручению ЦК ВКП(б), членом которого Гамарник являлся около трех лет, он принял участие в X Дальневосточной краевой партийной конференции, проходившей накануне очередного XVI партийного съезда.

Конференция избрала руководящие партийные органы и делегатов на XVI съезд, в числе которых был и Я.Б. Гамарник. Руководителем дальневосточных коммунистов был избран И.Н. Перепечко.

Одной из важных задач, которую должен был выполнить во время командировки Гамарник, являлась мобилизация руководства края на выполнение государственных заданий по экс-

порту. Вырученная от экспорта валюта напрямую шла в государственную казну на реализацию планов индустриализации страны. В ЦК наделись, что хорошо знавший Дальний Восток Я.Б. Гамарник, пользовавшийся авторитетом среди дальневосточных коммунистов, заставит партийное руководство края выполнить государственный план по экспорту, который, как говорится, «трещал по всем швам».

Поездки по краю убедили Яна Борисовича в том, что существовавшие болевые точки развития советского Дальнего Востока, о которых он хорошо знал, за последние годы еще более обострились. Он приходил к выводу, что с лечением их край самостоятельно справиться не сможет, необходима срочная серьезная помощь центра.

О своей поездке на Дальний Восток Я.Б. Гамарник обстоятельно доложил на Политбюро ЦК ВКП(б). Сумма экспорта с Дальнего Востока, запланированная на 1930 г., почти в три раза была выше, чем сумма экспорта в 1925 г. Увеличение экспорта шло главным образом за счет леса, рыбы, пушнины и угля. Более половины экспорта уходила в Японию, остальная – в Китай и другие страны. Острейшей проблемой края являлась нехватка рабочей силы. Так, чтобы выполнить задание по осенней добыче рыбы, краю требовалось дополнительно 50 тыс. чел. Механизация труда на лесозаготовках, добыче золота и угля была минимальной, старое оборудование пришло в негодность. На полуголодном пайке находились защитники Дальнего Востока. При остром дефиците зерна и мяса в крае рассчитывать на имевшиеся сельскохозяйственные предприятия – малочисленные и маломощные колхозы и совхозы – на решение ими проблемы продовольствия для армии и пограничных подразделений, было не реально. Докладчик не только объективно оценил состояние дел, но и внес множество предложений, направленных на решение сложных задач развития Дальневосточного края. Принятое постановление Политбюро ЦК ВКП(б) по докладу тов. Гамарника о состоянии экспорта на Дальнем Востоке от 25 июля 1930 г. носило во многом обстоятельный и в некотором роде радикальный характер [7: л. 30–32]. Предложив Далькрайкому «поставить вопросы экспорта на первый план всей работы парторганизации», Политбюро обязало его ликвидировать прорыв в экспорте и полностью выполнить план 1929–1930 гг. [7: л. 31]. А дальше формулировались поручения центральным органам власти и наркоматам по оказанию помощи Дальневосточному краю. На первое место была поставлена

лесная промышленность. Политбюро поручило ВСНХ СССР начать строительство лесопильно-ящичных, клепочных и фанерных заводов, целлюлозно-бумажного комбината и развернуть строительство новых лесопильных заводов, обеспечив одновременно максимальную механизацию лесозаготовок. Затем шла речь о рыбной промышленности. Планировалось в ближайший год поставить на Дальний Восток не менее 25 траулеров и 1 рефрижератор, организовать производственный комбинат по снабжению дальневосточной рыбной промышленности предметами отечественного производства взамен ныне импортируемых, построить в крае прядильно-ткацкую, сетевязальную и шпагатную фабрики и сеть фабрик по первичной обработке льна и конопли. Ввиду важного значения Владивостокского порта в грузообороте Союза было предложено наркомату путей сообщений войти в СТО с представлением срочных мероприятий по расширению порта, механизации погрузочных работ [7: л. 31].

Важное место в постановлении отводилось решению проблемы снабжения Дальневосточного края рабочей силой. Совнарком Союза было предложено в контрольных цифрах 1930–1931 гг. разработать конкретные мероприятия, способствующие форсированному заселению края, обеспечив в первую очередь создание рабочих кадров для рыбной и лесной промышленности и обеспечив соответствующим образом финансирование переселения на Дальний Восток. Также ему было предложено в месячный срок разработать вопрос о расширении льгот промышленным, промышленным и сельскохозяйственным переселенцам. Было предложено наркомату труда СССР совместно с другими органами к 1 октября рассмотреть план завоза рабочей силы на Дальний Восток с тем, чтобы обеспечить полностью все дальневосточные хозяйственные организации. Совету труда и обороны давалось задание закрепить в рыбной промышленности края не менее 30 тыс. рабочих, приняв меры к тому, чтобы они осели на месте и были использованы с окончанием рыбного сезона на лесозаготовках и других работах. С этой целью необходимо было форсировать жилищное строительство для рыбной и угольной промышленности. Однако конкретных заданий на этот счет в постановлении не содержалось.

Особо было выделено переселение на Дальний Восток красноармейцев. Наркомзему СССР и Реввоенсовету Союза предписывалось обеспечить в 1931 г. переселение и устройство в красноармейских колхозах ДВК не менее 40 тыс. уволенных из рядов армии красноармейцев, ус-

тановив для этих колхозов специальное повышенное финансирование и обеспечив их обслуживанием машинотракторными станциями с количеством тракторов не менее 2000 штук. Предполагалось совместно с краевыми организациями разработать план красноармейского заселения края на остающиеся годы пятилетки. Было предложено Реввоенсовету Союза «при призыве вербовать в войска ОДВА из районов аграрно перенаселенных» [7: л. 31]. Обращает на себя внимание обстоятельный, конструктивный характер постановления, реализация которого могла бы решить многие застарелые проблемы дальневосточной окраины. Вместе тем на нем лежала печать чрезвычайности, которая была присуща в это время всем действиям в Советском Союзе. Благодаря Я.Б. Гамарнику, дальневосточные проблемы впервые масштабно были поставлены перед центральными органами власти.

В беседах с министром иностранных дел и журналистами Японии Сталин, очевидно, стремясь расположить собеседников, иногда называл себя «азиатом», имея в виду, что Грузия, выходцем из которой он был, на юге соседствовала с азиатскими странами – Турцией и Ираном. Но об Азии Сталин имел поверхностные представления, мало он знал и о советском Дальнем Востоке. Это его беспокоило, он старался получить как можно больше неформальной (не из газет) информации о Дальневосточном крае, о его экономических возможностях и состоянии обороноспособности. С этой целью в 1931 г. в командировку в ДВК был направлен нарком К.Е. Ворошилов.

В июле 1931 г. на стол генсеку легли перехваченные советской разведкой секретные японские документы – «Резюме беседы посла Хирота с генерал-майором Харада» (1 июля 1931 г.) и «Конспект доклада, сделанный его превосходительством генерал-майору Харада» [4: с. 292–295].

Читая небольшое резюме беседы японского посла в СССР с известным в Японии генералом, Сталин подчеркнул карандашом следующие слова: «...считаю необходимым, чтобы Япония стала на путь твердой политики в отношении Советского Союза, будучи готовой начать войну в любой момент...». И далее он прочитал: «Кардинальная цель этой войны должна заключаться не столько в предохранении Японии от коммунизма, сколько в завладении советскими Дальним Востоком и Восточной Сибирью». Последние четыре слова генсек подчеркнул.

В первом разделе конспекта доклада, озаглавленном «Общее положение в Советском Союзе», говорилось о том, что система полити-

ческого правления в СССР является самой настоящей абсолютистской диктатурой, что производительность в Советском Союзе по сравнению с капиталистическими государствами весьма низка, «население Советского Союза слепо повинуется правительству и переносит всяческие лишения», что в дальнейшем сепаратистские движения (Украина, Кавказ, Туркестан) и разногласия внутри партии станут «гангреной советской государственности и особенно пагубную роль могут сыграть во время войны» и т. д.

Во втором разделе «Вооруженные силы СССР», утверждалось, что «...в принципе СССР вовсе не агрессивен. Вооруженные силы организуются исходя из принципа самозащиты. Советский Союз питает страх перед иностранной интервенцией». Напротив приведенных цифровых показателей о наличии в СССР количества танков, самолетов, выпуске самолетов и т. д. Сталин на полях написал: «Верно? Верно? Вверно?»

В третьем разделе «Выводы» он прочитал: «Рассматривая общее состояние страны, можно заключить, что в настоящее время СССР не в силах вести войну» и на полях написал: «Тэк-с...».

А главный вывод гласил: «Настоящий момент является исключительно благоприятным для того, чтобы наша империя приступила к разрешению проблемы Дальнего Востока».

Последний тезис не мог не вызвать у генсека сильную рефлекссию, ведь в нем без обиняков утверждалось: «Если мы сейчас, проникнутые готовностью воевать, приступим к разрешению проблемы Дальнего Востока, то мы сможем добиться поставленных целей, не открывая войны. Если же паче чаяния возникнет война, то она не представит для нас затруднений». На полях он написал: «Значит, мы до того запуганы интервенцией, что сглотим всякие издевательства?» На первой странице материалов генсек написал: «Тов. Гамарнику. Важно» [4: с. 292].

Серьезность своих намерений Япония подтвердила, когда 18 сентября 1931 г., после спровоцированного инцидента на железной дороге, начала вооруженное вторжение в Маньчжурию. Оккупация Японией трех автономных провинций Китайской республики и выход Квантунской армии на дальневосточную границу СССР стало сигналом SOS для советского руководства.

После японской оккупации Маньчжурии советское руководство неоднократно заявляло о невмешательстве в конфликт между разными странами. Советское правительство с помощью дипломатии стремилось отодвинуть военную опасность от Дальнего Востока.

Еще недавно для дальневосточных пограничников основными нарушителями границы являлись хунхузы, контрабандисты и русские, с разной целью переходившие границу и с той, и с другой стороны. Теперь на территории Маньчжурии оказалась регулярная, хорошо вооруженная армия страны, правящие круги которой строили агрессивные планы. В небе над советско-маньчжурской границей стали появляться японские самолеты. Их регулярное появление в небе над Амуром, над Хабаровском выводило из себя командование ОКДВА. Летом 1932 г. Блюхер направил Ворошилову телеграмму, в которой предлагал обстрелять японские аэропланы, как только они перелетят через границу, т. е. через середину Амура.

Л.М. Каганович, который оставался за «главного» во время отпуска Сталина, собрал Дальневосточную комиссию, которая высказалась категорически за запрет стрелять и обязала по таким случаям точно информировать Москву. Было высказано мнение, что нельзя разрешать командиру роты или взвода определять, когда стрелять, когда нет. Мы не гарантированы, что незначительная группка японских фашистов-военных сможет нас спровоцировать на войну, и решение таких вопросов должно быть в руках центра. В письме Сталин написал: «Решение Дальвосткомиссии насчет категорического запрета стрелять без разрешения Москвы (т. е. СНК и ЦК) совершенно правильно. Ясно, что подобные вопросы и «инциденты», которые таят в себе опасность «неожиданно развязать войну, должны решаться во всех мелочах исключительно Москвой. Советую держаться до конца этой установки и не поддаваться (ни в коем случае) воплям т. Блюхера» [9: с. 135].

В соответствии с Постановлением комиссии обороны при СНК СССР от 13 января 1932 г. началось ускоренное увеличение численного состава дальневосточной группировки войск, было принято решение о создании в кратчайшие сроки морских сил Дальнего Востока. Расходы на капитальное строительство в Дальневосточном крае в 1932 г. превысили уровень 1928 г. в пять раз. В основном они шли на оборонные объекты. Расходы на техническое перевооружение войск увеличились в 10 раз по сравнению с 1929 г. [6: с. 107–108].

Организационное совершенствование группировки войск на Дальнем Востоке, рост ее численности – в 1932 г. по сравнению с 1929 г. – втрое, их техническое перевооружение, укрепление пограничных войск – все это, несомненно, значительно повысило степень военной безопас-

ности восточных рубежей СССР. Но это было только начало.

Вопросы укрепления обороноспособности советского Дальнего Востока Сталин взял под свой личный контроль. Из письма Ворошилова Гамарнику (декабрь 1931 г.): «Очень хорошо, что Сталин взялся вплотную за Дальвосток и промышленность. Особенно хорошо, что мы будем иметь помощь Сталина при разрешении вопросов с промышленностью» [8: с. 163].

Из письма К.Е. Ворошилова Я.Б. Гамарнику (январь 1932 г.): «Сталин вплотную занимается вопросами Дальнего Востока, и только поэтому удалось заставить промышленность взяться за сооружение 30 подлодок (в этом году) 130–140 т. водоизмещения на Ленинградском и Николаевском судостроительных заводах. Кроме того, промышленность взялась сделать в 1932 г. 60 штук броневагонов» [8: с. 186]. Из письма Сталина Ворошилову (30 июня 1932 г.): «Шесть бомбовозов для Дальвостoka – пустяк. Надо послать туда не менее 50–60 ТБ-3¹. И это надо сделать **побыстрее**. Без этого оборона Дальвостoka – пустая фраза» [8: с. 186].

Я.Б. Гамарник стал самоотверженным представителем Сталина, политического руководства страны на Дальнем Востоке. Он выступал в трех ипостасях: зам. наркома обороны, члена Оргбюро и члена ЦК ВКП(б), которые синтезировались в его должности – председатель комиссии ЦК ВКП(б) и СНК по вопросам укрепления обороноспособности Дальнего Востока. Ежегодно, за исключением 1935 г., Гамарник покидал свой московский кабинет и по заданию советского руководства отправлялся в ДВК, где находился по несколько месяцев.

В дальних командировках Я.Б. Гамарника сопровождали ответственные работники наркоматов и военные. Все помещались в одном вагоне, располагавшем максимумом удобств. Вагон являлся гостиницей, кабинетом, а иногда и военным штабом.

Первым пунктом для остановки являлась Чита, где дислоцировался штаб Забайкальской группы войск ОКДВА, потом Хабаровск, где находилось партийно-политическое и военное руководство Дальневосточного края. В Никольск-Уссурийске располагалось командование Приморской группы ОКДВА, и здесь же вблизи про-

водились учения. Наконец, Владивосток, главная военно-морская база Дальнего Востока. Вагон Я.Б. Гамарника, словно ткацкий челнок, перемещался по этому маршруту.

Сложилась такая практика: все поездки Я.Б. Гамарника на Дальний Восток согласовывались со Сталиным, который зачастую их и инициировал. Как правило, перед поездкой он принимал Гамарника, определял главный круг проблем, а иногда формулировал и цель поездки. Нередко Гамарнику после командировок приходилось докладывать генсеку о проделанной работе, обозначать проблемы, решение которых затем выносилось на Политбюро. Так, в январе 1932 г. Политбюро по докладу Сталина «приняло решение по вопросу телеграммы т. Гамарника» (он находился в ДВК – Н.Д.) о строительстве в Приморье цементного завода и о поставках оборудования [8: с. 186]. По предложению Гамарника и Тухачевского Политбюро в сентябре 1933 г. приняло решение сформировать из военнообязанных две бригады общей численностью в 15 тыс. человек для дорожного строительства на Дальнем Востоке по подобию железнодорожного корпуса. Совместно с наркомом тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе Гамарником были разработаны предложения о строительстве бензохранилища в ДВК, которые были приняты Политбюро ЦК ВКП(б). Судя по опубликованному каталогу «Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний 1919–1952» (том II, 1930–1939 гг.), как правило, ни один вопрос по Дальнему Востоку без участия Гамарника не обсуждался.

Особенно напряженным для Яна Борисовича оказался 1932 г. В начале года, когда двухмесячная командировка подходила к концу, Гамарник из Владивостока в Москву послал телеграмму с сообщением о том, что запланированная работа полностью выполнена, и он просит разрешения вернуться в столицу. Однако Центральный комитет партии и Совнарком поручили Гамарнику подыскать в нижнем течении Амура место для нового города, для строительства судостроительного и авиационного заводов. Для решения этой ответственной задачи была создана под руководством Я.Б. Гамарника комиссия. С большим трудом преодолев часть пути, у села Троицкое комиссия впервые встретила местных жителей, которые и сообщили, что дальше проехать нельзя, можно утонуть. На присланном Блюхером самолете члены комиссии приземлились прямо на лед. Находясь в селе Пермское двое суток, комиссия тщательно изучала оба берега

¹ ТБ-3 – первый серийный тяжелый бомбардировщик. Впервые был поднят в воздух в феврале 1932 г.

Амура, стараясь найти наилучшее место для расположения будущего города. В Хабаровске между Гамарником и Берговиновым возникли разногласия. Гамарник считал, что город надо строить на левом берегу, исходя из рельефа местности. Берговинов доказывал целесообразность строительства города на том же амурском берегу, на котором находится и Хабаровск, т. е. на правом, что облегчит проведение коммуникаций с центром края. Не договорившись, спорщики обратились в Москву. На исходе третьих суток из столицы пришла телеграмма, о том, что мнение Гамарника поддерживали ЦК ВКП(б) и Совнарком как более обоснованное.

Гамарник считал, что секретарь ЦК ВЛКСМ А.В. Косарев, которого считал умным энергичным вожаком молодежи, человеком дела, сможет поднять молодежь на строительство города в тайге. Так, в обширный круг деятельности Яна Борисовича вошла обязанность следить за ходом строительства нового города, за снабжением стройки материалами и оборудованием.

Поздней весной 1932 г. Ян Борисович вернулся из длительной тяжелой поездки на Дальний Восток. А летом вновь возникла перспектива командировки в ДВК. В связи с этим Ворошилов обратился к Сталину, отдыхавшему на юге, с просьбой отменить эту командировку.

«Дорогой Коба, – писал Ворошилов, – хочу тебя убедительно просить: нельзя ли отменить посылку Гамарника на ДВК, так как без него мне исключительно тяжело работать... Двое других заводов с этой стороны ... мало пригодны. Можно было бы вместо Гамарника послать кого-нибудь другого или пока совсем никого не посылать, а делами ОКДВА заняться на время отпуска Блюхера (обязательного и немедленного) В.К. Путна. Очень прошу твоего согласия, тем паче и сам Гамарник неважно себя чувствует и поедет, разумеется, но с тяжелым чувством» [8: с. 185].

Сталин ответил, что он не возражает против оставления Гамарника в Москве, но при условии, «...чтобы Блюхер получил отпуск для лечения, а дело на Дальвостоке не могло пострадать **ни в какой мере**» [8: с. 186].

Начало строительства на Амуре судостроительного и авиационного заводов и связанное с этим увеличение грузов, направлявшихся на восток, рост других перевозок выявили катастрофическое положение железнодорожного транспорта на Дальнем Востоке. Реакция Политбюро была незамедлительной. На заседании 1 декабря 1932 г. оно поручило комиссии в составе Гамарника (председатель), Андреева, Косиора и др.

выработать на основе обмена мнений проект мероприятий по вопросам улучшения работы железных дорог Дальнего Востока. Уполномоченным ЦК и СНК по железнодорожному делу был назначен Гамарник. Находившийся в отпуске Ворошилов, в письме Яну Борисовичу интересовался, «...что за сан – уполномоченного по железнодорожному движению на Дальнем Востоке, в который Вы облечены... На ДВ нужно хорошенько осмотреться вокруг себя и постараться подобрать вожжи ... Вам предстоит чертовски большая работа в течение короткого времени» [8: с. 193].

Уже 27 декабря 1932 г. Гамарник послал Сталину и Молотову доклад о положении дел на железной дороге. В нем говорилось: «1) положение оказалось значительно хуже, чем мы его определили в Москве. Фактически дорога парализована и представляет собою склад на колесах, процент больных паровозов достигает 47, на дороге 10 000 лишних вагонов и 120 брошенных на полевых станциях составов; 2) такое положение является результатом полного развала дисциплины сверху донизу, крайне плохой работы дирекции дороги, отсутствия партийно-массовой работы, неподготовленности к зиме, необходимого жилья для рабочих и служащих и плохого продовольственного снабжения...» [10: с. 38].

Комиссия под руководством Гамарника приняла экстренные меры по ликвидации серьезных сбоев работы железной дороги в регионе. В депо были направлены работники крайкома, военные политработники и работники ОГПУ для очистки дороги от «всякой сволочи» и разъяснительной политико-массовой работы, было упорядочено продовольственное снабжение железнодорожников и ускорена отправка порожних вагонов на запад под погрузку угля. Одновременно бюро Далькрайкома ВКП(б) обсудило вопрос о работе Уссурийской железной дороги и признало ее неудовлетворительной. За 10 месяцев 1932 г. на дороге произошло около 3 тыс. крушений, более чем в два раза снизилась передача грузов с Забайкальской дороги. Причина этих срывов объяснялась развалом трудовой дисциплины. На Уссурийской и Забайкальской железных дорогах были назначены военно-железнодорожные директора.

Гамарнику довелось принимать участие в создании планов строительства важнейших железнодорожных объектов, помогать в решении проблем кадров, наблюдать за сроками работ. Чрезвычайная политика, принятая на Дальнем Востоке, была затем распространена на все железные дороги СССР.

Во время командировки 1933 г. Ян Борисович с удовольствием встретился с новым секретарем Далькрайкома партии Л.И. Лаврентьевым, товарищем по большевистскому подполью в Киеве, опытным партийным руководителем и другом.

В каждую поездку на Дальний Восток Гамарник старался посетить стройку на Амуре, на которой, впрочем, среди строителей появились и военные, и заключенные. На лесах строек, в бараках, клубах он беседовал со строителями, выяснял их нужды, выслушивал претензии и просьбы, разъяснял ситуацию.

В августе 1933 г. строительную площадку на Амуре Гамарник посетил вместе с инспектором морских сил РККА Муклевичем, секретарем крайкома партии Лаврентьевым и председателем Далькрайисполкома Крутовым. После личного ознакомления и осмотра площадки, бесед со строителями состоялось собрание актива стройки, на котором Гамарник сказал: «Партия и правительство уделяют огромное внимание вашему строительству, потому что оно имеет исключительное значение не только для Дальневосточного края, но и для всей нашей страны. Страна дала очень много вашему строительству – транспорт, механизмы, оборудование. Сейчас форсируются изыскательские работы по прокладке шоссейной дороги Хабаровск – Комсомольск. Принимаются меры к организации бесперебойной автосвязи с Комсомольском в зимнее время по льду. Отпущено немало средств и намечен ряд других мероприятий, направленных на облегчение и ускорение строительства. Нет сейчас в ДВК таких строек, которым партия и правительство уделяли бы большее внимание, чем вашей стройки! Сейчас самыми важными точками в ДВК являются Владивосток и Комсомольск» [1].

10 октября 1933 г. Ворошилов направил отдыхавшему на юге Сталину шифровку следующего содержания: «Гамарник просит разрешить приехать на время в Москву для доклада и постановки ряда вопросов по Дальнему Востоку перед ЦК, СНК и наркоматами. Имею сведения о плохом состоянии здоровья Гамарника. Прошу согласия на 2-недельный приезд Гамарника, пребывающего в данный момент в Чите». В тот же день Сталин дал ответ, направленный Кагановичу, Молотову и Ворошилову. «Не возражаю против приезда Гамарника на 2 недели, но считаю необходимым, чтобы через две недели он возвратился на Дальний Восток. Имейте в виду, что японцы готовят нам войну, и мы должны быть всегда начеку» [9: с. 382].

Уже через 9 дней, когда Гамарник находился в Москве, состоялась его беседа с Ворошиловым, Сталину была отправлена новая шифровка за подписью наркома обороны. «Гамарник обязательно должен доложить тебе о положении ОКДВА, Далькрае и Востсибкрае. Не следует ли ему выехать к тебе с этой целью. Жду ответа». В тот же день Сталин дал согласие на встречу с Гамарником в Гаграх [9: с. 382]. После встречи со Сталиным Ян Борисович снова отправился в ДВК и вернулся в Москву лишь в самом начале ноября 1933 г. А 5 ноября он уже был на продолжительном приеме у Сталина.

Кстати, о приемах Сталина. Согласно опубликованным тетрадам (журналам) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924–1953 гг.) в Кремле, а были приемы и в других местах, где они не фиксировались, Я.Б. Гамарник с 1930 по 1937 гг. был у Сталина 56 раз, т. е. его 56 раз вызывал генсек² [5]. Приемы носили разные временной и персональный форматы. Иногда генсек вызывал Гамарника перед командировкой на Дальний Восток, и зачастую продолжительная беседа шла с глазу на глаз. Как это произошло перед первой командировкой на Дальний Восток в апреле 1930 г. Большинство приемов проходило с участием нескольких заинтересованных лиц и превращались в своеобразные совещания. Так, 2 декабря 1932 г. Гамарник провел в сталинском кабинете свыше 7 часов: на приеме с 15 до 18 час. 20 мин. он был вместе с Маркевичем, Лобовым, Юркиным и Межлауком, а с 21:15 до 24 час – вместе с Микояном, Орджоникидзе, Рудзутаком. На приемах у Сталина зачастую принимались предложения и решения, которые нигде не фиксировались, но которые носили обязательный характер. Приемы, игравшие роль организационной структуры при генсеке, противоречили уставу ВКП(б), снижали значение Политбюро ЦК партии как коллективного органа, способствовали установлению единоначалия – диктатуры Сталина.

При всем разнообразии вопросов, которые решал Ян Борисович в ДВК, на первом плане находились вопросы повышения боеспособности ОКДВА, ее технического оснащения, укрепления дальневосточной границы, создания военно-промышленного потенциала края.

Гамарник участвовал в реорганизации ОКДВА, которая была создана по приказу РВС

² Подсчеты автора.

СССР от 6 августа 1929 г. и которая дислоцировалась на территориях ДВК, Бурят-Монгольской АССР, Иркутского округа Сибирского края. Такое расположение войск сильно затрудняло управление ими, создавало большие трудности для оперативных решений. В 1932–1933 гг. с целью повышения оперативного управления войсками в составе ОКДВА были сформированы на правах неотдельных армий Забайкальская и Приморская группы войск, а также укреплены войсками районы Владивостока, Де-Кастри, Николаевска-на-Амуре. Командованию в оперативном отношении также подчинялись пограничные войска ДВК, Уссурийская и Забайкальская железные дороги, Краснознаменная Амурская военная флотилия (по приказу НКО СССР от 8 августа 1935 г.).

С целью разукрупнения военного округа в 1935 г. на базе Забайкальской группы войск ОКДВА с присоединением части войск Восточно-Сибирского края и Якутской АССР был создан Забайкальский военный округ (ЗабВО) с управлением в г. Чите. Командующим новым округом стал И.К. Грязнов. Приказом НКО СССР от 17 мая 1935 г. на базе ОКДВА во главе с В.К. Блюхером был создан Дальневосточный военный округ, за которым сохранялось название ОКДВА.

С созданием Забайкальского военного округа ОКДВА стала значительно компактнее, что создавало условия для повышения уровня оперативного управления войсками. С другой стороны, поставленный во главе неотдельной Приморской группы войск опытный военачальник И.Ф. Федько в некоторой степени стеснял действия командующего ОКДВА, что не мог не почувствовать В.К. Блюхер.

Участвуя в военных учениях дальневосточной армии, Я.Б. Гамарник активно влиял на повышение ее боеспособности, на рост ее военного мастерства. На Военном совете при наркомате обороны в 1934 г. начальник ПУ подчеркнул: «На Дальнем Востоке мы видели, как хорошо отрабатывались схемы (имелись в виду картографические планы проведения учений – *Н.Д.*), а на поле боя ничего не делалось» [2: с. 242].

Говоря о значительной неравномерности боевой подготовки по округам, на Военном совете 1935 г. Я.Б. Гамарник особо подчеркнул, что «недостаточно еще подтянулись ОКДВА и ЗабВО, а эти две... должны быть прекрасно подготовлены». Обращаясь к Блюхеру, добавил: «Да, к сожалению, боевая подготовка вашей армии, Василий Константинович, все еще не такова, какой

она должна была бы быть, учитывая обстановку на Дальнем Востоке» [2: с. 55].

А обстановка на дальневосточной границе была как никогда и нигде напряженной. Не проходило и месяца, чтобы японцы не забросили вооруженные группы с разведывательными и провокационными целями на советскую территорию. 12 октября 1935 г. японцы произвели высадку в глубь нашей территории довольно значительными силами. Произошло «настоящее, правда, маленькое, сражение наших пограничников с японцами» [3: с. 454], для которых оно окончилось довольно печально. Они потеряли в этой стычке около 30 человек убитыми и до 40 – ранеными, причем значительная доля потерь причинена огнем их же подкрепления.

На попытку японцев и маньчжуров использовать для своих судов Амурскую протоку, что дало бы им возможность плавать мимо Хабаровска, наших военных и оборонно-хозяйственных объектов, советской стороной было решительно заявлено, «...что ни при каких условиях прохода их судов через Казакевичеву протоку не допустим» и для подкрепления заявления были выдвинуты на позиции основные силы Амурской военной флотилии с приказом – не пустить японцев в эту протоку» [3: с. 455]. После этого прекратились попытки в нее заходить.

В течение нескольких лет командование ОКДВА отрабатывало действия войск в условиях горно-таежной местности. Слова Блюхера на Военном совете в 1935 г. о том, что войска для действий в этих обстоятельствах ни лично, ни организационно не подготовлены, заставили наркома без обиняков поставить острые, неприятные вопросы: «Чему же вы тогда научились за четыре года непосредственной военной опасности, когда мы вам ничего не жалели и давали все вне всякой очереди? Что же, война должна была стрястись, чтобы вы по-настоящему научились воевать? Или вы хотите воевать только в низменных местах, долинах, на плоскостях? Не нужно ли договориться с японцами, в какой местности мы согласны драться и в какой – не согласны?» [3: с. 477].

Ворошилов иронизировал, рассказывая о командирах, которые размалевали карты, наметили маршруты на картах, рассчитали время и двинули вперед войска, которые готовились во круг своих казарм. В результате полк заблудился, и два дня не могли его найти... «вы хоть бы прочитали Арсеньева «В дебрях Уссурийского края» – и то многому научились бы, – советовал нарком командующему. – Он там прекрасно описывает условия гор и тайги Приморья, дает мно-

го конкретных данных об ущельях, об их характере, о таежных болотах, о районе озера Верхняя Ханка (Малая Ханка – Н.Д.), об общем характере местности» [3: с. 478].

Впрочем, все военные, в том числе и нарком, понимали, в каких чрезвычайных, неординарных условиях находится ОКДВА и ее командный состав. «Достижения у вас значительные, – примирительно сказал в заключение нарком, – и то, что вы полезли в горы, поняли, что этим делом нужно заниматься, – это очень хорошо» [3: с. 479].

При огромных масштабах военного строительства в ДВК планы возведения ангаров и бензохранилищ не выполняли ни армия, ни военноморской флот. И летом и зимой самолеты стояли на аэродромах вне укрытий. По выражению начальника управления Военно-Воздушных сил РККА, командарма 2-го ранга Я.И. Алкниса, «самолеты гниют». «Я буду просить народного комиссара, – сказал он на Военном совете в 1935 г., – издать приказ о том, чтобы прекратили подачу самолетов до тех пор, пока не построят ангаров» [3: с. 453].

Вообще, проблема укрепления технической базы авиации как основы и боеспособности ДВК решалась с большим трудом. Оказывалось, отправить десятки самолетов в край проще, чем где-нибудь в тайге, в стороне от железной дороги на аэродроме возвести ангар и бензохранилище.

При росте численности РККА снабжение обмундированием красноармейцев тоже оказалось слабым звеном. В зимних условиях, при бесснежной зиме валенки, в которые были обуты красноармейцы, через месяц носки выходили из строя. При содействии Гамарника в 1933 г. Дальневосточная армия получила значительные ресурсы валеной теплой обуви.

Одной из особенностей ОКДВА, ставившей ее по сравнению с другими в неравное и тяжелое положение, являлась необходимость самой обеспечивать себя продовольствием. Идея о самообеспечении армии продовольствием родилась у Гамарника во время почти полугодичной командировки зимы 1931–1932 гг. Заручившись поддержкой В.К. Блюхера, Ян Борисович поставил продовольственный вопрос на Политбюро, которое в марте 1932 г. приняло постановление о формировании на Дальнем Востоке в составе ОКДВА Особого колхозного корпуса (ОКК). Перед ним была поставлена задача освоить богатейшие целинные и залежные земли, обеспечить население Дальнего Востока и армию продовольствием, значительно сократить ввоз хлеба и

мяса из Сибири и тем самым укрепить безопасность дальневосточных границ СССР. Командиром ОКК был назначен комкор М.В. Калмыков.

Уже в 1934 г. силами корпуса было собрано зерна 1 330 000 пудов, урожайность составила: пшеницы – 6,4 центнера, овса – 8,2 центнера с гектара при урожайности в колхозах – 6 центнеров. К этому времени на фермах корпуса имелось 7 000 голов рогатого скота, 17 000 свиней. В подсобных хозяйствах было выловлено 43 200 пудов рыбы, собрано в пчеловодческом хозяйстве 9 000 пудов меда. Силами корпуса было засеяно 103 000 га, поднято 30 000 га паров. Эти результаты были достигнуты благодаря тому, что начсостав и бойцы в летнюю пору работали по 14–16 часов в сутки без выходных. Прав был Калмыков, когда утверждал, что «...ни одна из частей РККА такой нагрузки, как наши части, не имеет» [2: с. 334]. Я.Б. Гамарник назвал эту нагрузку «зверской», т.к. от боевой подготовки эти части не освобождались.

Наркомат обороны и командование ОКДВА располагали разведывательными данными о наращивании численности Квантунской армии в Маньчжурии. К 1937 г. она уже насчитывала более 400 тыс. солдат и офицеров, что составляло две трети численности вооруженных сил Японии. Армия имела на своем вооружении свыше 400 танков, свыше тыс. орудий, 500 самолетов [12: с. 262]. Командовал Квантунской армией опытный генерал Уэда.

Чтобы не дать повода захватническим действиям Японии, необходимо было противопоставить ей на советском Дальнем Востоке мощную военную силу в лице ОКДВА и военноморских сил. Эту задачу форсированным путем в 1930-е годы и решало партийно-политическое руководство СССР, в том числе и Гамарник. Дальневосточная армия была значительно усилена соединениями и частями, переброшенными с запада. Формировались новые стрелковые корпуса, значительно увеличилась численность стрелковых дивизий. В приоритетном порядке ОКДВА снабжалась вооружением и техникой. К началу 1937 г. на дальневосточных рубежах была сосредоточена четвертая часть сухопутных войск Красной армии. На вооружении они имели до 17 % орудий и минометов и свыше 22 % танков от общего количества их в этом виде Вооруженных сил СССР [12: с. 262]. Небо советского Дальнего Востока надежно защищала авиация, а Тихоокеанское побережье – военноморские силы.

В 1936 г., спустя год после последнего посещения Дальнего Востока, Гамарник вновь ока-

зался в дальней дороге. Вместе с ним были заместитель начальника Генерального штаба В.Н. Левичев, заместитель наркома оборонной промышленности Р.А. Муклевич и неизменный секретарь И.М. Рачков.

В Чите Гамарника встретил командующий войсками ДВА В.К. Блюхер. В районе Карымская-Даурия, под командованием И.К. Грязнова прошли учения войск Забайкальского военного округа, в которых участвовала кавалерийская дивизия, возглавляемая Константином Константиновичем Рокоссовским. Учения прошли успешно, и Гамарник похвалил командный состав и бойцов, но вместе с тем посоветовал и дальше совершенствовать боевую выучку, добиваться еще более высоких показателей.

Через две недели Я.Б. Гамарник и сопровождавшие его москвичи были в г. Никольске-Уссурийском, который в 1935 г. был переименован в г. Ворошилов, на учениях Приморской группы ОКДВА. Учения продолжались трое суток и «красные» и «синие» действовали энергично и умело, по всему фронту и та и другая сторона имели разведку, четко взаимодействовали пехота и боевая техника. Несмотря на неблагоприятную погоду – дождь, – чрезвычайно трудную горно-лесистую местность бойцы и начсостав проявили высокий интерес к учениям и при выполнении поставленных боевых задач показали пример отваги, мужества и искусного владения первоклассной техникой. Особо удачными были действия механизированных частей «красных», нанесших удар во фланг и тыл «синих». Ярким моментом учений явилось форсирование водной преграды.

На состоявшемся в г. Ворошилове параде войск с краткими речами выступали Гамарник, Блюхер, Федько. «Я видел, – подчеркнул замнаркома обороны, – отчетливое понимание и знание бойцами, командирами поставленных перед ними задач, настойчивость и инициативу в их выполнении, громадную выносливость бойцов, высокую мобильность, искусное владение боевой техникой, образцовую дисциплину...» [11]. Такую высокую оценку войска ОКДВА заслужили впервые.

Поездка на границу убеждала в том, что она укреплена, что на ней служат отважные пограничники. Прославленный следопыт И.Ф. Карачупа с четвероногим помощником Ингусом задержал более 200 нарушителей дальневосточной границы. Но на границе по-прежнему было тревожно, японцы постоянно устраивали различные провокации, обстреливали пограничные наряды

и нарушали границу, где встречали достойный отпор наших пограничников.

26 сентября Ян Борисович прибыл во Владивосток для участия в тактических учениях Тихоокеанского флота, решение о создании которого ЦК ВКП(б) и правительство приняли в апреле 1932 г. Тогда с Балтийского и Черного моря во Владивосток по железной дороге были переброшены подводные лодки, торпедные катера, береговая артиллерия и другая боевая техника. Вместе с ними моряки-балтийцы и черноморцы прибывали служить на Тихом океане и становились тихоокеанцами. Форсированными методами строились аэродромы, укрепления для береговой артиллерии, пункты базирования кораблей. Транспортные и промысловые суда переоборудовались под минные заградители и тральщики. Совершенствовалась главная военно-морская база – Владивосток. В середине 30-х гг. (11 января 1935 г.) выросшие в количественном и качественном отношении военно-морские силы Дальнего Востока были переименованы в Тихоокеанский флот.

Тактические учения Тихоокеанского флота прошли успешно. Гамарник с нетерпением ожидал еще одну встречу – с Комсомольском-на-Амуре. Из беседы с Лаврентьевым он знал, что в городе уже насчитывается около 60 тыс. жителей, закончена постройка на Дземгах авиационного завода, полным ходом идет строительство мощного судостроительного завода, начато строительство металлургического завода. Гамарник побывал на всех заводах и стройках, встретился и побеседовал с руководителями. Здесь Ян Борисович еще раз наглядно убедился как масштабно реализуются замыслы, к которым он был непосредственно причастен.

Положительные впечатления на замнаркома обороны произвели и хабаровские заводы – им. Кагановича, им. Молотова, им. Горького и нефтеперегонный завод им. Орджоникидзе. Впервые Гамарник посетил предприятия и стройки нового города Биробиджана, интересовался из каких мест приехали евреи-переселенцы на Дальний Восток, какие надежды они с ним связывают. Дальняя окраина СССР превратилась в настоящую новостройку. За два года были построены и введены в эксплуатацию 23 новые электрические станции, а мощность вырабатываемой электроэнергии увеличилась в два раза. Завершалось строительство крупнейшей в крае электростанции в Артеме. Угольщики Сучана, Сахалина, Артема и других копий увеличили добычу угля во много раз. С превышением планов работали

предприятия рыбной и лесной промышленности. В крае произошел внушительный рост перевозок железнодорожного, морского и речного транспорта.

Все время пребывания в поездке Ян Борисович находился в приподнятом, бодром настроении. Как никто другой, он хорошо знал, каким был Дальний Восток в начале установления здесь Советской власти, и мог по достоинству оценить скачок в его социально-экономическом развитии, в укреплении обороноспособности. Возможно, он испытывал гордость за то, что лично участвовал в этом трудном, но эффективном процессе. Все, что он увидел, узнал, почувствовал на Дальнем Востоке еще более укрепило его веру в социализм, как динамично развивающееся справедливое общество, дающее равные права для своих граждан во всех сферах жизни.

Резюмируя сказанное, следует подчеркнуть, что заместитель наркома обороны СССР, начальник Политического управления Красной армии Я.Б. Гамарник внес выдающийся личный вклад в реализацию партийно-политического курса на создание на Дальнем Востоке военно-промышленного потенциала. Экономическое и военно-оборонительное укрепление Дальневосточного региона, успешные действия Красной армии совместно с Монгольской народной армией в отражении японской агрессии на реке Халхин-Гол (1939 г.) заставили правительственные круги Японии отказаться от планов вступления в войну против СССР. Так была предотвращена угроза для Советского Союза вести войну на два фронта – против немецко-фашистских захватчиков на западе и японских милитаристов – на востоке.

Судьба Я.Б. Гамарника, как и судьба многих тысяч советских людей, живших в 1930-е годы, оказалась трагической. Свято веривший в идеалы социализма и самоотверженно стремившийся их претворить в жизнь, романтик по натуре, обладавший чувством социальной совестливости, Ян Борисович Гамарник в обстановке начавшегося массового террора 1937 г. покончил жизнь самоубийством. Таким образом он выразил свой про-

тест сталинской репрессивной политике в отношении видных военачальников Красной армии, обвиненных в «антисоветском, шпионском, военно-фашистском заговоре». Уже после смерти он тоже был причислен к числу заговорщиков. Реабилитирован в 1955 г. В знак признания заслуг Я.Б. Гамарника его именем названы улицы в Хабаровске, Комсомольске-на-Амуре и Владивостоке.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Амурский ударник. – 1933. – 24 августа.
2. Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Декабрь 1934 г.: Документы и материалы. – М.: РОССПЭН, 2007. – 534 с.
3. Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Декабрь 1935 г.: Документы и материалы. – М.: РОССПЭН, 2008. – 568 с.
4. Лубянка: Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД: Архив Сталина: Документы высших органов партийной и государственной власти: январь 1922 – декабрь 1936 гг. ; под ред. А.Н. Яковлева; сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. – М.: Международный фонд «Демократия» 2003. – 912 с.
5. На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924–1953 гг.). Справочник. – М.: Новый хронограф, 2008. – 784 с.
6. Песков, В.М. Военная политика СССР на Дальнем Востоке в 30-е годы XX века / В.М. Песков. – Хабаровск: Хабар. гос. пед. ун-т, 2000. – 334 с.
7. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 17. – Оп. 3. – Д. 790.
8. Советское руководство: Переписка. 1928–1941 / Ин-т гос. упр. и соц. исслед. Моск. гос. ун-та им. М.В. Ломоносова и др. – М.: РОССПЭН, 1999. – 519 с.
9. Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936. – М.: РОССПЭН, 2001. – 798 с.
10. Тэраяма, К. Военизация (милитаризация) железных дорог на Дальнем Востоке СССР (1931–1934 гг.) / К. Тэраяма // Гуманитарные науки в Сибири. – Новосибирск, 1999. – № 2.
11. Тихоокеанская звезда. – 1936. – 26 сентября.
12. Янгузов, З. Забвенья нет. Страницы жизни и полководческой деятельности маршала Советского Союза В.К. Блюхера / З. Янгузов. – Хабаровск: Хабаровское книжное изд-во, 1990. – 333 с.

ОПЫТ СОЗДАНИЯ СОВЕТСКОЙ ПРАЗДНИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ В ГОРОДАХ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В 1920-е годы*

Н.Г. Кулинич

Кулинич Наталья Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой философии и культурологии Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Контактный адрес: kulinich_n_g@mail.ru

В статье рассматривается процесс утверждения официальной советской праздничной культуры в городах Дальнего Востока в 1920-е годы. Основным содержанием этого процесса было вытеснение религиозных и включение в праздничный календарь революционных праздников с целью легитимизации новой советской власти.

Ключевые слова: города Дальнего Востока, праздничная культура, праздничный календарь, демонстрация, парад.

Пространство праздничности стало одним из тех полей, на которых после революции 1917 г. вступили в диалог «старая» и «новая» культуры и их носители. Независимо от того, как оценивался этот диалог: как непримиримая борьба (позиция большевиков) или постепенная ассимиляция «старого» «новым» (восприятие большинства населения); процесс коммуникации праздничных культур включал в себя обе составляющие: борьбу и взаимопроникновение. Поэтому трансформация праздничной культуры осуществлялась по двум направлениям. Во-первых, вводились новые «революционные праздники» и вытеснялись старые «дореволюционные». Во-вторых, происходило заимствование и «осовечивание» веками существовавших праздничных традиций преимущественно религиозных.

Сразу после Октябрьской революции 1917 г. в стране был создан новый праздничный календарь. 2 декабря 1918 г. СНК РСФСР издал «Правила о еженедельном отдыхе и о праздничных днях», позже включенные в Кодекс законов о труде (КЗОТ). Официальными праздничными днями были определены: 1 января – Новый год; 22 января – день 9 января 1905 г. (Кровавое воскресенье); 12 марта – день низвержения самодержавия; 18 марта – день Парижской коммуны; 1 мая – день Интернационала; 7 ноября – день Пролетарской революции. Выбор дней празднования преследовал четкую цель – легитимации в сознании населения совершившейся революции. Производство работ в эти дни воспрещалось, их требовалось посвятить «воспоминаниям об исторических и общественных событиях».

В дальнейшем этот перечень «красных дат» постоянно дополнялся. С 1924 г. днем «двойного траура» стало 22 января – «Кровавого воскресенья» и «Траура по В.И. Ленину». Тогда же в 1924 г. был введен новый праздник – День принятия Конституции СССР (6 июля). В 1927 г. в ознаменование 10-й годовщины Октябрьской революции были установлены дополнительные дни отдыха в дни Интернационала (1 и 2 мая) и Пролетарской революции (7 и 8 ноября).

Кроме того, постепенно в советский праздничный дискурс вводились новые праздники, сакрализующие социальные процессы, происходившие в советском государстве. Отмечалось 8 марта как Международный женский день; 22 апреля праздновался день рождения основателя Советского государства В.И. Ленина; 23 февраля отмечался день Советской армии и Военно-морского флота. Со временем появились и другие памятные даты, закреплявшие позитивные перемены в общественном строе: День учителя, День работника печати, День авиации, День Военно-морского флота и т. д. Но эти праздники не были выходными днями, поэтому в официальный календарь праздников не входили.

Одновременно с введением новых советских праздников отменялись религиозные: Рождество, Крещение, Масленица, Пасха, Троица и т. п. Власти понимали, что именно эти праздники, воспринимавшиеся населением скорее как общенародные, составляли основную конкуренцию вновь вводимым «революционным». Однако сразу категорически запретить их празднование власть не решилась, замена «старого» «новым» в сознании людей происходила постепенно. «Правилами» СНК РСФСР 1918 г. региональным советам профсоюзов было дано право устанавливать (с согласия Наркомата труда), помимо гражданских праздников, так называемые «особые

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 2010-1.2.1-102-016.

дни отдыха», или «обычные для большинства населения данной местности праздники» [3: с. 124]. Фактически речь шла о религиозных праздниках, которые таким образом вплоть до начала 1930-х гг. оставались частью советского официального праздничного календаря. Их постепенное вытеснение из жизни населения осуществлялось, прежде всего, путем неуклонного сокращения дней отдыха: с 10 в 1918 г. до 8 в 1925 г. и 7 в 1927 г. Когда в 1930 г. в КЗОТ были внесены поправки, принятые правительством СССР в конце 1920-х гг., «особые дни отдыха» были сокращены до шести. Теперь в их перечень входили не религиозные праздники, а новые советские: День Конституции СССР (6 июля), Международный юношеский день (4 сентября), День коллективизации сельского хозяйства (14 октября), День индустриализации (15 декабря) и т. д. Таким образом, к началу 1930-х гг. религиозные праздники полностью исчезли из официального праздничного календаря.

Вытеснению религиозных праздников способствовала и борьба с религиозной символикой. В конце 1920-х гг. под предлогом противодействия празднованию Рождества Христова было запрещено наряжать зеленую елку на Новый год [4: с. 266-273]. Только в середине 1930-х гг. после статьи в «Комсомольской правде» второго секретаря Компартии Украины П.П. Постышева, призвавшего вернуть детям рабочих новогоднюю елку и праздник, этот запрет был отменен. Елку вновь стали наряжать, заменив, однако, Вифлеемскую звезду на макушке советской пятиконечной [4: с. 275-296].

Жертвой борьбы с религиозными праздниками в конце 1920-х – начале 1930-х гг. стал даже традиционный для России выходной день – воскресенье. Решением XVI конференции ВКП(б) (апрель 1929 г.) были введены «пятидневки» – пятидневные рабочие недели с единым днем отдыха, приходившимся на пятый день. Благодаря этому избавились от выходного, слишком тесно связанного в сознании россиян с христианской праздничной культурой.

Введение в праздничный календарь «революционных» праздников в качестве главных, маркировавших наиболее значимые для легитимации новой власти моменты и события истории, стало основным направлением трансформации праздничной культуры. Становясь доминантными, они играли важную роль в мифологизации этих событий и формировании советской идентичности. Праздничный дискурс, воплощавший новое видение истории и настоящего, представ-

ляли официальные печатные издания, выходившие к праздникам, визуальные материалы и музыкальное оформление празднеств, уличное декорирование, кино- и театрализованные постановки, маршруты движения демонстраций, фиксировавшиеся ими «места памяти» и многое другое.

Однако, планомерно вытесняя религиозные праздники, советская власть переносила многие элементы их веками складывавшейся обрядности в новую праздничную культуру. Прежде всего, от православных праздничных ритуалов были переняты шествия с портретами вождей, напоминавшие крестные ходы. Кроме того, организовывались митинги, вполне сопоставимые с такими традиционными формами праздничной культуры, как религиозные литургии и молебны. В советских официальных торжествах соединялись элементы традиционной обрядности и новое содержание, закреплявшее иные исторические мифы. Так, например, в ноябре 1922 г. в ходе празднования первого после освобождения от интервентов и белогвардейцев дня Октябрьской революции на торжественном заседании благовещенского городского актива провозглашались традиционные «здравницы». Однако их адресантами теперь были: «Авангард Октябрьской революции – Российская Коммунистическая партия», «Красная армия», «Великая Советская Россия и единый с нею Дальний Восток». Провозглашение «здравниц» в новых условиях сопровождалось исполнением «Интернационала» [1: с. 300–304].

В сценарий празднования были включены традиционные шествия гражданского населения и парад войск гарнизона. Но маршрут их следования пролегал уже по другим символическим местам города: к открывавшемуся на Соборной площади Благовещенска памятнику Революции, братской могиле павших товарищей. Завершалось шествие у памятника герою Гражданской войны на Дальнем Востоке Ф.Н. Мухину, где участники праздничного действия должны были символически сложить знамена, стяги и флаги [1: с. 304]. Такое обращение новой официальной праздничной культуры к местным революционным событиям и их героям, делало ближе и понятнее населению общие идеи дня празднования Революции и способствовало утверждению их в общественном сознании.

Этому же служили и столь популярные в начале 1920-х гг. мистерии. Абсолютное большинство инсценировок из года в год представляло и закрепляло «правильный» образ недавних событий – революции 1917 г. и Гражданской войны. Именно эти события, начинавшие отсчет нового времени, стали наиболее важным объектом ми-

фологизации, которая должна была легитимировать новую власть и создать идеальную мотивацию для принятия этой власти большинством населения. Одна из наиболее грандиозных подобных мистерий «Интервенция в Приморье» была осуществлена во Владивостоке 7 ноября 1923 г. в день празднования 6-й годовщины революции. В этот день город был разбужен выстрелами, прогремевшими на площади «Жертв революции», звучавшими как напоминание о недавних кровавых событиях. По городу пронеслись «цепи легковых и грузовых автомобилей с оркестрами и красными знаменами». На привокзальной площади состоялся парад частей Красной Армии и летучие митинги трудящихся, позже их участники стали частью грандиозной мистерии, развернувшейся на площади и примыкающих к ней сопках. Кроме них, в мистерии приняли участие и моряки Тихоокеанского флота. Закончился праздник фейерверками, салютной стрельбой и торжественным сожжением чучела «Капитала» на сопке напротив площади Октябрьской революции [16].

Однако историко-революционная инсценировка, выполнив свою миссию, во второй половине 1920-х гг. постепенно отмирает, превращаясь из серьезного конвенционального ритуального действия, закреплявшего в исторической памяти желательный вариант исторических событий, в развлекательное действие, форму досуга, игру, а также в средство оживления движения колонн во время демонстрации.

Важнейшими формами официальных советских празднеств становились парады и демонстрации. Без них не обходился фактически ни один праздник. Специально создававшиеся праздничные комиссии определяли маршрут их движения. Как правило, с раннего утра в определенных частях города трудящиеся собирались в отдельные колонны, двигавшиеся далее специальным маршрутом к центральной площади, где устраивался митинг. Уже к началу 1920-х гг. сложилась традиция украшать праздничные колонны красными знаменами, злободневными лозунгами и инсценировками на политические темы. Так, например, в 1924 г. во Владивостоке одну из первомайских колонн украшала сложная композиция, состоявшая из двух движущихся телег, соединенных телефонным проводом. На первой была сооружена изба-читальня, где крестьянин «в простой красной рубахе» читал газету. Вторая телега олицетворяла собою город. Вся композиция дополнялась лозунгом: «Смычка города и деревни – залог победы трудящихся. Долг связника – укреплять эту смычку». Другую колонну

трудящихся города возглавлял грузовой автомобиль, на котором была создана инсценировка, изображавшая «Рабочее» правительство Англии во главе с королем, Макдональдом и истово крестящим всех прохожих отцом духовным [15].

В подобных демонстрациях охотно принимала участие городская молодежь. Одна из первых молодежных демонстраций на Дальнем Востоке состоялась в сентябре в 1923 г. в Международный юношеский день. В этот день на улицы Хабаровска вышло почти все молодое население города с красными флагами и лозунгами «Мы дети свободной страны, нам смелые, добрые души даны». Маршрут демонстрации завершался на площади Свободы (ныне площадь им. В.И. Ленина), где был организован многолюдный митинг. Участница первых празднований Международного юношеского дня В.Н. Соколова (одна из организаторов пионерского движения на Дальнем Востоке) позже вспоминала, что 1924 г. пионеры Хабаровска впервые задумали выйти на демонстрацию отдельной колонной и все в пионерской форме. Подготовка к празднику была начата заранее. К сентябрю отработали ходьбу строем, строевые песни. Помощь в приобретении материала для пионерской экипировки оказал председатель Дальревкома Я.Б. Гамарник. Форму сшили сами ребята «на военный манер»: с погончиками, армейскими пуговицами и ремешком через плечо. «И хотя было холодновато, – вспоминала В.Н. Соколова, – на демонстрацию вышли все, как один. С красными галстуками, в форме, четким шагом, с веселой песней, со знаменем...» [21: с. 59–61]. К концу 1920-х гг. демонстрации в Международный юношеский день вся чаще принимали форму парада с шествием нарядно одетых колонн, сформированных комсомольскими ячейками и пионерскими отрядами. Во время парада 1928 г. в Хабаровске комсомольцы, одетые в нарядные белые рубахи, несли красные знамена и лозунги, среди которых были и такие «Пьянство разлагает ряды пролетариата. Ни одной пролетарской копейки на водку» [21: с. 34].

Еще одним интересным вариантом молодежной праздничной культуры тех лет были популярнейшие в 1920-е гг. ночные демонстрации с факельными шествиями, фейерверками и салютами. Нередко они проводились как антитеза религиозным праздничным шествиям и были частью антирелигиозного просвещения масс. В декабре 1929 г. подобное действие, направленное против празднования Рождества Христова, было проведено в г. Александровске (ныне г. Южно-Сахалинск). Вот как его описывала газета «Со-

ветский Сахалин»: «После митинга под звуки духового оркестра было организовано карнавальное шествие. С факелами рабочая масса, совместно с комсомольцами и пионерами направилась к берегу моря, где произошло "сожжение богов"» [19: с. 179].

Активное использование карнавалов в качестве важнейшего элемента молодежной праздничной культуры началось во второй половине 1920-х гг. В этот период по своему содержанию они носили исключительно политизированный характер, хотя и осуществлялись в традиционных карнавальных формах. В 1928 г. во время празднования Международного юношеского дня по инициативе комсомола в Хабаровске был организован антирелигиозный карнавал, участники которого члены комсомольской ячейки ст. Хабаровск, одевшись в костюмированные наряды, изображали «попов», «святое семейство» и т. п. [21: с. 35]. Цель акции состояла в высмеивании и разоблачении контрреволюционной сущности изображавшихся персонажей. К концу 1920-х гг. даже в организации основных советских праздников отдавалось предпочтение «демонстрациям карнавального порядка», отражавшим «современные хозяйственные и культурные задачи СССР, историю борьбы рабочего класса в России и борьбу рабочих в капиталистических странах» [14].

Накануне праздника, предвеля, подготавливая празднование, проводились торжественные собрания и заседания (в том числе открытые собрания партийных и комсомольских ячеек, производственных коллективов), митинги, вечера воспоминаний. Они были призваны воссоздать соответствующее настроение, фон и основу самого празднования. За официальной шла неофициальная, зрелищная часть празднества. Как правило, это были такие же, как и до революции, «народные гуляния» в садах и парках, бесплатные спектакли и концерты в театрах, благотворительные лотереи-аллегри, базары и прочее. Но в новых советских условиях изменилась содержательная сторона и неофициальной части. Так, например, в праздничной культуре городов Дальнего Востока в 1920-е гг. сохранились традиции благотворительного кружечного сбора и лотереи-аллегри. Но 1 Мая 1923 г. хабаровчане собирали с их помощью средства уже «в пользу пленников капитала» [11].

Праздничные концерты и спектакли в день празднования проводились во всех клубах, красных уголках, а в теплое время года на площадях и в общественных садах. Вечера воспоминаний нередко включали в себя чествование ветеранов революции и Гражданской войны, а также героев

труда, отличников ликбеза и т. д. Торжественные собрания, митинги, вечера воспоминаний выполняли важнейшую функцию в создании коммеморативного нарратива. В ходе их проведения «проговаривались», словесно оформлялись основные штампы и клише, формулы этого нарратива, «озвучивались» те образы истории, которые разыгрывались на площадях и улицах в праздничные дни.

«Взрослые» мероприятия копировались проводившимися в дни празднований детскими собраниями и концертами-митингами, включая избрание президиума из детей. Председатель детского собрания, следуя официальному сценарию, объявлял «собрание открытым» и т. п. [2]. Однако в детском праздничном дискурсе, при сохранении политизированного содержания, акцент делался на увеселительных и зрелищных формах празднования. Члены праздничных комиссий справедливо полагали, что именно они станут для детей важным средством и каналом перцепции советской праздничной культуры. Так, например, в 1924 г. в дни Первомайских праздников Приморская губернская детская комиссия совместно с отделом народного образования устроила «во Владивостоке грандиозный весенний детский карнавал», открывавшийся шествием детей в костюмах и с флажками. Сигналом к началу карнавала был запуск грандиозных красных воздушных шаров. В сценарий нового советского праздника были включены традиционные развлечения городских детей. На сцене демонстрировались сценки, феерии, живые картины, балет, оркестр балалаечников, музыкальные номера, в зале – выступления гимнастических групп, игры «Бочка счастья» и «Удочка», комические состязания [8]. В 1926 г. в план празднования 1 Мая в Благовещенске были включены: массовая пионерская игра «Бой белых с красными», развернувшаяся на улицах города, и катание детей на автомобилях [7].

Задачи создания и трансляции коммеморативного нарратива выполняли и такие праздничные мероприятия, как выпуск газет, журналов и литературы. Дальневосточная печать иногда за несколько месяцев открывала раздел, освещавший подготовку к празднику, публиковавший планы праздничных мероприятий. К годовщинам приурочивались специальные праздничные выпуски региональных и центральных газет.

Праздничные митинги нередко сопровождали торжественные открытия различных памятников, заводов и фабрик, школ, больниц и других «строительных объектов». Уже в 1922 г. празднование пятой годовщины Октябрьской

революции в Благовещенске сопровождалось торжественным открытием первого в городе рабочего факультета (рабфака). Празднование Международного женского дня с первых лет советской власти сопровождалось открытием значковых учреждений, олицетворявших мифологему «раскрепощения женщины». Так, например, 8 марта 1924 г. в Благовещенске была торжественно открыта первая детская консультация [1: с. 300, 319]. В связи с празднованием 8 марта 1925 г. Приамурский Губернский комитет РКП(б) принял решение открыть при городских магазинах уголки «Матери и ребенка», снабдив их всеми диетическими и гигиеническими предметами ухода за ребенком, а также предметами ухода за беременной и кормящей ребенка грудью матерью [5]. При городских родильных отделениях в дни празднования 8 марта открывались консультации матери и ребенка, при биржах труда создавались женские кооперативы [17].

Эти «ритуалы открытия» в советских празднествах зачастую были важнее самого факта открытия (хотя строительство любого учреждения социального назначения в этот период имело огромное значение). Они маркировали в праздничном дискурсе символическое строительство страны, осуществляемое трудящимися под руководством компартии. Одной из разновидностей этого «символического строительства» были многочисленные субботники, проводившиеся, например, в день празднования 1 Мая. Первомайские субботники включали не только вывоз мусора, но и символическую закладку новых объектов. Кроме того, вехи истории революции и достижения строительства должны были фиксировать выставки, приурочивавшиеся к празднику. Начиная с десятой годовщины Октября (1927 г.), выставки достижений советского народного хозяйства стали организовываться к праздникам намного чаще, чем исторические, что свидетельствовало о происходившей переориентации празднеств с революционного прошлого на революционную современность.

Столь же символической формой празднования, правда, воплощавшей мифологему не о «строительной», а об «освободительной» функции революции, стала приурочивавшаяся к празднику амнистия заключенных. В дальневосточных условиях эта практика закрепились с момента приезда на Дальний Восток М.И. Калинина, выступившего не только проводником центральной политики, но и в определенной степени «освободителем». В связи с его приездом создавались «особые комиссии» для ознакомления с делами заключенных местных губернских домов лишения свободы. По докладом этих комиссий

были совершены публичные «акты освобождения». Так, например, в Благовещенске 8 августа 1923 г. решением М.И. Калинина были освобождены 115 заключенных, осужденных на небольшие сроки, и «амнистированы все отбывающие принудительные работы без лишения свободы» (около 500 человек) [1: с. 312].

В 1930-е гг. реализация мифологемы об освободительной функции революции в дальневосточной праздничной культуре получила новое развитие. Грандиозным «актом освобождения» было отмечено в 1932 г. празднование десятой годовщины со дня окончания Гражданской войны на Дальнем Востоке. Согласно постановлению Президиума ВЦИК РСФСР «О мероприятиях в ознаменование десятилетия существования Советской власти на Дальнем Востоке» (1932 г.), все осужденные в пределах ДВК получали амнистию. В первую очередь подлежали освобождению «от отбывания мер социальной защиты со снятием судимости» все бывшие красные партизаны и красногвардейцы, «за все совершенные преступления, кроме государственных и особо опасных против порядка и управления». По последним преступлениям срок отбывания наказания заключенным сокращался на две трети [18].

К концу 1920-х гг. сложились устойчивые универсальные формы официального советского празднования. Так, например, сформировался такой порядок Октябрьских торжеств: 5–6 ноября – политдни, митинги, торжественные открытия различных объектов, литературно-художественные вечера и вечера воспоминаний, открытые собрания ячеек РКП(б) и РКСМ, ночные демонстрации молодежи, спектакли и вечера, кинофильмы по клубам и инсценировки. 7 ноября: днем – военный парад частей Красной армии и демонстрация трудящихся, вечером – торжественное заседание советского и партийного руководства города с представителями комсомола, профсоюзов, фабрик и заводов с праздничными концертами, спектаклями, товарищеским ужином. 8 ноября – вечера и спектакли, кинофильмы, в том числе для детей – спортивные состязания. Примерно по такому же сценарию выстраивались другие официальные советские празднования. Таким образом, создавался довольно стандартный, знакомый, устоявшийся церемониал, вводивший советское празднование в быт советских людей в качестве его неотъемлемой составной части. Унификации праздничных форм и их рутинизации немало способствовало и то обстоятельство, что их стандарты уже с середины 1920-х гг. нередко задавались «сверху» – всероссийскими и всесоюзными праздничными комиссиями.

Восприятие и принятие советской праздничной культуры горожанами Дальнего Востока происходило постепенно и достаточно сложно. В первые годы после революции советские празднования вызывали скорее любопытство населения, чем присваивались ими. Однако постепенно отношение к советским праздникам со стороны широких масс населения менялось. В отчете первомайской комиссии Иманского уезда (Приамурье) за 1923 г. говорилось: «участвовавших в демонстрации было такое количество, какого не помнит ни одно революционное празднество г. Имана... даже мещанская обывательщина вся праздновала». На основании этого комиссия пришла к выводу: «Революционный праздник 1 Мая приобрел все права гражданства в трудовой республике...» [12].

И все же революционные по своему происхождению раннесоветские праздники служили не для консолидации городских обывателей с трудящимися массами, а подчеркивали их обособленность в городском праздничном пространстве, где они становились «лишними людьми», изгоями. Описывая многолюдную праздничную первомайскую толпу горожан, украшенную «красными повязками, красными бантами и значками», образующую настоящий «людовой поток», корреспондент «Красного знамени» подчеркнуто отмечает: «Буржуазии почти не видно. Поэт сказал верно: "Им сегодня на улице – жуть..."» [15].

Различая в перцепции столь неоднозначного праздника, как Международный женский день, нередко вызывали противостояние даже внутрисемейных союзов. Если городские женщины охотно посещали проводившиеся в этот день праздничные собрания, вносящие заметное разнообразие в их повседневную жизнь, то мужья относились к ним зачастую настороженно, справедливо видя в мифологеме «раскрепощения женщины» угрозу крепости патриархальных устоев семьи. Так, например, на торжественный вечер в честь 8 Марта в г. Свободном в 1925 г. пришло столько женщин, что даже городской театр не сумел вместить всех желающих. Пришли «...даже те, кто никогда не ходили ни на одно собрание. Посадив мужа смотреть за ребятами, сами пошли на праздник, пообещав мужу, что если он не останется, то они пойдут жаловаться в женотдел. Большинство были в первый раз на конференции. Ни одной пришлось перенести бучу с мужем, прежде чем попасть на конференцию. Много было случаев, когда мужья заявляли, что "если только пойдешь, то лучше не приезжай обратно". Но некоторые женщины не считались с этим – "будь, что будет"» [13].

Советская праздничность с самого начала строилась властями всех уровней и декларировалась как антитеза «старой», прежней в основном религиозной праздничности. Официальные советские праздники уже в начале 1920-х гг. открыто противопоставлялись главным религиозным. Так, например первомайские празднования выступали антитезой православной Пасхи. Дальневосточные газеты в связи с этим печатали предложения рабочих собраний городских предприятий: «...пасху, как пережиток старого времени не праздновать, а дни отдыха перенести на последующие международному празднику пролетариата 1 Мая дни (на 2 и 3)»; «отработать пасхальное воскресенье и зарплату отчислить в пользу МОПР (Международная организация помощи борцам революции – *Н.К.*)». В большинстве публиковавшихся писем звучало требование: «Дни христианских праздников должны быть, как дни отдыха уничтожены и перенесены на дни революционных побед (1 Мая)» и т. п. [6].

Однако чаще всего процесс утверждения новой советской праздничной культуры представлял собой своеобразное «встречное движение». С одной стороны, население «усваивало» новые праздники, «оживало» их пространство, опираясь на имевшийся опыт празднования. С другой – власти сурово боролись с религиозными праздниками и вынуждены были не только мириться с привычными для населения «религиозными» способами адаптации советских праздников, но и сами использовали эти ассимиляторские приемы для внедрения советских праздников в массы.

Наиболее очевидным становилось это «встречное движение» на уровне семейных праздников. На смену церковным обрядам венчания, отпевания, в 1920-е гг. создавались новые ритуалы «красной свадьбы», «красных похорон», главным содержанием которых являлась секуляризация праздничного дискурса. Рассмотрим ее на примере советского обряда «октябрин», заменившего традиционные крестины. Порядок действий нового ритуала, в принципе, сохранил все черты предыдущего. Но противопоставление религиозной и советской праздничной культуры определялось уже изменением места его проведения: «Не в церкви, а в своем клубе...» [20]. Вместо священника ритуал коммунистических крестин открывал присутствовавший там представитель советского, партийного или профсоюзного руководства докладом «О значении "октябрин" в новом советском быте». «Октябрины, – говорил докладчик, – это обряд введения гражданина в нашу жизнь, где мы сможем наб-

людать за ним, чтобы он твердо стоял за заветы нашего дорогого вождя и учителя В.И. Ленина. Здесь мы должны дать обещание, что мы его примем как ценное для нас существо, и пройдет 20–30 лет и сегодняшний гражданин (или гражданин) скажет большое спасибо обществу, что ее "не шаманили"» [10]. Далее предлагалось выбрать имя. В начале 1920-х гг. в Дальневосточном регионе наиболее часто предлагавшимися именами были Спартак, Марат, Маркс, Бабеф, Роза, Клара, Коммунарка. Предложенное имя ставилось на голосование. После наречения именем, принимался акт № 1 «Об октябринах», в котором тот или иной коллектив работников или делегатов брал шефство над ребенком. Далее шли приветственные выступления, в которых звучала уверенность, что новорожденный «...будет достойным сыном пролетарского класса, и будет также стойко бороться с игом капитализма, как боролись его отцы». В ответном слове отец заверял собравшихся, что обещает воспитать сына «в духе коммунизма» [9]. Завершался ритуал вручением подарков. Наиболее типичными подарками на «октябрины» были: грамоты о зачислении новорожденного кандидатом в члены профсоюза, кандидатом в члены РКСМ, значки Коммунистического интернационала молодежи (КИМ), пятиконечные звездочки, пионерские значки и т. п. Сопровождался обряд, как и большинство советских праздников, пением «Интернационала» [10].

В действительности процесс рецетиции новой, советской праздничности был намного сложнее, чем просто замена религиозных праздников советскими. Даже лояльное к советской власти и советским праздникам население нередко не связывало принятие советской праздничности с отказом от праздников религиозных. И, несмотря на наступление властей на религиозные праздники, население сопротивлялось уничтожению религиозной праздничности различными способами. В городах Дальнего Востока это сопротивление носило преимущественно латентный характер и проявлялось в том, что человек, открыто демонстрировавший приверженность советским праздникам, «тайно» справлял и некоторые церковные. Примеры разоблачения такого рода поведения рабочих и даже членов партии достаточно часто встречаются в дальневосточной периодической печати.

Таким образом, в 1920-е гг. в городах Дальнего Востока, как и по всей стране, шел активный процесс становления новой советской праздничной культуры, характеризовавшийся настойчивым вытеснением религиозных и ут-

верждением в праздничном календаре в качестве главных новых революционных праздников. Основным направлением трансформации официального праздничного дискурса стала легитимизация новой советской власти, чему способствовала мифологизация региональных революционных событий, воплощение мифологем в символических формах празднования, заимствование и «осовечивание» основных элементов традиционной праздничной обрядности и многое другое.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Благовещенску сто лет (1858–1958): сб. докум. и материалов. – Благовещенск: Кн. изд-во, 1959. – 573 с.
2. В клубе грузчиков // Красное знамя. – 1924. – 22 марта.
3. Декреты Советской власти. – Т. 4. 10 ноября 1918 г. – 31 марта 1919 г. – М.: Госполитиздат, 1968. – 412 с.
4. Душечкина, Е.В. Русская елка: История, мифология, литература / Е.В. Душечкина. – СПб.: Наука, 2002. – 398 с.
5. Копия постановления Приамурского губкома РКП(б) в связи с празднованием 8 Марта. 7 марта 1925 г. – Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). – Ф.П. 318. – Оп. 1. – Д. 318. – Л. 2.
6. Новый быт // Красное знамя. – 1924. – 20 апреля.
7. Общий план празднования 1-го Мая // Амурская правда. – 1926. – 16 апреля.
8. О детях // Красное знамя. – 1924. – 28 апреля.
9. Октябрины на госмельнице // Красное знамя. – 1924. – 9 апреля.
10. Отчетный доклад Благовещенского городского отдела народного образования об «Уголке ребенка». 1925 г. – Государственный архив амурской области (ГААО) Ф.Р-67. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 3, 3 об.
11. Отчет первомайской комиссии Хабаровского уезда (Приамурье). 1923 г. – Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф.П-17. – Оп. 60. – Д. 627. – Л. 7 об.
12. Отчет первомайской комиссии Иманского уезда (Приамурье). 1923 г. – РГАСПИ. – Ф.П-17. – Оп. 60. – Д. 627. – Л. 24-24 об.
13. Отчет о конференции 8 Марта в г. Свободном. 11 марта 1925 г. – РГАСПИ. – Ф.П-372. – Оп. 1. – Д. 1150. – Л. 77, 78.
14. План демонстрации в Благовещенске // Амурская правда. – 1929. – 30 апреля.
15. Празднование во Владивостоке // Красное знамя. – 1924. – 6 мая.
16. Порядок празднования 6-й Октябрьской революции // Красное знамя. – 1923. – 6 ноября.
17. Проект Постановления СНК РСФСР «О праздновании 8 марта». 20 января 1927 г. – Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф.А-259. – Оп. 126. – Д. 3856. – Л. 1,1 об, 2.
18. Проект Постановления Президиума ВЦИК РСФСР «О мероприятиях в ознаменование десятилетия существования Советской власти на Дальнем Востоке. 30 сентября 1932 г. – ГАРФ. – Ф. А-259. – Оп. 16. – Д. 11. – Л. 8.
19. Религия и власть на Дальнем Востоке России. Сбор. докум. гос. архива Хаб. края. – Хабаровск: Частная коллекция, 2001. – 400 с.
20. Рушится старый быт // Красное знамя. – 1924. – 2 марта.
21. Хабаровский комсомол в документах и иллюстрациях. – Хабаровск: Кн. изд-во, 1978. – 400 с.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ДАЛЬРЕВКОМА И НАРКОМАТА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР В ПРОЦЕССЕ ПОДГОТОВКИ СОВЕТСКО-ЯПОНСКОГО СОГЛАШЕНИЯ 1925 года

С.С. Цуканов

Цуканов Сергей Сергеевич – старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Хабаровского пограничного института ФСБ России.

Контактный адрес: ota12@ya.ru

В статье анализируются мероприятия проводимые руководством СССР и НКВД, а также высшим органом советской власти на Дальнем Востоке Дальревкомом по налаживанию дипломатических отношений с Японией, раскрывается порядок решения возникавших в ходе переговоров взаимных претензий, вопросов и противоречий.

Ключевые слова: правительство и НКВД СССР, Дальревком, дипломатические отношения, переговоры, претензии, противоречия.

Внешнеполитическая ситуация в стране в целом и на Дальнем Востоке в частности в 1922–1925 гг. продолжала оставаться напряженной. Иностранные государства в большинстве своем не были заинтересованы в сотрудничестве с Советской Россией. Правительства этих стран были заняты строительством, своего рода «санитарного кордона» у ее границ и оказывали помощь эмигрантским центрам, внутренней контрреволюции и оппозиционным силам.

Завершение японской интервенции не привело к окончательному урегулированию отношений между РСФСР и Японией. Под японским контролем оставался оккупированный еще в 1920 г. Северный Сахалин, государства официально не имели дипломатических отношений, отсутствовали торгово-экономические, рыболовные и другие соглашения.

Деловые круги Японии, осознавая, что в ближайшем будущем захватить территорию русского Дальнего Востока вооруженным путем им не удастся, выступили за развитие с ней экономических отношений. Такое изменение позиций было вызвано волнениями, в результате которых внутри самой Японии к 1922 г. резко возросло количество противников продолжения интервенции на русский Дальний Восток, и это было связано, прежде всего, не с ростом коммунистических настроений в стране, а с увеличением внутреннего долга.

Правительство Страны Восходящего Солнца было вынуждено согласиться с решениями Вашингтонской конференции 1922 г., которые ликвидировали исключительные привилегии Японии в Китае и установили меньшую, по отношению к Англии и США норму размеров линейного флота в регионе. Более того, конференция об-

нажила глубокие противоречия, существовавшие между мировыми державами. Поражение Японии на дипломатическом фронте дало возможность США «потеснить» японцев в Китае, полосе отчуждения КВЖД и на рынках южных морей. Английские монополисты также воспользовались ситуацией. В результате объем внешней торговли Японии резко упал. Японо-американские отношения все более обострялись. США провели крупные военно-морские маневры на Тихом океане с участием свыше 110 кораблей. Японская печать писала, что маневры «...должны рассматриваться как крупная демонстрация, направленная против Японии» [15: с. 43]. Дальний Восток стал одним из центров противоборства ведущих мировых держав.

В то же время в Токио хорошо понимали огромную зависимость экономики страны от американского сырья. Япония покрывала вывозом из США основные потребности в нефти, хлопке, железе и пр. Свыше 40 % японского импорта приходилось на долю США. Усилились и англо-японские противоречия. Англия в 1923 г. начала строительство военной базы в Сингапуре, которая представляла угрозу для Японии. Обострение обстановки на Тихом океане, угроза совместных выступлений Англии и США заставили японское правительство искать опору на международной арене.

В условиях такой изоляции Япония была вынуждена начать установление дипломатических отношений с СССР. Соглашение должно было стать тем фактором, который усилил бы положение Японии. Развитие экономических отношений с СССР способствовало бы ослаблению зависимости Японии от американского рынка [15: с. 44].

Однако противниками налаживания отношений с СССР выступали японское военное ми-

нистерство, министерство внутренних дел, министерство земледелия и торговли. Военные круги Японии не хотели терять стратегически важный для них Сахалин. Министерство внутренних дел Японии опасалось, что в результате признания Советского Союза внутри страны вырастут революционные настроения [18: с. 41–42].

Вместе с тем Японское правительство понимало, что с укреплением позиций СССР на Дальнем Востоке будет все труднее осуществлять так называемый «свободный лов» в советских территориальных водах. «Общество японских рыбопромышленников», в которое входил ряд крупных компаний, с конца 1922 г. настойчиво требовало признания за рыбопромышленными компаниями права использования рыбных промыслов на Советском Дальнем Востоке в сезон 1923 г., а также, чтобы арендная плата вносилась ему, а не соответствующим советским органам [30: с. 61].

Японские военные круги, стремились разжечь конфликты на советских границах. Начиная с осени 1922 г., японские гарнизоны в Северной Корее и Северо-Восточном Китае усиленно пополнялись техникой и людьми. Разведка Японии активно способствовала деятельности белогвардейских организаций. Ликвидация отрядов А.Н. Пепеляева на севере Дальнего Востока весной и летом 1923 г. показала безнадёжность выступления контрреволюции против советской власти на Дальнем Востоке. Поэтому, планируемая «Северная экспедиция» под руководством генерала В.М. Молчанова и поддерживаемая Японией, была отменена. Однако и после этого Япония продолжала осуществлять военно-стратегические мероприятия на советских границах [15: с. 41].

Уже в 1924 г. японцами был разработан новый план войны против СССР, которым предусматривались «...разгром противника на Дальнем Востоке и оккупирование важных районов к востоку от о. Байкал. Основной удар предполагалось нанести по Северной Маньчжурии, затем организовать наступление на Приморскую область, Северный Сахалин и побережье континента. В зависимости от обстановки оккупировать и Петропавловск-Камчатский» [14: с. 147].

Стоит отметить, что на японские правящие круги влияла активная внешняя политика советского правительства. Советский союз принимал энергичные меры для отстаивания своего суверенитета: был усилен контроль за выловом рыбы в территориальных водах, заявлено о непризнании японского консульства во Владивостоке,

приняты меры по борьбе с японской спекуляцией, контрабандой и т. д.

Правительство Японии искало повод для начала переговоров. Необходимыми условиями для этого были контакты с официальными или хотя бы неофициальными, но полномочными советскими представителями (которых в Японии не было) и информационная поддержка. Диалог с большевиками взял на себя виконт Гото Симпей. Помощь ему оказали Фудзита Исаму, президент влиятельной японской газеты «Токио нитинити» и журналист Тагути Ундзо. По поручению Гото последний, в начале января 1923 г. выехал в Китай для установления контактов с советским дипломатическим представителем на Дальнем Востоке А.А. Иоффе. Поводом для его приглашения в Японию стало лечение обострившегося заболевания. Еще во время проведения конференции между Японией, ДВР и РСФСР в Чаньчуне А. Иоффе возглавил объединенную делегацию ДВР и РСФСР. После вхождения ДВР в состав РСФСР ЦК РКП (б) поручило Иоффе осуществлять руководство внешней политикой на Дальнем Востоке. Этот факт стал источником разногласий. Я.Д. Янсон, руководившей дальневосточной внешней политикой в период ДВР, отказался подчиняться новому полпреду, на что ЦК резко выразило свою позицию, пригрозив удалить Янсона с Дальнего Востока [13: с. 190].

Сходную с Янсоном позицию занимал заместитель наркома по иностранным делам Л.М. Карахан. Он в своей записке, адресованной в ЦК, указывал, что Иоффе неправильно истолковал постановление ЦК, так как «...Иоффе просит НКВД никаких самостоятельных шагов не предпринимать» [18: с. 146, 152–153].

НКВД был против предстоявшей поездки, так как отношения с Америкой могли ухудшиться и ослабить позиции СССР на мировой арене [18: с. 156–159]. П.А. Кобозев в своем информационном сообщении в Москву, ссылаясь на данные разведки, утверждал, что «...можно сделать вывод о готовящихся военных действиях японцев против СССР», так как Япония получила от Антанты мандат на Дальний Восток. В своей телеграмме, адресованной на имя И.В. Сталина, в начале марта 1923 г. П.А. Кобозев указывал, что «...в Мукдене состоялась военная конференция дудзюнов провинций Маньчжурии и главкома охранных войск КВЖД. Японии и Чжан Цзолинь с белыми готовят новую интервенцию в Сибирь, если Россия до весны не очистит Монголии и не откажется от своих требований КВЖД» [13: с. 190].

В телеграмме также отмечалось, что в Гири-не генерал белой армии М.К. Дитерихс созвал всех командиров частей и обратился к ним с речью, в которой призвал заботиться о поднятии духа подчиненных ему войсковых частей и изложил планы на будущее. По его словам, весьма вероятно, что в марте 1923 г. белые совместно с японцами вновь окажутся в Приморье и широким фронтом поведут наступление под стягом кн. Кирилла Владимировича. На ЮМЖД и Корейской железной дороге подготавливается большое количество подвижного состава для перевозки войск через Корею, Дайрен, Харбин [35: с. 26–27].

В этой ситуации японцами было решено провести военную демонстрацию на КВЖД и границах Кореи, а в Приморье – бросить хунхузотряды с КВЖД» [1: с. 3–6].

Тем не менее Политбюро ЦК одобрило поездку Иоффе в Японию для лечения и обмена мнениями по вопросам двусторонних отношений [30: гл. 2; гл. 6–7; 17]. В свою очередь, коллегия НКВД утвердила через Политбюро «...3 пункта, которые устанавливали порядок подчиненности полпредов центру:

- полпреды подчиняются непосредственно НКВД, с которым сносятся по всем вопросам и распоряжениям, которые для полпреда, безусловно, обязательны;

- полпред имеет право обжаловать решение НКВД, но без приостановления распоряжения НКВД до разрешения вопроса в ЦК;

- все распоряжения центральных органов Советской власти полпреду получает только через НКВД» [11: с. 6–7].

Предварительные соглашения о поездке Иоффе были достигнуты и 10 января 1923 г. ему разрешили въезд в Японию в качестве туриста – с условием не вести коммунистическую пропаганду и не произносить политических речей. Советский полпред потребовал письменные гарантии, разрешающие пользование шифром и возможность иметь дипломатических курьеров. Однако принимающая сторона затягивала решение этого вопроса, поэтому Иоффе вынужден был уехать в Японию, не дождавшись официального ответа. Позднее в своем отчете о поездке, который Иоффе предоставил в НКВД, Реввоенсовет, Политбюро ЦК РКП (б), Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала и Совет народных комиссаров, он указал, что во время его пребывания в Шанхае японский представитель в Китае обратился к его секретарю и сообщил, что «...багаж досмотрен не будет, и свобода передвижения будет предоставлена, но во

всех других гарантиях отказано, т. е. письменных гарантий правительство дать не может». В Токио выяснилось, что багаж был открыт отмычками и досмотрен, а японское правительство дало обязательство охраны и свободы передвижения, но отказало в шифре и курьере [20: с. 16 – 31].

В Москву сведения от Иоффе не поступали на протяжении февраля-марта 1923 г. Только в конце марта из сообщения в японской газете «Осака Майницы» стало известно, что советскому полпреду отказали в пользовании шифром и дипкурьером [19: с. 55–56]. Он оказался в изоляции, поэтому советское руководство планировало отправить «2–3 товарищей в помощь Иоффе и врача для его лечения» [26: с. 2; 23: с. 2].

Переговоры по конкретным вопросам между представителями двух стран начались 29–30 марта 1923 г. Ключевым вопросом было признание СССР Японией. Японцы согласились признать Советский Союз де-юре и де-факто на условиях компенсации за так называемый «николаевский инцидент» и «выполнение международных обязательств» [16: с. 28–35; 29: с. 28–39, 225–232; 38: с. 141], подразумевая уплату долгов царского и Временного правительств, кроме того, японцы пытались оговорить «специальные интересы» своей страны на Сахалине.

В вопросе о компенсации за «николаевский инцидент» Иоффе предложил принцип «взаимозачета», т. е. публичные сожаления обеих сторон и взаимный отказ от претензий и возмещения убытков. Относительно Сахалина советский дипломат высказал положение о его продаже за 1 млрд. зол. руб. наличными. Отметим, что Советское правительство не было готово к продаже Северного Сахалина. В Москве понимали, что после окончания интервенции у японцев не хватило бы денег для покупки части острова наличностью и для его освоения. Одновременно с предложением о продаже была создана комиссия для определения экономической и стратегической ценности острова [18: с. 160, 168].

Особую остроту принял вопрос о долгах японцев за пользование русскими рыболовными участками в период Гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке. Ситуация осложнялась тем, что одновременно с началом неофициальных встреч в Токио во Владивостоке начались торги на аренду рыболовных участков побережья Дальнего Востока, в которых активное участие принимали японские рыбопромышленники. Согласно декрету СНК РСФСР от 2 марта 1923 г., проведение публичных торгов «...на сдачу промысловых участков в арендное содержание» возлага-

лось на дальневосточное управление рыболовства, аналогичное постановление ДРК принял еще 15 декабря 1922 г. [4: с. 55–57; 18: с. 160–162]. Этими же документами устанавливалось участие НКИД. Однако начавшиеся торги японцы стали затягивать. В конце января 1923 г. П.А. Кобозев направил председателю губревкома Приморья Л.М. Бельскому и в НКИД телеграмму, в которой высказал мнение, что «японцы сознательно затягивают переговоры. Разными новыми вариантами уклоняются от внесения денег, а сами тем временем концентрируют военные силы» [36: с. 144]. В марте 1923 г. Дальбюро телеграфировало в ЦК партии и НКИД, что «представительство НКИД во Владивостоке крайне слабое, способное только портить дело». В ответ на это НКИД, не ставя в известность Дальбюро и ДРК, уполномочивал председателя Приморского губернского исполкома Л.М. Бельского на ведение торгов о рыбалках. Однако сам уполномоченный уехал за пределы Приморья, поэтому торги проходили «...при крайне слабом представительстве наших интересов, ненужных уступках, спутанности позиций, отсутствии твердости и ясности с нашей стороны» [18: с. 171–172, 191]. Сложность ситуации заключалась и в том, что 1 апреля 1923 г. П.А. Кобозев заключил с японской фирмой соглашение. В нем он признал все суммы, уплаченные японцами правительству братьев Меркуловых, об этом Иоффе узнал уже в Токио [20: с. 16–31]. Естественно, что это противоречило позициям Москвы и осложняло переговоры. Учитывая сложившееся положение на Дальнем Востоке и требования японцев, Иоффе был вынужден взять частичное руководство этими торгами на себя и давать указания руководителям ДРК.

Дальревком, напротив, настаивал на переносе переговоров из Владивостока в Читу, где в тот момент он располагался, более того, давал «приказания согласиться на домогательства японцев о предоставлении нашему неофициальному агенту в Японии тех консульских функций, которые связаны с льготами японцам» [18: с. 169–170].

Таким образом, на Дальнем Востоке сложилась полная неразбериха в вопросе о том, кто должен руководить торгами на дальневосточные рыбалки. Это стало поводом отправки секретарем Дальбюро Н.А. Кубяком телеграммы в Политбюро ЦК и НКИД, в которой он отмечал несогласованность действий Москвы и Иоффе из Токио, «желательно указание одно – Токио или Москва, а мы просто будем исполнителями» [18: с. 194–195]. Касательно этой ситуации, руководитель ДРК П.А. Кобозев отмечал, что

«...ДРК попадает в затруднительное положение, когда, с одной стороны, вынужден согласовывать свои действия с указаниями Иоффе, а с другой, противоречащим этим указаниям распоряжением центра. В связи с этим ДРК вынужден решать некоторые вопросы самостоятельно... Требования НКИД совершенно уклониться ДРК от дипломатических вопросов совершенно не осуществимы» [13: с. 191].

18 мая 1923 г. на заседании Главконцесскома РСФСР было вынесено решение, согласно которому «общее руководство всеми переговорами о порядке эксплуатации рыбных и морских звериных промыслов на Дальнем Востоке возложено на НКИД и Наркомпрод». Тогда же была создана смешанная советско-японская комиссия. С советской стороны ею руководил Ф.А. Андрианов, но работал он в тесной связи с ДРК [37: с. 141]. Назначение уполномоченных НКИД и Наркомпрода во Владивосток должно было также согласовываться с ДРК [2: с. 8]. Более того, Главконцесском (ГКК) определил, что «предварительные переговоры должны вестись Дальконцесскомом (ДКК) с разрешения председателя ДРК. А всякое предложение немедленно по его получению должно направляться в ГКК, который и будет давать директиву для ведения дальнейших переговоров» [10: с. 16].

Тем не менее 21 мая 1923 г. в Токио было заключено соглашение, по которому японская сторона обязалась уплатить свыше 3 млн. иен в качестве арендной платы за рыбалки 1920–1921 гг. и за 1126 тыс. зол. руб. получила в аренду 255 (из 511) рыболовных и 14 (из 47) краболовных участков [30: с. 60–63]. Отметим, что и при подготовке этого соглашения А. Иоффе действовал без согласия Москвы. Уже 3 июня 1923 г. НКИД направил Иоффе телеграмму, в которой отмечалось, что «...вступая в переговоры с Гото, вы осложнили несколько раз ход переговоров» [9: с. 49]. Дело в том, что в июле 1923 г. Иоффе, обращаясь к уполномоченному Наркомпрода на Дальнем Востоке Ф.А. Андрианову, указывал, «...повсюду творится безобразия, ваши сотрудники не признают моих виз, забирают имущество, освобожденное русским правительством по моему ходатайству от налога. Это просто грабеж японцев с нашей стороны. Прошу немедленно издать приказ о прекращении безобразий на местах. В противном случае вынужден буду сам послать комиссию для расследования. Прошу также донести всем остальным участникам» [9: с. 49; 18: с. 197]. Любопытен тот факт, что Москва, ради начала официальных переговоров,

по просьбе Иоффе освободила нескольких японских шпионов [18: с. 196; 24: с. 2].

На протяжении всего времени пребывания А. Иоффе в Токио Кремль требовал начала официальных переговоров, а японское правительство оттягивало решение этого вопроса. Поэтому в августе 1923 г. предварительные неофициальные переговоры, которые вел Иоффе были завершены. Базой для продолжения советско-японский переговоров был определен Китай. Вместо А. Иоффе руководить переговорами в ранге полномочного представителя СССР в Китае был назначен Л.М. Карахан.

Осенью 1923 г. в Японии произошли важные изменения. В конце августа скончался премьер-министр Като, 2 сентября было сформировано новое правительство, во главе которого стоял адмирал-русофоб Ямамото. Более того, 1 сентября 1923 г. в крупных японских городах Токио и Иокогаме произошло сильнейшее землетрясение, которое почти полностью уничтожило города. В связи с этим вопрос об открытии советско-японской конференции отошел на второй план. Отношения между СССР и Японией были осложнены инцидентом с теплоходом «Ленин», прибывшим в Японию с грузом помощи пострадавшим от землетрясения в сентябре 1923 г. в Токио.

На путь продолжения подготовки к дипломатической конференции первым встал Л.М. Карахан. 7 октября 1923 г. он обратился с личным письмом к виконту Гото, который в новом правительстве занял пост министра внутренних дел. В этом послании Л.М. Карахан высказался на продолжение переговоров, которые вел А. Иоффе [7: с. 446–473].

Политбюро ЦК РКП (б) продолжало настаивать на официальных переговорах с Японией, оно давало Л.М. Карахану следующие инструкции. «Официальные переговоры с Японией должны быть через официальных лиц, но на условиях признания нас Японией де-юре; согласия руководства страны на эвакуацию японских войск с Северного Сахалина; отказа от претензий по Николаевским событиям, причем мы согласны выразить сожаления (официальные) по поводу этих событий; признания с нашей стороны льготных (но не безвозмездных) концессий для Японии; урегулирование вопросов о частных претензиях и государственных долгах при прочих равных условиях на тех же основаниях, что и с другими государствами» [25: с. 2, 15, 240].

Отметим, что претензии японцев на Северном Сахалине были весьма существенны. В период проведения предварительных консультаций

с японцами Л.М. Карахану удалось выяснить, какие районы они хотели получить в концессию. В своей записке в НКВД Карахан указывал, что «...японцы хотят концессию в узкой полосе Восточного побережья Северного Сахалина, южную часть нашей половины Сахалина по западному берегу, они хотят получить под угольную концессию и там же под лесную» [33: с. 124–126].

В этот же период предварительных консультаций полпредом СССР в Китае были выяснены и претензии Японии к СССР по долгам. По мнению представителей Страны Восходящего Солнца, «...царские долги составляли сумму 369 млн. иен, из которых 300 млн. иен это долги японскому правительству, а 69 млн. иен долги частным группам». Советская сторона считала, что долги японцев за интервенцию могут превысить долг СССР «в 10, а то и больше раз» [33: с. 124–126]. В связи с этим ДРК начал усиленно собирать данные о зверствах японцев на Дальнем Востоке. Во все медицинские учреждения ДВО была разослана телеграмма, в которой просилось сообщить «...подробные сведения о случаях изнасилования и других зверствах, причиненных японскими солдатами» [12: с. 118–119]. Все полученные сведения предполагали использовать в качестве контраргумента на предстоящих переговорах. Большинство медицинских учреждений ответило, что «...о случаях изнасилования японцами женщин сведений не имеется» [12: с. 118–119].

После некоторых колебаний японское правительство поручило своему послу в Пекине начать переговоры с Советским Союзом. На фоне завершающей стадии переговоров с Китаем и заключении соглашения об установлении дипломатических отношений между двумя странами 14 мая 1924 г. в Пекине начались советско-японские переговоры. Помимо ранее выдвинутых условий, Япония настаивала, чтобы Советское правительство признавало все договоры, заключенные Российской империей.

Начиная переговоры, японская сторона требовала соблюдения следующие условия: «...1) переговоры секретные; 2) переговоры никак не называются, ни официальными, ни частными, а просто ведутся; 3) Советское правительство немедленно, до признания, разрешает владивостокские инциденты и признает консула, восстанавливает почтовое сообщение» [17: с. 250–251; 18: с. 247].

Между тем экономическое состояние Японии продолжало ухудшаться. Землетрясение 1923 г. подорвало экономику страны. Л.М. Карахан отмечал, что «...Япония сейчас находится в плачевном состоянии, вынуждена искать займы

под еще более тяжкие условия, чем в прошлом году. Теперь она изолирована как никогда» [5: с. 71]. Советская военная разведка на Дальнем Востоке, давая анализ положения Японии отмечала, что в связи с возрастающим соперничеством за мировое господство между Англией и США увеличивались объективные предпосылки восстановления англо-японского сотрудничества, направленного против США. Япония была заинтересована в наличии добрососедских отношений с СССР, так как необходимо было обеспечить тыл в случае японо-американского военного конфликта [5: с. 71]. Для нее вопрос жизни и смерти установить добрые отношения с материковыми странами, каковыми являемся мы и Китай [34: с. 138].

Однако и СССР нуждался в улучшении отношений с восточным соседом [7: с. 373]. Дальневосточной экономике нужны были иностранные инвестиции. Разрушенную Гражданской войной и военной интервенцией промышленность региона своими силами СССР восстановить был не в состоянии. Понимая это, японские дипломаты практически на протяжении всего 1924 г. затягивали переговоры, надеясь на уступки советской стороны. В октябре 1924 г. они выдвинули новую «причину» – климатические условия, по которой они не могли произвести эвакуацию войск с Северного Сахалина, а следовательно, и подписать соглашение о дружбе [18: с. 248; 32: с. 16].

Таковыми действиями японские дипломаты пытались выторговать у советской стороны более льготные условия концессий. Политбюро ЦК внимательно следило за проведением переговоров и по мере необходимости готово было пойти на некоторые уступки. Так, руководство партии поручило НКВД согласовать с Реввоенсоветом республики (РВСР) и Главконцесскомом вопрос возможности сдачи японцам части так называемой «запретной зоны», т. е. прилегающей к РСФСР части морских вод. НКВД должен было обсудить вопрос с РВСР и ОГПУ о том, какие имеются возможности соглашения с Японией в случае, если не удастся добиться эвакуации войск с Сахалина до конца навигации. Советское правительство предполагало, в качестве уступки, пойти на сдачу 45 % нефтяной площади северного Сахалина японцам, в крайнем случае – 50 %. Кроме того, Политбюро в середине октября 1924 г. одобрило «6-ти месячное продолжение Японией нынешних работ» [18: с. 275; 27: с. 2]. Более того, понимая всю важность подписания соглашения с Японией, Советское правительство в середине октября 1924 г. приняло решение, что «уполномоченный СССР принесет правительству

Японии выражение искренних сожалений своего правительства за инцидент, заключавшийся в зверских преступных актах, имевших место в 1920 г. в г. Николаевск-на-Амуре» [17: с. 262; 18: с. 293].

В этой связи особенно интересным становится мнение руководителей Дальнего Востока о продолжении взаимоотношений с японскими дипломатами. Реально осознавая всю тяжесть экономической ситуации в регионе, особенно в условиях жесткой позиции Москвы относительно экономической стороны советизации региона, руководители Дальбюро ЦК, опираясь на поддержку ДРК, ратовали за скорейшее установление дипломатических отношений с Японией. Они были готовы пойти на «предоставление всей нефти японцам», только бы японские финансовые средства поскорей пришли в экономику ДВО. Между тем взысканная еще А. Иоффе с японских рыбопромышленников сумма в 1 млн. иен, за пользование русскими рыбалками в 1921–1922 гг., так и не поступила на Дальний Восток. Несмотря на требования уполномоченного наркомпрода Ф.А. Андрианова вернуть деньги во Владивосток, так как «...эта сумма вошла в доходную смету», деньги возвращены не были [6: с. 50, 50 об; 31: с. 62].

Такая соглашательская позиция дальневосточников была вполне объяснимой. На протяжении весны 1924 г. во Владивостоке велись торги с японскими фирмами на право вылова рыбы в советских территориальных водах. Переговоры шли весьма трудно, так как одним из ключевых вопросов был долг японских рыбопромышленников за пользование рыбалками в период интервенции на Дальнем Востоке. Торги завершились 6 апреля 1924 г., японцы признали задолженность в сумме 1, 750 млн. иен, из которых 1, 550 млн. иен были внесены в кассу «Дальрыбы» 16 марта 1924 г., а на остальные была оформлена рассрочка с выплатой японскими рыбопромышленниками по 400 тыс. иен ежегодно, под 8 % годовых [22: с. 34, 37].

Однако это соглашение носило временный характер, так как определяло условия ведения рыболовства только на один сезон. И его японские промышленники нарушали, незаконно осуществляя «свободный лов» на участках, не сданных им в аренду, что, естественно, причиняло вред экономике Дальнего Востока. Поэтому многие руководители ДРК и Дальбюро выступали за скорейшее установление официальных отношений между двумя странами.

Переговоры между Л.М. Караханом и К. Иосидзава завершились 20 января 1925 г. подписанием конвенции «Об основных принципах

взаимоотношений между странами». СССР и Япония объявили об установлении дипломатических отношений. Трудные вопросы советско-японских взаимоотношений о долгах прежних правительств были оставлены для решения на последующих переговорах.

В ходе переговоров сторонам удалось решить один из наиболее сложных вопросов тех лет – об эвакуации японских военных с северной части о. Сахалин. Еще в 1920 г. русская часть о. Сахалин, разделенного между Россией и Японией по итогам Русско-японской войны 1904–1905 гг., была захвачена японцами в качестве компенсации за «николаевский инцидент». Уже 30 января 1925 г. был образован Сахалинский ревком, который подчинялся ДРК [8: с. 172–180; 21: с. 3]. СССР согласился на предоставление японским концессионерам 50 % площади каждого из нефтяных месторождений на Северном Сахалине в концессию. После подписания соглашения стороны обменялись послами. Послом СССР в Японии был назначен В.Л. Копп, а Японии в СССР – Т. Танаки [18: с. 344–345].

Таким образом, заключенная в Пекине в 1925 г. конвенция закладывала основы взаимоотношений СССР и Японии и фиксировала достижения стран в четвертьвековом споре двух дальневосточных держав. Обе державы провозглашали желание жить в мире и дружбе и обязывались в своих взаимоотношениях исходить из принципа невмешательства во внутренние дела друг друга и воздерживаться от всякой открытой или скрытой враждебной деятельности.

Японские правящие круги обращали внимание, прежде всего, на экономический аспект сотрудничества. Огромные резервы российского Дальнего Востока давали необозримые для японских предпринимателей возможности мирного использования экспансионистских устремлений японского капитала, воли и энергии.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Военно-политический обзор по данным Разведывательной части штаба 5 Красной армии на 1 января 1924 г. Чита. – Российский государственный военный архив (РГВА) – Ф. 186. – Оп. 3. – Д. 22. – Л. 3–6
2. Выписка из протокола № 22 Главного концессионного комитета от 18 мая 1923 г. – Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) – Ф. 17. – Оп. 3. – Д. 357. – Л. 8.
3. Дальневосточная республика: Становление и борьба с интервенцией (февраль 1920 – ноябрь 1922 гг.). Ч. II. – Владивосток: Дальнаука, 1993. – 328 с.
4. Дальревком. Первый этап мирного Советского строительства на Дальнем Востоке. 1922–1926 гг. Сборник

документов. – Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1957. – 286 с.

5. Доклад помощника начальника бюро Мопреса о положении в Китае за сентябрь 1925 г. – РГВА. – Ф. 33987. – Оп. 3. – Д. 102. – Л. 5–97.

6. Докладная записка Р.И. Андрианова в Народный комиссариат продовольствия, 26 июля 1923 г. – РГАСПИ. – Ф. 372. – Оп. 1. – Д. 207. – Л. 50–50 об.

7. Документы внешней политики СССР. В 33 т. Т. 6. 20 ноября 1922 – 31 декабря 1923 г. – М.: Госполитиздат, 1962. – 672 с.

8. Дубинина, Н.И. Дальний Восток и советско-японские отношения в 20-е годы XX в. / Н.И. Дубинина // Дальний Восток. – 2009. – № 3. – С. 172–180.

9. Записка А.А. Иоффе, направленная Уполномоченному наркомата продовольствия по Дальнему Востоку Р.И. Андрианову. 21 июля 1923 г. – РГАСПИ. – Ф. 372. – Оп. 1. – Д. 207. – Л. 49.

10. Записка Главного концессионного комитета в Дальневосточное промышленное бюро и Дальневосточный революционный комитет. 31 мая 1923 г. – Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 8350. – Оп. 1. – Д. 554. – Л. 16.

11. Записка Л.М. Карахана в Политбюро ЦК РКП. Копии – членам Политбюро. 13 января 1923 г. – РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 163. – Д. 311. – Л. 6–7.

12. Запрос Дальневосточного Бюро ЦК РКП (б) главному врачу хабаровской больницы, главному врачу хабаровского военного госпиталя, старшему главному врачу Хабаровской железнодорожной больницы. 23 сентября 1924 г. – РГАСПИ. – Ф. 372. – Оп. 1. – Д. 906. – Л. 118–119.

13. Информационное сообщение Председателя Дальневосточного революционного комитета П.А. Кобозева Заместителю народного комиссара по иностранным делам Л.М. Карахану и секретарю ЦК РКП (б) И.В. Сталину. 5 февраля 1923 г. – РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 84. – Д. 342. – Л. 190–191.

14. Кошкин, А.А. Россия и Япония: Узлы противоречий / А.А. Кошкин – М.: Вече, 2010. – 480 с.

15. Кутаков, Л.Н. История советско-японских дипломатических отношений / Л.Н. Кутаков – М.: Госполитиздат, 1962. – 560 с.

16. Левкин, Г.Г. Было, но былшем не поросло... / Г.Г. Левкин. – Хабаровск: ХККМ им Н.И. Гродекова, 2006. – 159 с.

17. Молодяков, В.Э. Россия и Япония: поверх барьеров: Неизвестные и забытые страницы российско-японских отношений (1899–1929) / В.Э. Молодяков. – М.: «ООО «Издательство АСТ»: «ООО Издательство Астрель», 2005. – 369 с.

18. Москва – Токио: Политика и дипломатия Кремля. Сб. документов – Т. 1. 1921–1925 гг. – М.: Наука, 2007. – 757 с.

19. Обзор американской печати о деятельности японского Министерства иностранных дел. Март 1923 г. – РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 84. – Д. № 403. – Л. 55–56.

20. Отчет А.А. Иоффе о поездке в Токио, представленный Г.В. Чичерину, В.И. Ленину, копии в Революционный военный совет Республики, Политбюро, Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала, Совет Народных Комиссаров, Центральный комитет РКП. 12 апреля 1923 г. – РГАСПИ. – Ф. 159. – Оп. 2. – Д. 60. – Л. 16–31.

21. Отчет Дальневосточного революционного комитета за январь – март 1925 г. – РГАСПИ. – Ф. 372. – Оп. 1. – Д. 1019. – Л. 3.

22. Отчет Дальневосточной концессионной комиссии Дальневосточному промышленному бюро. 1924 г. – Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). – Ф. 353. – Оп. 1. – Д. 33. – Л. 34–37.
23. Протокол Политбюро ЦК РКП (б) № 62. От 21 апреля 1923 г. – РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 3. – Д. 348. – Л. 2.
24. Протокол Политбюро ЦК РКП (б) № 9 от 31 мая 1923 г. – РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 3. – Д. 357. – Л. 2.
25. Протокол Политбюро ЦК РКП (б) № 10 от 27 марта 1924 г. – РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 3. – Д. 429. – Л. 2.
26. Протокол Политбюро ЦК РКП (б) № 59 от 29 марта 1923 г. – РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 3. – Д. 345. – Л. 2.
27. Протокол Политбюро ЦК РКП № 29 от 16 октября 1924 г. – РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 3. – Д. 694. – Л. 2.
28. Протокол Политбюро ЦК РКП № 34 от 13 октября 1924 г. – РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 3. – Д. 474. – Л. 2.
29. *Смоляк, В.Г.* Междоусобица / В.Г. Смоляк. – Хабаровск: ХККМ им Н.И. Гродекова, 2009. – 186 с.
30. СССР и Япония. – М.: Наука, 1974. – 428 с.
31. Телеграмма Г.В. Чичерина Л.М. Карахану. 21 октября 1924 г. – РГАСПИ. – Ф. 159. – Оп. 2. – Д. 61. – Л. 62.
32. Телеграмма Л.М. Карахана в Народный комиссариат иностранных дел. 13 октября 1924 г. – РГАСПИ. – Ф. 82. – Оп. 2. – Д. 1383. – Л. 16.
33. Телеграмма Л.М. Карахана Г.В. Чичерину. 2 июня 1924 г. – РГАСПИ. – Ф. 159. – Оп. 2. – Д. 60. – Л. 124–126.
34. Телеграмма Л.М. Карахана Г.В. Чичерину. 23 июня 1924 г. – РГАСПИ. – Ф. 159. – Оп. 2. – Д. 60. – Л. 138.
35. Телеграмма П.А. Кобозева в ЦК РКП (б) И.В. Сталину, копия в Народный комиссариат по иностранным делам. 5 марта 1923 г. – РГАСПИ. – Ф. 372. – Оп. 1. – Д. 196. – Л. 26–27.
36. Телеграмма П.А. Кобозева во Владивосток, председателю губернского революционного комитета Л.М. Бельскому. 25 января 1923 г. копия в Народный комиссариат иностранных дел. – РГАСПИ. – Ф. 372. – Оп. 1. – Д. 196. – Л. 144.
37. Инструкция ЦК РКП Уполномоченному Народного комиссариата продовольствия по Дальнему Востоку и «Главрыбы» Р.И. Андрианову. 9 августа 1923 г. – РГАСПИ. – Ф. 372. – Оп. 1. – Д. 170. – Л. 141.
38. *Фудзимото, В.* Дальневосточная республика и Япония / В. Фудзимото // Дальний Восток России в контексте мировой истории : материалы международной науч. конф. – Владивосток, 1997. – С. 141.

РЕАЛИЗАЦИЯ «БИРОБИДЖАНСКОГО ПРОЕКТА» И ЗАРУБЕЖНОЕ ЕВРЕЙСТВО (КОНЕЦ 1920 – 1930-е гг.)

В.В. Романова

Романова Виктория Валентиновна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой политической истории Дальневосточного государственного гуманитарного университета (г. Хабаровск).

Контактный адрес: victoryarom@yandex.ru

В статье исследуется проблема взаимодействия большевистской власти и левых кругов зарубежной еврейской диаспоры в процессе реализации «биробиджанского проекта» в конце 1920 – 30-х гг. Рассматриваются причины, по которым еврейские организации различных стран оказывали поддержку советским планам создания еврейской автономии на Дальнем Востоке.

Ключевые слова: «биробиджанский проект», зарубежная еврейская диаспора, еврейское переселение, колонизация.

Появление у советского руководства планов землеустройства еврейских трудящихся связано с особой политикой, проводившейся большевиками в первые годы правления, в отношении евреев как наиболее пострадавшего при царизме народа. Кроме того, Гражданская война, сопровождавшаяся страшными погромами на Украине и юге России, а также экономические мероприятия новой власти обусловили бедственное положение еврейских масс бывшей «черты оседлости». Как отмечал председатель ВЦИК М.И. Калинин, «...Октябрьская революция на первых порах, в период острой гражданской борьбы уничтожила – по крайней мере, на время – основу, не то что благосостояния, но самой возможности существования еврейского населения – кустарные промыслы. Это был основательный удар по городской и местечковой бедноте, именно, по бедноте» [37].

Между тем начало аграрного переселения евреев из «черты оседлости» было стихийным. На это указывал Б.Д. Бруцкус. По его данным, в течение 1922–1924 гг. около двух тысяч местечковых евреев, спасаясь от голода, «по собственной инициативе решились двинуться в степи». За ними последовали другие. «Не подлежит сомнению, – отмечал Б.Д. Бруцкус, – что это неупорядоченное движение должно было закончиться катастрофой, – большинство переселенцев, вероятно, разорилось бы и даже погибло в степях. Этому переселенческому движению, однако, посчастливилось. Совершенно неожиданно Советская власть им сильно заинтересовалась, она решила его поддержать и упорядочить» [1]. С этой целью в августе 1924 г. постановлением Президиума ЦИК СССР был образован Комитет по земельному устройству трудящихся евреев

(Комзет) во главе с П.Г. Смидовичем. Он существовал при Президиуме Совета национальностей. Наряду с Комзетом, структурой государственной власти, в декабре того же 1924 г., был создан Общественный комитет по земельному устройству трудящихся евреев (Озет) во главе с Ю. Лариным (М.З. Лурье). Эта организация была призвана, прежде всего, мобилизовать общественность на поддержку планов землеустройства евреев.

Советское руководство в своей деятельности в этом направлении очень рассчитывало на помощь зарубежного еврейства. Оно учитывало традиции филантропии и солидарности, исторически присущие этому народу, а также отдавало, по-видимому, себе отчет в том, что значительная часть российских евреев, покинувшая страну в результате антисемитской политики царизма и осевшая в основном в США, оценила позиции большевиков в «еврейском вопросе» в те годы, их последовательную борьбу с антисемитизмом. Кроме того, в этот период еще не иссякли симпатии в довольно широких кругах западной общественности к русской революции.

Готовой организационной структурой для развертывания кампании в поддержку этих планов был, несомненно, Коминтерн. Судя по архивным документам, именно зарубежные компартии стали ядром этой работы. Но поскольку ей необходимо было придать беспартийный характер, дабы привлечь возможно более широкие круги еврейства, она осуществлялась через Озет. Большевики рассчитывали, что при поддержке компартий им удастся организовать структуры, способные стать центром работы по пропаганде планов советского правительства и организации им финансовой помощи. В докладе Ю. Ларина на

объединенном заседании правления, совета и ревизионной комиссии Озета 26 мая 1925 г. подчеркивалась необходимость создания за границей групп содействия для моральной и материальной поддержки Озета [8]. Для этих целей в различные страны были командированы работники Озета, выделялись, надо полагать, немалые деньги. Деятельности придавалась антисионистская направленность, поскольку сионизм (или «палестинизм») рассматривался как буржуазное националистическое течение, вредное для пролетарских масс. При этом советское руководство и не скрывало, что оно рассчитывает в первую очередь на помощь состоятельных евреев. Вот как об этом говорил М.И. Калинин, выступая на съезде Озета в ноябре 1926 г.: «Советское правительство не мешает, чтобы еврей-переселенцы в национальном отношении получали помощь даже от евреев-капиталистов, находящихся за пределами СССР, за границей, ибо у себя, в СССР, евреев-капиталистов мы в свое время благополучно ликвидировали». И далее уточнил: «Не физически ликвидировали, а ликвидировали их капиталы, поэтому они потеряли значение» [36: с. 30]. Под смех и аплодисменты делегатов всесоюзный староста, ерничая, в сущности, сформулировал отношение советской власти к этой помощи: «...те капиталисты Запада, которые помогают еврейскому народу, ...по существу, давая эти подачки, они до известной степени этими подачками хотят на том свете завоевать местечко около Моисея... Я думаю, товарищи, что мы принимаем не милость от западных капиталистов..., а мы принимаем как должное, заботясь о спасении их душ» [36: с. 43]. Понятно, что руководство заботилось, в первую очередь, о привлечении средств на социалистическое строительство любыми путями и под любыми предлогами.

Одной из первых зарубежных организаций, откликнувшихся на призыв оказать помощь еврейскому переселенческому движению в СССР, было американское еврейское благотворительное общество «Джойнт». Уже в декабре 1924 г. Комзет заключил договор о сотрудничестве с сельскохозяйственным отделением этой организации – «Агро-Джойнтом». Его представительство в Москве возглавил И. Розен, выходец из России, человек, который, по словам проф. Кагана, работавшего в Озете, был «пропитан теми настроениями, которыми была пропитана наша интеллигенция еще в дореволюционное время» [9]. Однако «Джойнт» оказывал в эти годы помощь еврейской колонизации Палестины, а потому его поддержка советских планов не была единодушной.

Тем не менее на основании договора, подписанного с советским правительством, «Агро-Джойнт» обязывался предоставить для целей еврейской колонизации денежный заем в размере 9 млн. долл. сроком на 17 лет [39].

Наряду с «Агро-Джойнтом», были заключены договоры о сотрудничестве с Еврейским колонизационным обществом – ЕКО (февраль 1926 г.), Союзом обществ земельного и ремесленного труда среди евреев – (ОРТ) (март 1926 г.). Но их помощь была значительно скромнее. Общая же сумма иностранных вложений в период с 1924 по 1928 гг. превышала выделенные государством средства почти в четыре раза [40]. Однако денег не хватало. Освоение южных степей с их тяжелыми почвами и засушливым климатом требовало гораздо больших затрат. К тому же колонизационные возможности европейской части страны, традиционно страдавшей от аграрного перенаселения, были ограничены. Кроме того, власть опасалась усиления в местах еврейской колонизации антисемитизма. На это, например, указывал нарком земледелия А. Смирнов [2]. Известно также, что планы создания еврейской автономии в Крыму вызвали в 1926–1927 гг. сопротивление со стороны руководства Крымской республики, в частности, председателя ЦИК В. Ибрагимова [38]. В этой связи руководство Евсекции большевистской партии считало целесообразным поиск других территорий, свободных либо малозаселенных. Вскоре, весной 1928 г., с этой целью довольно многочисленная экспедиция (180 чел.) обследовала районы Азовского побережья и степи северного Казахстана. По результатам был составлен многотомный доклад, который, впрочем, так никто и не обсуждал [47]. В марте того же года было принято постановление Президиума ЦИК СССР о выделении Биробиджанского района для сплошного заселения трудящимися евреями. Здесь следует отметить, что с 1926 г. началось организованное переселение на Дальний Восток. ВЦИК признал в качестве неотложной задачи заселение этого района страны, учитывая его экономическое и геополитическое положение. В ряду территорий, пригодных для заселения, был признан и Бирско-Тунгусский район, обследованный экспедицией Дальневосточного земельного управления в 1925 г. Два года спустя его посетили и представители Озета и Комзета, положительно оценившие перспективы территории.

Поначалу освоение выделенного правительством района на Дальнем Востоке шло достаточно вяло. Он рассматривался в качестве одного,

но отнюдь не главного объекта еврейской колонизации, наряду с областями степной Украины, Крыма и др. (об этом свидетельствует постановление Совета народных комиссаров «О мероприятиях по улучшению экономического положения еврейских масс в Союзе ССР, принятое 22 апреля 1929 г.). Денег выделялось крайне мало, местные власти принятое в Москве решение застало врасплох, и они практически не были готовы к приему переселенцев.

Ситуация резко изменилась в 1931 г., когда Япония оккупировала Маньчжурию и ввела туда Квантунскую армию. Стратегическое значение этой территории, находившейся как раз напротив, резко возросло. Это потребовало интенсификации процесса ее заселения и хозяйственного освоения. Было очевидно, что переселить сюда массы еврейской бедноты из бывшей черты оседлости будет очень сложно по многим основаниям. Потребовалась масштабная кампания по пропаганде «биробиджанского проекта». Евреев агитировали за переезд на Дальний Восток, суля им не только широкие экономические возможности, но и перспективу создания там собственной государственности.

Существенной составной частью реализации проекта становится организация финансовой и моральной поддержки со стороны зарубежной еврейской диаспоры. Принятое советским правительством решение усилило раскол среди еврейской общественности европейских стран и США. Даже та ее часть, которая поддерживала советские планы землеустройства евреев, «биробиджанский проект» расценила как неприемлемый. Очевидно, что абсолютное большинство еврейских благотворительных организаций от участия в нем отказалось. Крупнейший партнер Комзета американский «Агро-Джойнт», по утверждению издававшейся в Харбине газеты «Еврейская жизнь», потребовал включить в текст договора о сотрудничестве пункт о том, что ни один цент из выделенных денег не должен пойти на Биробиджан [34].

В этих условиях предстояло резко активизировать работу заграничных левых еврейских организаций и групп. Озетом стали создаваться такие структуры практически по всему миру. Вскоре, судя по отчету Озета, они образовались в 20 странах, в том числе в США, Канаде, Аргентине, Мексике, Уругвае, Бразилии, Южной Африке, Палестине, Австралии, Польше, Англии, Дании, Швеции, Германии, Австрии, Бельгии, Чехословакии и др. [10]. Некоторые из них существовали нелегально, как, например, харбинская, созданная в 1929 г. [4]. В девяти странах

издавались специальные журналы и бюллетени, думается, не без финансовой поддержки СССР – в США, Канаде, Аргентине, Бразилии, Южной Африке, Польше, Дании, Австрии, Мексике [11]. Озет снабжал их пропагандистским материалом, а некоторых активистов созданных групп приглашал в Советский Союз и организовывал поездки в Биробиджан с тем, чтобы они лично убедились в его прекрасных возможностях и смогли об этом рассказать. Так, вернувшаяся из Биробиджана делегация аргентинского «Прокора» опубликовала у себя на родине отчет, в котором содержался вывод, что «...только таким путем советское правительство уничтожит антисемитизм, шовинизм и национализм» [12].

Сотрудничавшие с Озетом организации занимались пропагандой социалистического опыта СССР вообще и в области решения «еврейского вопроса» в частности, боролись с сионизмом и всячески популяризировали «биробиджанский проект», призывая к его поддержке. Акценты в этой деятельности расставлялись по-разному, в зависимости от степени радикальности организации, численности диаспоры, традиций, политической ситуации и т. д. Где-то все ограничивалось только лекциями, как например, в Бразилии, Мексике, Австралии, Латвии, Австрии, ЮАР. Цель организации морального и финансового содействия советским планам, причем без открытых антисемитских выпадов, формулировались в уставе английского общества в поддержку еврейской колонизации в СССР «Икос» [13]. Сбор средств в поддержку Биробиджана осуществлялся в США, Германии, Дании. В тех странах, где численность еврейского населения была значительной, и действовали различные политические еврейские организации, между которыми велась борьба, отношение к «биробиджанскому проекту» было предметом острой подчас конфронтации. Так было, например, в Польше. Созданный там при участии Озета «Агроид» был весьма активен. Издававшийся им журнал «Ибербой», отмечал, что «движение охватило всю страну, оно повсюду преследует одну и ту же цель: бороться с сионизмом, бороться с антисемитизмом и реакцией, бороться с врагами еврейских трудящихся Советского Союза» [14]. Заметим, что в этой иерархии борьба с сионизмом стоит на первом месте, видимо, опережая по актуальности даже борьбу с антисемитизмом (заметим, в стране, где он традиционно имел широкое распространение).

Любопытный документ рассказывает о лекции, состоявшейся в Харбине, где существовала

весьма многочисленная еврейская община. Это вырезка довольно обширной статьи на русском языке, озаглавленной «Кровавое побоище на докладе о Биробиджане» из газеты за 7 января 1932 г. без указания названия и места издания. На лекции Гины Медем, по предположению на тот момент сотрудницы польского «Агроида», побывавшей накануне в Биробиджане, в местном еврейском клубе собралось около тысячи человек. Докладчица поделилась своими очень благоприятными впечатлениями от поездки. Во время выступления, как пишется в статье, «...в зале поднялся шум. Молодежь разбилась на два лагеря и в зависимости от своих убеждений реагировала на слова докладчицы свистом или аплодисментами. В зале поднялся невообразимый шум. ...Многие слушатели кричали в сторону докладчицы: "...Мы не верим в эту чепуху! Все равно не поедим в Биробиджан". Страсти разгорались, и на задних рядах возникла драка среди молодых сионистов и коммунистов. ...Среди слушателей в передних рядах, не знавших, что происходит, возникла паника. Перепуганные женщины подняли крик. Несколько из них упало в обморок, а остальные в испуге пытались пробиться сквозь толпу к выходу. В начале дрались кулаками, а затем несколько юношей схватили стулья и тяжелые ящики и начали бить друг друга. Неизвестно, какие бы размеры приняла эта новая драка, если бы в дверях клуба не появился вызванный усиленный наряд полиции с резиновыми дубинками. ... В общем полиция задержала 40 человек» [7].

Этот эпизод, хотя и нетипичен с точки зрения методов разрешения идейных разногласий, тем не менее, отражает ситуацию, сложившуюся в среде зарубежной еврейской диаспоры вокруг Биробиджана. Во многом повинны в ней были советские большевики, исходившие в любом вопросе из классовых приоритетов и вносившие в идею еврейской колонизации именно этот подход. Землеустройство еврейских трудящихся в СССР должно было рассматриваться как мероприятие социалистического характера, в то время как колонизация Палестины – буржуазного.

Из всех заграничных организаций наиболее тесные отношения в эти годы сложились с американским ИКОР¹. Известно, что организация

была основана в декабре 1924 г. еврейскими коммунистами и левыми сионистами, скорее всего, выходцами из Российской империи с целью оказания помощи плану землеустройства евреев СССР. Похоже, до появления «биробиджанского проекта» советская сторона не испытывала к ней большого интереса. Гораздо большие выгоды сулило сотрудничество с уважаемым «Джойнтом». И только в связи с разработкой плана еврейского землеустройства на Дальнем Востоке возник интерес к деятельности ИКОР. В декабре 1928 г. в Москву был приглашен его председатель Ч. Кунц, где он присутствовал на заседаниях Президиума Центрального совета Озета, рассматривавших вопросы колонизации Биробиджана. Профессор Ч.Кунц стал большим энтузиастом хозяйственного освоения этого района, превращения его в современный аграрно-индустриальный комплекс, способный удовлетворять разнообразные потребности человека. Однако его высокие планы расходились с намерениями советского руководства, исходившего из совершенно других приоритетов. Это очень огорчало американца, и он не хотел с этим мириться. Так, посетив несколько заседаний Президиума Центрального совета Озета, он направил в его адрес записку, в которой изложил свое мнение относительно характера обсуждения поставленных вопросов. Отметив глубокую серьезность, с которой «разбирались разные предметы», Кунц обратил внимание на то, что «...колонист же, его судьба, перспективы его будущего, его экономическая, социальная и культурная жизнь темой этих заседаний почти что не являлись» [15].

Несмотря на то, что Ч. Кунц был для советской стороны не самым удобным партнером, сотрудничество с ИКОР укреплялось, ибо другой американской еврейской организации, способной оказать реальное содействие «биробиджанскому проекту», в то время не было. 7 марта 1929 г. Совнарком СССР заключил с ИКОР договор об «...оказании помощи расселяющимся трудящим-

¹ К сожалению, не удалось отыскать архив этой организации. Его не оказалось ни в Институте еврейского рабочего движения (YIVO), находящемся в

Нью-Йорке, ни среди коллекции документов American Jewish Archives, хранящейся в Цинциннати. Скорее всего, он был уничтожен во избежание политических преследований в период «охоты на ведьм» в США в 1950-е годы. Однако в указанных архивах, а также в библиотеке Hebrew Union College (Цинциннати), сохранились издававшиеся ИКОР журналы, брошюры и другие издания, в которых содержится большой массив информации о его деятельности.

ся евреям в СССР». В соответствии с ним только в 1929 г. организация обязывалась поставить в Биробиджан оборудования на общую сумму в 145320 долл. [16]. Всего же за период с мая 1928 по май 1929 г. она снабдила колонистов машинами, инструментами и оборудованием на сумму около 150 тыс. долл. [45].

Помощь этим не ограничивалась. Осенью 1929 г. ИКОР была организована экспедиция в Биробиджанский район под председательством профессора Ф. Гарриса. В ее составе были специалисты в области сельского хозяйства, фермерского и кооперативного движений Б. Браун, Б. Дэвидсон, Ч. Кунц, К. Сулс, а также секретарь ИКОР Л. Тэлми – всего 6 человек. В течение 6 недель в довольно сложных условиях комиссия изучала колонизационные возможности района. В результате был составлен доклад, в котором выражалась уверенность, что «...еврейские переселенцы сумеют превратить Биробиджан в хорошо развитую цветущую страну» [5]. Его выводы впоследствии широко использовались в агитационной работе среди евреев как СССР, так и зарубежья. По возвращению в Москву члены экспедиции были приняты Председателем СНК А.И. Рыковым. На этой встрече профессор Ф. Гаррис говорил уже не столько о благоприятных возможностях Биробиджана, сколько об условиях их реализации. В их числе были названы необходимость увеличения финансирования, ускоренное проведение мелиорации, улучшение быта переселенцев, создание возможностей для развития культуры и др. На это Рыков ответил, что «...вопрос о выделении дополнительных средств будет зависеть от того, останутся ли для этого средства после удовлетворения других, еще более неотложных потребностей государства и народного хозяйства» [17].

Деятельность заграничных организаций содействия еврейскому землеустройству в СССР оказалась востребованной в условиях небывалого экономического кризиса 1929 г. и последовавшей за ним «великой депрессией». На этом фоне высокие темпы развития советской экономики, впечатляющие социальные достижения, в том числе в области национальных отношений, в сочетании с шумной пропагандой не могли не произвести впечатление на еврейские массы, в первую очередь, бывших российских евреев. В Озет стали поступать многочисленные письма от безработных евреев различных стран, увидевших в переезде в Биробиджан шанс для спасения себя и своих близких. Архив этой организации хранит массу таких посланий, авторы ко-

торых буквально молят советские власти предоставить им возможность переезда в СССР.

Первоначально в советских планах «землеустройства трудящихся евреев» непосредственное привлечение на Дальний Восток переселенцев из-за рубежа не предусматривалось. Однако вскоре советское руководство изменило свою позицию в данном вопросе. Во многих странах, в том числе Литве, Польше, США, Аргентине, на территории Палестины и др. местные группы содействия советским планам еврейской колонизации развернули кампанию по созданию групп переселенцев в Биробиджан. На пожертвования покупались тракторы, инструменты, медицинское оборудование и т. д., которые везли с собой отъезжавшие. Например, известно, что первая американская группа из 14 человек, выехавшая из Лос-Анжелеса в мае 1932 г., привезла с собой 50 т оборудования [6]. Вместе с тем, судя по всему, это не был стихийный процесс, определявшийся исключительно инициативой «снизу». Контрольные цифры по «переселению в Биробиджан из-за границы еврейских рабочих» включались в планы работы Озета [18].

Как свидетельствуют документы, основным мотивом переезда в Биробиджан для большинства иностранных евреев был отнюдь не идеологический, а скорее, экономический. Хотя имелись среди переселенцев члены левых партий различных стран, люди, глубоко симпатизировавшие СССР, искренне верившие в социалистические идеалы и решившие внести свой вклад в их осуществление. Существенным компонентом мотивации для многих явилась обещанная советским руководством перспектива создания еврейского национально-государственного образования. Но в массе своей люди ехали просто в поисках лучшей доли, измученные бедностью, национальным унижением, отсутствием Отечества.

Однако организовано переселение было из рук вон плохо. Краевые власти оказались к нему практически не готовы. Поспешно принятые в Москве решения с ними не согласовывались, необходимые для обустройства людей средства (в отличие от колоссальных затрат на пропагандистское обеспечение кампании) не выделялись, уровень компетентности организаций, занимавшихся переселением, был крайне низок. Все это сопровождалось халатностью и стремительно складывавшейся советской традицией равнодушного отношения к конкретному человеку, его проблемам и нуждам.

Следует отметить, что местное руководство пыталось, по меньшей мере, отложить это пере-

селение. Об этом свидетельствует, например, состоявшееся 9 июля 1931 г. заседание бюро Биробиджанского райкома ВКП(б), рассматривавшее вопрос «о приеме заграничных переселенцев» в связи с полученной телеграммой Комзета. В итоге было принято постановление: «В виду неподготовленности к приему заграничных переселенцев – отсутствие жилья и др., в 1931 г. от приема воздержаться за исключением переселенцев из Литвы – 350 семей, желающих переqualificироваться на плотнично-столярные квалификации» (так в тексте – *В.Р.*) [28]. Тем не менее за период 1931–1932 гг. в Биробиджан было направлено свыше тысячи переселенцев из Европы, Северной и Южной Америки [19]. В частности, за период с 1 января по 24 августа 1932 г. прибыло 586 чел., в том числе из США – 71 чел., Польши – 20, Румынии – 43, Литвы – 121, Франции – 90, Бельгии – 47, Аргентины – 71, Бразилии – 10, Уругвая – 4, Германии – 62, Данцига – 19, Палестины – 28 [29]. По другим данным, в период с июля 1931 г. по декабрь 1932 г. въехали из-за рубежа 484 чел. [30].

Можно только догадываться, каковы были ощущения прибывших иностранцев. Многие так и не дождались своего багажа – он пропал в пути [31]. Как показала проверка, проведенная Биробиджанским райкомом ВКП(б) в начале января 1932 г., условия их проживания были «недопустимо плохие», отсутствовала квалифицированная медицинская помощь. Жилья не хватало, а то, что имелось, не соответствовало не только санитарно-гигиеническим нормам, но и местным погодным условиям, особенно суровым зимам (во многих домах отсутствовали печи) [32].

Абсолютное большинство прибывших были горожанами, не владевшими сельскими профессиями. Все они, за небольшим исключением, являлись квалифицированными рабочими: столярами, слесарями, механиками, текстильщиками и др. [20]. Люди не могли найти работу в соответствии со своей квалификацией и использовались «...на вспомогательных работах, главным образом, по самообслуживанию (доставка дров, воды для собственного употребления и т. д.)» [32]. Кроме того, по мере освоения новых территорий стал очевидным завышенный оптимизм первоначальных прогнозов местных возможностей. Земли были сильно заболоченными, соответствующей техники не хватало, отсутствовала агрокультура, досаждали гнус и комары.

Указанные выше обстоятельства вызвали интенсивный процесс «обратничества» (официальный термин тех лет). Можно возразить, что

трудности и лишения – удел всех пионеров освоения, будь то Америка, Палестина или Дальний Восток. Думается, в данном случае главным негативным фактором явился завышенный уровень ожиданий прибывших из-за рубежа колонистов, сформированный соответствующей пропагандой. Действительность оказалась совсем иной. И, как показывают документы, там, где советские евреи часто мирились с бытовыми и хозяйственными трудностями, равнодушием чиновников, халатностью и безалаберностью, иностранцы выражали неприятие и протест, главным образом – «ногами». Процент «обратничества» среди иностранных евреев был намного выше, чем среди советских. В местных партийных документах это объяснялось в значительной степени наличием среди переселенцев «чуждых и неустойчивых элементов». А в качестве радикального средства борьбы с массовым оттоком предлагался ускоренный, в упрощенном порядке, перевод иностранцев в советское гражданство.

Тем не менее по разным оценкам, около двухсот человек, в первую очередь, из числа членов коммунистических партий разных стран, остались. Большая их часть влилась в коммуны ИКОР, организованную в апреле 1928 г. прибывшими из Белоруссии учащимися еврейской агрошколы [3: с. 99]. Название своей коммуне они дали в честь уже известной американской организации. В 1931 г. она была переименована в ИКОР-Соцгородок. Здесь следует пояснить, что идея создания «Соцгородка» принадлежала Ч.Кунцу. По его замыслу, это должно было быть большое современное поселение агроиндустриального типа на одну тысячу семей, т. е. приблизительно на пять тыс. чел. [21]. Американский ИКОР направлял помощь в виде техники.

Для претворения своей идеи в жизнь профессор выехал с единомышленниками в Биробиджан. Вначале трудности, с которыми прибывшие столкнулись на месте, воспринимались как временные и неизбежные. Но они компенсировались, по убеждению Ч. Кунца, высокими идеалами социалистического переустройства. Вот как он делился своими впечатлениями в статье «Биробиджанская история», напечатанной в Нью-Йорке в «икоровском» ежегоднике: «Как адаптируются «иностранцы» в Биробиджане? По-разному. ...Многие прибывшие испытывают разочарование. Их чувства похожи на ощущения человека, прибывшего из благополучной и высокоразвитой страны в полудикое место, находящееся в процессе строительства. Но вскоре они осознают, что открывается перед ними: огромные возможности

построить собственную жизнь – богатую в человеческом и культурном смысле» [43].

На первых порах коммуна ИКОР-Соцгород действовала весьма успешно. По устным воспоминаниям Я.И. Гуревича (Горовица), приехавшего подростком вместе с родителями из Нью-Йорка, в ее распоряжении имелось привезенное из США оборудование – пять катерпилеров, две электростанции, два экскаватора и др. Коммунары построили небольшую мебельную фабрику по производству стульев, которые пользовались высоким спросом. Для детей открыли школу. Неплохо снабжалась коммуна продуктами питания. Однако очень скоро в их устроенный быт вторглась советская реальность. Часть техники была изъята и переброшена в другие районы, построенное жилье стало предоставляться не членам коммуны. Силен был большевистский принцип «отобрать и поделить». Это вызвало обоснованное недовольство членов коммуны. Проекты профессора-романтика совершенно не вписывались в советские планы и в реальность. Многие стали уезжать. В 1933 г. Биробиджан покинул Ч. Кунц, а с ним и многие приехавшие из США бывшие поклонники «биробиджанского проекта» [3: с. 108].

7 мая 1934 г. ЦИК СССР принял постановление о преобразовании Еврейского национального района в Еврейскую автономную область в составе Дальневосточного края. Это решение было призвано активизировать переселенческий процесс, ибо придавало территории статус государственности. Однако оно не смогло предотвратить отток переселенцев, в первую очередь, прибывших из-за рубежа. Он усилился вследствие вышедшего в сентябре 1935 г. постановления Совнаркома «Об утверждении правил о порядке въезда из-за границы в СССР трудящихся-евреев на постоянное жительство в ЕАО», соответствии с которым все въезжавшие должны были принять советское гражданство. По словам Я.И. Гуревича, например, из 35 состоявших в коммуне ИКОР американских семей, 30 вернулись домой. Очевидно, свою роль сыграли и обозначившиеся признаки улучшения экономической ситуации в США в результате проводимого Ф. Рузвельтом «нового курса». Американцы начинали преодолевать страх и обретать надежду на новую жизнь.

Иная обстановка была в Европе вследствие пришедшего в Германии в 1933 г. к власти нацизма. Усилились антисемитские настроения. Преследуя немецких евреев, правительство Гитлера до 1938 г. поощряло их выезд из страны, но

благополучные государства не торопились открывать двери беженцам. Это подпитывало готовность части европейских евреев, оказавшихся в тяжелой экономической и социально-психологической ситуации, перебраться в Еврейскую автономную область.

Нараставшая в Европе фашистская угроза не могла не волновать мировую еврейскую общественность, хотя масштабов предстоявшей трагедии никто не предвидел. Как представляется, советское руководство в сложившейся ситуации увидело новые возможности для активизации участия зарубежной еврейской диаспоры в «биробиджанском проекте». Харбинская «Еврейская жизнь» в конце 1933 г. опубликовала сообщение о беседе сотрудника агентства «Эксчендж Телеграф» с председателем Комзета П.Г. Смидовичем, в которой последний заявил о готовности Советского Союза предоставить убежище немецким евреям. «Если этот проект будет принят, – сказал Смидович, – СССР предложит новым эмигрантам образовать автономную республику на территории Биробиджана». Он не отрицал, что осуществление проекта будет связано с большими трудностями, и выражал надежду на помощь «мирового еврейства» [34].

Сигнал о том, что Советское правительство готово обсуждать вопрос о приеме еврейских беженцев в обмен на помощь, вызвал широкий резонанс в еврейском мире. Лорд Д. Марлей, вице-председатель палаты лордов британского парламента, председатель Международного комитета помощи жертвам германского нацизма, бывший в то время почетным председателем ИКОР, выступил с меморандумом, в котором призвал Советское правительство установить хотя бы небольшую квоту для евреев из разных стран на переселение в ЕАО [22]. Он утверждал, что в случае войны Биробиджан станет самым безопасным местом в мире: «Как член Британского генерального штаба и как человек, всю свою жизнь бывший солдатом, я могу заявить, ни один генштаб не станет планировать нападение на Биробиджан, потому что это будет явной потерей времени». Даже будучи отрезанной от остальной части страны, – считал он, – область сможет обеспечивать себя собственной продукцией [47]. К меморандуму лорда Марлея советская сторона проявила осторожный интерес. Он сулил определенные перспективы привлечения в ЕАО новых поселенцев, а самое главное – иностранных денег.

Известия о намерениях Советского правительства изменили позицию Агро-Джойнта в во-

просе об еврейской колонизации на Дальнем Востоке. В 1934 г. Биробиджан посетил Розен. Перспективы освоения выделенной территории он оценивал не так восторженно, как его соотечественники в 1929 г. Тем не менее Агро-Джойнт начал поставки машин и оборудования в ЕАО.

К этому времени деятельность многих зарубежных организаций содействия Озету сошла на нет. Некоторые из них были закрыты властями, как например, польский «Агроид», другие перестали существовать вследствие отсутствия поддержки. Это затрудняло для желавших переехать в ЕАО, возможность организационной и финансовой помощи. В этих условиях применяется другая форма переезда: люди приезжали в Биробиджан по линии «Интуриста», на месте принимали советское гражданство и оставались на жительство. Таким образом, например, в 1935 г. переехали 13 туристов из Литвы. В том же году прибыли евреи из Польши, Австрии, Чехословакии [23].

Между тем известие о готовности Советского правительства «принять, – как писал издававшийся ИКОР журнал «Nailebn», – 4500 евреев из разных стран для поселения в Биробиджане» [40] вызвало большое воодушевление среди членов организации, отмечавшей в 1935 г. свой десятилетний юбилей. Она увидела для себя новые возможности для активизации деятельности.

В том же году в США создается другая организация – Комитет содействия Биробиджану, получившая название «Амбиджан». Как представляется, она имела своей целью поддержку ЕАО как места возможного проживания евреев из Германии и стран Восточной Европы, которым угрожала опасность. Амбиджан не имел выраженной левой политической ориентации и, скорее всего, не был связан с Коминтерном. Комитет занимался распространением информации о Еврейской автономной области и сбором средств для оказания ей финансовой помощи.

В августе 1935 г. представители «Амбиджана» посетили председателя Комзета С.Е. Чуцкаева и передали письмо, в котором ставился ряд вопросов, связанных с перспективой переселения евреев в ЕАО. Заручившись поддержкой Комзета, Амбиджан разворачивает активную работу по мобилизации помощи еврейской общественности США, сбору денежных средств для потенциальных переселенцев.

В январе 1936 г. в газете «Observer» (г. Нэшвил, штат Теннесси) была опубликована весьма характерная статья Дж. Маркуса, одного из крупных специалистов США в области внешней торговли. В ней автор, описывая тяжелую ситуа-

цию, в которой оказались евреи Восточной Европы, называет создание в Советском Союзе «Еврейской автономной республики» «лучом надежды, засиявшим в казавшейся безнадежной ситуации». Маркус утверждал, что «...как только леса будут раскорчеваны пионерами переселения с помощью современной техники, выделенной Советским правительством, как только земли будут подготовлены еврейскими фермерами, а также построены дороги и дома, многим и многим тысячам нерусских евреев будет позволено приехать на свою новую Родину» [24]. Трудно понять, чего больше в этой статье незнания реальной ситуации, сложившейся в Биробиджане и вокруг него, или стремления выдать желаемое за действительное. Не исключено, что комплиментарный тон статьи имел наивную цель подвигнуть советскую сторону на более активные действия в желаемом направлении.

В том же году состоялось выступление по радио конгрессмена В. Маркантонио на тему «Антисемитизм и Биробиджан», в котором он сообщал о благородных намерениях Советского правительства и призывал слушателей сдавать деньги для переезда еврейских семей из Польши, Германии и Прибалтики в Биробиджан [41].

В марте 1936 г., очевидно, с целью выяснения позиции советской стороны Амбиджаном в Вашингтоне был устроен обед в честь полпреда СССР в США А.Трояновского. На нем присутствовали 700 представителей общественных и политических кругов страны. Вскоре, 12 апреля 1936 г., «Амбиджан» направляет заявление Советскому правительству о положении евреев в странах фашистских режимов, в котором выражалась надежда на возможность их переселения в Биробиджан. Оно осталось без ответа, как и другое от 4 августа 1937 г., в котором, в частности, отмечалось: «Американский комитет снова обращает внимание Комзета и через него Советского правительства на критическое положение евреев в фашистских странах. В этих условиях даже самые скромные начинания в деле переселения некоторых из этих евреев в Еврейскую автономную область будут приняты не только нашей организацией, но и общественным мнением вообще как большой и щедрый жест, обнадеживающий и ободряющий все демократические силы, озабоченные судьбой евреев, как символ просвещенной политики Советского правительства в отношении национальных и расовых меньшинств» [25].

«Большой и щедрый жест» Советского правительства, как отмечалось выше, был встречен с

энтузиазмом ИКОР. Главным направлением его деятельности в этот период становится популяризация, как считалось, решения Советского правительства в отношении восточно-европейских евреев. Необходимо было внушить потенциальным переселенцам, что в ЕАО их ждут замечательные перспективы. В течение 1937 г. «Nailebn» публиковал серию очерков о семьях, выехавших в начале 1930-х гг. из США в Биробиджан и принявших советское гражданство. В их числе назывались переселенцы Коваль, Горовиц (Гуревич), Суарез, Розин, Штерн, Рубинштейн и Бекенштейн. Все они, как отмечалось в публикации, прекрасно устроились на новом месте, обеспечили себе и своим детям уверенность в завтрашнем дне. Журнал цитировал письмо в Америку Ковалю, датированное 6 октября 1936 г., в котором автор, видимо, понимая, кто еще, помимо американских друзей, будет его читать, подчеркивал: «Мы – патриоты нашего колхоза, нашей автономной области и нашей великой социалистической Родины» [45].

В начале декабря 1937 г. ИКОР устраивает в Вашингтоне встречу с Трояновским, на которой советский дипломат подтвердил намерение СССР принять польских и литовских евреев, как только будут созданы для этого условия [42].

Однако правивший в СССР режим меньше всего был озабочен судьбой евреев Европы, как, впрочем, и судьбой народов собственной страны. Столь всколыхнувшее зарубежную еврейскую диаспору обещание принять значительное число евреев из стран Восточной Европы так и не было выполнено. Однако в 1936 г. на основании решения Советского правительства Хабаровским крайкомом ВКП (б) был утвержден план приема заграничных переселенцев в составе 1 тыс. семей и 500 одиночек. Подбором и организацией переезда должны были заниматься Комзет и Озет. Местные власти обязаны были обеспечить условия для приема переселенцев. Однако план остался на бумаге. Партийное руководство области обвиняло в этом центральный аппарат Комзета и Озета, не организовавший переезд иностранных евреев. Руководство переселенческих организаций – область, не построившую своевременно жилье [26]. Действительно жилья в области катастрофически не хватало, и это было известно давно. Но, думается, главная причина кроется в другом. Советское руководство всерьез и не собиралось заниматься организацией спасения восточно-европейских евреев от нацистов. В 1936 г., приняв, по некоторым данным, 70 чел., главным образом из Литвы [27], правительство объявило о

приостановке приема иностранных евреев в Биробиджане из-за отсутствия жилья.

Срыв планов строительства жилья, объектов инфраструктуры области объяснялся недостаточным финансированием, отсутствием необходимой техники, низкой производственной дисциплиной, нехваткой кадров. Но власти причины спада активности в строительстве Биробиджана, срыва государственных планов видели в другом – вредительстве. В стране набирал силу террор, жертвами которого стало, в том числе, практически все руководство ЕАО. Шел тотальный поиск врагов. Их разоблачение становится одной из приоритетных задач в деятельности Озета в этот период. В сентябре 1936 г. все дела, связанные с направлением иностранцев в Биробиджан, были переданы переселенческому отделу НКВД СССР.

В 1937 г. НКВД стал составлять в ЕАО подробные списки евреев, прибывших из-за рубежа, начались фабрикация дел. Понятно, что бывшие иностранцы становились жертвами репрессий одними из первых. Приняв советское гражданство, они разделили судьбу сотен тысяч людей, ставших объектом террора власти против собственного народа. Обвинения были традиционными для тех лет: шпионаж в пользу той или иной капиталистической державы, контрреволюционная и подрывная деятельность, саботаж. Правда, за рубежом об этом станет известно значительно позже.

Заклученный в 1939 г. пакт Молотова – Риббентропа и начавшаяся вскоре Вторая мировая война сняли с обсуждения вопрос о переселении иностранных евреев в ЕАО², однако, ИКОР и «Амбиджан» продолжали оказывать помощь области вплоть до конца 1940-х годов.

Резюмируя проблему, отметим, что взаимодействие советского руководства с левыми кругами зарубежного еврейства в процессе реализации «биробиджанского проекта» преследовало цели использования этой части диаспоры в ре-

² В начале Второй мировой войны с просьбой организовать переселение евреев из Германии в Биробиджан обратились к Советскому правительству Берлинское и Венское еврейские переселенческие бюро. Однако в письме от 9 февраля 1940 г. на имя В.М. Молотова начальник переселенческого управления при СНК СССР Чекменев пояснял, что эти предложения не могут быть приняты в виду того, что «по соглашению Правительства СССР с Германией об эвакуации населения на территорию СССР эвакуируются лишь украинцы, белорусы, русины и русские». РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 489. Л. 1.

шении государственной проблемы создания необходимой инфраструктуры на малоосвоенной территории Дальнего Востока. Характер этого взаимодействия определялся существом режима, формировавшегося в 1930-е годы в СССР.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Бруцкус, Б.Д. Еврейское население под коммунистической властью / Б.Д. Бруцкус // Евреи и русская революция. Материалы и исследования; ред.-сост. О.В. Будницкий. – Москва, Иерусалим: Гешарим, 1999. – С. 311.
2. Бугай, Н.Ф. 20–50-е годы: переселения и депортация еврейского населения в СССР / Н.Ф. Бугай // Отечественная история. – 1993. – № 4. – С. 176.
3. Вайсерман, Д. Как это было? / Д. Вайсерман. – Биробиджан, 1993. – 233 с.
4. Государственный архив Еврейской автономной области (ГА ЕАО). – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 87. – Л. 174.
5. ГА ЕАО. – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 315. – Л. 2.
6. ГА ЕАО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 412. – Л. 116.
7. ГА ЕАО. – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 177. – Л. 1.
8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 9498. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 6.
9. ГАРФ. – Ф. 9498. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 1.
10. ГАРФ. – Ф. 9498. – Оп. 1. – Д. 269. – Л. 14–15.
11. ГАРФ. – Ф. 9498. – Оп. 1. – Д. 269. – Л. 15.
12. ГАРФ. – Ф. 9498. – Оп. 1. – Д. 269. – Л. 18.
13. ГАРФ. – Ф. 9495. – Оп. 1. – Д. 440. – Л. 17.
14. ГАРФ. – Ф. 9498. – Оп. 1. – Д. 269. – Л. 21.
15. ГАРФ. – Ф. 9498. – Оп. 1. – Д. 45. – Л. 1.
16. ГАРФ. – Ф. 7541. – Оп. 1. – Д. 320. – Л. 4.
17. ГАРФ. – Ф. 7541. – Оп. 1. – Д. 320. – Л. 10.
18. ГАРФ. – Ф. 9498. – Оп. 1. – Д. 70. – Л. 2.
19. ГАРФ. – Ф. 9498. – Оп. 1. – Д. 269. – Л. 25.
20. ГАРФ. – Ф. 3-7541. – Оп. 1. – Д. 418. – Л. 162.
21. ГАРФ. – Ф. 9498. – Оп. 1. – Д. 61. – Л. 8.
22. ГАРФ. – Оп. 1. – Д. 459. – Л. 23.
23. ГАРФ. – Ф. 7541. – Оп. 1. – Д. 815. – Л. 48.
24. ГАРФ. – Ф. 9498. – Оп. 1. – Д. 439. – Л. 88.
25. ГАРФ. – Ф. 9498. – Оп. 1. – Д. 95. – Л. 3.
26. ГАРФ. – Ф. Р-7541. – Оп. 1. – Д. 932. – Л. 2.
27. ГАРФ. – Ф. 9498. – Оп. 1. – Д. 94. – Л. 19.
28. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). – Ф. П-2. – Оп. 4. – Д. 238. – Л. 290.
29. ГАХК. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 459. – Л. 18.
30. ГАХК. – Ф. П-2. – Оп. 4. – Д. 461. – Л. 16.
31. ГАХК. – Ф. П-2. – Оп. 4. – Д. 238. – Л. 290; Д. 461. – Л. 7.
32. ГАХК. – Ф. П-2. – Оп. 4. – Д. 461. – Л. 13.
33. Еврейская жизнь. – 1929. – № 18. – С. 4.
34. Еврейская жизнь. – 1933. – № 44–45. – С. 23–24.
35. Калинин, М.И. Еврейский вопрос / М.И. Калинин. – Харьков: Изд-во «Пролетарий», 1927. – 44 с.
36. Калинин, М.И. Евреи-земледельцы в союзе народов СССР (Речь на съезде Общества земельного устройства трудящихся евреев – Озет, 17 ноября 1926 г.) / М.И. Калинин – Б.м. Б.г. – С. 7.
37. Ларин, Ю. Евреи и антисемитизм в СССР / Ю. Ларин – М.-Л.: ГИЗ 1929. – С. 150.
38. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 445. – Оп. 1. – Д. 86. – Л. 26.
39. РГАСПИ. – Ф. 445. – Оп. 1. – Д. 86. – Л. 28.
40. Nailebn. – 1935. – June. – P. 50.
41. Nailebn. – 1936. – September. – P. 11.
42. Nailebn. – 1938. – March. – P. 11.
43. Prof. Kuntz Biro Bidjan Story // ICOR Year-Book, 1933. – P. 25.
44. Report of the American ICOR Commission for the Study of Biroridjan and its Colonization. – Bund Archives, YIVO. – P. 11.
45. Rovner, A. Pen Portraits of American Jews in Biro-Bidjan / A. Rovner // Nailebn. – 1937. – April. – P. 15.
46. The Jews in Soviet Russia since 1917. Edited by L.Kochon, Second Edition. – London, New-York, Toronto, 1972. – P. 68.
47. The Russian Jews under Tsars and Soviets, by Salo W. Baron. – N.-Y., London, 1964. – P. 233.

НАУЧНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ 20–30-х гг. ПРОШЛОГО ВЕКА НА ТЕРРИТОРИИ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И МИРОВОЙ ЭТНОГРАФИИ (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

М.В. Осипова

Осипова Марина Викторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры английского языка Факультета восточных языков Дальневосточного государственного гуманитарного университета (г. Хабаровск).

Контактный адрес: ainu07@mail.ru

В статье делается попытка обобщить имеющийся фактологический материал, полученный в результате проводившихся в годы становления советской власти на территории Хабаровского края научных изысканий в области этнографии, антропологии, археологии и лингвистики, а также оценить их результаты для отечественной и зарубежной науки с позиций современности.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы, Хабаровский край, этнографические, лингвистические, археологические научные экспедиции.

Первые сведения о народах, населявших такие отдаленные районы Российской империи, как юг Дальнего Востока, стали поступать в царскую канцелярию в XVII в. Однако начало научного изучения этногенеза и культурогенеза нанайцев, ульчей, удэгейцев, негидальцев, нивхов, айнов, эвенков и эвенков было положено лишь в середине XIX в., когда Амурский край вошел в состав Российской Империи. Это были отчеты, доставленные морскими офицерами экспедиции Г.И. Невельского, учеными Российской Академии наук Л.И. Шренком, Р.К. Мааком, П. Шмидтом и многими другими. Но систематические исследования особенностей материальной и духовной культуры аборигенных этносов начались лишь в 20-е годы XX столетия. К сожалению, сведения об этнографических, лингвистических и антропологических экспедициях, проводимых на территории нынешнего Хабаровского края, которые состоялись в означенный период времени, разбросаны по разным историко-этнографическим трудам. Поэтому нам видится необходимым обобщить имеющийся материал, и с позиций сегодняшнего дня оценить тот результат для отечественной и мировой науки, который был получен в ходе проведения наиболее значимых из них с научной точки зрения.

Огромный интерес, который проявила научная общественность к материальной и духовной культуре аборигенов Дальнего Востока, был вызван несколькими причинами. Во-первых, в конце XIX – начале XX века сначала в российской, а затем уже и зарубежной научной литературе по-

являются публикации бывших политических ссыльных, отбывавших наказание в северных регионах страны и обративших свое внимание на народы, в непосредственной близости с которыми они проживали. Российская Академия наук издает работы В.Г. Богораза-Тана о чукчах, В.И. Иохельсона – о юкагирах, В.Л. Серошевский пишет о якутах, Б.О. Пилсудский – об айнах, Л.Я. Штернберг – о нивхах. Эти труды привлекли внимание и вызвали огромный резонанс не только в среде российских ученых, но и среди научной общественности за рубежом¹.

В качестве второй причины возрождения исследовательского интереса к аборигенам Севера, Сибири и Дальнего Востока можно назвать учреждение в 1917 г. Академией наук комиссии по изучению племенного состава населения России [12: л. 55]. В ее состав вошли такие известные российские академики, как А.А. Шахматов, М.А. Дьяконов, Е.О. Карский, В.В. Бартольд, В.Н. Перетц. На первом заседании ими был составлен и утвержден план работы исследований,

¹ В.Г. Богораз-Тан и В.И. Иохельсон были приглашены американским антропологом Ф. Боасом для участия в знаменитой Джекзуповской экспедиции, чтобы провести исследования на Крайнем Северо-Востоке Азии. О причинах, по которым Л.Я. Штернберг не попал в ее состав, подробно рассказывается в книге д-ра С. Кана «Lev Shternberg: anthropologist, Russian socialist, Jewish activist». Lincoln and London, University of Nebraska Press, 2009. 551 p.

который, однако, начал претворяться в жизнь лишь с окончанием Гражданской войны, последовавшей после Октябрьской социалистической революции.

Третьей причиной, способствовавшей возрождению интереса к этнографическим исследованиям в трудный для страны период становления Советской власти, явилось решение Президиума ВЦИК от 20 июня 1924 г. о создании «Комитета содействия народностям северных окраин» («Комитет Севера»). Это был межведомственный правительственный орган, в работе которого приняли участие государственные и партийные деятели, ученые, специалисты в области здравоохранения и просвещения – П.Г. Смидович, А.С. Енукидзе, Ф.Я. Кон, А.В. Луначарский, В.Г. Богораз-Тан, Л.Я. Штернберг, Е. Ярославский и др. Затем такие комитеты были созданы на местах. В Хабаровском (тогда еще Приморском) крае он начал свою работу 25 октября 1925. Основной задачей комитета было содействие «планомерному проведению на местах работы по устройению жизни малых народностей Севера в хозяйственно-экономическом, в административно-судебном и культурно-санитарном отношении» [11: л. 21, 23]. Помимо этих обязанностей, Дальневосточный комитет Севера оказывал посильную помощь и тем ученым, которые приезжали в Хабаровский край в составе научных экспедиций. При этом подчеркивалось, что «для более плодотворной работы среди туземцев нужно использовать материалы этнографистов², это даст большую пользу» [7: л. 50–51].

Не оставалась в стороне и дальневосточная наука. В «Объяснительной записке к плану исследований ДВ края на пятилетие 1929–1933 гг.» Дальневосточного исследовательского института указывалось на «...малую исследованность нашего края в культурно-историческом отношении ... мы еще немного знаем его население, особенно туземное». Далее определялись задачи, которые бы способствовали «сохранению и дальнейшему развитию самобытности национальных меньшинств», при этом говорилось о «массовом изучении нашего населения всеми научно-исследовательскими учреждениями края, причем самые методы этого изучения должны стоять на высоте современной научной мысли» [15: л. 1]. Эти высказывания и в XXI в. не потеряли своей актуальности. Мы являемся свидетелями того,

что глобализационные процессы приводят к сужению сферы проявления этнических свойств культуры, происходит постепенный процесс ее унификации, что с течением времени может привести к утрате богатого уникального опыта тех народов, чей численный состав незначителен.

По мнению американского исследователя С. Кана, «...20-е годы могут быть названы золотым веком антропологии в Советском Союзе» [31: р. 355]. В этот период времени существовало две школы российских этнографов и антропологов: московская под руководством Д.Н. Анучина и ленинградская, созданная усилиями Л.Я. Штернберга и В.Г. Богораз-Тана. Этими учеными была воспитана целая плеяда учеников, чьи труды легли в основу российской и мировой антропологии, этнографии, языковедения и искусствоведения аборигенов Дальнего Востока. Среди них антропологи М.Г. Левин и Г.Ф. Дебец, ученики Л.Я. Штернберга – лингвисты Г.М. Василевич, В.А. Аврорин, Е.А. Крейнович, В.И. Цинциус, этнографы Н.Г. Каргер, И.И. Козьминский, А.Н. Липский, искусствовед С.В. Иванов и мн. др.³

Начало экспедиционным исследованиям на территории нынешнего Хабаровского края было положено летом 1926 года, когда на берега Амура из Ленинграда отправляется Гарино-Амгунская экспедиция, чьим официальным руководителем был Л.Я. Штернберг [31: р. 367]. Экспедиция работала в трех направлениях научного знания – этнографическом (Н. Каргер и И. Козьминский), лингвистическом (К.М. Мыльникова и В.И. Цинциус) и искусствоведческом (Н. Каргер и С. Иванов). Условия, в которых предстояло работать вчерашним студентам, были нелегкими. Например, С. Иванов сообщает: «...Не могли получить письма в течение трех с лишним недель. Денег у нас нет совершенно. Почти голодаем, но решили кое-как докончить экспедицию» [14: л. 14–15]. Непривычная суровость климата, мороз, доходящий до 30 градусов

² Орфография оригинала.

³ Все перечисленные ученики Л.Я. Штернберга, кроме С.В. Иванова, впоследствии подверглись репрессиям, доступ к их архивам был ограничен, поэтому большинство материалов, собранных этими учеными во время дальневосточных экспедиций, еще ждут своих исследователей. С.В. Иванов, избежавший участи своих коллег, старался не публиковать полученные им сведения по этнографии аборигенов Приамурья, в частности, по шаманизму, ограничившись сферой декоративно-прикладного искусства.

и продолжающийся в течение месяца или двух, отсутствие дорог, средств передвижения осложняли проведение этнографических исследований [16: л. 9]. О трудностях, связанных с передвижением по территории края свидетельствуют дневниковые записи В.К. Арсеньева, когда он описывает попытки людей попасть на пароход, идущий по Амуру: «Глядя со стороны можно было подумать, что какие-то пираты берут судно на abordаж. Лодки подходили к пароходу со всех сторон, люди взбирались на судно по веревкам, карабкались по заднему колесу, хватались за всякий выступ. Одним это удавалось, другие падали обратно в лодки или попадали в воду» [5: с. 24].

Из отчетов Каргера и Козьминского мы узнаем о той работе, которую они успели проделать, посетив 12 нанайских селений и стойбищ, многих из которых уже нет на карте края. И. Козьминский сосредоточил свое внимание на материальной культуре нанайцев, особенностях их пушного и рыболовного промысла. Он перечислил организации, которые закупали пушнину у охотников, составил сравнительную таблицу их заработков в дореволюционный и советский периоды, упомянул о наличии огородничества и тех культурах, которые выращивались нанайцами, рассказал о попытках отдельных жителей Кондона заняться оленеводством, дал описание постройкам, средствам передвижения, одежды. Кроме этого, он коротко остановился на верованиях самагиров (так в то время называли тех нанайцев, кто жил на р. Горин), в частности на их воззрениях о душе. Ученый попытался осветить и этногенетические проблемы, высказав мнение, что «самагиры при столкновении с более высокой нанайской культурой, утратили свою древнюю тунгусскую» [23: с. 48].

Н. Каргер же изучал родовой состав нанайцев, термины родства, вел записи этнографического характера, зафиксировал слова, которые сегодня уже в нанайском языке не употребляются, записал легенды о происхождении родов. Изучая самагиров, Каргер пришел к выводу, что их язык является «диалектом гольдского языка» и предложил заменить самоназвание «самагиры» на «гаринские гольды», тем самым подчеркнув их принадлежность к нанайскому этносу. Он же в статье, посвященной родовому составу ульчей, попытался проследить пути, по которым шло внедрение чужеродных элементов в ульчскую среду, и в частности, айнского компонента в этногенез ульчей Нижнего Амура [21: с. 125]. Кроме этого, Н.Г. Каргер, вместе с представителями государственных органов А. Липским и

Г. Мевзосом принял непосредственное участие в переписи туземного населения Хабаровского края в 1926 г. [20: с. 3–24].

Оценивая полученные в ходе экспедиционной работы результаты, следует сказать, что молодым ученым удалось уточнить сведения Л.И. Шренка и Л.Я. Штернберга относительно формирования нанайских родов. Сборы Каргера и Козьминского – это тот материал, который лег в основу исследований А.В. Смоляк, специалиста по проблемам этногенеза аборигенных народов Амура⁴.

Вторая часть экспедиции в составе К.М. Мыльниковой и В.И. Цинциус отправилась на р. Амгунь. Перед ними была поставлена задача – изучить язык такой малочисленной группы аборигенного населения, как негидальцы. В конце 20-х годов негидальцы р. Амгунь жили в балаганах, и девушкам пришлось разделять бытовые трудности вместе с людьми, чей язык, психологию и особенности культуры они изучали. За время их годичного пребывания у этой народности был собран довольно значительный материал по устному творчеству коренного этноса. Было записано свыше 320 образцов фольклора, из них 150 сказок и преданий, 70 песен, 60 загадок, 20 различных табу-запретов и др. Собранный материал послужил источником для написания большого количества научных статей, создания учебника негидальского языка. Помимо сбора лингвистического и этнографического материала, К.М. Мыльникова и В.И. Цинциус вели большую культурно-просветительскую работу среди населения [9: л. 1]. В 60–70-х годах прошлого века В.И. Цинциус публикует свои полевые материалы по фольклору эвенков и промысловому обрядовому фольклору негидальцев [29: с. 34–41]. Однако главной, на наш взгляд, ее научной работой, которая уже на протяжении второго столетия является настольной книгой не только российских, но и зарубежных лингвистов, этнографов и антропологов, является «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков», где В.И. Цинциус – ответственный редактор. Ею написаны такие его разделы, как введение, раздел о структуре словарной статьи и таблицы транскрипций фонем и отдельных звуко-четаний эвенкийского, эвенского, нанайского,

⁴ Статья Н.Г. Каргера «Родовой состав ульчей» помогла автору проследить пути перемещения потомков айнских родов на территории края.

солонского и маньчжурского языков, статьи на буквы а, э, к, х. Это говорит о глубоких знаниях предмета, изучению которого Вера Ивановна Цинциус посвятила всю свою жизнь.

Начало изучению богатейшего декоративно-прикладного искусства дальневосточных народов было положено экспедицией С.В. Иванова. Согласно его воспоминаниям, прослушанный курс лекций Л.Я. Штернберга произвел переворот в сознании молодого ученого. Этнография расширила и углубила его знания о человеческом обществе и культуре: «...Постепенно, шаг за шагом открывались мои глаза на психологию примитивного человека, его верования и искусство. Незаметно для себя самого я превратился в этнографа, интересующегося различными проблемами этой науки... Более того, я почувствовал любовь и уважение к первобытному человеку, о ком я ранее даже не задумывался. Все это стало возможным благодаря Штернбергу» [31: р. 367].

Экспедиция 1927 г. Н. Каргера и С. Иванова была продолжением начавшихся в 1926 г. исследований аборигенов Амура. Внимание ученых было сосредоточено на орнаменте дальневосточных народов. По итогам этой экспедиции С.В. Ивановым был опубликован ряд работ, вызывающих неподдельный интерес всех, кто занимается вопросами культуры и искусства аборигенов. Эти работы сочетают в себе не только описание предмета с точки зрения его художественной или исторической ценности, но и ценнейшие сведения этнографического характера [19].

Изучая орнамент, ученый обращает внимание на заложенный в его символах смысл, на технические приемы исполнения, на орнаментальные мотивы, характерные для того или другого этноса. В своем фундаментальном труде «Орнамент Сибири как исторический источник», куда вошли и полевые материалы экспедиции 1927 г. С.В. Иванов вполне справедливо указывал на то, что типы орнаментального искусства напрямую зависят от исторического пути развития определенной этнической группы. По орнаментальным композициям, утверждал он, можно проследить те межэтнические контакты, которые имели место в далеком прошлом, убеждая тем самым, исследователей в необходимости комплексного подхода при изучении народного традиционного орнамента [18].

Кроме непосредственно сбора научного материала, Н. Каргер и С. Иванов, активно сотрудничали и с краевым отделом государственного русского Географического Общества. Дело в том, что их экспедиция проходила в тот год, ко-

гда страна готовилась отмечать десятую годовщину революции. Край получил задание от Государственной академии художественных наук (ГАХН) представить на Всесоюзную юбилейную выставку искусства национальностей СССР в Москве образцы декоративно-прикладного искусства аборигенов. В Хабаровске была создана комиссия содействия ГАХН, координировал всю работу П.М. Покровский, директор ДВХМ. Комиссия обратилась с просьбой к находящимся на Нижнем Амуре ученым, посодействовать в сборе экспонатов и они активно включились в работу. Так, на просьбу Покровского о закупке предметов быта аборигенов, Иванов отвечает: «В районе ульчей – расписные коробки не изготавливаются, их делают только верховские гольды. Резные есть, но только старые. Их не продают. Теперь у нас осталась только Ухта, где почти никого нет, так как началась ловля кеты. Попробую спустить в обмен свои вещи и материю. Все что смогу достать в Ухте – вышлю через неделю. Ваш Сергей Иванов» [14: л. 17].

Летом 1927 г. вслед за ленинградцами к тунгусо-маньчжурам направляется московская этнографическая экспедиция, руководимая одним из авторитетнейших этнографов и археологов того времени Б.А. Куфтиным. Экспедиция проводила исследования в течение двух лет. Помощник хранителя отдела Сибири ЦМН Б.А. Васильев и студент-антрополог А.Н. Покровский отправились к орочам. Сам Борис Алексеевич Куфтин через Хабаровск едет к удэгейцам Приморья, в устье рек Ануй, Хор и Нельма. Он осматривает жилища и могильники удэга, присутствует на шаманских камланиях. Эта экспедиция была на редкость результативной. Ее участниками было собрано 500 орочских коллекций, предметы быта эвенков, нанайцев, удэгейцев и нивхов, было сделано больше 400 фотографий [4]. Жена ученого В.А. Стещенко-Куфтина обратила внимание на музыкальную культуру аборигенов. Опубликованные ею статьи легли в основу музыковедения аборигенных народов Дальнего Востока.

Большая часть сознательной жизни еще одного исследователя – Нины Александровны Вальронд была связана с работой на Дальнем Востоке. В возрасте 23 лет в 1918 г. вместе со своим мужем А.Н. Липским и В.К. Арсеньевым она впервые отправляется к курумийским гольдам (нанайцам). Впоследствии ею было предпринято еще 10 этнографических экспедиций. В интересующий нас период времени, Н.А. Вальронд как сотрудница ДалькрайОНО командировалась к гольдам (нанайцам) для сбора

материала по нанайскому языку для написания букваря и первой книги для чтения. После прошедшей в 1926 г. переписи населения выяснилось, что необходимо внести уточнения в переписной материал. С этой целью Н.А. Вальронд отправляется к ульчам и гилякам (нивхам) Нижнего Амура. Публикации исследователя по итогам поездок, изданные в 1928 г. в Хабаровске на нанайском языке, букварь и грамматика, опубликованные в «Сибирской живой старине», материалы по этнографии гольдов – привлекли внимание ученых Института антропологии и этнографии АН СССР [25: с. 145–160]. С Вальронд заключается договор об экспедиции к гольдам, которая благополучно завершилась к концу 1937 г. О том объеме работы, которая была проделана исследователем можно судить по следующим данным: во время экспедиции 1936/37 гг. Вальронд из 97 нанайских населенных пунктов побывала в 90, переписала 1253 хозяйств [10: л. 168]. Этнографические знания и великолепное владение нанайским языком помогали Н.А. Вальронд в ее работе, она занималась разработкой вопросов, связанных с созданием нанайской письменности, работала над составлением и написанием сравнительного словаря основных говоров гольдского (нанайского) и ульчского языков. Ее интерес привлекала тема хозяйственных и языковых процессов у тунгусо-маньчжуров Нижнего Амура [27: с. 54–56].

Как уже упоминалось выше, в экспедициях на Нижний Амур вместе с Н.А. Вальронд участвовал и ее муж А.Н. Липский, ученик Л.Я. Штернберга. По словам самого Липского, Л.Я. Штернберг убеждал его заняться тунгусо-маньчжурскими народами Амура и Приморья. Особенно рекомендовал углубленно изучать этнографию гольдов (нанайцев), их язык, быт, социальную организацию, происхождение, формирование особенностей шаманизма, духовной культуры. После революции Липский уезжает на Дальний Восток, где начиная с 1918 г. занялся полевой работой на Амуре. В 1925 г. А.Н. Липский, выступая на Первом съезде туземных народов Дальневосточного округа, представляет результаты своих многочисленных экспедиций. Он говорит об этногенезе гольдов, ульчей и негидальцев, приводит статистические данные по их численности, описывает основные формы ведения хозяйства и формы духовной культуры аборигенов Амура, освещает вопросы медико-санитарного состояния жилищных условий аборигенов, выносит на обсуждение вопросы кооперирования и работы Уполтзотдела [26: с. 32–66].

Эти сведения до сих пор встречаются во многих этнографических работах.

В 1935 г. семья Липских переезжает в Ленинград, где Альберт Николаевич назначается на должность начальника Нижнеамурского отряда комплексной экспедиции Ленинградского института антропологии, археологии и этнографии. Зимой 1936 г. Липские выезжают на Амур и в течение двух лет проводят этнографические исследования. По сценариям, написанным самим А.Н. Липским, снимаются два фильма. В одном из них демонстрируется участие шамана в похоронном обряде гольдов, другой был посвящен жизни нанайцев при советской власти. Ученые записывают тексты шаманских кампаний на нанайском языке, ими изучаются вопросы этногенеза нанайцев, родовой состав, особенности декоративно-прикладного искусства, записываются образцы устного народного творчества. Во время этих поездок Н.А. Липская приходит к выводу о том, что нанайскую письменность необходимо создавать на основе кириллицы, а не латиницы, как это было предложено ранее [6: с. 468–471].

Ценность сведений, собранных Липскими в этих экспедициях в том, что они увидели и зафиксировали уже безвозвратно уходящую натуру, элементы нанайской материальной и духовной культуры, которые были неотъемлемой частью жизни этноса. Созданные ими фильмы можно рассматривать в качестве «первых ласточек» набирающей сегодня популярность отрасли этнографических исследований – визуальной антропологии.

Неоднозначность толкований в этнографической литературе научной и государственной деятельности А.Н. Липского⁵ в период его работы на Дальнем Востоке не позволяла по достоинству оценить значимость его трудов. Хотя в отдельных изданиях, например, в «Материалах по нанайскому языку и фольклору» В.А. Аврорина, приводятся довольно обширные цитаты из работ Липского и подчеркивается их ценность и значимость для науки [1: с. 8].

⁵ Критика А.Н. Липским работы И.А. Лопатина, его высказывания и прямые действия, негативно сказавшиеся на судьбе В.К. Арсеньева, дали повод к одностороннему освещению событий жизни Липского и фактически замалчиванию результатов его исследований. Однако в опубликованной работе С.И. Вайнштейна «Романтика и трагедии в судьбе Альберта Николаевича Липского» приводятся сведения, которые позволяют пересмотреть бытующие взгляды.

Сам Валентин Александрович Аврорин – один из ярчайших представителей российской этнографии. Он являлся членом секции Научно-исследовательской ассоциации и был направлен в 1933 году в экспедицию на Дальний Восток Комитетом Нового Алфавита (КНА) сроком на один год. Прибыв в Хабаровский край с целью изучения тунгусо-маньчжурских языков, он ведет большую научно-организационную работу. Его избирают заведующим сектором народов Севера Комитета Нового Алфавита при Президиуме Далькрайисполкома. На одном из заседаний Комитета он излагает основные направления работы КНА. Как истинный ученый, он видел их, прежде всего, в научно-исследовательской работе, в работе по ликвидации безграмотности и созданию в туземных поселениях начальной школы, в организации издательского дела и в работе с начинающими писателями из среды аборигенов [13: л. 13]. Всю свою жизнь В.А. Аврорин следовал этим направлениям в научной деятельности. К сожалению, многие материалы, собранные В.А. Аврориным во время экспедиций 30-х годов XX в., увидели свет лишь во второй половине XX века, но каждая книга, будь-то «Материалы по нанайскому языку и фольклору» или ороческие сказки и мифы, сразу становилась незаменимым источником фактологического материала не только для российских, но и зарубежных этнографов-североведов [3].

Работ чисто этнографического характера написано В.А. Аврориным две. С И.И. Козьминским он публикует статью «Представления орочей о вселенной, о переселении душ и путешествиях шаманов, изображенные на "карте" с чертежами и рисунками, выполненными самим Аврориным» [2]. В свое время М. Хасанова отмечала, что «...каждая затронутая в этой статье тема (о трех мирах орочей, о формировании душ шаманов и их путешествиях, о загробном мире... может быть развернута в отдельное исследование». Второй была статья, написанная в соавторстве с женой и соратником Е.П. Лебедевой «Инцест в фольклоре орочей» [28].

В 1930 г. участником Амурской этнографической экспедиции становится аспирант Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) А.М. Золотарев, который еще дважды (в 1934 и 1936 гг.) побывает на Амуре. Итогом его исследований стал труд «Родовой строй и религия ульчей». Заложенные Л.И. Шренком и Л.Я. Штернбергом основы по разработке вопроса о родовом составе аборигенов Амура получили свое развитие в этом науч-

ном труде. Золотарев высказал предположение о том, что в основе этногенеза ульчей лежит нивхский субстрат, на который оказали свое влияние более поздний тунгусский и маньчжурский. В книге собрана информация об обрядах и обычаях ульчей, их родовом составе, брачных отношениях, рассматриваются термины родства, имеется большое количество фольклорных текстов на ульчском языке [17]. Журнал «American Anthropologist» помещает на своих страницах его статью о медвежьем празднике ульчей, основанную на полевых материалах автора, где Золотарев подробно описывает все действия людей в течение 15 дней праздника, приводит пример песни, исполняемой ульчами во время праздника, рассуждает о тотемной составляющей медвежьего праздника этого этноса [33: р. 113–130]. Интересны и наблюдения, изложенные Золотаревым в статье об амурских орочах. Помимо этих сведений, А.М. Золотарев публикует материалы о традиционной торговле нивхов и существовавшему у этой народности институте рабства, подтвердив тем самым, сведения, полученные еще в XIX в. японским картографом Мамия Риндзо [22: с. 201–207]. И хотя порой исследователем высказывались довольно спорные точки зрения, все работы А.М. Золотарева отличаются высокой теоретической значимостью, его материалы амурских экспедиций до сих пор не только не устарели, но всякий раз обращаясь к ним, в них можно найти новые сюжеты для осмысления.

Началу широкомасштабных археологических экспедиций положила экспедиция 1935 г. Института этнографии Академии Наук СССР, в составе которой находился тогда еще не очень известный широкой научной общественности молодой ученый А.П. Окладников. У села Калиновка нынешнего Ульчского района, на берегу реки участники экспедиции увидели каменную глыбу, на плоской грани которой были высечены изображения людей и лодок [15: л. 1]. Археологам уже было известно о петроглифах Сикачи-Аляна из работы Б. Лауфера «Petroglyphs on the Amoor», который подробно описал личности и представил схематические их изображения [32: р. 746–747]. О рисунках близ Калиновки писал Г. Фовке [30: р. 290], но собственными глазами советские археологи увидели их впервые. Эти находки свидетельствовали о развитой неолитической культуре первых насельников и дали толчок дальнейшим исследованиям академика А.П. Окладникова исторического прошлого территории Хабаровского края и этногенеза проживающих здесь народов. Позже археологами были

получены доказательства, что ранний неолит начался на Нижнем Амуре еще в IV тыс. до н. э. и что местные племена были тесно связаны с приходящими из Сибири таежными племенами.

Хотелось бы осветить и еще одну сторону деятельности всех вышеперечисленных ученых. Из своих экспедиций, помимо этнографических записей, каждый привозил значительное количество коллекций: фотографий, промысловых орудий, предметов быта и культа, одежду, атрибуты шаманов и т. п., которые составляют сегодня основу многих музейных коллекций [24].

В представленной статье не рассматривались широко известные в научной литературе этнографические экспедиции 1927 г., участниками которых были В.К. Арсеньев, собравший ценные сведения по культуре уссурийских нанайцев, Е.Р. Шнейдер, создавший на основе хорского диалекта удэгейский литературный язык, Е.А. Крейнович, самый авторитетный специалист-нивховед, знаток нивхского языка, фольклора, психологии, материальной и духовной культуры этого народа.

Подводя итог вышеизложенному, необходимо подчеркнуть, что, несмотря на то что 20–30-е годы XX столетия в России были годами становления молодого Советского государства, что не хватало средств на самое насущное, деньги для проведения экспедиционных исследований материальной и духовной культуры коренных малочисленных народов края все-таки выделялись. Сегодня мы можем констатировать тот факт, что результаты исследований тех далеких лет, когда шел активный процесс накопления этнографического материала, существенным образом повлиял на развитие этнографических, антропологических, лингвистических и археологических исследований в отечественном и зарубежном североведении, они предопределили направления научных исследований на многие годы.

Материалы экспедиций этого периода впоследствии легли в основу фундаментальных трудов А.П. Окладникова, М.Г. Левина, Г.Ф. Дебца, А.В. Смоляк, Б.А. Васильева, В.Г. Ларькина, Ю.А. Сема, Ч.М. Таксами и многих других. Опираясь на полевые материалы тех лет относительно формирования родов амурских народов, дополнив их собственными исследованиями, эти ученые внесли относительную ясность в этногенез нижеамурских этносов. Данные антропологического характера позволили позже М.Г. Левину и Г.Ф. Дебцу отнести тунгусо-маньчжуров Амура к трем типам монголоидной расы: амуро-

сахалинскому, байкальскому и восточно-монголоидному. Антропологические изыскания того периода заложили основу современных серологических, дерматоглифических, одонтологических исследований, которые существенным образом углубили знания современных ученых об антропологических типах тунгусо-маньчжуров и палеоазиатов.

Что касается исследований в области лингвистики, то благодаря ранним работам и материалам Г.М. Василевич, В. И. Цинциус, В.А. Аврорина, Е.А. Крейновича, Е.Р. Шнейдера и др., удалось обоснованно доказать, что тунгусские языки народов Нижнего Амура необходимо выделить в отдельную группу – нижеамурскую. Этими людьми была создана письменность ранее бесписьменных народов, написаны учебники, ими воспитаны первые представители национальной интеллигенции.

На территории края до сих проводятся археологические раскопки, взявшие свое начало в далеком 1935 г. Археологические и искусствоведческие находки того периода помогли доказать своеобразие изобразительного искусства аборигенных народов Нижнего Амура, опровергнув, тем самым, утверждения участника Джезуповской экспедиции Б. Лауфера о том, что мотивы орнамента нижеамурских этносов – это китайские заимствования.

Изыскания 20–30 гг. XX в. значительно углубили и расширили сведения, полученные в первый период накопления знаний, который завершился началом XX века, существенно дополнив имеющийся массив фактического материала об особенностях материальной и духовной культуры дальневосточных этносов.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Аврорин, В.А. Материалы по нанайскому языку и фольклору / В.А. Аврорин. – Л.: Изд-во «Наука», 1986. – 255 с.
2. Аврорин, В. А. Представления орочей о вселенной, о переселении душ и путешествиях шаманов, изображенные на «карте» / В.А. Аврорин, И.И. Козьминский // СМАЭ, 1949. – Т. 11. – С. 324–334.
3. Аврорин, В. А. Ороческие тексты и словарь / В.А. Аврорин, Е.П. Лебедева. – Л.: Изд-во «Наука», 1978. – 263с.
4. Алымов, С.С. Борис Алексеевич Куфтин: изломы жизненного пути [Электронный ресурс] / С.С. Алымов, А.М. Решетов. – Режим доступа: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/books/ethnography/2/227-268>.
5. Аргудяева, Ю.В. В.К. Арсеньев – путешественник и этнограф: Русские Приамурья и Приморья в исследованиях В.К. Арсеньева: материалы, комментарии / Ю.В. Аргудяева. – Владивосток: ДВО РАН, 2007. – 272 с.

6. Вайнштейн, С.И. Романтика и трагедии в судьбе Альберта Николаевича Липского [Электронный ресурс] / С.И. Вайнштейн. – Режим доступа: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/books/ethnography/2/455-492.pdf>.
7. Протоколы заседаний 2-й Николаевской-на-Амуре окружной конференции ВКП (б) 16 февраля – 19 февраля 1927. – Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). – Ф. П-2. – Оп. 2. – Д. 330 а. – Л. 50–51.
8. Фонд С.Н. Оненко – к.ф.н., ст.н.с. Сибирского отделения АН СССР, участника ВОВ. Языки и фольклор народов Севера. – ГАХК. – Ф. 696. – Оп. 1. – Д. 83. – Л. 6.
9. Фонд С.Н. Оненко – к.ф.н., ст.н.с. Сибирского отделения АН СССР, участника ВОВ. Памяти Веры Ивановны Цинциус. – ГАХК. – Ф. 696. – Оп. 1. – Д. 84. – Л. 1.
10. Фонд С.Н. Оненко – к.ф.н., ст.н.с. Сибирского отделения АН СССР, участника ВОВ. История присоединения Приамурья. – ГАХК. – Ф. 696. – Оп. 1. – Д. 108. – Л. 168.
11. Фонд С.Н. Оненко – к.ф.н., ст.н.с. Сибирского отделения АН СССР, участника ВОВ. Начальный период строительства органов Советской власти. Социалистические преобразования экономики народностей Севера. Машинопись, 1983 г. – ГАХК. – Ф. 696. – Оп. 1. – Д. 110. – Л. 21, 23.
12. Фонд С.Н. Оненко – к.ф.н., ст.н.с. Сибирского отделения АН СССР, участника ВОВ. Ф.Ф. Буссе и Л.А. Кропоткин. Остатки древностей в Амурском крае. – ГАХК. – Ф. 696. – Оп. 1. – Д. 133. – Л. 55.
13. Фонд С.Н. Оненко – к.ф.н., ст.н.с. Сибирского отделения АН СССР, участника ВОВ. Выписки из фондов ЦГА РСФСР ДВ и Гос. архива края о работе комитета Севера и Комитета Нового Алфавита, сделанные в 1974 году. – ГАХК. – Ф. 696. – Оп. 1. – Д. 138. – Л. 13.
14. Документ о работе краевой комиссии содействия государственной академии художественных наук по организации Всесоюзной юбилейной выставки искусств национальностей СССР 1927 г., 1928 г. – ГАХК. – Ф. Р-704. – Оп. 1. – Д. 13. – Л. 14–15, 17.
15. Объяснительная записка к плану исследований ДВ края на пятилетие 1929–1938 гг. – ГАХК. – Ф. Р-704. – Оп. 1. – Д. 26. – Л. 1.
16. Указ Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского, из Правительствующего Сената от 4 января 1859 г. – ГАХК. – Ф. 860. – Оп. 1. – Д. 48. – Л. 9.
17. Золотарев, А.М. Родовой строй и религия ульчей / А.М. Золотарев. – Хабаровск, 1939. – 206 с.
18. Иванов, С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (По материалам XIX – начала XX вв.) / С.В. Иванов. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, Ленинградское отделение, 1963. – 500 с.
19. Иванов, С.В. Орнаментика, религиозные представления и обряды, связанные с амурской лодкой / С.В. Иванов // СЭ. – 1935. – № 4–5. – С. 62–84.
20. Каргер, Н.Г. Отчет об исследовании родового состава населения бассейна р. Гарина / Н.Г. Каргер // Предварительный отчет Н.Г. Каргера и И.И. Козьминского. – Л.: Изд-во АН СССР, 1929. – С. 3–24.
21. Каргер, Н.Г. Родовой состав ульчей / Н.Г. Каргер // Советский Север. – 1931. – № 5. – С. 120–125.
22. Козин, С. Дальневосточная комплексная экспедиция / С. Козин // СЭ. – 1931. – № 3–4. – С. 201–207.
23. Козьминский, И.И. Отчет об исследовании материальной культуры и верований гаринских гольдов / И.И. Козьминский // Предварительный отчет Н.Г. Каргера и И.И. Козьминского. – Л.: Изд-во АН СССР, 1929. – С. 25–48.
24. Коллекции по культуре народов Сибири и Дальнего Востока [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.ethnomuseum.ru/section660/1848/1856/2270.htm>.
25. Липская-Вальронд, Н.А. Материалы к этнографии гольдов / Н.А. Липская-Вальронд // Сибирская живая старина. – Иркутск, 1925. – Вып. 3–4. – С. 145–160.
26. Первый туземный съезд ДВО. Протоколы съезда с вводной статьей Липского. – Хабаровск, 1925. – 139 с.
27. Решетов, А.М. Отдание долга / А.М. Решетов // ЭО. – 1995. – № 2. – С. 54–56.
28. Хасанова, М.М. К 90-летию В.А. Аврорина [Электронный ресурс] / М.М. Хасанова. – Режим доступа: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/books/ethnography/2/227-268>.
29. Цинциус, В.И. Обрядовый фольклор негидальцев, связанный с промыслом / В.И. Цинциус // Фольклор и этнография: Обряды и обрядовый фольклор. – Л., 1974. – С. 34–41.
30. Fowke, G. Exploration of the Lower Amur Valley / G. Fowke // American Anthropologist. – 1906. – V. 8, Issue 2. – P. 276–297.
31. Kan, S. Lev Shternberg: anthropologist, Russian socialist, Jewish activist / S. Kan. – Lincoln and London, University of Nebraska Press, 2009. – 551 p.
32. Laufer, B. Petroglyphs on the Amoor / B. Laufer // American Anthropologist. – 1899. – V. 1, Issue 4. – P. 746–750.
33. Zolotarev, A.M. The Bear Festival of the Olcha / A.M. Zolotarev // American Anthropologist. – 1937. – V. 39, Issue 1. – P. 113–130.

РОЖДЕНИЕ АМУРСКОГО ТЕАТРА (1920–1940 гг.)

Я.С. Крыжановская

Крыжановская Яна Станиславовна – кандидат культурологии, доцент кафедры литературы и культурологии Дальневосточного государственного гуманитарного университета (г. Хабаровск).

Контактный адрес: au@mail.kht.ru

В статье рассматривается процесс формирования театра на национальных языках у коренных малочисленных этносов Приамурья в 1920–1940 гг. На основе архивных источников реконструируется репертуар, анализируются принципы работы и причины ликвидации самобытных этнических коллективов.

Ключевые слова: этнический театр, самодеятельный театр, агиттеатр, фольклорный театр, народы Приамурья.

Духовная культура народов Приамурья (на-найцы, нивхи, удэгейцы, ульчи и др.) в том виде, в каком она сложилась к началу 1920-х гг. не знала театральных форм: театр не смог или не успел самостоятельно вырасти из недр народной игровой традиции. Однако стихия зрелищности активно проявляла себя в обрядах и праздниках, играх и некоторых явлениях сказочного фольклора, – подготавливая тем самым формирование этнического театра. Вполне возможно, что и амурчане создали бы свой фольклорный театр, если бы прожили еще несколько столетий в условиях изоляции. Однако история распорядилась иначе. Рождение нового вида искусства, отделение его от ритуальных форм пришлось на 1920–1940 гг. и было связано не только с автономным развитием этнической зрелищной традиции, но и с влиянием русской культуры и активной национальной политикой советского государства в этом регионе.

Межвоенный период – сложный и неоднозначный этап в истории коренных этносов юга Дальнего Востока, связанный с преодолением экономической отсталости, началом культурного строительства, борьбой с неграмотностью, появлением первых национальных кадров. В этот период государство стремилось приобщить коренные малочисленные народы к новому жизненному укладу. Коллективизм как общественный фактор нашел свое отражение в принципах организации труда и культурной жизни. Изменялись формы общения людей, рождалось самодеятельное творчество.

Сегодня, когда в нашем обществе еще отсутствует уравновешенная и справедливая картина советского прошлого, нередко можно встретить его резкое отрицание и высокомерную критику «совковой самодеятельности». Конечно, в потоке театрального любительства первых со-

ветских лет значительную массу составляли кружки, деятельность которых была далека от задач художественно-эстетического воспитания. Однако в рамках национальной амурской культуры любительское творчество, особенно его театральные разновидности, занимают совершенно особое место. Именно любительский театр стал первой сценической разновидностью зрелища в культуре негидальцев, нивхов, ульчей и других коренных жителей юга дальневосточного региона.

Одной из ярких примет того времени можно считать мощный взлет социальной активности и связанный с этим расцвет народного творчества. Борьба с неграмотностью, создание клубов, приобщение масс к достижениям российской и мировой культуры способствовали широкому распространению самодеятельного искусства. «Никогда еще народное художественное творчество не поднималось на такую высоту, на какой оно находилось в Союзе Советских Республик, – писал один из руководителей культуры того времени А. Назаров. – Великое множество рабочих, колхозников, советских служащих – мужчин, женщин, молодежи и стариков – в свободное от производственной работы время, между прочим, занимаются литературой и искусством» [3: с. 670].

Второй важной тенденцией, во многом определяющей вектор культурной жизни того времени, стало общее внимание к театру и его просветительским, идеологическим возможностям. На совещании по вопросам просвещения народов Севера, проходившем в Москве в августе 1932 г. известный этнограф В.Г. Богораз-Тан особо отмечал: «... театр вообще является всегда исторически раньше письменности, и здесь мы видим, что у северных народов, которые (...), как первобытные люди склонны к активному искусству, драмкружками можно бы-

ло бы сделать много для политпросветительской работы...» [6: с. 7].

Именно поэтому массовое театральное движение стало важной частью новой государственной политики, проводимой среди коренных этносов Дальнего Востока. Силами молодых активистов, в том числе представителей формирующейся национальной интеллигенции, студентов и выпускников Ленинградского института народов Севера, в ряде сел Приамурья создавались драматические кружки, призванные решать поставленную временем задачу – приобщения к социальной, политической и культурной жизни через доступные для понимания аборигенов формы.

В конце 1920-х гг. в с. Нижние Халбы Александрой Путинцевой (1903–1993), будущим автором первого нанайского букваря, была открыта Красная юрта и школа для взрослых. Тогда же – как важная часть образовательного и воспитательного процесса – начались первые театральные опыты. Сами названия самодеятельных пьес показательны – «Мещанство», «Барщина», «Большевики», «Борьба за новый быт».

Разумеется, готовых пьес на нанайском языке не было, драматургическое творчество в национальных районах не могло еще получить широкого распространения в силу новизны для них самого театра. Поэтому проблему репертуара решали двумя путями – либо брали пьесы на русском языке и сами переводили (большую помощь в переводе оказывал М.В. Самар, студент Ленинградского института народов Севера), либо чаще кружковцы совместными усилиями сочиняли пьесы на местном материале. Такова, например, пьеса под названием «Суд над матерью-туземкой, виновной в плохом уходе за ребенком», поставленная 8 марта 1930 г. От подобных агитационных постановок, нередко приуроченных к новым государственным праздникам, их авторы и участники ждали не столько художественного, сколько воспитательного эффекта¹. Пьесы из жизни стойбища имели неизменно большой успех у местных жителей.

В ульчских селах у истоков театральной самодеятельности стоял Семен Николаевич Сипин (1905–1938) – национальный писатель, поэт и композитор, выпускник Института народов Се-

вера, помогавший организовывать театральные кружки в ряде сел своего района. Он же создавал для них репертуар, в основном небольшие одноактные пьесы из жизни ульчей с использованием элементов фольклора (народные танцы, песни, инсценировки обрядов и игр).

Согласно документам уже в 1936 г. в селах Ульчского района работало 25 драматических и 18 музыкальных кружков, было проведено 185 постановок. Особенно активно работали кружки национальных сел Монгол, Кольчм, Богородское, Булава, в репертуаре которых пьесы «Чудесный чум», «Шаман не может лечить больных» и др. [7: с. 25–28].

Театральные кружки появляются и в нивхских селениях. Здесь среди местных активистов театральной самодеятельности называют имена Петра Байчука, создавшего в 1934 г. пьесу «Кулак» и ряд песен на нивхском языке, нивха М.К. Вингун, автора двух пьес на нивхском языке (амурский диалект) [11: с. 51].

В с. Кальма при школе в конце 1930-х гг. работали детский и взрослый драматические кружки, а пьесы на национальном языке для них писал молодой учитель Хынин [4: с. 8].

В репертуаре этих первых театральных коллективов преобладали постановки, использующие фольклорные сюжеты, но осовременивающие их, насыщающие подробностями местной жизни. Широкое распространение получили инсценировки-импровизации на злободневные темы: борьба с шаманством, неграмотностью, отжившими обрядами и верованиями. Например, удэгейцы с. Красный Яр Пожарского района с успехом играли написанную самими участниками пьесу об изгнании из села шамана-обманщика. Тогда же появились и другие пьесы – «Врач», «Возвращение души», «Свадьба» – где, с одной стороны, показывались элементы традиционной обрядности, что придавало зрелищу яркий национальный колорит, с другой – присутствовал идеологически выверенный мотив противопоставления старой и новой жизни [2: с. 18; 8: с. 103].

К сожалению, пьесы тех лет практически не сохранились. Причин тому могло быть несколько. Во-первых, в этот период существовала некоторая неопределенность с национальной письменностью. Еще в январе 1932 г. на I всероссийской конференции по развитию языков и письменности народов Севера был принят проект создания единого северного алфавита на латинской графической основе. Однако попытки его внедрения среди бесписьменных народов сразу же столкнулись с большими трудностями, и

¹ В последнем случае результат был очевиден – неградивая мать, виновная в плохом уходе за ребенком и выведенная на сцене в качестве героини спектакля, на другой же день принесла его лечить в Юрту [12: с. 297].

спустя несколько лет было принято решение о переходе на русский алфавит. Во-вторых, вполне вероятно, что пьесы вообще не имели письменно зафиксированного текста: в этом не было необходимости, так как некоторые артисты были неграмотны. Скорее всего, актеры-любители пользовались только сценарием, что избавляло от необходимости заучивать текст и давало широкие возможности для импровизации. Сама природа самодеятельности того времени определяла отношение участников к своим спектаклям как к «искусству дня», призванному решать оперативные задачи (просветительские, воспитательные, идеологические), и нерассчитанному на долгую жизнь.

Однако, опираясь на немногие сохранившиеся источники, попытаемся отметить некоторые специфические черты амурского этнического театра 1930-х годов.

Прежде всего, это был театр, рожденный своим временем, т. е. инсценировочный любительский театр, характеризующийся политической злободневностью и социальным оптимизмом, высмеивающий и обличающий старое и утверждающий новое. Политико-просветительские задачи обусловили определенный композиционный прием, характерный для многих пьес того времени: в первой части постановка включала показ старой жизни, прошлого бесправия, а во второй – противопоставляемый прошлому сегодняшней счастливый день. Как писал один из теоретиков театра того времени А. Гвоздев, «сила обличительной – гротеску – противопоставляется сила созидательная и положительная – героический пафос революционного строительства. И чередование этих двух планов – гротеска и пафоса – рождает особый ритм клубной инсценировки и ее неподражаемую особенность и своеобразие» [14: с. 28].

Именно так строилась поставленная в с. Нижние Халбы пьеса «Борьба за новый быт». В первом действии на сцене представляла жизнь традиционной нанайской семьи – отец, две его жены (старая и молодая), два сына и дочь. К больной дочери приглашают шамана, который, однако, не смог спасти ее от смерти. Назревает конфликт между молодым поколением семьи (второй женой, посещающей избы-читальню и тем отрывающейся от домашней работы, сыновьями, один из которых собирается вступить в комсомол, а другой – пионер) и отцом. Сыновья упрекают отца за то, что он их не слушает, говорят, что жизнь идет вперед, что они учатся и у них есть чему поучиться, а его темнота и невежество привели дочь к смерти.

Второе действие – сцена комсомольского собрания. Гокча (старший сын) вступает в комсомол, вбегает Саринка (молодая жена), прислушивается, и после приема Гокчи просит принять ее в комсомол. Она заявляет, что была продана мужу, а теперь, чувствуя себя вправе устраивать жизнь по своему желанию, уходит от старика. Комсомольцы после собрания готовятся к празднику 1 Мая, украшают клуб лозунгами и ведут разговоры о той борьбе, которая ведется в стойбище – молодое, новое наступает, разрушает все старое, и как это старое, загнившее сопротивляется, хочет удержать свои позиции, но ничего не выходит. Мораль пьесы проста – побеждает везде сильный физически и морально, а молодежь сильна знаниями, трудом, и потому победа за ними [12: с. 75].

Подобные постановки, с которых и начинался национальный любительский театр на Амуре, не только отвечали идеологическим запросам, не только знаменовали собой появление новой формы национального зрелища, больше соответствующего духу времени, чем привычные обрядовые формы, но и декларировали новую мораль, рожденную этим временем. Если вековая традиция предписывала уважительное отношение к мудрости старших, то на сцене утверждалось – молодые тоже обладают знанием, потому что смотрят в будущее, которое им и принадлежит.

В определенном смысле деятельность национальных драматических кружков в амурских селах – рожденных своим временем и нацеленных на решение политически злободневных задач – была ориентирована на модель пролетарского театра рабочей молодежи. Один из комсомольских вожakov трамбовского движения отмечал: «Сущность и своеобразие ТРАМа заключаются в том, что он сочетает в себе следующие элементы: 1) элементы кружка (широкая самодеятельность, инициатива, самообразование, самосовершенствование); 2) элемент театральной школы (углубленная учеба – от элементарной актерской техники до овладения профессиональным мастерством); 3) элементы профтеатра (...организация из наиболее талантливых участников профессионального коллектива...); 4) элементы массовой художественной работы» [14: с. 167].

Все эти черты в том или ином виде присутствовали в работе национальных драмкружков, которые не только знакомили молодежь с азами сценического творчества, но и привлекали к участию в общеобразовательных и политических кружках, в создании актива избы-читальни, в выполнении комсомольских ячеек. Безусловно, в

деятельности таких коллективов существовала реальная опасность преобладания коммуникативных (агитационных, идеологических, политических) задач над художественными. Однако при этом существовал и фактор, несколько уравновешивающий этот агитационный пафос.

Стилистика постановок в национальных амурских селах не исчерпывалась элементами советского агиттеатра. Это были **национальные** театры, использующие не только родной язык, но и элементы фольклора, национальной обрядности, красочные этнические костюмы, ритуальные и бытовые предметы в качестве сценического антуража и т. п. Это были театры, тесно связанные со своими обрядовыми истоками, что проявлялось и в опоре на национальные сказки, легенды и обряды, и в самой смешанной форме представлений, носящих синтетический зрелищно-музыкальный характер, а нередко и в особенностях поведения публики. Зрители театральных постановок (новые зрители!) никак не желали быть только публикой. Вековые традиции обрядовых зрелищ приучили их к тому, что человек выступал активным участником зрелищных акций. Вот и на первых театральных спектаклях в нанайских, ульчских, нивхских селениях охотники, рыбаки и лесорубы легко включались в происходящее, возгласами одобрения или неодобрения сопровождали происходящее на сцене, и нередко спектакли продолжались своеобразными творческими вечерами, где звучали песни, сказки в исполнении «артистов из публики»².

Показ национальных обрядов занимал важное место в первых постановках. И в данном случае не столь важно, что это был показ «от противного», что национальная обрядность воспринималась как часть «старой» жизни. Особенно и актеров, и зрителей привлекала фигура шамана, как одна из самых ярких и колоритных в национальной культуре. Правда, привлекала в основном карикатурным восприятием: шаман в самодеятельных пьесах (а редкая пьеса тех лет обходилась без сцены шаманского камлания) – национальный эквивалент «кулака» или «буржуя». Но нельзя не учитывать, что появление шамана на театральной сцене давало легальную

возможность показать красочный национальный обряд как часть инсценировки.

Заметим, что переход от обряда к его сценической версии – трансформация, характерная для традиционной культуры в целом, независимо от географической и национальной принадлежности. Так, в XX в. корейские шаманки *муданги* первыми стали ездить на запад и выступать на сцене. Вслед за ними также стали делать группы танцоров и певцов других шаманистских народов. Но по сравнению с этой общей тенденцией у амурских этносов на сцене выступали не сами шаманы, а актеры, их изображавшие. Причем с конкретной идеологической нагрузкой.

Сегодня, по прошествии стольких лет, уже трудно сказать, чего в этих постановках было больше – агитационно-современного или традиционно-фольклорного. Тем более что своеобразное «передразнивание» шаманских камланий не было абсолютно чуждо народной традиции: у нанайцев, удэгейцев известны сказки (нан. «*нингману*», удэг. «*ниманку*»), в которых герои в качестве развлечения пародируют (имитируют) действия шамана. О внимании к фольклорной (а не только к пропагандистской, в духе времени) стороне спектакля раннего амурского этнического театра косвенно свидетельствует и тот факт, что среди публики нередко присутствовали сами шаманы³.

Если деятельность многочисленных любительских драмкружков в национальных селах Приамурья этого периода позволяет говорить о складывающейся своеобразной стилистике национального театра, то наиболее яркое воплощение эта стилистика получила в деятельности самого заметного, по-своему уникального театрального коллектива тех лет – профессионально-го нанайского театра из с. Найхин.

В его создании деятельное участие принимали выпускники Ленинградского института народов Севера. Еще в начале 1930-х годов, специалисты, работавшие со студентами-северянами, подметили их интерес к театру. Занимавшаяся с нанайцами Л.Б. Жукова предложила организовать театральный кружок, где, опираясь на фольклор, общими усилиями создали пьесу на национальном языке. Дух того времени во многом определил выбор темы: положение нанайских женщин в условиях дореволюционного быта. Всем коллективом из лучших импровизаций участников на заданную тему создали пьесу

² По поводу одного такого выступления нанайских артистов перед жителями удэгейского с. Бира директор нанайского театра из Найхина Борис Ходжер писал: «Большую активность проявили женщины, даже старики принимали на вечере активно участие, как Амулинка, которому 72 года, исполнял песни» [20].

³ Информация М.С. Бельды, пос. Найхин. Полевые материалы автора. 1996 г.

«Сайла», посвященной традиционной для тех лет теме борьбы «старого» и «нового» быта. Постановка имела большой успех.

Позже, когда студенты из Ленинграда вернулись домой, было решено ядро драматического коллектива перенести на местную почву. К бывшим студентам присоединилась местная молодежь, и в 1934 г. в Найхине появился кружок из 16 человек под руководством выпускника Института народов Севера, комсомольца Бориса Ходжера. Первой постановкой была «Сайла», сюжет которой типичен для агитационных самодеятельных пьес того периода и объединял элементы фольклора, национальной истории с темой социальных преобразований. Нанайскую девочку Сайлу в младенчестве родители обручили с богатым охотником. Прошли годы, наступил день, когда невесте предстоит идти в дом мужа. Но времена изменились, и новое поколение активно выступает против старого обычая. Судя по немногим сохранившимся отзывам и тому факту, что этот спектакль в течение нескольких лет был в репертуаре нанайского театра – это была одна из самых удачных попыток на базе фольклора построить современную агитационную острую пьесу.

Успех спектакля на нанайском языке подтолкнул районные власти ходатайствовать об организации на основе драматического кружка национального театра. В 1935 г. Крайисполком принимает решение о создании нанайского передвижного театра с актерами в количестве 18 человек с целью поднятия и развития национальной и общей культуры колхозников. Базой нового театра утвердили найхинский колхоз «Красный путь».

С первых дней своего существования самодеятельный коллектив с успехом начал гастролировать в таежных селах и стойбищах. Вслед за «Сайлой» в репертуаре появились инсценировки нанайских сказок и легенд в обработке самих участников. Ставились также сцены шаманских камланий и других обрядов. В виде отдельных номеров исполнялись постановки национальных игр и театрализованные версии народных песен. Реалии местного быта присутствовали и в политически злободневных пьесах: теме эксплуатации бедняков нанайскими и русскими богатеями были посвящены созданные самодеятельными артистами одноактные пьесы «*Конго Пояхта*» («Глухая трава») и «*Ми балаты*» («Я помогу»).

Смешанный состав труппы, куда входили, кроме драматической, хоровая и музыкальная группы, существенно расширял возможности коллектива. Помимо спектаклей бытового и агитационно-политического содержания, репертуар

включал песни, танцы (не только нанайские, но и русские, для которых были сшиты специальные костюмы), музыкальные и акробатические номера (в том числе на столь популярную в предвоенные годы оборонно-физкультурную тему), спортивно-игровые выступления (фехтование на коротких палках, борьба нанайских мальчиков и др.).

Найхинский театр изначально формировался как театр молодежный, где средний возраст участников составлял 20–25 лет. Это и 20-летняя Мария Бельды, исполнявшая роли девушек-героинь, и ее муж Тимофей Киле, прославившийся у односельчан ролями юношей. Даже Яве Пассар, исполнявшая роли старух, не было и 30. Первоначальный состав участников театра включал 18 человек, из них 5 – девушки. И это, как и молодежный состав, тоже было смелым веянием времени. Дело в том, что по традиционным нанайским представлениям женщинам категорически не разрешалось петь в присутствии мужчин, они могли лишь плакать во время похорон. Публичное же внеобрядовое, «нелимитированное» женское пение считалось грехом (*сором-бори*), за который весь род, все стойбище могли поплатиться несчастьем, даже смертью. Однако, несмотря на традиционные запреты, молодые нанайские женщины все-таки вышли на сцену.

В ежегодных отчетах, представляемых Краевым управлением по делам искусств, найхинский театр фигурирует как стационарный нанайский драматический театр на 200 мест (отдельного здания не было, коллектив работал в помещении клуба). Труппа активно гастролировала. На лодках и повозках артисты добирались до самых отдаленных стойбищ, ездили в Николаевск-на-Амуре, Хабаровск. Театральная бригада обслуживала население всех соседних сел, леспромпхозов, где артистов всегда встречали очень тепло. Только за 1936 г. было дано 64 спектакля, которые посмотрели 9 000 взрослых зрителей и почти две тысячи школьников, многие из которых впервые встретились с искусством сцены.

Несомненно, нанайский театр из Найхина выполнял очень важную социокультурную функцию. В ситуации 1930-х гг., в условиях отсутствия систематического культурного обслуживания населения отдаленных национальных стойбищ и слабой укомплектованности библиотек этот любительский коллектив играл для никогда не видевших театра и даже не умеющих читать людей, приобщал их к искусству, формировал «культурного зрителя и слушателя». По своим задачам это был просветительский театр, который был востребован национальной интел-

лигенцией того времени как доступная и понятная форма пропаганды обновления общества.

Совершенно очевидно, что постановки найхинского театра, как и других национальных любительских коллективов того времени, решали одновременно задачи не только и не столько художественные, сколько коммуникативные, агитационные, идеологические. Это обусловило совмещение разных языков, или кодов, которые по своему актуализировались в зависимости от аудитории. Во-первых, это «современный» код, или стилистика русского-советского театра (включая такую его специфическую модель, как театр рабочей молодежи), которая была привлекательна для молодежной аудитории, ориентированной на новую жизнь. Разумеется, владение языком профессиональной сцены требует значительной подготовки и опыта, которого у самодеятельных артистов не было и не могло быть. Но в деятельности нанайского театра эта стилистика в значительной степени была связана с решением злободневных политических задач, с карикатурным высмеиванием старого и превознесением нового, т. е. с революционной образностью, которую с энтузиазмом воспринимали отдельные представители рождающейся этнической интеллигенции. В этом случае художественные качества постановки, ее форма оставались вопросом второстепенным и не имели собственной ценности для зрителя. Первостепенным было соответствие содержания произведения «системе эмоций эпохи» (Р. Барт), а зрительский успех во многом зависел от злободневности представляемого на сцене. В этом смысле спектакли первого нанайского театра, в чем-то художественно несовершенные, являлись квинтэссенцией своего времени.

Во-вторых, это код традиционный, или фольклорный, связанный с обращением к национальному материалу. Сами исполнители являлись носителями фольклора. Они хорошо владели национальной пластикой, пантомимой, использовали их выразительные возможности. Артисты театра были знакомы с традиционной манерой пения, свободно импровизировали и создавали тексты песен во время исполнения. Пение было обязательным элементом фольклорного театра: форма сценического действия с музыкой соответствовала не только обрядовым истокам, но и народным представлениям о жизненной правде, где песня передавала все душевные движения. Сцены разыгрывались преимущественно методом импровизации. Каждое новое исполнение давало свой равноправный вариант спектак-

ля. Творчество и исполнительство оказывались неразрывно связанными в раннем фольклорном театре так же, как они были связаны в шаманском камлании или при исполнении сказок.

Кроме того, «традиционный» код был связан с использованием национальных костюмов, предметов быта, ритуальных атрибутов, которые сами являлись носителями определенных символов. В спектаклях на местном нанайском материале обязательно был момент, когда показывали какие-либо вещи, предметы (обихода, ритуала и т. д.), т. е. независимо от желания или нежелания участников спектакли представляли собой «вещное действо» [18: с. 12]. И эта насыщенная фольклорно-мифологическими смыслами предметно-визуальная среда, которая создавалась во время представления, в значительной степени определяла художественные качества спектакля.

К концу 1930-х годов пьесы на местном материале, инсценировки нанайских сказок уступают в репертуаре найхинского театра место переводной драматургии – русской и советской. Вероятно, это было связано с изменившимися возможностями по формированию репертуара. Если в начале 1930-х гг. у национальных амурских театров просто не было иного выхода, кроме самостоятельного создания пьес-инсценировок, то позже, к середине десятилетия, пятью издательствами страны было выпущено 147 книг и брошюр на 15 языках народов Севера, в том числе лучшие произведения русской и советской литературы [15: с. 297]. В репертуаре найхинского театра появляется «Женитьба» Н.В. Гоголя. В 1937 г. к 20-летию Октябрьской революции ставится отрывок из «Мятежа» Д. Фурманова. Год спустя идет «Платон Кречет» А. Корнейчука, небольшой отрывок из пьесы Б. Тура и Л. Штейна «Очная ставка» под названием «Врачебный долг», первая пьеса выдающегося советского драматурга А. Арбузова «Шестеро любимых» и др.⁴

Однако и в этот период проблема репертуара вряд ли была решена полностью – тем более, если речь идет не просто о провинциальном театре, а

⁴ Пьеса Арбузова, с которой и началось признание писателя критикой и широкой публикой, была написана в 1934–1935 гг. Эта лирическая комедия, посвященная актуальной в то время битве за урожай, сразу же была поставлена в Москве и Ленинграде и имела большой успех. А спустя всего 2 года спектакль, поставленный силами нанайских актеров, идет уже на сцене найхинского театра, отделенной от Москвы не только десятком тысяч километров, но и определенным культурным барьером.

еще и о столь специфических, как нанайский. Поэтому совершенно естественным оказался традиционный любительский способ переделки готового художественного материала. Фрагменты пьесы А.Н. Островского «Без вины виноватые» шли под названием «Кто виноват», при этом герои не только заговорили по-нанайски, но и надели национальные костюмы. И это, разумеется, публике таежных стойбищ было куда понятнее и ближе, чем реалии русского купеческого быта XIX в.⁵

В официальных документах тех лет неизменно отмечается высокое качество постановок нанайского театра, «по своему художественному уровню не уступающих постановкам крупных краевых театров». Это и стало причиной изменения в 1939 г. статуса коллектива: из самодеятельного он стал профессиональным, а состав увеличился с 18 до 25 человек [9: с. 147].

Подобная стремительная профессионализация небольшого сельского театра может кого-то удивить только сегодня. Однако для театрального процесса того периода это было весьма распространенное явление. Быстрый перевод любительских кружков в статус профессиональных трупп был обусловлен как объективной потребностью времени, так и надуманной установкой (в основном деятелей пролеткультовского толка) на скорое завоевание рабоче-крестьянским театром ведущих позиций в профессиональном искусстве. В случае с найхинским театром перемена статуса, скорее, выдавала желаемое за действительное: вряд ли коллектив, в котором ни один из участников не имел актерского образования, являлся профессиональным. О весьма относительном профессионализме актеров можно судить еще и по тому, что некоторые из них были вынуждены совмещать работу на сцене с выполнением хозяйственных функций.

Если первые годы работы найхинского театра отмечены исключительно позитивными рецензиями, то к концу 1930-х годов стали очевидны серь-

езные проблемы, с которыми столкнулся коллектив. Документы того времени свидетельствуют о разрыве между требованиями к нанайскому коллективу, уже получившему статус профессионального, и его реальными возможностями. Местные актеры-полупрофессионалы, руководимые такими же любителями, не имеющими театральной подготовки, нуждались в кадрах «художественных воспитателей (руководов)» [14: с. 160]. Без этого трудно было рассчитывать на какой-либо прогресс национального театра в далеком селе.

Для решения этой проблемы в июне 1939 г. в Найхин из Хабаровска прислали художественного руководителя и режиссера. Г.С. Самарский до этого назначения преподавал на курсах режиссеров самодеятельных театров, впоследствии возглавил в Хабаровске кукольный театр. Возможно, он был неплохой профессионал, однако, в недолгую историю первого нанайского сценического коллектива он вошел как человек, не сумевший понять и принять специфику национального театра. С его именем связан развал этой самобытной труппы. Не оценив в полной мере особенности найхинского театра, Г. Самарский вместе с художником Бриком сделали все, чтобы в нанайском театре не осталось ничего этнически окрашенного. Новые руководители запретили в концертных выступлениях показ народных танцев, фехтования и спортивно-игровых номеров, которые всегда пользовались успехом у зрителей. Постановки нанайских легенд, сказок были заменены русскими пьесами, плохо и неряшливо сделанными (одна из них – «Лжестахановец», повествующая «о подлой деятельности врагов народа в одном из колхозов») [17: с. 19]. На смену национальным песням пришли песни советские, революционные, и художественное чтение на русском языке: не очень хорошо владеющие русским языком актеры-любители читали для такой же публики стихи А.С. Пушкина и В.В. Маяковского⁶.

С изменением репертуара пришлось отказаться и от национальных костюмов, являющихся гордостью коллектива. Хабаровское краевое

⁵ В данном случае подход нанайских актеров к классическому репертуару целиком соответствовал духу времени. Еще в 1919 г. В. Керженцев, один из теоретиков театра задавался вопросом: «Должны ли мы с вниманием относиться к великим произведениям драматургии и стремиться воплотить их на сцене так, как они задуманы автором, или же можем коренным образом разойтись с их намерениями и переделать даже классические произведения на свой лад? Можно ли использовать такие пьесы как сырой материал, как простой сценарий?» И сам же отвечал: «... Да, пьеса только сценарий. Да, намерения автора для театра необязательны» [5: с. 4].

⁶ О степени подготовленности населения стойбищ к восприятию русской литературы и драматургии свидетельствуют дневниковые заметки М.А. Каплан, сделанные всего год спустя, в марте 1941 г.: «Вечером пошла в клуб. На меня произвело очень тяжелое впечатление, что если уже школа что-нибудь помогает, то не учитывает интересы нанай, а интересы 10 человек русских, которые имеются в стойбище. Нанай сидели и ничего не понимали. Многие говорили, что ничего не понимают этого. Пьеса совсем не интересная. Лучше бы поставить нанайскую вещь» [1: с. 27].

управление по делам искусств оценило деятельность Г. Самарского однозначно: «...театр доведен до полного развала» и издало приказ об отстранении режиссера от работы [10: с. 113].

К началу 1940 г. ситуация с нанайским театром еще более затрудняется. Тревожно прозвучала информация на Краевом совещании художественных руководителей и директоров театров Хабаровского края в феврале 1940 г., где говорилось о том, что в Нанайском театре (имеющем статус профессионального!): «...нет ни одного профессионального актера, общеобразовательный ценз очень низкий, порой даже актеры малограмотны, а если возьмете художественное руководство, то о нем даже говорить нечего» [16: с. 62].

6 марта 1940 г. исполком нанайского Совета депутатов трудящихся (с. Троицкое) принимает специальное постановление № 14/22 «О нанайском театре», где констатируется: «...качество работы нанайского театра в настоящий момент не удовлетворяет возросшим культурно-политическим запросам нанайского народа». Исходя из этого, исполком обращается в Краевое управление по делам искусства, в ведении которого находился найхинский театр, о принятии ряда неотложных мер для улучшения работы коллектива. Среди них – ходатайство о создании в 1940–1941 учебном году нанайской национальной студии-курса в Государственном театральном институте для подготовки квалифицированных актерских кадров нанайскому театру; помощь в создании репертуара – как национально-го, так и переведенного на нанайский язык, с участием местных драматургов (среди них называются имена Тимофея и Михаила Бельды); укрепление художественного руководства и т. д. [13: с. 35–36].

В это сложное для театра время его директором стал Чеби Николаевич Ходжер (отец будущего писателя Г. Ходжера). Новый директор активно взялся за реформирование работы коллектива: было начато восстановление национального репертуара, создана специальная «бригада по обработке фольклора», куда вошли самые опытные «театралы» С.Г. Заксор, Т.К. Бельды, А. Бельды. Из Хабаровска в Найхин был направлен новый художественный руководитель Б.Ф. Зац, имеющий высшее театральное образование и опыт работы, командирован молодой преподаватель музыки баянист А.П. Перелыгин. Художнику краевого кукольного театра О.В. Пуртову (отмеченному в краевом конкурсе на лучший спектакль, проходившем в январе 1940 г.) поручено художественное оформление

спектакля на бытовую национальную тему «Мы поможем».

Однако, несмотря на принятые меры, к осени 1940 г. нанайский театр перестает существовать. Приказом № 238 от 31.07.1940 г. его реорганизовали в районный Дом народного творчества, которому и было передано все имущество театра.

В течение 6 лет театр из Найхина был центром культурно-просветительной работы в сельской местности. Как было написано в одной из первых рецензий: «...в центре Нанайского района работает, учит и сам учится культуре нанайский самодеятельный театр» [19: с. 3]⁷. Почему же судьба его была столь краткой?

Мы полагаем, что мотивы ликвидации национального нанайского театра, – самого значимого и интересного национального сценического коллектива в культуре Приамурья этого периода, – объясняются не просто объективными недостатками конкретной труппы. Конечно, было и нежелание чиновников от культуры помогать отдаленному театру, до которого трудно добираться, было и сокращение государственных дотаций. Но за всем этим стоит главное: изменившиеся в конце 1930-х годов приоритеты в национальной государственной политике.

Функционирование этнического театра в селах Приамурья, рожденного в самом конце 1920-х гг., было частью национальной политики Советского государства того периода, его развитие определялось постановлениями и резолюциями органов власти разного уровня. В конце 1930-х гг. целенаправленная национальная политика государства перестает существовать, все ярче заявляет о себе так называемый классовый подход, связанный с выхолащиванием этнически окрашенного содержания в пользу «советского», т.е. идеологически выдержанного. Конституция СССР 1936 г. и Конституция РСФСР 1937 года уже не упоминала национальные меньшинства и народности Севера как носителей особых прав. В 1935 г. был упразднен Комитет Севера, следом за ним были ликвидированы все национальные советы.

⁷ Об интересе, который вызывала деятельность этого национального коллектива, свидетельствует и тот факт, что рядом дальневосточных художников в середине 1930-х гг. были созданы портреты сотрудников Найхинского театра, который сейчас хранятся в музеях г. Хабаровска и Комсомольска-на-Амуре.

В духе слияния наций и сложения новой общности людей – советского народа – начинается постепенная ликвидация этнокультурных институтов, в том числе национальных театров. Изменение курса советского правительства в национальной политике, установление тоталитарной системы в стране не позволили национальным театрам стать серьезным явлением в театральной культуре края.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Дневниковые записи, сделанные М.А. Каплан во время экспедиций в Хабаровский край (1940–1941 гг.). – Архив Российского этнографического музея (РЭМ). – Ф.2. – Оп.5. – Д. 93. – Л. 1–35.
2. *Иванов, С.А.* Культурное строительство в Приморье / С.А. Иванов. – Владивосток: Приморское книжное издательство, 1963. – 71 с.
3. Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика / под общ. ред. А.К. Соколова. – М.: Высш. шк., 2004. – 687 с.
4. Кеман. Материалы по амурским нивхам. 1939. – Архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (МАЭ). – Ф. К-V. – Оп. 1. – Д. 38. – Л. 1–8.
5. *Керженцев, В.* Можно ли переделать пьесы-постановки / В. Керженцев // Вестник театра. – 1919. – № 1. – С. 4–5.
6. Материалы по вопросам просвещения народов Севера (стенограмма совещания от 30.08.1932). – Архив МАЭ. – Ф. К-II. – Оп. 1. – Д. 161. – Л. 3–10.
7. Отчетный доклад о работе Ульчского райисполкома за период с октября 1934 г. по август 1937 г. о народном образовании и культпросвет работе в районе. – Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). – Ф. 1214. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 16–28.
8. *Подмаскин, В.В.* Духовная культура удэгейцев XIX–XX вв. Историко-этнографические очерки / В.В. Подмаскин. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1991. – 160 с.
9. Приказ № 124 по Хабаровскому Краевому Управлению по делам искусств от 4.06.39. – ГАХК. – Ф. 1691. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 147.
10. Приказ № 81 по Хабаровскому Краевому Управлению по делам искусств от 27.03.1940. – ГАХК. – Ф. 1691. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 113.
11. Программы праздников народов Севера 1970–1991 гг. – Государственный архив Приморского края (ГАПК). – Ф. 1625. – Оп. 1. – Д. 210. – Л. 1–53.
12. *Путинцева, А.П.* Дневники Красной Юрты / А.П. Путинцева. – Хабаровск: ХККМ им. Н.И. Гродекова, 2010. – 350 с.
13. Решение 14/22 Исполкома Нанайского Совета депутатов трудящихся от 6 марта 1940 г. (с. Троицкое на Амуре) «О нанайском театре». – ГАХК. – Ф. 1747. – Оп. 1. – Д. 75. – Л. 35–36.
14. Самодеятельное художественное творчество в СССР: Очерки истории, 1917–1932 гг. / Рос. акад. наук, Гос. ин-т искусствознания министерства культуры РФ; ред. С.Ю. Румянцев [и др.]. – СПб. : Изд-во «Дмитрий Буланин», – М.: ГИИС, 2000. – 534 с.
15. *Севилягаев, Г.Ф.* Очерки по истории просвещения малых народов Дальнего Востока / Г.Ф. Севилягаев. – Л.: Просвещение, 1972. – 423 с.
16. Стенограмма Краевого совещания художественных руководителей и директоров театров Хабаровского края при управлении по делам искусств: Итоги выполнения репертуарного плана 1939 г. и репертуарный план 1940 г. (5–8 февраля 1940 г.). – ГАХК. – Ф. 1691. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 57–65.
17. *Теплицкий, И.З.* Нанайцы (гольды). 1939 / И.З. Теплицкий. – Архив МАЭ. – Ф. К-V. – Оп. 1. – Д. 104. – Л. 1–25.
18. *Фейденберг, О.М.* Миф и театр. Лекции / О.М. Фейденберг. – М.: ГИТИС, 1988. – 132 с.
19. *Харьковский, Г.* Нанайский театр / Г. Харьковский // Тихоокеанская звезда. – 1935. – 24 янв.
20. *Ходжер, Б.* О нанайской театральной бригаде / Б. Ходжер // Сталинский путь. – 1937. – 22 янв.

ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ КОНТРРАЗВЕДКИ: «ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ "ТРЕСТ"» (1939–1945 гг.)

С.В. Тужилин

Тужилин Святослав Вячеславович – соискатель Дальневосточного государственного гуманитарного университета (г. Хабаровск).

Контактный адрес: oskar-81@mail.ru

Статья посвящена одной из крупнейших операций советской контрразведки против японских спецслужб, впоследствии названной специалистами «дальневосточным "Трестом"». От исхода этой операции в значительной степени зависела военно-политическая обстановка на Дальнем Востоке накануне и в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: спецслужбы, Япония, СССР, противостояние, диверсия, шпионаж, операция, агентура, разведка, контрразведка.

Сегодня об операции «Трест», проводившейся в Европе контрразведывательным отделом (КРО) ГПУ-ОГПУ в 1921–1927 гг. и вошедшей в историю отечественных органов государственной безопасности в качестве первого и классического примера создания подпольной организации с целью внедрения в шпионскую сеть противника, знают многие. Но лишь узкий круг специалистов и лиц, интересующихся историей спецслужб, осведомлен, что подобная контрразведывательная операция многим позже проводилась и на Дальнем Востоке СССР.

Дальневосточным регионом интересовались не только спецслужбы Страны Восходящего солнца, но и США, Великобритании, Франции. Однако накануне Великой Отечественной войны местные органы НКВД-НКГБ преимущественное значение уделяли так называемой «японской линии». Наиболее активная подрывная работа спецслужб Японии здесь велась через разведывательные управления штабов Квантунской и Корейской армий и японские военные миссии, расположенные в Харбине, Пограничном, Сахалине, Хайларе и других городах. В данный период разведорганы Японии массово забрасывали рядовых шпионов и кадровых агентов, многие из которых прошли спецподготовку для работы в условиях СССР. Имеются сведения, что на протяжении 1939–1941 гг. в городах и приграничных районах Дальнего Востока было задержано и разоблачено свыше 2,5 тыс. японских агентов [7: с. 312]. В общей же массе в период с 1937 по 1941 гг. на дальневосточных рубежах было задержано почти 10 тыс. нарушителей границы [11: с. 122].

В такой напряженной оперативной обстановке советские органы государственной безопасности провели ряд уникальных операций и

приняли определенные административные меры, направленные на пресечение подрывной деятельности японской разведки, которая к этому моменту приобрела репутацию одной из самых мощных в Северо-Восточной Азии. Учитывая последнее обстоятельство, по распоряжению правительства СССР, инициированному НКВД, большинство японских консульств были закрыты, а их персонал, тотально занимающийся шпионажем, вынужденно покинул пределы страны. В частности, на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) от 9 февраля 1938 г. было решено предложить руководству милитаристской державы сохранить свои консульства лишь во Владивостоке, Петропавловске-Камчатском и одно на Сахалине (на выбор: в Александровске или Охе) [12]. Принятые меры существенно снизили возможность использования представительств островного государства для ведения разведки с легальных позиций [9: с. 208].

Однако свести на нет тайное противостояние между СССР и Японией, сопровождающееся частыми провокациями последней на границе, из-за ее агрессивной внешней политики не представлялось возможным. Особенно это испытывалось в зоне ответственности приморских чекистов, так как именно данному региону в предвоенное время японская разведка уделяла особое внимание. Противостояли ей сотрудники 3-го (контрразведывательного) отдела УГБ Управления НКВД по Приморскому краю. К их заслугам относится реализация в 1940 г. уникальной операции «Провокаторы» против резидентуры японской разведки. Проведению дела в жизнь предшествовала длительная и сложная оперативная игра, в результате которой на нашу территорию было выведено 56 агентов, в числе которых ока-

зался опытный японский разведчик кореец Ли Хай Чен¹.

По документам УНКВД по Приморскому краю, датированным 1940 г., он являлся «руководителем контрреволюционной шпионской организации «Синкото», старым провокатором корейского народа, советником японского генералитета» [1]. Родился в 1874 г. в уезде Сунчхон провинции Северный Пхеньян. По воле случая именно здесь в то время отбывал государственную ссылку известный террорист и японофил кореец У Бем Шен, у которого с 12 до 19 лет Ли Хай Чен обучался грамоте и приобщался к идеям японского национализма. Примечательно, что после ссылки «учитель» вернулся в Сеул и ввязался в очередной заговор, теперь уже против корейской королевы Мин. В ночь с 7 на 8 ноября 1895 г. сторонница сближения Кореи с Россией была убита. В этом же году Ли Хай Чен выехал для продолжения учебы в Японию, где познакомился с основателем «Общества черного дракона» японцем Хомма Кусукэ, кем и был завербован². А в 1898 г. вернулся на родину уже во главе террористической группы, созданной по заданию японцев с целью убийства преемника королевы короля Ко Чжоня [4: с. 113]. Но после нескольких неудачных попыток и под давлением определенных обстоятельств план «дворцового переворота» рухнул. Ли Хай Чен, уже ставший известным в политических и экстремистских кругах Японии, бежал во Владивосток. С этого времени

он приступил к бурной разведывательной деятельности против интересов России. В частности, в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. его многочисленные агенты, путешествуя, как правило, под видом торговцев по расположениям русских войск собирали о последних подробную информацию [5]. При этом Ли Хай Чен, используя им же разработанную систему курьерской связи, весьма оперативно доносил разведсообщения до адресатов. Есть точка зрения, что такая система связи была им скопирована с древнеперсидской, о которой упоминал в своих мемуарах У Бем Шен. В частности, Ли Хай Чен организовал посты связи, по 3–5 чел. в каждом, причем людей подбирал физически развитых, способных быстро преодолевать большие расстояния. Посты расставлялись: на пересеченной местности – по одному на каждые 10 ри³, на ровной местности – на каждые 15–20 ри. Связник, пробежавший 10 ри за 30 минут, получал вознаграждение в 10 иен. Улучшение результата на каждые 5 минут увеличивало вознаграждение в 2 раза [8: с. 207].

Весьма любопытны способы маскировки разведывательной деятельности, к которым прибегал Ли Хай Чен. «Во время пребывания в России... я издал во Владивостоке корейскую газету, открыл школы для корейцев в Никольске, Суйфуне и во Владивостоке...», – расскажет он впоследствии на допросе в УНКВД по Приморскому краю 9 октября 1940 г. Более того, он «сделал попытку организации народного управления для корейцев, проживающих во Владивостоке» [16]. Однако она не была осуществлена в силу, якобы, имевшихся разногласий по вопросу подбора кандидатур на председательское место. Открытые Ли Хай Ченом школы и газеты просуществовали недолго. Вслед за этим он получил известие из Кореи, что там из-за материальных затруднений также прекратили работу созданные им школы молодежи. «Таким образом, я был поставлен перед лицом самого жалкого неудачника...», – резюмировал свои воспоминания Ли Хай Чен [17].

Тем не менее в дальнейшем он активно помогал японскому военному руководству в подготовке оккупации Кореи, за что его щедро отблагодарили содействием в бизнесе. Так, в 1909 г. за услуги, оказанные Японии по аннексии своей родины, он получил льготный банковский кредит, приобретя на него рисовую плантацию и золотой прииск [13]. Таким образом, «...действуя в качестве провокатора экстра-класса он сде-

¹ По показаниям плененного в августе 1945 г. офицера японской разведки Тогама Сатоси, из 56 переброшенных в СССР агентов обратно вернулись 14 чел. Правда, с какими целями и задачами – еще предстоит выяснить исследователям, когда станут доступными материалы в ведомственных архивах.

² «Общество черного дракона» по яп. «**кокурюкай**» – ультранационалистическая реакционная организация в Японии (1901–1946 гг.). Черный дракон – китайское и японское название р. Амур. Одной из основных задач «Общества черного дракона» была борьба методами шпионажа с Россией, а в 20–30-х гг. XX в. – с СССР. «**Кокүрюкай**» была тесно связана с военно-политическим руководством и монополистической буржуазией Японии. Возникла как антирусское общество. Во многих странах Азии была создана разветвленная сеть организаций, которая использовалась для разведки, диверсий и пропаганды паназиатизма – главного лозунга «**Кокүрюкай**». В Японии «**Кокүрюкай**» пропагандировала крайний шовинизм и боролась против прогрессивных, демократических сил. Традиции «**Кокүрюкай**» сегодня продолжает возникшая в 1961 г. «**Кокүрю кура-бу**» («Клуб черного дракона»).

³ 1 ри равен 0,4 км.

лал многое, чтобы подготовить почву для колонизации Японией своей родины» [8: с. 207]. В последующем мнимый борец за благополучие своих соотечественников принимал активное участие в их «успокоении» и выдаче на расправу японцам. Впрочем, как выяснится в дальнейшем, для достижения своих целей Ли Хай Чен не погнушался бы и жизнями японских граждан.

В 1935 г. после посещения Маньчжурии и последующих деловых встреч с верхушкой военнополитического руководства Японии Ли Хай Чен возобновил сотрудничество с императорским Генеральным штабом. Необходимо уточнить, что к этому времени правящие круги островного государства разработали планы нападения на Советский Союз, в которых нашлось место и для незаурядных способностей корейского горнопромышленника. В подтверждение последнего достаточно упомянуть, что написанная им брошюра «Мои соображения о государственной обороне маньчжуро-советской границы» хоть и разошлась малым тиражом, но изучалась в Генеральном штабе и докладывалась императору Японии [6]. При этом Ли Хай Чен продвигал идею создания на территории Восточной Сибири и Приморья корейского государства по типу Маньчжоу-Го и активно включился в процесс проведения подрывной работы против корейского освободительного движения и СССР. Для этой цели на территории Кореи им была создана резидентура японской разведки, которая выступала под прикрытием «коммунистической организации «Синхындон» («Вновь возрождающийся Восток»), якобы ведущей борьбу против японцев за национальную независимость Кореи [4: с. 113]. Таким образом, во главе с Ли Хай Ченом 2-й (разведывательный) отдел японского Генерального штаба решил симитировать перед советскими спецслужбами и представителями Отдела международных связей Коминтерна наличие на оккупированных территориях Маньчжурии и Кореи подпольной коммунистической корейской организации [9: с. 218].

Как впоследствии стало известно советским органам госбезопасности, Ли Хай Чен совместно с представителями Генерального штаба Японии и «Общества Черного дракона» рассчитывал под данную идею создать на советской территории собственную диверсионную базу и открыть канал легального проникновения выпускников разведшколы, специально для этого созданной в конце 1938 г. в Синьцзине, к объектам будущих спецопераций в Приморье и Забайкалье СССР. План был утвержден Генеральным штабом и одобрен японским правительством.

Реализуя намеченное, Ли Хай Чен при поддержке штаба Квантунской армии организовал разведывательные курсы, которые прошли более полусотни человек. С курсантами проводили занятия по стрельбе, бомбометанию, фото- и радиodelу, учили обращаться с взрывчаткой, приемам тайнописи, знакомили по макетам и плакатам с советской военной техникой, обучали различать рода войск, знаки различия, топографические обозначения на советских штабных картах и т. п. [8: с. 209]. Легенда у всех корейских «студентов» при появлении на советской территории была весьма безобидной и обороноспособности нашей страны не угрожала: «Мы прибыли в СССР получить военное и политическое образование, после чего вернуться в Корею, где провести революционную работу для освобождения корейского народа» [2]. Стоит уточнить, в основном это было правдой, так как в состав «Синхындона» входили агенты японской разведки из числа корейцев, а также члены комсомола и коммунистической партии Кореи, которые не представляли себе истинные цели организации. Многие из них побывали в японских тюрьмах, где были духовно сломлены. Ли Хай Чен рассчитывал, что революционное прошлое этих людей придаст убедительность их легендам и не позволит советским контрразведчикам разгадать их намерения [6].

Следуя досконально просчитанному сценарию операции, сотрудники 3-го отдела УГБ УНКВД по Приморскому краю выделили для размещения прибывающих из-за кордона корейских «революционеров» комфортабельный дом близ Владивостока на станции Океанской на берегу Амурского залива и создали им условия, близкие к быту курсантов советских военных училищ. Под видом «инструкторов Коминтерна» занятия проводили сотрудники НКВД. Каждый «корейский коммунист» написал подробную автобиографию, позволившую чекистам сопоставить содержащуюся в ней информацию с другими оперативными данными, выявить кадровых сотрудников японской разведки и установить особый контроль за их деятельностью. Однако выманить на советскую территорию организатора хитроумной комбинации Ли Хай Чена все не получалось: от выхода в СССР он под разными предлогами долго отказывался.

Однако планам противника организовать на советской территории диверсионно-террористическое подполье в тылу на случай войны Японии с СССР, внедрить агентов в ряды Красной армии, развернуть деятельность по сбору разведывательной информации и добиться от русских поставок оружия не суждено было сбыться. Им противостоял высокий профессио-

нализм чекистов, которые обеспечили вывод главных действующих лиц агентурной разработки на советскую территорию. 10 июля 1940 г. Ли Хай Чен, его «правая рука» Ким Ден Сан⁴, переводчик Кван Хван Сек и телохранитель перешли в районе приморского поселка Полтавка советскую границу, где были встречены советскими пограничниками [8: с. 214]. Исполнители операции «Провокаторы», переиграв Ли Хай Чена, постепенно вывели на нашу территорию оставшихся за границей выпускников разведшколы в Синьцзине, формально являвшихся членами «Синхын-дона» и выполнявших различные задания японской разведки. Все фигуранты дела были арестованы и в последствии преданы суду. Тем самым была обезврежена мощная резидентура, которой руководили разведывательный отдел штаба Квантунской армии по согласованию с Генеральным штабом Японии. Воля случая помогла избежать вердикта военного судьи лишь главарю диверсионно-террористической организации. 16 апреля 1941 г. Ли Хай Чен, тайно перевезенный к этому времени в Бутырскую тюрьму, умер от острой сердечной недостаточности вскоре после того, как объявил голодовку протеста [4: с. 114].

Смерть Ли Хай Чена сотрудникам контрразведки удалось обставить таким образом, что она не вызвала подозрений в Токио. Во всяком случае, разведуправление японского Генерального штаба вплоть до июля 1945 г. продолжало оставаться в неведении о провале, случившемся 5 лет назад. По якобы проверенным каналам в СССР продолжали переправляться очередные агенты, призванные пополнить «пятую колонну» из числа корейских подпольщиков-диверсантов. Как сообщил на одном из допросов уже упоминавшийся по тексту офицер японской разведки Тогама Сатоси, «...на переброску в СССР агентов лихайчендовской организации мы затратили 900 тысяч иен и на обеспечение их семей – 300 тысяч иен» [8: с. 218].

Начальник УНКВД по Приморскому краю старший майор государственной безопасности М.М. Гвишиани так сообщал в Хабаровск руководителю соседнего территориального органа старшему майору государственной безопасности П.Т. Куприну в спецсводке от 12 августа 1940 г. об итогах удачно проведенной операции: «Материалы следствия по этому делу представляют исключительный интерес... У себя эти материалы используем при чтении лекции оперсоставу НКВД» [3].

Таким образом, «дальневосточный "Трест"» стал предметом изучения в специальных учебных заведениях советских органов госбезопасности. Заметим, что триумфу приморских чекистов предшествовали масштабные чистки, которые выкосили из рядов дальневосточных органов НКВД-НКГБ изрядное количество опытных сотрудников, включая руководителей высшего звена. Тем не менее, благодаря эффективной операции приморской контрразведки, провалилась одна из крупнейших акций японских спецслужб, от результатов которой в значительной степени зависела военнополитическая обстановка на Дальнем Востоке накануне и в годы Великой Отечественной войны.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Архив Управления ФСБ России по Хабаровскому краю (Архив УФСБ России по ХК). – Ф. 65. – Пор. № 1526. – Л. 66.
2. Архив УФСБ России по ХК. – Ф. 65. – Пор. № 1526. – Л. 79.
3. Архив УФСБ России по ХК. – Ф. 65. – Пор. № 1526. – Л. 80.
4. Буяков, А.М. Органы государственной безопасности Приморья в лицах: 1923-2003 гг. Очерки. Биографический справочник / А.М. Буяков. – Владивосток: Изд-во Русский остров, 2003. – 208 с.
5. Вайс, А. Ловушка для японских агентов / А. Вайс // Аргументы и факты. – 2004. – 7 октября.
6. Владимиров, А. Крах «товарища Ли» / А. Владимиров // Труд. – 2000. – 7 сентября.
7. Колпакиди, А.И. Энциклопедия секретных служб России / А.И. Колпакиди. – М.: ООО Изд-во Астрель; ООО Изд-во АСТ; ООО Изд-во Транзиткнига, 2004. – 800 с.
8. Лед и пламень. – Владивосток: Дальневосточное книжное изд-во, 1977. – 312 с.
9. Лубянка: Из истории отечественной контрразведки. 3-е изд. доп. – М.: Изд-во Главархива Москвы; ОАО Московские учебники и картография, 2007. – 368 с.
10. На защите Отечества: Из истории Управления ФСБ РФ: Воспоминания сотрудников органов госбезопасности Хабаровского края в очерках, документах, рассказах и фотографиях. – Хабаровск: Изд-во РИОТИП, 2001. – 208 с.
11. Пашков, А.М. За край родной – Дальневосточный: О деятельности Коммунистической партии и Советского правительства по организации и усилению охраны Государственной границы СССР на Дальнем Востоке (1920 – 1941 гг.) / А.М. Пашков. – Южно-Сахалинск: Дальневосточное книжное изд-во, 1985. – 144 с.
12. Протокол № 57 решения Политбюро ЦК ВКП(б). 9 февраля 1938 г. – Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 17. – Оп. 162. – Д. 22. – Л. 120.
13. Смирнов, А. Противостояние спецслужб России и Японии на Дальнем Востоке / А. Смирнов // Дальний Восток. – 2007. – № 3.
14. Хияма, Е. Японские планы покушения на Сталина / Е. Хияма // Проблемы Дальнего Востока. – 1990. – № 4.
15. «Хотелось бы всех поименно назвать». Книгмартиролог. Т. 2. – Комсомольск-на-Амуре: Изд-во Комсомольской-на-Амуре межрайонной типографии, 1998. – 406 с.
16. Центральный архив ФСБ России (ЦА ФСБ России). – Ф. 3. – Оп. 7. – Пор. № 399. – Л. 8.
17. ЦА ФСБ России. – Ф. 3. – Оп. 7. – Пор. № 399. – Л. 8.

⁴ Он же в различных источниках фигурирует как Ким Ен Сун и Ким Ен Сан.

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ВОСТОЧНО-АЗИАТСКОЕ СООБЩЕСТВО И ЕГО ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ РОССИИ И СТРАН АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

В.Н. Тимошенко

Тимошенко Валерий Николаевич – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории Дальневосточного государственного гуманитарного университета (г. Хабаровск).

Контактный адрес: valery@khspu.ru

Создание Восточно-Азиатского сообщества вызвало широкие дискуссии в политических и научных кругах стран Азиатско-Тихоокеанского региона. В центре внимания были вопросы, связанные с перспективой вступления в эту организацию так называемых «неазиатских государств» – России, США, Австралии и Новой Зеландии. В статье анализируются перспективы ведущих экономик региона в плане присоединения к этому новому региональному объединению.

Ключевые слова: Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС), Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Восточно-Азиатский саммит, Восточно-Азиатское сообщество (ВАС), Азиатско-Тихоокеанское сообщество (АТС).

В начале XXI века Азиатско-Тихоокеанский регион стал двигателем глобального экономического развития. От этой географической зоны во все большей мере зависит и состояние дел в глобальной экономике, политике, международных отношениях. Поэтому закономерно, что в последние полтора года на самом высоком уровне были выдвинуты и активно обсуждаются идеи создания двух новых региональных организаций – Азиатско-Тихоокеанского и Восточно-азиатского сообществ. Автором первой идеи стал премьер-министр Австралии Кевин Рад, второй – премьер-министр Японии Юкио Хатояма.

Идею создания Азиатско-Тихоокеанского сообщества (Asia Pacific Community) Кевин Рад выдвинул в июне 2008 г. в Сиднее. По мнению Рада, предназначение этой организации – способствовать процветанию всех народов Азиатско-Тихоокеанского региона и содействовать поиску ответов на многочисленные вызовы, возникающие в процессе быстрого развития региона, его глубокой социально-экономической, политической и культурной трансформации. Он выступил с предложением создания нового общерегионального межправительственного института, который географически будет охватывать весь АТР, а функционально включать в себя все ведущие направления сотрудничества (экономическое, политическое и в области безопасности). Но идея Радда не нашла поддержки ни

среди стран Юго-Восточной Азии, ни со стороны главного союзника – Соединенных Штатов Америки. Недавно, скандально известный интернет-портал «WikiLeaks» опубликовал документы, проясняющие такую американскую реакцию. США не понравилось, что их главный стратегический союзник не отводил больше Вашингтону доминирующей роли в регионе, уравнивая его с Китаем по экономической и геополитической значимости для самой Австралии [9].

Идея создания Восточно-Азиатского сообщества (ВАС) была озвучена премьер-министром Японии Ю. Хатоямой в сентябре 2009 года на 64-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке. Хатояма предложил создать «чисто азиатское» сообщество, которое объединяло бы различные механизмы регионального сотрудничества в области торговли, инвестиций, финансов, образования, экологии, чрезвычайного реагирования и т. п. Позднее Хатояма отошел от азиатского принципа формирования заявив, что «не намерен исключать США или любую другую страну» из этого формата взаимодействия.

Обращает на себя внимание тот факт, что обе инициативы появились практически одновременно. Многие аналитики связывают это с начавшимся в 2008 г. экономическим кризисом. Но кризис сыграл роль катализатора этих инициатив. Идея же создания Восточно-азиатского сообщества была инициирована не Хатоямой. Бывший премьер-министр Малайзии Махатхир

Мохамад ещё в начале 1980-х г. заявил, что Восточная Азия (включая Юго-Восточную) должна объединиться как сообщество, чтобы уменьшить влияние Соединённых Штатов в регионе и обрести большую независимость. Он же явился инициатором создания Восточно-Азиатского саммита. С 1981 по 2003 г. М. Махатхир возглавлял правительство Малайзии. Он считал, что Восточная Азия может стать экономикой крупнее, чем Европа и Америка вместе взятые. Но этому мешает западное политическое доминирование и навязывание «западной экономической модели» и «западных ценностей». Избавившись от этого, «...азиаты и люди смешанной расы, живущие в Азии, займут принадлежащее им по праву место, получат принадлежащую им по праву долю в мире». Таким образом, М. Махатхир призывал к созданию своего рода «Восточного блока», противостоящего «Западному блоку» и основанному на принципе «Азия для азиатов» [4].

Конечно же, такие идеи не на шутку встречали США и Австралию. В Вашингтоне сочли попытку создания крупной международной организации без американского участия вредной и даже опасной. Поэтому американцы поспешили организовать более универсальный форум. Им стал АТЭС – Азиатско-Тихоокеанский экономический совет с участием 21 страны, создания которого долго добивалась Австралия. Кроме того, австралийскому правительству, не без поддержки США, удалось добиться приглашения на Восточно-азиатский саммит. Это вызвало протесты некоторых политических деятелей стран ЮВА и, в первую очередь, М. Махатхира. Махатхир публично заявил, что нынешний форум не соответствует задуманному им. Отходом от первоначальной концепции стало, по его мнению, включение в число участников саммита Австралии – «заместителя американского шерифа» и Новой Зеландии. «Австралия уже заговорила, что она – азиатский помощник американского полицейского. Это нескрываемое высокомерие. Когда австралийцы претендуют на то, чтобы быть азиатами, это значит – они хотят господствовать в Азии» – заявил он [6: с. 61].

Лидеры АСЕАН «в принципе поддерживали» идею Ю. Хатоямы по созданию «в долгосрочной перспективе» Восточно-Азиатского сообщества. Однако его будут создавать не на базе Восточно-Азиатского саммита, а структуры, имеющей пока весьма условное наименование «АСЕАН +3». Эти буквы и цифры расшифровываются как АСЕАН плюс Китай, Япония и Юж-

ная Корея. Иначе говоря, это будет организация 13 азиатских стран. Произошло разделение понятий Восточно-Азиатское сообщество и Восточно-Азиатский саммит. Если первый станет интеграционной организацией, то второй останется своеобразной площадкой для стратегических дискуссий. В этих дискуссиях могут участвовать и Россия, и Австралия, и Новая Зеландия, которые участвуют в саммите Восточной Азии. Но вопрос о вступлении этих стран в ВАС долгое время оставался открытым.

Что несет Азиатско-Тихоокеанскому региону создание Восточно-Азиатского сообщества, каковы будут плюсы и минусы от его создания для всего региона и для отдельных стран? Эти вопросы сейчас волнуют как специалистов, так и политиков стран АТР. Анализируя их мнения можно прийти к следующим выводам. Страны АСЕАН.

Официально задачу азиатской интеграции на нынешнем этапе сформулировал премьер-министр Малайзии Абдулла Бадави. Он отметил, что страны Юго-Восточной Азии столкнулись с проблемой возросшей конкуренции в сферах торговли и инвестиций и с вызовом со стороны экономического гиганта – Китая. Создание ВАС, с одной стороны, поможет экономической интеграции в регионе, а с другой – «снимет китайскую угрозу». В ЮВА укрепилась надежда и на приход капиталов из КНР, и на то, что инвесторы из других стран заинтересуются отраслями, вовлеченными в торгово-экономические связи с КНР. Иначе говоря, в расчете решить проблемы развития Юго-Восточная Азия решила «подцепить свой вагон к китайскому локомотиву, благо он уже набрал приличную скорость» [5] Структура взаимодействия «АСЕАН+3» уже прошла определенный путь в сторону экономической интеграции. С созданием ВАС будет заложена основа для огромной по масштабам зоны свободной торговли. Что касается политических выгод, то, как заявил замминистра иностранных дел Филиппин «именно АСЕАН сидит в кресле водителя». По мнению многих стран АСЕАН в сообщество не должны входить США, поскольку в этом случае АСЕАН отодвинут на второй план, и объединение перестанет быть азиатским [3].

Япония

Экономика Японии в последние два десятилетия испытывает трудности, хотя по-прежнему остается второй в мире. Быстрое развитие региональных экономик, что выражается в подъеме восточно-азиатских стран, росте международной

торговли и финансовой кооперации в регионе. Эти тенденции требуют более высокой степени интеграции в Восточной Азии, особенно в условиях и вследствие глобального экономического кризиса. Быстрый экономический рост и необходимость более тесной финансовой кооперации в Восточной Азии требуют более тесных связей между странами региона. Правительство Японии планировало создание некоего «торгового блока», ожидая от него таких же положительных результатов, к каким привело создание Евросоюза. В этом новом интеграционном объединении Япония видит себя, конечно же, лидером.

Но существует еще одна причина, заставляющая Японию активизировать азиатскую интеграцию, и она касается японских национальных интересов. Начиная с 1945 года, Япония едва ли является независимым государством как политически, так и дипломатически, а её военная и внешняя политика в высшей степени зависит от политики США. На протяжении многих лет Япония преимущественно выигрывала от этого альянса и от такой зависимости от США. Однако после окончания «холодной войны», значение страны для США падает, а её экономика не может выбраться из трясины рецессии, либо медленного роста. Кроме того, Япония всё больше осознаёт, что её национальная безопасность не обеспечена – особенно в том, что касается предполагаемых угроз со стороны Северной Кореи и Китая. Поэтому Япония начинает добиваться более независимых отношений с США, чтобы упрочить свои национальные интересы и влияние в Восточной Азии. Статус лидера либо влиятельного члена-основателя помог бы Японии в продвижении её национальных интересов и восстановлении утраченной мощи.

Китай

Первоначально Китай к идее создания нового регионального объединения отнесся довольно холодно. Он опасался, что в случае ее реализации может усилиться влияние Японии. Пекин же сам ставил перед собой такие цели, стремительно наращивая объемы торговли со странами Юго-Восточной Азии, улучшая с ними дипломатические связи и делая крупные инвестиции. В частности, на саммите АСЕАН – Китай обсуждался вопрос о капиталовложениях на сумму 10 млрд. долларов и предоставлении кредитов в размере 15 млрд. долларов.

В то же время КНР хотела бы развивать полноценные отношения и с Японией. Председатель Ху Цзиньтао выдвинул 5 пунктов по даль-

нейшему развитию китайско-японских отношений, в том числе активизирование контактов на высшем уровне, углубление политического взаимодоверия; интенсифицирование торгово-экономического сотрудничества; развитие чувств между народами двух стран; укрепление сотрудничества в делах Азии, продвижение взаимодействия в международных делах; урегулирование разногласий надлежащим образом, защита общей обстановки дружбы.

В Китае пришли к выводу, что страна может выиграть от создания ВАС. Прежде всего, новая региональная организация согласуется с дипломатической стратегией Китая – стремлением к многополярному миру. Успешное строительство широкого сообщества в Восточной Азии способствовало бы долговременному миру и стабильности в регионе, – это важный фактор для развития экономики Китая. Более тесная региональная интеграция помогла бы Китаю диверсифицировать его экспорт и уменьшить зависимость от рынков США и Европы. Обладая такой экономической мощью как сегодня, он, конечно, мог бы играть лидирующую роль в ВАС.

США

США являются заметным игроком в регионе. И не только благодаря глубоким экономическим и политическим связям с 10 государствами АСЕАН, а также Китаем, Японией, Южной Кореей, Индией, Австралией и Новой Зеландией, которыми располагают США. Американские военные базы с десятками тысяч солдат разбросаны по всему Азиатско-Тихоокеанскому бассейну. Уже многие годы США возглавляют военно-политические альянсы с рядом правительств стран региона и продолжают снабжать их оружием. Ни ВАС, ни группа «АСЕАН+три» (Китай, Япония и Южная Корея), даже сам АСЕАН – движущая сила двух новых объединений – никогда коллективно не ставили под вопрос подавляющее американское военное присутствие. Претензия США на глобальную гегемонию – а военная сила является основой этого – никогда не включалась в повестку дня на встречах этих групп. Вместе с тем глобальные политические изменения и экономический кризис выявили, что гегемония является препятствием как для появления подлинной глобальной демократии, так и универсального применения норм международного права во многих областях. Во многих странах ЮВА считают, что именно из-за американской и западной гегемонии было затруднено «автономное интеллектуальное» раз-

витие Азии. В свое время легкий доступ к огромному американскому потребительскому рынку и массированные инвестиции из США в страны Восточной Азии стали одними из многих причин, объясняющих впечатляющий рост Сингапура, Кореи, Китая и других экономик региона. Тем не менее восточно-азиатские лидеры начинают осознавать, что они более не могут рассчитывать на то, что США и страны Запада будут продолжать потреблять произведенные в регионе дешевые товары из-за собственных экономических трудностей. Они считают, что Восточной Азии не следует оставаться простым экспортером товаров, а нужно увеличить внутреннее потребление и снизить зависимость от Запада. Это повлечет за собой повышение уровня жизни большинства населения, более равномерное перераспределение богатств, концентрацию на научных исследованиях и технологических инновациях, расширение региональной торговли и сотрудничества.

По мнению многих лидеров стран Юго-Восточной Азии, гегемония США уходит. Их собственное экономическое и социальное недоумогание; их неспособность навязать свою волю другим, несмотря на военное превосходство, особенно на Ближнем Востоке; революция широких масс против американского доминирования в большинстве стран Латинской Америки, Ближнего и Среднего Востока; подъем других центров силы, таких как Китай, Индия и Россия – все это указывает на то, что эра повелительной власти США подходит к концу. В то же время аналитики стран Юго-Восточной Азии предостерегают от ожиданий того, «...что эта слабеющая власть спокойно встретит свой закат. Вполне вероятно, что США попытаются продлить свою гегемонию, в том числе и над Восточной Азией» [8].

Среди американского эстеблишмента нет единого мнения по отношению к Восточно-азиатскому сообществу. Одни считают, что США необходимо сохранить военно-политическое доминирование в регионе и добиваться безусловного включения страны во вновь создаваемую структуру. Другие полагают, что в конкретной ситуации можно пожертвовать военно-политическими амбициями и главное внимание сосредоточить на сохранении здесь своего экономического присутствия.

Сначала Соединенные Штаты отнеслись к идее создания ВАС внешне спокойно, полагая, что Восточно-азиатское сообщество – это план на долгосрочную перспективу и разговор об участниках этого проекта еще впереди. Однако

позднее Вашингтон стал испытывать по этому поводу беспокойство. Под воздействием изменений как концептуальных подходов (представители Демократической партии США более склонны применять многосторонние методы сотрудничества), так и внешнеполитической (тяжелые и непопулярные войны в Ираке и Афганистане) и внутривнутриполитической (начало мирового экономического кризиса) обстановки пришедшая в 2009 г. к власти администрация Обамы в короткие сроки пересмотрела подходы к многостороннему сотрудничеству в АТР и Восточной Азии. Важную роль в этом вопросе сыграл так же тот факт, что все три вышеописанные инициативы (ВАС в трактовке Хатоямы, АТС и ТТП), кроме направленности на решение тех или иных задач, были выстроены с учетом интересов США в регионе и призваны более активно вовлечь Вашингтон в интеграционные процессы, и за счет этого сбалансировать геополитический и экономический подъем Китая.

Изменения в политике США выразилась в стремлении шире опираться на ресурсы партнеров в обеспечении американских интересов в АТР и готовности активно играть на всех основных региональных площадках многостороннего сотрудничества, включая те, которые ранее по тем или иным причинам не рассматривались в качестве приоритетных. Так, помимо поддержания высокого уровня государственных отношений с ведущими странами АТР (Китаем, Японией, Индией), США оперативно повысили уровень отношений со странами АСЕАН. В первый же год президентства Б. Обамы (2009) был организован первый саммит США–АСЕАН, а также состоялось подписание американской стороной основополагающего для АСЕАН Договора о дружбе и сотрудничестве в ЮВА, который накладывает определенные ограничения на возможности применения вооруженных сил США в этом субрегионе. Выступая в Центре «Восток – Запад» в Гонолулу в январе 2010 г. Госсекретарь США Х. Клинтон раскрыла основные приоритеты политики США в АТР и новые американские подходы к многосторонним региональным институтам сотрудничества. Так, в экономической сфере Вашингтон отметил успехи АТЭС и готовность дальше работать в этой организации. При этом было официально заявлено, что США уже начали переговорный процесс по подключению к Транстихоокеанскому партнерству (ТТП). Оно представляет собой соглашение о зоне свободной торговли, заключенное четырьмя государствами АТР (Брунеем, Новой Зеландией,

Сингапуром и Чили) на более высоком уровне. Формат ТТП позволяет подключиться к нему любой стране АТР, готовой развивать торговые отношения на базе принятого высокого стандарта. Желание присоединиться к ТТП уже выразили США, Австралия, Перу и Вьетнам. Одновременно была декларирована готовность США проявлять лидерство в работе таких азиатско-тихоокеанских институтов, как АТЭС и Саммит Восточной Азии. Более того, было заявлено, что Вашингтон уже обратился к Токио и начал консультации с другими азиатскими партнерами о том, как сделать, чтобы США смогли играть важную роль в Саммите Восточной Азии и чтобы этот форум более органично и эффективно был встроен в общую инфраструктуру институционального сотрудничества АТР. То есть США продемонстрировали интерес к тому, чтобы, с одной стороны, самим занять достойное место в этой организации, а с другой – постепенно повысить статус Саммита Восточной Азии в общей системе региональных институтов.

Но, несмотря на эти усилия, отношение к участию в Восточно-Азиатском сообществе США являлось неоднозначным со стороны многих стран АСЕАН. С одной стороны, у них есть желание создать противовес мощным азиатским державам, а с другой, Соединенные Штаты сами могут лишиться АСЕАН влияния в будущем объединении.

Россия

Россия так же изъявила желание присоединиться в качестве полноправного члена к Восточно-азиатскому сообществу. Об этом было объявлено еще в 2007 г. в выступлении президента РФ В. Путина на форуме в Куала-Лумпуре. Основные доводы сторонников присоединения к ВАС сводились к следующему. Россия обладает богатейшими энергоресурсами и передовыми технологиями в области нефтегазовой промышленности, электроэнергетики и мирного атома и сможет внести свой конструктивный вклад в обеспечение энергетической безопасности АТР. Россия – естественный транспортный «мост» между Европой и АТР. Россия является важным фактором стабилизации мирового продовольственного рынка и обеспечения продовольственной безопасности. В течение 10–15 лет она сможет обеспечить стабильный экспорт зерна в объеме 40–50 млн. тонн в год, в том числе с учетом потребностей стран АТР [1: с. 11].

Однако реально присутствие России в качестве сколько-нибудь значимого участника инте-

грационного процесса в АТР вызывает большие сомнения. И дело здесь вовсе не в злонамеренном геополитическом заговоре или чьим-то стремлении «выдавить» страну из перспективного региона. Россия сама практически мало что делает по развитию ее экономического потенциала и полноценному включению в региональные интеграционные процессы. Во время поездки по Дальнему Востоку летом 2010 г. президент России Д.А. Медведев подверг резкой критике губернаторов ДФО за слабую работу по интеграции дальневосточных регионов в АТР. У некоторых губернаторов даже отсутствовали планы такой работы. Как отмечали участники круглого стола, организованного Институтом истории, археологии и этнографии ДВО РАН (г. Владивосток) членство России в АТЭС превращается в бюрократическую формальность, подписанная Совместная декларация о развитом и всеобъемлющем сотрудничестве и Комплексная программа действий до 2015 г. заметных подвижек в сфере взаимного сотрудничества не принесла, безуспешной оказалась попытка войти в состав Восточно-Азиатского саммита (заявление председателя ВАС о согласии рассмотреть возможность участия России в этой организации до сих пор остается простой декларацией). В этой связи даже то, что некоторые региональные «игроки» (Австралия или Китай) вроде бы не отрицают важности участия РФ в будущем Азиатско-Тихоокеанском сообществе, не должно создавать иллюзий. В частности, Австралия, наряду с Сингапуром, Индонезией и Японией, последовательно выступала против участия РФ в ВАС. Что касается Китая, то даже его совместное с РФ участие в ШОС не препятствует реализации собственной стратегии, направленной на то, чтобы в перспективе выступить в качестве наиболее значимого ориентира для экономик стран Центральной Азии, подменив в этом качестве Россию [7: с. 17].

Однако процессы создания Восточно-Азиатского сообщества пошли по другой интеграционной схеме. С 1 февраля 2011 г. Россия, США, Австралия и Новая Зеландия официально стали полноправными участниками Восточно-Азиатского сообщества. А это значит, что у России в новой организации появились серьезные конкуренты, способные отодвинуть ее интересы на второй план. Помешать такому развитию событий может лишь одно: принятие азиатско-тихоокеанской стратегии России как составной части долгосрочной концепции ее внешней политики. В ней должны быть четко прописаны национальные и региональные цели, на которые

ей следует ориентироваться, обозначены преимущества, которые она может извлечь из своего участия в региональных интеграционных процессах, и выгоды, которые она способна предоставить своим партнерам. Фундаментом азиатско-тихоокеанской стратегии России может стать идея о том, что Россия имеет возможность в XXI веке связать евроатлантический и азиатско-тихоокеанский рынки, тем самым построив недостающее пока звено мировой экономической системы. При этом она должна стать не «мостом», а именно активно работающим связующим звеном между двумя главными регионами завершающей свое формирование мировой экономики. Российский специалист Н. Гаврилов, отмечал, что мы никогда не займем достойного места в АТР, если не осуществим всестороннего хозяйственного развития своего Дальнего Востока и Сибири. Россия должна, наконец, перестать осуществлять азиатско-тихоокеанскую политику, опираясь лишь на потенциал своих европейских областей и не выходя за рамки деклараций в том, что касается реального освоения российского Дальнего Востока. Именно реальное оживление хозяйственной жизни в регионе позволит подключиться Российской Федерации к интеграционным процессам в АТР и даст ответ на вопрос, является ли Россия азиатско-тихоокеанской державой [2].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бородавкин А.Н.* Многомерная архитектура для полицентричного Азиатско-Тихоокеанского региона / А.Н. Бородавкин // Дипломатический ежегодник-2009, ИНФОРМАЦИОННЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ МИД РФ от 27.02.2010. – С. 9–12.
2. *Гаврилов, Н.* Интеграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе / Н. Гаврилов // Азиатская библиотека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://asiapacific.narod.ru/countries/apr/integration_pros.htm.
3. Московские новости. – 2009. – 29 октября.
4. *Махатхир, М.* Путь вперед [Электронный ресурс] / М. Махатхир. – Режим доступа: <http://www.litru.ru/br/?b=64848>.
5. Независимая газета. – 2006. – 16 января.
6. *Полхов, С.А.* «Восточный Тимор в контексте американо-австралийских отношений» / С.А. Полхов // США и Канада. Экономика. Политика. Культура. – 2003. – № 1. – С. 45–64.
7. У карты Тихого океана. Информационно-аналитический бюллетень № 14. – Владивосток: Отдел изучения международных отношений и проблем безопасности ИИАЭ ДВО РАН, 2010. – 58 с.
8. *Чандра, М.* США и Восточно-Азиатское сообщество / М. Чандра // Новое Восточное обозрение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://journal-neo.com>.
9. WikiLeaks cables expose US hostility to Rudd's Asia Pacific Community plan // World Socialist Web Site 31 December 2010. – Available at: <http://www.wsws.org/articles/2010/dec2010/rudd-d31.shtml>.

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ МИРА ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ЭТНИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

О.А. Рудецкий

Рудецкий Олег Андреевич – ученый секретарь Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова, аспирант кафедры философии Дальневосточного государственного гуманитарного университета.

Феномен этнического в мире глобализации составляет одну из самых острых и «взрывоопасных» проблем. Она актуальна для всех без исключения стран и регионов, включая Россию и российский Дальний Восток. Дальневосточный регион отличается сложным этническим составом и сложившейся системой межэтнической коммуникации. Это особая область культурного взаимодействия, которая в своей динамике пока ещё опирается на ряд исторических особенностей и традиций. Вместе с тем интеграционные процессы, обусловленные развитием мира глобализации, грозят Дальнему Востоку существенными трансформациями этнической структуры и могут иметь для него крайне негативные последствия.

Ключевые слова: мир глобализации, этническая структура, феномен этнического, этнос, этническая культура, коммуникация.

Феномен этнического представляет сложную и многомерную область социального, в которой пересекаются самые разные его сферы: сознательного и бессознательного, личного и коллективного, духовного и материального. Этнические явления сопряжены практически со всеми сторонами жизни современного общества и становятся в современных условиях глобализации особенно актуальными.

В общетеоретическом плане, *проблема этнического в мире глобализации заключается, в первую очередь, в трансформации этнических систем под воздействием интеграционных процессов и в негативной тенденции глобальной унификации и нивелирования культурных различий*. Это связано с повсеместным расширением коммуникационных потоков, крайним коммуникативным сближением общностей разного порядка, усилением их взаимозависимости. Если в XIX в. этническая коммуникация ограничивалась естественными границами, то сегодня таких границ коммуникации фактически нет. Утверждение новой медиальной культуры (радио, телевидение, всемирная сеть) привело к тому, что сегодня мы живем в постлитературном, в постэпистологографическом и в постгуманистическом мире [19: с. 107]. Новое коммуникативное пространство, по мнению П. Монро, коренным образом меняет и само отношение людей к окружающему миру, создавая иллюзию «торжества личности», «триумфа над государством и апатией» [20].

Новейшую коммуникативную ситуацию отменить нельзя, она представляет собой результат естественного развития общества и технологии, и именно поэтому задаёт жёсткие рамки функционирования самим общностям. Те социальные

системы, которые не способны к трансформации собственной организационной структуры и переходу на новый коммуникативный уровень, оказываются выброшенными из мира глобализации и поглощенными другими социальными системами.

В контексте трансформации этнических систем охарактеризуем три основных проблемных поля глобализации, а именно: формирование мировой экономики и интеграция в неё национальных экономик (экономический аспект); политическая интеграция и усложнение системы международных отношений (политический аспект); культурная интеграция, универсализация культур человеческих ценностей и широкое распространение массовой культуры (культуральный аспект).

Формирование мировой экономики и интеграция в неё национальных экономик. Мир глобализации представляет гигантскую социальную систему, развивающуюся по законам капиталистической миросистемы – по законам жёсткой конкурентной борьбы. Возникнув в начале XVI века, в течение трёх столетий капиталистическая миросистема добивалась полного господства, используя рычаги государственно-общественной власти. Выйдя победителем из жёсткого противостояния с командно-административными экономиками, капиталистическая миросистема достигла сегодня своего полного расцвета [5]. Сближая народы на основе всё расширяющегося рынка, вовлекая их в глобальную экономику, мир глобализации вызывает функциональные изменения во внутренней организации этнических коммуникативных систем.

Особенно актуальным для жизни всех без исключения народов сегодня становится *усиле-*

ние бремени экономических рисков. Мир, стянутый единым рынком, обуславливает то, что все локальные финансовые кризисы в нём приобретают всеобщий характер. Экономические трудности одной нации косвенно отражаются на благосостоянии других, а выход из мирового экономического кризиса требует коллективных усилий. «...Новые спекулятивные опасности не поддаются национально-государственному контролю и разрушают основы национальных экономик, – пишет У. Бек. – Причём в перспективе для транснациональных или глобальных экономик не видится никаких дисциплинирующих рамок» [4: с. 38]. Ввиду этого экономическое благополучие народа становится всё более зависимым от внешних факторов, которые могут дестабилизировать жизнь этносов и стимулировать этническую коммуникацию, ориентированную на протестную форму.

Современный мир, как известно, характеризуется резкой *экономической диспропорцией* между развитыми и развивающимися странами. Большинство наций и этносов фактически отстранены от перераспределения ключевых ресурсов на планете. Многие государства превращаются в «сырьевые придатки» крупнейших капиталистических держав. Новый порядок, рассматриваемый в контексте обострения внутренних противоречий капиталистической системы, обретает такую негативную перспективу, как углубление существующей экономической пропасти, создаются предпосылки конфронтационной этнизации населения.

На этом фоне особенно актуальной становится проблема разрушения традиционных основ жизнеобеспечения многих этнических систем.

Первый аспект этой проблемы связан с сохранением в структуре мировой экономики *индивидуальных («этнизированных») компонентов*. В методологическом ключе этот вопрос содержательно раскрыт в рамках миросистемного анализа. Исследуя принципы развития современного мира, И. Валлерстайн и Э. Балибар выделяют в качестве его интегрального субъекта народ, подразумевая под ним триединство: «раса» (генетическая категория), «нация» (социально-политическая категория) и собственно «этническая группа» (культурная категория). Последняя, с чем можно согласиться, определяется через воспроизводимые от поколения к поколению поведенческие матрицы, которые в теории не являются жестко зафиксированными границами государства [3, с. 91]. Каждая из указанных категорий связывается авторами с капиталистической

миро-экономикой: понятие «расы» – с осевым разделением труда, соответствующим фундаментальному различию центра и периферии; понятие «нации» – с государственно-политической системой; понятие «этнической группы» – «...с созданием структур домашних хозяйств, позволяющих выживать значительной части рабочей силы, неоплачиваемой в процессе накопления капитала» [3: с. 93].

Домашние хозяйства, по мнению И. Валлерстайна и Э. Балибара, представляют одну из ключевых институциональных структур капиталистической мироэкономики. Домашнее хозяйство как структуру, объединяющую доходы, с их точки зрения, можно рассматривать, так же как прибежище и для жилья, и для сопротивления навязываемым накопителями капитала моделям размещения трудовых ресурсов. При этом по мере того, как ответственность за воспроизведение рабочей силы исторически все более перемещалась с «общины» на «домашнее хозяйство», контролируемое «государством», сама пластичность этого института (в аспектах членства, границ, местоположения и сочетания форм труда), столь полезная для капиталистов, также оказывалась полезной и в плане краткосрочного сопротивления или избегания давлению на него [3: с. 125, 130].

Таким образом, в функционировании этнической коммуникативной системы домашнее (традиционное) хозяйство имеет не только практическое значение, выступая источником дохода. Необходимо обратить внимание на тот момент, что компоненты такого хозяйства служат определёнными символами, воплощающими этнический смысл. Домашнее хозяйство предстаёт этноэкономической локальностью, позволяющей в нужный момент замыкаться во внутреннем мире, быть гибче по отношению к негативным условиям окружающей экономической среды.

Однако этнос задействован в экономической структуре мира глобализации не просто через отдельные индивидуальные хозяйства. Гораздо более сложной оказывается проблема вхождения в экономику *традиционных форм хозяйствования*. Это, в первую очередь, так называемые «хозяйственно-культурные типы» – исторически сложившиеся комплексы особенностей хозяйства и культуры, характерные для народов, обитающих в определённых естественно-географических условиях, при определённом уровне их социально-экономического развития [18: с. 4]. За редким исключением они явно не соответствуют уровню производительных сил капиталистической миросистемы и не конкурентоспособны.

В современных условиях они выглядят своего рода «реликтами», однако, их исчезновение становится прямой угрозой сохранению идентичности многих малочисленных народов. Особенности экономической жизни смыкаются с представлениями о специфичности этнической общности, в связи с чем их разрушение, на мой взгляд, может рассматриваться не только с позиции экономической прагматичности, но и позиции утраты этносом некоторых основ коммуникативного воспроизводства.

Третий аспект проблемы изменения традиционных основ жизнеобеспечения связан с *разрушением этновмещающих ландшафтов*. Биогеоценозы, которые для всех народов без исключения составляют естественную основу жизнеобеспечения, представляют системы с очень тонкими механизмами саморегуляции [10: с. 81]. Человек, являясь по существу лишь крохотной частью биосферы, сегодня превратился в самостоятельный «геологический фактор» [6: с. 292]. Современный техногенный мир кардинальным образом нарушает механизмы саморегуляции биогеоценозов, провоцирует всё новые и новые экологические катастрофы, видоизменяя природную среду этнических коммуникативных систем до неузнаваемости. В самых сложных ситуациях грубо попираются ключевые принципы концепции «устойчивого развития», «...которое решает проблемы настоящего, не подвергая опасности возможность решать эти проблемы будущим поколениям» [1: с. 18]. В то же время, наряду с экологическими проблемами, обострившимися в условиях глобализации, разрушение этновмещающего ландшафта приводит к исчезновению тех элементов окружающей реальности, которые имеют этносимволическое значение. Наступает катастрофический диссонанс между ментальным образом малой родины и объективной действительностью.

Четвёртый аспект представляет следствие указанных тенденций глобализации, а также самостоятельный фактор, влияющий на характер этнической коммуникации. Речь идёт о *трансформации культуры жизнеобеспечения* народов. Она выражается в радикальном изменении особенности типов поселений, архитектуре жилища, специфике повседневной одежды и традиционной системе питания [2: с. 23]. Указанный аспект тесно связан с проблемой культурной интеграции, о чём будет сказано ниже.

Обозначим и *пятый аспект* разрушения традиционных основ жизнеобеспечения этнических коммуникативных систем, связанный с эко-

номической интеграцией, а именно *укрупнение миграционных потоков и резкое изменение существующих этнических границ*. Сегодня видные учёные и специалисты всерьёз заговорили об угрозе коренных изменений этнической структуры европейских стран – «тюркизации» Германии, «арабизации» Франции, «албанизации» Италии и т. д. Под воздействием экономической интеграции глобального мира народы попадают в ситуацию быстро меняющейся этнической окружающей среды. При этом действительность показывает, что сконструировать новую идентичность – национальную, и тем более этническую – оказывается невозможным. Более того, на возникающие противоречия наслаиваются негативные факторы политической и культурной интеграции мира глобализации.

Политическая интеграция и усложнение системы международных отношений. В настоящее время стало очевидным снижение международного статуса «национального государства». Современная ситуация характеризуется созданием мощных межгосударственных объединений и интеграционных группировок (ООН, НАТО, ЕС и пр.), вступая в которые государства вынуждены отказываться от части своего национального суверенитета [16]. Сегодня внутренние дела государств, в которые традиционно было принято не вмешиваться и которые регулировались только национальным правом и обычаями, как справедливо отмечает Л.Е. Гринин, кардинально сужаются, а международное право или право интеграционной группировки расширяется. Суверенитет совершенно свободных стран стал намного меньше, причём за счёт добровольного делегирования своих суверенных прав [12].

Радикальная позиция неолиберальной глобализации утверждает, что смерть национального государства неизбежна – оно должно уступить место рынку и более гибким институтам. Вместе с тем совершенно очевидно, что современные интеграционные группировки не в состоянии решить внутренние проблемы государств, включая этнонациональные конфликты. Мир нуждается в «сильном государстве», без которого невозможен социальный порядок [27: с. 199]. В силу этого такие космополитические идеалы, как «планетарное государство» и «гражданин мира», оказываются неосуществимыми. Парадоксально, но интеллигент, провозглашающий себя гражданином мира, на практике становится ярким сторонником национального государства [19: с. 111]. Появление интеграционных группировок, втягивающих в орбиту своего влияния различные

страны, а с ними и этносы, непосредственно ведёт к утрате национальных (и этнических) идентичностей. В объединённой Европе сегодня налицо активное формирование двойной идентичности, когда человек осознаёт себя европейцем, но в то же время – англичанином, французом, немцем и т. д.

Закономерно встаёт вопрос, быть может в мире глобализации реальна другая крайность, а именно дробление национальных государств на более мелкие, и даже «микроскопические» карликовые государства? Сегодня мы действительно наблюдаем всплеск этнических настроений, учатившиеся требования автономии, вплоть до создания государств по этническому принципу. Вместе с тем обостряется проблема стабильности рассматриваемого политического института, поскольку его максимальное «сжатие» пропорционально ведёт к ослаблению его важнейших функций.

Как справедливо отмечает Е.А. Нарочницкая, этнический подъём – не свидетельство умирания национального. Абстрактный идеал мира, в котором каждый этнос обладал бы своей государственностью («мир тысячи стран» по определению Дж. Нэйсбита) является не более чем утопией [21]. В связи с этим уместно подчеркнуть, что функционирование этноса как коммуникативной системы не исключается отсутствием государственности, а претензии на неё могут иметь опасные последствия вплоть до разжигания вооружённого конфликта.

Наиболее острой и болезненной для самоопределения этноса в мире глобализации становится проблема *культурной интеграции, универсализации культур человеческих ценностей и распространение массовой культуры*. Глобализация фактически взломала естественные границы межкультурной коммуникации, позволив человеку познакомиться с культурой предельно отдалённых стран и народов, что ранее было недоступно людям индустриального и постиндустриального общества [28: с. 71]. В то же время, благодаря развитию современных средств массовой коммуникации, культуральный аспект глобализации приобретает черты необратимости коммуникативных процессов, влекущих за собой образование многочисленных очагов конфронтации между народами. Суть вспыхивающих противостояний, на мой взгляд, обусловлена диалектическим противоречием между *принципом культуральной свободы* (плюрализм) и навязываемыми логикой глобализации *культурными стандартами*. Рассмотрим эту проблему в нескольких аспектах.

Наиболее явными моментами культурной интеграции, безусловно, являются *лингвистические трансформации*. Под их воздействием этнические системы перенимают чуждые языковые коды, видоизменяя свой собственный этнический язык. Две наиболее значимые формы этого процесса представляют, во-первых, широкое распространение международных языков, а, во-вторых, языковое смешение. Семиотическое поле, в котором происходит акт этнической коммуникации, существенно видоизменяется. Здесь можно видеть как положительную сторону (обогащение), так и негативную (размывание изначальных этнических компонентов).

Язык, будучи фундаментальным символом этнической локальности, средоточием этнических смыслов, в мире глобализации всё чаще обращается к внутренним игровым механизмам. Они воплощаются в действиях перевода, полисемантической, создании новых языковых синтетических конструкций и пр. В этом плане язык переходит опасную грань, отделяющую его плюральность от излишнего насаждения. Неслучайно, сегодня во многих странах с особой остротой переживается проблема сохранения чистоты родного языка как основы национальной и этнической культуры.

На фоне лингвистических трансформаций в мире глобализации менее явно обозначен аспект *поддержания прочих элементов традиционной народной культуры* (фольклор, традиционная одежда, кухня и т. д.). Современное функционирование этнических коммуникативных систем сталкивается с тем, что некогда привычный внутренний мир этноса утрачивает собственную самость, наполняясь интернациональными и иноэтническими компонентами. В этом плане можно утверждать, что этносы теряют свой символический капитал и пытаются его компенсировать за счёт изобретения новых традиций (в том числе через заимствование).

Третьим аспектом культурной интеграции, чрезвычайно актуальным для жизни этносов в мире глобализации, является новая ситуация, связанная с *тесным соприкосновением религиозных культур*. Поликонфессиональность современных наций выражается не столько в большей свободе перехода из одного вероисповедания в другое, сколько в повсеместном выстраивании многочисленных внутренних границ, по разные стороны которых находятся принципиально несопоставимые образы жизни, конфессиональная (и этноконфессиональная) повседневность.

Вместе с тем попытка сохранить чистоту языка, традиционную культуру и конфессиональную повседневность на практике сталкивается с идеей *универсализации человеческих ценностей*. Нужно отметить, что сегодня идея общечеловеческой культуры давно уже стала политическим лозунгом и средством манипуляции общественным сознанием. Очевидно, что ценности разных этнических культур неравнозначны. Что же в таком случае может быть культуральным основанием «общечеловеческого»? Что полагать за универсальные ценности?

Современная история показывает, что под такими универсальными ценностями зачастую выдаются ценности отдельного (европейского) общества. Задолго до современных дискуссий о глобализации Н. Трубецкой очень точно выразил суть данной проблемы, рассуждая о природе космополитизма по существу с позиций критики этноцентризма: «...При оценке европейского космополитизма надо всегда помнить, что слова "человечество", "общечеловеческая цивилизация" и прочие являются выражениями крайне неточными и что за ними скрываются очень определённые этнографические понятия. Европейская культура не есть культура человечества. Это есть продукт истории определённой этнической группы... Античные космополитические идеи сделали в Европе основой образования. Попав на благоприятную почву бессознательного чувства романо-германского единства, они породили теоретические основания так называемого "европейского космополитизма", который было бы правильнее назвать откровенно общеромано-германским шовинизмом» [26: с. 39–40].

К сожалению, глобализация, как отмечается во многих исследованиях, фактически ознаменовала господство позиции западоцентризма как новой версии европоцентризма [11]. Это нашло своё выражение, в частности, в претензиях на культурную экспансию и «...насилованное изменение "кодов культур" других народов» [29: с. 59]. Это не что иное как «глобалитет локальной культуры» (И.В. Кондаков), или проекция национального (также этнического) менталитета в мировое культурное пространство с целью навязывания собственного миропонимания [15: с. 61]. Концепция американской исключительности, не менее зыбкая в социально-философском плане, чем европоцентризм XIX в., сегодня существенным образом довлеет над сотнями этнических культур, дестабилизируя этнические коммуникативные системы и провоцируя их на сопротивление.

Универсализация человеческих ценностей обозначила особую остроту проблемы распространения *массовой культуры*. Она выхолащивает духовное содержание человека, делая его менее связанным с этнической культурой и национальными традициями. Локальный мир этнических коммуникативных систем повсеместно вступает с ней в непреодолимое антиномическое соотношение.

Более того, *массовая культура обнажает внутреннее культуральное противоречие мира глобализации: она опустошает смыслы даже универсализированных ценностей, наполняя общество бездуховностью и безнравственностью*. Масс-культура имеет рыночную основу, а её отдельные элементы оказываются «брендами», призванными повышать товарный спрос. В итоге общество лишается ограничений в плане нравственного (морально-этического) содержания «культурных товаров» и их воздействия на психику [13: с. 27]. Глобализация, снижая уровень и потенциал нравственности, отрицает «человека этического» в пользу «человека потребляющего», утверждает в качестве новых добродетелей «торжество прагматизма», «апологетику профессионализма» и «способность побеждать в бесконечной гонке» [28: с. 70].

Таким образом, охарактеризованные выше *три направления интеграционных процессов мира глобализации – экономическое, политическое и культурное – могут рассматриваться как источник постоянных рисков для жизни этносов, заключающийся в стимулировании резкой трансформации этнических структур*. Для российского Дальнего Востока данная проблема является особенно актуальной.

Этническая структура Дальневосточного региона является не менее сложной, чем общероссийская, и в то же время обладает рядом специфических черт. Рассмотрим их в историческом ракурсе.

Историю формирования современной этнической структуры российского Дальнего Востока необходимо начать с периода открытия, освоения и заселения Россией Тихоокеанских рубежей, т. е. именно с того момента, когда он стал собственно российским – де-факто и де-юре. Вплоть до середины XIX в. славянское население Дальнего Востока было крайне малочисленным и лишь с середины столетия началась более активная колонизация, в результате которой сформировались первые районы компактного проживания переселенцев из числа разных народов, среди которых численно возобладали русские и украинцы.

Переселенческое движение **дореволюционного периода** значительно видоизменило этническую структуру региона. К концу XIX в. на Дальнем Востоке проживали представители десятков народов. В 1897 г. в рамках Амурской и Приморской областей первое место по численности занимало русское население – 162 545 чел. (47,3 %), второе – украинцы (54 422 чел., 15,8 %), третье – китайцы (38 520 чел., 11,2 %). Значительную группу составляли корейцы (25 868 чел., 7,5 %) и представители ряда коренных народов – народы «тунгусо-маньчжурского племени» (18 317 чел., 5,3 %), чукчи (10 237 чел., 3 %) и т. д. Однако в приблизительных границах современного Дальневосточного региона (т. е., учитывая население Якутской области) эта пропорция меняется: первое место по численности занимали якуты – 222 340 чел. (36,2%), лишь второе – русские (193 025 чел., 31,5 %), а третье – украинцы (54 742 чел., 8,9 %) [24].

К концу XIX в. русские составляли менее ½ населения, что было характерно для национальных окраин страны. Для сравнения: в Сибири русские составляли 3/4 всего населения, в Приуралье – около 70 % населения, в Поволжье – 63 %, на Северном Кавказе – чуть более 40 % [30: с. 57]. Другой интересной особенностью этого периода стала значительная доля в этнической структуре украинцев – в ряде районов (в частности, Южно-Уссурийский край) они численно преобладали над русскими. Вместе с тем в рамках Северо-Восточной Азии численность населения тихоокеанской окраины Российской империи была чрезвычайно мала. Так, численность населения Китая к началу XX в. составляла более 430 млн. чел., Японии – около 35 млн. чел., Кореи – около 16 млн. чел. Неслучайно это вызывало определённые опасения, результатом чего стало формирование образа «жёлтой угрозы».

Советский период внёс значительные коррективы в этническую структуру населения Дальневосточного региона, и, в первую очередь, в аспекте численности русского населения. Численность русских выросла к 1989 г. до 6 346 852 чел., т. е. по сравнению с 1926 г. – увеличилась в 4 раза. Изменился в положительную сторону и удельный вес русских в общей численности региона. Если предвоенные годы (перепись 1939 г.) русских на Дальнем Востоке насчитывалось 69,1 % (1 919 579 чел.), то в 1989 г. – 79,8 % [7, 8, 9]. Вторую позицию по численности традиционно занимала украинская диаспора. Она выросла численно, утратив при этом прежние позиции в удельном весе среди прочих народов. В 1989 г. украин-

цев насчитывалось 620 552 чел., что составило 7,8 % от общей численности населения региона [9]. Третью позицию в советские годы занимали якуты, однако, на фоне крупного притока русских, украинцев и представителей др. народов резко сократился их удельный вес. Если в 1939 г. он составил 8,4 % (234 864 чел.), то в 1989 г. – только 4,6 % (368 972 чел.) [8, 9].

Из крупных процессов трансформации этнической структуры региона стоит отметить также увеличение численности белорусов, татар, немцев, чувашей, азербайджанцев, армян, а также резкое сокращение численности китайцев (в 1989 г. – всего 0,02 %), сокращение численности (конец 1930-х гг.) еврейского населения, некоторое уменьшение корейской диаспоры и численности мордовцев (с 1950-х гг.).

Начиная с конца 1980-х гг., стали наблюдаться новые тенденции трансформации этнической структуры Дальнего Востока России, обусловленные в новых политических условиях действием трёх основных факторов. *Первый* фактор связан с различиями в естественном движении населения, *второй* – с процессами во внешней миграции, сложившимися под влиянием распада СССР и изменением экономических условий, *третий* – с процессами смены этнического самосознания под влиянием смешанных браков и пр. [22: с. 23].

Негативными предпосылками происходящих изменений стали глубокий социально-экономический упадок, кризис национальной идентичности и миграция населения с Дальнего Востока. Последствия этого периода мы ощущаем и сегодня, в частности, по отношению к процессам так называемым «обезлюдения» территории. Согласно переписи 2002 г. численность населения региона составила 6 692 865 чел., т. е. сократилось на 18,8 % [23].

Одной из важнейших тенденций трансформации этнической структуры Дальнего Востока стало сокращение абсолютной численности русского населения на 16 % к 2002 г., т. е. до 5 470 759 чел. Основной отток русских пришёлся на северные районы: в Якутии численность представителей сократилась до 390 671, т. е. на 40,8 % (по сравнению с 1989 г. 550 263 чел.), в Магаданской области – до 146 511 чел., в 2 раза (294 500 чел. в 1989 г.), в Камчатской области – до 290 108 чел., на 31,8 % (382 423 чел. в 1989 г.), в Чукотском АО до 27 918 чел., в 3,9 раз (108 298 чел. в 1989 г.) [22]. На фоне масштабной миграции из региона, возникла значительная диспропорция размещения русского населения

на Дальнем Востоке. Общерегionalный удельный вес русского населения несколько увеличился – до 81,7 %, а в южных районах стал ещё больше: Приморский край – 90 %, Хабаровский край – 89,6 %, Амурская область – 92 %, Сахалинская область – 84,3 %, ЕАО – 89,9 %. Однако в северных районах он значительно сократился: в Якутии – с 50,3 % до 41,2 %, в Чукотском АО – с 66,1 %, до 51,9 % [22].

По сравнению с русским населением, для украинской диаспоры региона с 1990-х гг. стало характерно как сокращение абсолютной численности – до 283 000 чел. (в 2,2 раза по сравнению с 1989 г.), так и удельного веса – до 4,2 %. По итогам в 2000-е гг. украинцы, традиционно вторая по численности этническая группа на Дальнем Востоке, значительно уступили якутам (435 610 чел., 6,5 %) [22].

Из наиболее значимых тенденций изменения этнической структуры необходимо отметить также резкое сокращение к 2002 г. (по сравнению с 1989 г.) численности белорусов (до 45 342 чел., в 2,2 раза), татар (до 55 361 чел., в 1,6 раз), мордовцев (до 15 934 чел., в 2 раза), евреев (до 7 298 чел., в 2,9 раз), чувашей (до 11 849 чел., в 1,8 раз), немцев (до 13 747 чел., в 1,4 раза); увеличение численности коренных малочисленных народов, армянской диаспоры (до 17 903 чел., в 1,6 раз), корейцев (до 61 946 чел., на 10 %) и китайцев (с 1568 чел. в 1989 г. до 9677 чел. в 2002 г., т. е. в 6,2 раза) [17, 22].

Таким образом, традиционно этническую структуру Дальневосточного региона исторически образуют четыре ключевых компонента: а) русское население (как нациообразующий народ); б) крупные диаспоры из европейской части и Закавказья Российской империи, затем Советского Союза, и, наконец, СНГ (украинцы, белорусы, татары, мордва, чуваша, немцы, азербайджанцы, армяне); в) коренные народы Дальнего Востока и г) восточные диаспоры (корейцы и китайцы). Их процентное соотношение в течение последних полутора столетий менялось, поэтому особенно актуальным сегодня является раскрыть содержание тех факторов, которые обусловлены интеграционными процессами мира глобализации, и которые могут существенным образом изменить современную этническую структуру региона.

Действительно, глобализация формирует целый комплекс условий трансформации этнической структуры Дальневосточного региона, многие из которых оказываются негативными. К ним, в первую очередь, относятся экономиче-

ские факторы. Усиление коммуникационных потоков в АТР неизбежно вовлекает Дальневосточный регион в поле межнационального взаимодействия, где российской нации приходится сотрудничать с американской, китайской, японской, канадской, южнокорейской, индонезийской, тайландской, малазийской, филиппинской и др. нациями. Такое взаимодействие усиливается за счёт вхождения страны в интеграционные группировки и способствует формированию условий для осуществления межкультурного диалога. Активизация сотрудничества в рамках Азиатско-Тихоокеанского региона вызывает необходимость изучения языков и обычаев соседних народов. Возникают центры по изучению сопредельных стран, общества дружбы; дальневосточники всё чаще обращаются к традиционной культуре Японии, Китая, Кореи и пр.

Дальний Восток обладает значительным экономическим потенциалом, являясь, наряду с Сибирью, «природной кладовой России», где сосредоточены огромные запасы нефти, природного газа, угля, меди, никеля, свинца, цинка, молибдена, золота, металлов платиновой группы и т. д. [25: с. 374]. В то же время существуют крайне негативные факторы, препятствующие нормальному экономическому развитию российского Дальнего Востока: большая удалённость от центра, огромная площадь и крайне низкая плотность населения с явной тенденцией к её ещё большему уменьшению. Очевидно, что без должного государственного вмешательства он не сможет в полной мере быть зоной успешной экономической интеграции, что в свою очередь может сказаться на замедлении темпов экономического роста и сохранении той ситуации, когда представители большинства этнических групп будут стремиться покинуть регион.

К числу наиболее острых проблем, которые могут решительным образом повлиять на этническую структуру Дальнего Востока необходимо отнести также проблему увеличения миграционных потоков из КНР. На фоне резкого сокращения численности населения возникает вполне естественная перспектива использования труда мигрантов из густонаселённого Китая. Данной перспективе способствуют высокие темпы роста самой китайской экономики и потребности её в природных ресурсах. Однако, безусловно, такой миграционный приток может иметь крайне негативные последствия и дать вместо ожидаемого экономического роста взрыв социальных потрясений на национальной почве. Если рассматривать эту проблему в общероссийском масштабе,

то следует заметить, что даже ежегодный въезд в страну китайских мигрантов по 0,5–1 млн. чел. в год способен трансформировать не только региональную, но и российскую этническую структуру и вывести китайское население за короткий период на вторую позицию по численности (вместо татар), способствуя формированию районов компактного поселения – так называемых «чайнатаунов» [14].

Политический факторы. Сложившаяся ситуация в регионе, к сожалению, отмечена усилением рисков политической нестабильности. Российская нация на уровне самосознания ещё не оформилась окончательно – зачастую у населения преобладает этническая, или даже региональная идентичность. В условиях вхождения России в интеграционные группировки – это может сказаться особенно пагубно на национальном суверенитете. Стоит учитывать также усложнение системы международных связей и «тектонические» сдвиги в мировой политической системе, а именно усиление Китая, Индии, складывание новых региональных группировок, не желающих мириться с гегемонией США. Дилемма однополярности / многополярности мирового политического устройства имеет самое непосредственное отношение к трансформациям этнического пространства Дальнего Востока. Именно многополярность может позволить региону органично развиваться в глобальной мировой экономике, преодолеть социально-экономические риски и непосредственно участвовать в распределении мирового капитала. Это, в свою очередь, означает, что этнические общности, сопряжённые с экономической системой региона, будут иметь больше шансов на стабильную социально-экономическую основу жизнедеятельности.

Факторы культурной интеграции. В условиях широкого распространения массовой культуры в России всё более остро осознаётся необходимость сохранения русской культуры, имеющей ключевое значение уже в силу того факта, что русские являются нациообразующим этносом. Принципиальное значение в этом вопросе имеет создание условия для поддержания и развития русского языка – основы русской культуры и явления, которое условно называется «Русским миром». Сохранение основ этнических культур, в том числе русской, представляется важнейшим условием стабильности этнической структуры региона.

Учитывая указанные основные факторы, выделим три возможной трансформации этнической структуры Дальневосточного региона в будущем.

Первый сценарий – это *поддержание общей численности при сохранении существующей этнической структуры региона* с преобладанием русского населения и значительной долей остальных компонентов: крупные диаспоры украинцев, белорусов, татар, азербайджанцев и армян, значительная доля китайского и корейского населения, а также коренных народов. Данный сценарий возможен только в случае изменения демографической ситуации в стране и положительном миграционном притоке из Европейской части России и стран СНГ.

Инерционный сценарий – *продолжение обезлюдения Дальнего Востока*, усиливаемое продолжающимся демографическим кризисом и отсутствием постоянного миграционного притока. Инерционный сценарий грозит резким сокращением русского населения и большинства диаспор, и соответственно утратой важнейшего для России в АТР геополитического региона.

Одним из наиболее вероятных сценариев является *сценарий массовой китайской миграции*. Данный сценарий грозит тем, что межэтнические отношения в регионе будут носить биполярный характер – развитие малых народов и диаспорных групп будет ориентироваться на взаимоотношения между русскими и китайцами. Естественным в этой ситуации станет широкое распространение китайского языка, некоторого культурного смешения, возможно, возникновение обширной зоны этнического конфликта.

По какому из указанных сценариев пойдёт развитие этнической структуры Дальнего Востока, нельзя сказать однозначно. Каждый из сценариев является ответом на злободневный для региона вопрос о перспективах его дальнейшего освоения. Дальний Восток постоянно требовал усиленной колонизации. Однако если в дореволюционный период и советское время этот вопрос решался в пользу внутренней миграции, собственного ресурса, то в XXI в., возможно, приоритет будет отдан внешнему миграционному потенциалу. С абсолютной уверенностью можно утверждать лишь то, что дальневосточный аспект проблемы этнического в мире глобализации требует приложения существенных усилий государственной власти.

Таким образом, интеграционные процессы мира глобализации обуславливают важность решения проблемы «этнического» в региональном аспекте. Этнические системы проживают и переживают сложные внутренние процессы, связанные с перестраиванием отдельных подсистем этноса как коммуникативной целостности. Ком-

муникативная функция этнической системы выходит на принципиально новый – глобальный уровень, вынуждая этносы вливаться в стремительный информационный обмен, что обостряет и актуализирует фундаментальную для бытия этноса проблему этнического самосознания как ассоциирования людей с той или иной этнической общностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андрианова, Т.В. Социально-философские аспекты формирования устойчивых обществ / Т.В. Андрианова. – М.: ИНИОН РАН, 1998. – 48 с.
2. Арутюнов, С.А. Проблемы исследования культуры жизнеобеспечения этноса / С.А. Арутюнов, Э.С. Маркарян, Ю.И. Мкртумян // Советская этнография. – 1983. – № 2. – С. 22–31.
3. Балибар, Э. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности / Э. Балибар, И. Валлерстайн. – М.: Логос-Альтера, Ессе Ното, 2003. – 272 с.
4. Бек, У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию / У. Бек. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 304 с.
5. Валлерстайн, И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / И. Валлерстайн. – СПб.: Университетская книга, 2001. – 416 с.
6. Вернадский, В.И. Биосфера и ноосфера / В.И. Вернадский. – М.: Айрис-пресс, 2007. – 576 с.
7. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Национальный состав населения по регионам РСФСР [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly: электронная версия бюллетеня «Население и общество». Институт демографии Государственного университета Высшей школы экономики. – Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php
8. Всесоюзная перепись населения 1939 г. Национальный состав населения по регионам России [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly: электронная версия бюллетеня «Население и общество». Институт демографии Государственного университета Высшей школы экономики. – Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php
9. Всесоюзная перепись населения 1989 г. Национальный состав населения по регионам России. [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly: электронная версия бюллетеня «Население и общество». Институт демографии Государственного университета Высшей школы экономики. – Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php
10. Гирусов, Э.В. Система «общество – природа» (проблемы социальной экологии) / Э.В. Гирусов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. – 167 с.
11. Гранин, Ю.Д. «Глобализация» или «вестернизация» / Ю.Д. Гранин // Вопросы философии. – 2008. – № 2. – С. 3–15.
12. Гринин, Л.Е. Глобализация и национальный суверенитет / Л.Е. Гринин // История и современность. – 2005. – № 1. – С. 6–31.
13. Гринин, Л.Е. Информационное общество и феномен известности / Л.Е. Гринин // История и современность. – 2009. – № 2. – С. 3–32.
14. Дятлов, В.И. Россия: в предчувствии чайнатаунов / В.И. Дятлов // Этнографическое обозрение. – 2008. – № 4. – С. 6–16.
15. Кондаков, И.В. Глобалитет локальных культур (к постановке проблемы) / И.В. Кондаков // Традиционная культура. – 2005. – № 2. – С. 60–70.
16. Кондратьева, Т.С. Глобализация и национальный суверенитет (аналитический обзор) / Т.С. Кондратьева // Актуальные проблемы Европы. – М., 2000. – С. 74–101.
17. Коренные малочисленные народы Севера Хабаровского края. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года: Стат. сб. – Хабаровск, 2006. – 102 с.
18. Левин, М.Г. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические общности (К постановке вопроса) / М.Г. Левин, Н.Н. Чебоксаров // Советская этнография. – 1955. – № 4. – С. 3–17.
19. Марков, Б.В. Человек и глобализация мира / Б.В. Марков // Отчуждение человека в перспективе глобализации мира: сб. статей. – Вып. I. – СПб.: Петрополис, 2001. – С. 100–122.
20. Монро, П. Телевидение, телекоммуникации и переходный период: право, общество и национальная идентичность [Электронный ресурс] / П. Монро. – М., 2000. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Gurn/Monro/index.php.
21. Нарочницкая, Е.А. Национальный фактор в эпоху глобализации / Е.А. Нарочницкая // Процессы глобализации: экономические, социальные и культурные аспекты. – М.: ИНИОН РАН, 2000. – С. 102–155.
22. Население Дальнего Востока: от переписи до переписи. – Благовещенск: амурский областной комитет государственной статистики, 2004. – 61 с.
23. Национальный состав населения, владение языками и гражданство в Дальневосточном федеральном округе // Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. – Якутск, 2005. – 178 с.
24. Первая всеобщая перепись населения Российской империи [Электронный ресурс] // Распределение населения по родному языку, губерниям и областям // Демоскоп Weekly: электронная версия бюллетеня «Население и общество». Институт демографии Государственного университета Высшей школы экономики. – Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php
25. Титаренко, М.Л. Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие азии / М.Л. Титаренко. – М.: Памятники исторической мысли, 2008. – 624 с.
26. Трубецкой, Н. Европа и человечество / Н. Трубецкой // Классика геополитики, XX век. – М., 2003. – С. 33–105.
27. Фукуяма, Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке / Ф. Фукуяма. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 220 с.
28. Шендрик, А.И. Глобализация в системе культурологических координат / А.И. Шендрик // Знание. Понимание. Умение. – 2004. – № 1. – С. 59–71.
29. Шендрик, А.И. Глобализация в системе культурологических координат / А.И. Шендрик // Знание. Понимание. Умение. – 2005. – № 1. – С. 56–68.
30. Этнография восточных славян: очерки традиционной культуры / отв. ред. К.В. Чистов. – М., 1987. – 560 с.

РЕАЛИЗАЦИЯ КОМПРОМИССНЫХ СТРАТЕГИЙ В УСЛОВИЯХ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ ЗАПАДНОЙ И ВОСТОЧНОЙ КУЛЬТУР

Ю.С. Максимова

Максимова Юлия Сергеевна – старший преподаватель кафедры делового иностранного языка Дальневосточного государственного университета путей сообщения.

Контактный адрес: maximova64@mail.ru

В статье рассматривается вопрос о способах межкультурного взаимодействия представителей восточной и западной англофонных лингвокультур в условиях конфликтной и кооперативной коммуникации. Для плодотворного коммуникативного контакта стороны могут использовать стратегию компромисса как способ достижения успеха в кросскультурной коммуникации.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, успешная коммуникация, компромисс, компромиссные стратегии, западная англофонная лингвокультура, восточная лингвокультура.

Язык осмысливается в наши дни как обусловленное культурой и переживаемое в индивидуальном сознании знание о мире, проявляющееся в коммуникативной деятельности. Внимание к изучению коммуникативного поведения объясняется потребностями общества оптимизировать общение в меняющемся мире в условиях информационного взрыва, вторжения виртуальной реальности в нашу жизнь, умножение межкультурных контактов, изменения стереотипов восприятия действительности [10: с. 5].

Наше время часто называют эпохой этнического ренессанса. Понимание своей этнокультурной идентичности может произойти только при сопоставлении своих норм, ценностей, стереотипов поведения с другими аналогичными образованиями. Сегодня мир стал значительно мобильнее, живые контакты с носителями иной культуры воспринимаются как нечто обыденное, а электронные средства массовой информации сделали для нас чужую жизнь знакомой до мельчайших подробностей [10: с. 5].

Проблемы взаимодействия и взаимовлияния культур, соотношения культуры и языка, а также поиск оптимальных форм межкультурного общения всегда привлекали внимание исследователей [17: с. 9]. Согласно американскому исследователю, автору кросскультурной энциклопедии «Язык и коммуникация» М.Ш. Файндлею, с конца 1960-х годов межкультурная коммуникация стала важной сферой прикладных исследований. Фокусом последних не являются только лишь различия в структурах языков. Особое внимание в исследованиях в области межкультурной коммуникации уделяется культурным нормам при коммуникативном взаимодействии и экстралинг-

вистическим параметрам коммуникации. В числе последних следует отметить интонацию речи, диапазон голоса собеседников, проксемические нормы, а также жесты [38: р. 91–94]. Европейцы, жители Северной и Южной Америки, представители народов Африки и Азии имеют различный репертуар перечисленных выше средств, поэтому даже при удовлетворительном владении иностранным языком, в частности, английским в функции *lingua franca*, собеседники могут неправильно интерпретировать тот или иной компонент коммуникации, что может привести к взаимному непониманию собеседников. Мы исходим из того, что коммуникация осуществляется с целью достижения определенного успеха, коммуниканты заинтересованы в успешном языковом взаимодействии. Основная трудность в достижении этого, с нашей точки зрения, кроется в том, что коммуникантам необходимо владеть единым способом передачи информации для ее адекватного восприятия. В данном случае речь идет не только о владении иностранным языком/языками в условиях межкультурного общения, или разными формами одного языка – в рамках меж- и монокультурного взаимодействия. Наличие единого языкового инструментария, несомненно, способствует успеху коммуникации, однако, при этом не следует забывать и об аспектах национально-культурного и социального плана. Для успешного межкультурного общения важен учет специфики национального характера коммуниканта.

Термин «национальный характер» многоаспектен и исследуется рядом учёных [16: с. 123–126; 18: с. 187–188; 21: с. 13–41; 23: с. 191–204; 26: с. 136–138; 30: с. 257] и др. Так, отечественный

исследователь Н.М. Фирсова предлагает трактовать национальный характер как своеобразие национальных психологических черт, менталитета, национальных традиций и обычаев, сформировавшихся и формирующихся под влиянием климатических и географических факторов, особенностей исторического развития, религиозных верований данной нации и проявляющихся в специфике её национальной культуры, в языке и коммуникативном поведении народа. Автор считает, что большинство черт национального характера отличаются устойчивостью и переходят из поколения в поколение [31: с. 51].

В современных условиях Дальнего Востока, включая российский, важен фактор осведомлённости о лингвокультурном своеобразии коммуникативного поведения собеседников в условиях межкультурной коммуникации. В частности, при ведении переговоров представители западной и восточной культур проявляют свое участие в этом процессе по-разному, и этот факт должен учитываться всеми участниками. Для высококонтекстуальных культур, таких как японская, китайская и корейская, характерны особенности, которые следует принимать во внимание их коллегам и партнёрам – представителям низкоконтекстуальных культур, например, гражданам Великобритании или США. Так, представители японской нации предпочитают длительную подготовку и планирование процесса переговоров, тщательную проработку деталей даже во время ведения переговоров. Для них важны паузы, которые могут раздражать более динамичных партнеров, например, американцев или французов [14: с. 34–46], поскольку японцы озабочены тем, как время распределено согласно с уместностью, правилами вежливости и традициями [19: с. 95]. При этом представители японской, китайской и корейской лингвокультур – реактивных, или слушающих – редко инициируют действия или дискуссии, предпочитая сначала выслушать и выяснить позицию других, затем откликнуться на неё и сформулировать свою собственную [19: с. 72]. Для представителей китайской культуры характерно коллективное поэтапное принятие решения, часто в этом процессе принимает участие вся многочисленная делегация, прибывшая на переговоры. Представители данной культуры предпочитают продемонстрировать окончательное закрепление достигнутых позиций не в официальной обстановке, а в так называемой домашней, неофициальной [14: с. 34–46], так как для этой нации важна семейная культура [19: с. 23]. С другой стороны, можно отметить

похожие черты, которые присущи различным культурам. Например, американцы и китайцы лучше воспринимают логически простопостроенные рассуждения. Как американцы, так и японцы любят наглядность, однако, последние предпочитают такую, в которой присутствует двойной смысл [14: с. 54]. Деловым партнёрам, коллегам или супругам представителей западной англофонной культуры следует обратить внимание на то, что они, равно как и жители Германии, Швейцарии, Нидерланд, Австрии и Скандинавии, «...сделали учёт времени культом и убеждены, что время, незаполненное принятием решений или выполнением каких-либо действий, убивается без пользы. Эти народы в основном придерживаются линейного образа действий, озабочены деловой насыщенностью времени и не могут заниматься несколькими делами параллельно» [19: с. 88].

В случае мискоммуникации, без учёта отмеченных выше и многих других особенностей коммуникативного поведения представителей различных культур, в межкультурном взаимодействии возможны коммуникативные сбои, неудачи, которые приводят к возникновению конфликтов и конфронтации. Для их преодоления коммуниканты используют различные коммуникативные тактики и стратегии. В самом общем смысле речевая стратегия включает в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана. Речевая стратегия представляет собой комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели [11: с. 54]. Следует отметить, что речеповеденческие стратегии как магистральная линия поведения базируются на знаниях о культурных универсалиях, о собственных культурных ценностях и способах их отражения в поведении, а также на знаниях о возможном конфликте или взаимодействии культур и способах медиации во время такого взаимодействия [9: с. 248–249]. Подчёркивается, что коммуникативные стратегии и речеповеденческие тактики принадлежат одновременно языку и культуре и обладают социальной и национально-культурной спецификой [27: с. 13].

Одно или несколько действий, способствующих реализации стратегии, считается речевой тактикой, в то время как речевая стратегия – совокупность таких речевых действий [11: с. 109–110]. Речевая тактика характеризуется динамическим характером, обеспечивающим гибкость стратегии. Эта гибкость объясняется тем, что комму-

никанты не пользуются готовыми схемами – последовательностями речевых актов, а конструируют коммуникативный акт по ходу диалога в зависимости от ситуации.

Для преодоления непонимания или конфликтных ситуаций в межкультурном взаимодействии коммуниканты могут воспользоваться стратегией компромисса, которая позволяет сторонам посредством обмена уступками достичь взаимопонимания и добиться успеха в коммуникации. Компромисс как форму социального взаимодействия можно рассматривать в качестве диалектического метода разрешения противоречий, при котором снимаются противоречия, но сохраняются противоположности. Это борьба и сотрудничество, которые одновременно, реализуются через уступки и приобретения, не всегда равноценные, но взаимные. Этим на время снимаются противоречия сторон.

Компромисс как явление социальной жизни человеческого общества привлекал внимание мыслителей античности и занимает умы современников. В исследованиях, проведенных в области социальной философии, политологии, права, представлены точки зрения философов, политологов, юристов, социологов, например, В. Алтухова [1], В. Бака [2], Н.И. Маковеева [20], Б.А. Толчинского [28; 29], С.М. Черниковой [35] и др. В последние годы появились исследования в сфере деловой коммуникации в нашей стране и за рубежом [6–8; 13; 15; 33; 36].

Исследование компромиссных решений заслуживает внимания, так как именно они позволяют избежать конфронтации и прийти к результату, который устраивал бы все взаимодействующие стороны, т. е., продолжая и развивая общение и предпринимая шаги к взаимным уступкам, достичь определенного успеха в отношениях.

Компромисс и компромиссные стратегии привлекают к себе внимание тем, что, реализуясь в социальной среде, сочетают взаимное изменение позиций сторон с уважением к иной позиции и существуют только в рамках противоборства. Как и конфликт, компромисс является процессом, и результатом одновременно. Компромисс – это «...урегулирование спора, при котором каждая из сторон отказывается от чего-либо, и ни одна из сторон не получает всего, на что претендовала; это соглашение, достигнутое путем урегулирования» [32: р. 173] (*перевод наш – Ю.М.*).

Соглашение, заключенное в ходе взаимного обмена уступками, должно быть справедливым и разумным, удовлетворять каким-то наиболее важным потребностям каждой из сторон, и каж-

дая сторона должна знать, что данное решение важно для других [25: с. 134–135]. Компромисс называют *стратегией поведения* (*выделено нами – Ю.М.*), которая предусматривает взаимные уступки и усилия сторон и требует, чтобы стороны сознавали свои интересы и проявляли их легальным образом [5: с. 286].

В коммуникации компромисс может выступать временным соглашением двух сторон с целью снять напряжение в отношениях путём взаимных уступок в разных областях. Он обычно характерен для различных в отношении культуры и языка стран, которые намерены сохранять свою культуру и специфические интересы [4: с. 87].

Разработке коммуникативного аспекта компромисса в сфере деловой коммуникации посвящены работы отечественных и зарубежных исследователей: О.А. Добриной [6], М.Ю. Дьяковой [7; 8], Ю.Б. Кузьменковой [13], Л.А. Шкатовой [36], Дж. Кэмп [15], Дж. Х. Хэллоуэла [33].

Реализация компромиссных стратегий возможна, по нашему мнению, на различных уровнях взаимодействия. В частности, наглядным примером компромиссного взаимодействия на уровне двух систем, «миров», целых цивилизаций – Запада и Востока – служит современная Япония. В исследованиях отечественных востоковедов отмечается, что практически на всём протяжении истории этой страны японцы широко заимствовали достижения континентальной цивилизации. Заимствования осуществлялись Японией на большей протяжённости её истории совершенно добровольно, страна имела возможность выбора: заимствовалось и укоренялось то, что не противоречило уже сложившимся местным устоям [22: с. 23–24]. По словам Е.В. Верисоцкой, «Япония была единственной из азиатских стран, сумевшей дать адекватный ответ на вызов Запада» [3: с. 6]. В первой половине XIX века страна оказалась на рубеже процессов, которые выявили умение Японии «...выработать ценности, способные хорошо вписаться в процесс национальной модернизации» [3: с. 20] с возможностью сохранения японской традиционной культуры. Это нашло своё отражение в популярной формуле известного идеолога оппозиционного японского самурайства Сакума Сёдзан (1811–1859) «японская душа – европейские знания» [3: с. 34]. «Впитывая чужую культуру постепенно, Япония сумела сохранить свою исконную культуру, оперируя по своему усмотрению элементами привходящих культур, т. е. по-настоящему их ассимилируя, а не отталкивая, как это были вынуждены делать многие восточные культуры в

стремлении просто сохраниться и выжить» [24: с. 33]. В этом смысле Япония может считаться идеальным «полигоном» для исследований межкультурных влияний, не отягощённых актами насилия или же откровенного давления извне [22: с. 23–24]. Как результат достигнутого в современной Японии баланса между исконным и заимствованным, можно отметить сосуществование японских культурных традиций, таких как чайная церемония, бонсай, искусство каллиграфии, сумо, ношение кимоно, праздник поминовения усопших «обон» и многое другое, и традиций западной культуры – автоматизация и компьютеризация, состязания в бейсбол, футбол, баскетбол, волейбол, ношение современной европейской одежды, повсеместное увлечение иностранными языками. В современной Японии мирно соседствуют традиционные религии синто и буддизм, с одной стороны, и христианство, ислам, индуизм – с другой, что также свидетельствует как о терпимости и межкультурной толерантности, так и о компромиссном способе решения религиозных споров. Кроме этого, японская письменность в современном виде также являет собой многогранное явление, включающее как исконные (азбуки катакана и хирагана), так и заимствованные элементы (иероглифическое письмо, системы латинизации, ассимилированные и неассимилированные заимствования из английского языка). В результате многолетнего «комбинирования» японская письменность приобрела, по мнению многих лингвистов, сложную конструкцию, которая, однако, хорошо сбалансирована, и изъятие какого-либо элемента из неё сделает японский текст трудно- или нечитаемым. В комплексном соединении разнообразных факторов жизни всего лингвосообщества, о которых говорилось выше, и которые получили своё воплощение как результат длительного преобразования, можно проследить своеобразную гибкость национального характера и взаимосвязь приверженности к культурному наследию и некоторого консерватизма, с одной стороны, и готовности учиться новым правилам игры, с другой [12: с. 92–96]. Синтетический образ мышления, присущий циклическим культурам, согласно китайскому исследователю Цзо Бяо, предполагает естественный переход одного состояния в другое, но не чёткое разграничение составляющих частей [39: р. 6–7]. Возможно, поэтому современная японская лингвокультура являет собой лингвосообщество, оптимально сбалансированное между Востоком и Западом. Приведённые примеры могут свидетельствовать о том, что

компромиссные стратегии могут реализоваться не только на уровне индивидов, но и на уровне целого лингвокультурного сообщества на протяжении достаточно долгого времени.

Компромисс как стратегия взаимодействия может рассматриваться также на уровне текста. Не являясь лингвистической категорией, компромисс, тем не менее, всегда имеет определенное языковое выражение. Современная иностранная литература дает немало примеров ситуаций успешной коммуникации, достигнутой в результате различных стратегий поведения и, в частности, компромисса. Задача данного исследования состояла в том, чтобы выявить и описать филологическую составляющую компромисса на материале англоязычной художественной литературы. В результате систематизации обширного языкового материала были выявлены различные способы выражения компромисса в процессе коммуникации. Нами выделены способы вербализации компромисса, характерные для западной англофонной и восточной лингвокультуры в отдельности и для межкультурной коммуникации представителей данных лингвокультурных сообществ. В ситуациях достижения компромиссных решений между представителями западной англофонной и восточной лингвокультуры нами выявлены несколько способов вербализации компромисса. Найденные компромиссные ситуации можно разделить на три группы по способу выражения компромисса: вербальные, невербальные и вербально-невербальные / комбинированные способы. Первая группа лингвистических средств включает слова семантической группы *compromise* и слова с контекстуально-приобретённым значением «компромисс». Вторая группа средств включает языковые единицы, которые вербализуют молчание, с одной стороны, и различные действия человека, с другой, например, движения тела и/или частей тела, мимику лица. Третья группа лингвистических единиц – вербально-невербальный, или комбинированный, способ – представляет широкое разнообразие комбинирования средств первой и второй групп.

В качестве примера вербальной реализации компромисса в межкультурной коммуникации можно рассмотреть эпизод из произведения британского автора Джеймса Кларка Максвелла «Благородный дом» («Noble House»), в котором описываются события 60-х гг. двадцатого века в Гонконге [37: р. 891–895]. Британский подданный Йен Данросс, глава «Благородного дома», крупнейшего британского торгового предприятия в Гонконге, вынужден обратиться за помощью к од-

ному из самых влиятельных и богатых китайских предпринимателей У Сану. В деловом мире Гонконга очень многое, если не всё, решала репутация и своевременная поддержка влиятельных людей. Финансовое положение «Благородного дома», несмотря на усилия руководства компании, в какой-то момент пошатнулось, что дало конкурентам повод для распространения слухов о его скорой «кончине» и инспирации паники среди вкладчиков, партнёров и кредиторов «Благородного дома». Эта волна вовлекла как англоязычное, так и китайское сообщество. В такой сложной финансовой и моральной ситуации Й. Данросс обращается к У Сану с просьбой о личном ходатайстве перед китайскими и зарубежными партнёрами о банковской ссуде, краткосрочных кредитах и моральной поддержке. Однако старый китаец не спешит помочь, но, тем не менее, сам обращается к Данроссу с другого рода просьбой. Между двумя семьями более века существует нерушимая договорённость, условия которой наследуются последующими поколениями и неукоснительно выполняются. Когда-то основателю «Благородного дома» также требовалась помощь влиятельных и состоятельных китайских друзей, чтобы избежать банкротства. Помощь была оказана в виде очень крупной суммы денег, но взамен было выставлено условие: предъявителю «условного знака» – половинки сломанной монеты оказывалась любая услуга: *Dunross stared back at him. «Honorable Jinqua loaned the tai-pan, my great-great-grandfather, forty lacs of silver». – «Forty lacs – \$4 million. One hundred twenty years ago». The old man sighed. «Forty lacs of silver. No paper no chop just trust! The bargain was just a bargain between Old friends, no chop, just trust, heya?» – «Yes». The old man's thumbless hand snaked out palm upwards and held the half-coin under Dunross's face. «One coin, grant favor. Whoever asks. I ask».*

Тай-пэн, глава «Благородного дома», не имел права отказать в услуге, поэтому сломанная монета обладала огромной ценностью, строжайше охранялась, но могла быть подделана. У каждой из договорившихся сторон, британской и китайской, оставалась вторая половинка, и, для того чтобы исключить подделку требовалось удостовериться в подлинности монеты, сличив обе половинки. Беседа проходит в присутствии Пола Чой, младшего сына У Сана (однако отец велит сыну именовать себя дядей). Молодой человек выполняет функции переводчика, так как Данросс недостаточно хорошо владеет наречием хакка, а старый китаец с трудом выражается на

пиджинизированном английском. Посредничество доверенного лица китайской стороны, обучавшегося в Соединённых Штатах и прекрасно владеющего английским языком, необходимо в такого рода переговорах. С другой стороны, в этом прослеживается национальная особенность китайской лингвокультуры – вести обсуждение деловых вопросов в «домашней» обстановке, с привлечением родных или доверенных лиц. Именно вопрос о достоверности монеты и взаимном доверии сторон в данном вопросе становится предметом обсуждения: *Dunross sighed. At length he broke the silence. «First I fit half to half. Next make sure metal here same metal there. Then you say favor». He went to pick up the half-coin but the fist snapped close and withdrew and Four Fingers jerked his good thumb at Paul Choy. «Explain», he said. «Of course I trust you», Wu said. His smile was crooked. – «But do you trust me?» – «Oh yes, Old Friend. I trust very much. Give me coin. If real, I tai-pan of Noble House will grant your ask – if possible». – «Whatever ask, whatever is granted!» the old man flared. – «If possible. Yes. If real coin I grant favor, if not real, I give back the coin. Finish». – «Not finish». Wu waved his hand at Paul Choy. «You finish, quickly!»* Участие «третьей стороны» в коммуникативной ситуации, опосредованной переводчиком, позволяет сторонам детально обсудить условия сделки [18: с. 29]. Предложения китайской стороны заключаются в том, что удостовериться в подлинности их половинки монеты им поможет, во-первых, восковой оттиск монеты, и, во-вторых, консультация специалистов правительственной пробирной палаты или музейного куратора: *«My ... my uncle suggests the following compromise. You take this». The young man brought out a flat piece of beeswax. Three separate imprints of the half-coin had been pressed into it. «You'll be able to fit the other half to these, sir. <...> If you're reasonably satisfied, step two's we go together to a government assayer or the curator of a museum and get him to test both coins in front of us. Then we'll booth now at the same time. <...> That's what my uncle says».* Такие условия не совсем устраивают Данросса, который сомневается в порядочности и неподкупности специалистов: *«One side could easily bribe the assayer. <...> He could be got at».* На это возражение китайская сторона предлагает провести процедуру сличения на следующий же день и дать друг другу честное слово ничего не подстраивать: *«... if we do this tomorrow and if Wu Sang gives you his word and you give him your word not to try a setup, it'd work».* Такое предложение позволяет Данроссу

напомнить У Сану о своей более ранней просьбе о поддержке «Благородного дома», в которой ему было отказано: *Dunross thought a moment. Then he turned his cold eyes on Four Fingers. «Yesterday I ask favor, you said no. <...> You ask your friends concerning my ask, heya? <...> If no Noble House, no noble favor, heya?»* Старый китаец считает, что их просьбы не имеют ничего общего: *«That favor was different, tai-pan. <...> That was not the same as an ancient promise collecting an ancient debt»*, но всё же выразил обеспокоенность состоянием дел «Благородного дома»: *«My friends are worried about the Noble House»*. Эти слова позволяют Данроссу озвучить своё условие, он ещё раз обращается к старому китайцу с просьбой оказать поддержку своей компании и прибегает к новому тактическому ходу – сулит выгоду китайской стороне через некоторое время, если помощь будет оказана: *«Support me and within a week huge profits can be made»*. У Сан, тем не менее, проявляет настойчивость в отношении только своей просьбы – ему необходимо получить услугу от тай-пэна «Благородного дома»: *«Tai-pan, my suggestion, about the coin, you agree?»* the old man said. – *«About my ask, my ask for money support, you agree?»* – Wu said angrily, *«The two are not interwoven like rain in a fornicating storm. Yes or no on the coin?»* – *«I agree on the coin. But not tomorrow. Next week. Fifth day»*. – *«Tomorrow»*.

В этот момент переводчик проявляет инициативу и выдвигает два предложения: отцу – ещё раз обратиться к своим друзьям за поддержкой, и Данроссу – назначить другой день и время для проверки монеты. Сообразительный Пол Чой рассчитал время работы биржи и решил, что к четырём часам дня в понедельник судьба «Благородного дома» будет ясна, всем в Гонконге уже будет известно, устоял «Благородный дом» или нет: *Paul Choy carefully interjected, «Honored Uncle, perhaps you could ask your friends again tomorrow. Tomorrow morning. Perhaps they could help the tai-pan»*. His shrewd eyes turned to Dunross. *«Tomorrow's Friday», he said in English, «how about Monday at ... at 4:00 p.m. for the coin? <...> The foreign devil money market closes at the third hour of the afternoon, Honored Uncle. By that time the Noble House will be noble or not»*. Такое условие Данросс принял с единственной оговоркой – его компания всегда останется «Благородным домом»: *«We will always be the Noble House, Mr. Choy»*, Dunross said politely in English. *«<...>I agree»*. После того, как сын перевёл слова тай-пэна, старый китаец принимает новые усло-

вия со своим уточнением – ему нужно проверить, насколько благоприятен день для сделки, после этого он даст своё согласие: *«First I will check the Heaven-Earth currents to see if that is an auspicious day. If it is, then I agree»*. В завершении беседы У Сан подытоживает достигнутую договорённость словами благодарности: *When they were quite alone, the old man said softly, «Thank you, Old Friend. Soon we'll do much closer business»*.

Рассматриваемый эпизод представляет собой трилог-конфликт (в терминологии Л.Л. Читаховой [35: с. 19–21]). По мнению Л.Л. Читаховой, трилог является более непредсказуемой и конфликтной формой общения по сравнению с диалогом. При этом он оказывается менее жёсткой формой для его участников, что позволяет одному из коммуникантов оставаться некоторое время в стороне от беседы [35: с. 7]. В нашем примере участие переводчика как медиатора в очень напряжённой и противоречивой коммуникативной ситуации сыграло положительную роль в согласовании интересов. Успеху коммуникации, по нашему мнению, с одной стороны, способствует поликультурность переводчика Пола Чоя. Будучи урождённым китайцем и жителем Гонконга, молодой человек после учёбы в англофонной среде сумел найти баланс между традициями родной культуры и приобретёнными за рубежом знаниями и навыками. Такой баланс, мы считаем, можно охарактеризовать как внутриличностный компромисс, при котором различия, т. е. противоположности, культур не препятствуют личному успеху молодого китайца, чему находим подтверждения во многих эпизодах анализируемого романа. С другой стороны, приведённый выше отрывок подтверждает положение о том, что компромисс как стратегия поведения достигается через тактические ходы-уступки, которые предпринимаются коммуникантами для достижения своих целей. Следует отметить, что целей в данном взаимодействии две – для британца жизненно важна моральная и финансовая поддержка китайского партнёра, которая уберёжёт его компанию от краха. Для старого китайца это возможность воспользоваться старинным обязательством и заставить британцев платить по счетам. В данной ситуации примечательно, что при обсуждении просьбы китайца представитель западной лингвокультуры смог в виде уступки предложить условие для достижения своей цели. Данросс согласен пройти процедуру сличения половинок монет и, соответственно, выполнить давнее обязательство при условии, что китайский друг также пойдёт ему навстречу и заручится поддерж-

кой для спасения «Благородного дома». В итоге выигрывают обе стороны и в той или иной степени удовлетворяют свои запросы.

Проявление национально-культурных черт представителей Востока и Запада можно проследить на лингвистическом уровне. Коммуникативное поведение Данросса можно охарактеризовать такой чертой, как линейность, которая выражается как в поведении, так и в речи представителя западной лингвокультуры. Британец придерживается линейного подхода в решении вопросов, как бы показывая своему китайскому собеседнику – «сначала моя просьба, затем твоя». В речевом выражении прослеживается чёткая структурированность предлагаемых действий, а именно перечисление этапов, которые необходимо пройти при совершении сделки – *first, next, then*; короткий промежуток времени для получения выгоды китайским партнёром – *within a week*. Также чётко выстроены высказывания, которые имеют гипотактическую, по Цзо Бяо, структуру, с помощью чего достигается эксплицитность выражения [39: р. 7, 8], свойственная представителям англофонной лингвокультуры. При этом как представитель Запада Данросс придерживается личностно-ориентированного стиля коммуникации [16: с. 49], что выражается в отсутствии гонорифических единиц при обращении к китайскому собеседнику, а также в эллиптических предложениях при формулировании своих ответов: *But not tomorrow. Next week. Fifth day*. Для китайца как представителя восточной лингвокультуры характерна цикличность коммуникативного поведения [39: р. 3–8], которая выражается в том, что, во-первых, он не видит прямой, линейной, хронологической связи между двумя просьбами – своей и британца, поэтому У Сан снова и снова возвращается в беседе к теме своего визита. Во-вторых, его речь иносказательна, уклончива, обтекаема, что порождает имплицитность высказываний [39: р. 8]. К тому же, являясь представителем реактивной, т. е. слушающей культуры, старый китаец предпочитает молчать большую часть беседы и позволяет говорить своему собеседнику-британцу и сыну-переводчику. Повелительные формулировки-эллипсы при обращении к собеседнику, например: *Not finish, Yes or no on the coin? Tomorrow* и к сыну – *You finish, quickly!* являются, по нашему мнению, проявлением статусно-ориентированного типа коммуникативного поведения [16: с. 49], что демонстрирует Данроссу, что старый китаец выступает не просителем, а получателем услуги.

Характер анализируемого взаимодействия дважды претерпевает изменения благодаря

третьему участнику Полу Чой. Коммуникативное поведение молодого китайца является собой, по мнению автора, примечательную комбинацию двух стилей общения. Переводчик с традиционной почтительностью, которая выражается в использовании обращения *Honored Uncle*, повтором сослагательной конструкции *perhaps you could ask – perhaps they could help*, употреблением наречия *carefully* в словах автора и других формулировках, предлагает своему отцу и его британскому партнёру новые условия заключения сделки и обосновывает своё предложение. При этом его речь сегментирована, что характерно для представителей западной лингвокультуры: *step two's, Then, at the third hour of the afternoon*; предложения имеют сложноподчиненную линейную конструкцию.

В рассматриваемом отрывке из художественного произведения Дж. Клэвелла можно выделить три способа вербализации компромиссного решения. Хронологически первая договорённость китайской и британской сторон репрезентируется единицей *bargain*, договорённость по способу идентификации половинки монеты – словом *compromise*, достижение соглашения по времени процедуры – глаголом *agree*. В результате стороны пришли к решению, которое приемлемо для всех, но при этом каждой стороне пришлось уступить: китайская сторона позволила скорректировать время сделки и пошла навстречу британскому партнёру в удовлетворении его просьбы о содействии британской компании; британская сторона уступила в способе идентификации монеты, получив в обмен согласие китайской стороной о помощи. Мы считаем, что рассмотренный способ урегулирования противоречий в анализируемом художественном произведении соответствует сущности компромисса, описанной выше.

Компромисс рассматривается нами как стратегия, которая позволяет достичь успеха при осуществлении моно- и межкультурной коммуникации. Примеры межкультурного взаимодействия, представленные в данной работе, позволяют, с нашей точки зрения, продемонстрировать способы успешного решения конфликтных вопросов при столкновении различных культур и интересов. Исследование особенностей коммуникативного поведения представителей западной и восточной лингвокультур в процессе межкультурной коммуникации, проведённое на материале художественного произведения на английском языке, и результаты такого исследования могут способствовать оптимизации международных контактов,

так как культурная осведомлённость коммуникантов, по мнению американского исследователя Р. Льюиса, позволяет свести к минимуму неприятные сюрпризы в ходе межкультурного взаимодействия и даёт коммуникантам необходимое понимание для преодоления трудностей общения с представителями других стран [19: с. 21].

ЛИТЕРАТУРА

1. Алтухов, В. Компромисс – новое слово эпохи? / В. Алтухов // Свободная мысль. – 1993. – № 16. – С. 14–25.
2. Бака, В. От конфликта к компромиссу / В. Бака // Новое время. – 1988. – № 41. – С. 16–22.
3. Верисоцкая, Е.В. Вестернизация, национальная идея и реалии японской политики в эпоху Мэйдзи / Е.В. Верисоцкая // Монография. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2005. – С. 6–34.
4. Григорьев, Б.В. Межкультурные коммуникации: терминология и практика: учебно-справочное пособие / Б.В. Григорьев, В.И. Чумакова. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. – 268 с. – (Философская библиотека ДВГУ. Вып. 24)
5. Дмитриев, А.В. Конфликтология: учеб. пособие / А.В. Дмитриев. – М.: Гардарики, 2001. – 287 с.
6. Добрина, О.А. Практическая психология конфликта: современные психотехнологии: учебно-методическое пособие / О.А. Добрина. – Новосибирск: Энигма, 2004. – 140 с.
7. Дьякова, М.Ю. Категория компромисса в русском коммуникативном сознании / М.Ю. Дьякова // Русский язык как иностранный: Теория. Исследования. Практика. – Вып. VIII. – СПб.: Сударья, 2006. – С. 183–187.
8. Дьякова, М.Ю. Обучение финских учащихся речевой реализации стратегии компромисса в сфере делового общения: дис. ... канд. пед. наук / М.Ю. Дьякова. – СПб., 2006. – 244 с.
9. Елизарова, Г.В. Культура и обучение иностранным языкам / Г.В. Елизарова. – СПб.: КАРО, 2005. – 352 с.
10. Иная ментальность / В.И. Карасик [и др.]. – М.: Гнозис, 2005. – 352 с.
11. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. – 3-е изд., стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 284 с.
12. Козлов, Г. В Серебряном цеху Японии / Г. Козлов // Вокруг света. – 2006. – № 3. – С. 76–99.
13. Кузьменкова, Ю.Б. От традиций культуры к нормам речевого поведения британцев, американцев и россиян / Ю.Б. Кузьменкова. – М.: МАКС ПРЕСС, 2008. – 316 с.
14. Кульминский, А.А. Прокопенко, Г.И. Общаться – значит убеждать / А.А. Кульминский, Г.И. Прокопенко. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. – 384 с.
15. Кэмп, Дж. Компромисс – стратегия проигрыша [Электронный ресурс] / Дж. Кэмп. – Режим доступа: <http://www.cje.ru/lib>.
16. Ларина, Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций / Т.В. Ларина. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 512 с.
17. Леонтович, О.А. Введение в межкультурную коммуникацию: учеб. пособие / О.А. Леонтович. – М.: Гнозис, 2007. – 368 с.
18. Леонтович, О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения / О.А. Леонтович. – М.: Гнозис, 2005. – 351 с.
19. Льюис, Р.Д. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию / Р.Д. Льюис. – М.: Дело, 1999. – 440 с.
20. Маковеев, Н.И. Компромисс как политико-культурный феномен: дис. ... канд. филос. наук / Н.И. Маковеев. – Екатеринбург, 2000. – 169 с.
21. Маслов, А.А. Наблюдая за китайцами. Скрытые правила поведения / А.А. Маслов. – М.: РИПОЛ классик, 2010. – 288 с.
22. Мещеряков, А.Н. История древней Японии: учеб. пособие для вузов / А.Н. Мещеряков, М.В. Грачёв. – М.: Наталис, 2010. – 544 с.
23. Павловская, А.В. Как иметь дело с англичанами. Несентиментальное путешествие / А.В. Павловская. – М.: Изд-во МГУ, 2006. – 208 с.
24. Пронников, В.А. Японцы (Этнопсихологические очерки) / В.А. Пронников, И.Д. Ладанов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1985. – 348 с.
25. Сафьянов, В.И. Этика общения: проблема разрешения конфликтов: монография / В.И. Сафьянов. – М.: Изд-во МГАП «Мир книги», 1997. – 191 с.
26. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово/Slovo, 2000. – 624 с.
27. Толмачёва, Т.А. Методика обучения студентов коммуникативным стратегиям иноязычного речевого поведения в повседневных ситуациях межкультурного общения (языковой вуз, английский язык): автореф. дис. ... канд. пед. наук / Т.А. Толмачёва. – Улан-Удэ, 2009. – 30 с.
28. Толчинский, Б.А. Политический компромисс: современная проблематика / Б.А. Толчинский // Государство и право. – 1992. – № 12. – С. 85–92.
29. Толчинский, Б.А. Политический компромисс: дис. ... канд. филос. наук / Б.А. Толчинский. – Саратов, 1994. – 194 с.
30. Тхорик, В.И. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация: учеб. пособие. – 2-е изд. / В.И. Тхорик, Н.Ю. Фанян. – М.: ГИС, 2006. – 260 с.
31. Фирсова, Н.М. О национальных характерах испаноязычных и англоязычных народов в сопоставительном плане / Н.М. Фирсова // Филологические науки. – 2004. – № 2. – С. 51–58.
32. Хорнби А.С. Толковый словарь современного английского языка для продвинутого этапа / А.С. Хорнби / Специальное издание для СССР. В 2 т. Т. 1: A–L. – М.: «Русский язык»; Oxford: Oxford University Press, 1982. – 509 с.
33. Хэллоуэл, Дж. Х. Демократия как искусство компромисса [Электронный ресурс] / Дж. Х. Хэллоуэл – Режим доступа: <http://www.rels.obninsk.com>.
34. Черникова, С.М. Социальный компромисс в системе стабилизации общества: дис. ... канд. филос. наук / С.М. Черникова. – Волгоград, 2003. – 165 с.
35. Читахова, Л.Л. Трилог как форма общения коммуникантов в современном французском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.Л. Читахова. – Москва, 2001. – 24 с.
36. Шкатова, Л.А. Речеповеденческие стратегии и тактики в конфликтных ситуациях / Л.А. Шкатова // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. – Екатеринбург: Изд-во Екат. ун-та, 2003. – С. 397–410.
37. Clavell, J. Noble House / J. Clavell. – New York: DELL BOOK, 1981. – 1370 p.
38. Findlay, M.S. Language and communication: a cross-cultural encyclopedia / Michael Shaw Findlay. – Santa Barbara: ABC-CLIO, 1998. – 229 p.
39. Zuo, Biao Lines and Circles, West and East / Biao Zuo // English Today 67, vol. 17. – 2001. – № 3 (July 2001). – P. 3–8.

СТАНОВЛЕНИЕ СТРОЙИНДУСТРИИ КАК ОТРАСЛИ ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РСФСР В 1965–1970-е гг.

Н.М. Платонова

Платонова Нонна Михайловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Дальневосточного государственного университета путей сообщения.

Контактный адрес: nonnaplaton@mail.ru

Для дальневосточной стройиндустрии указанного хронологического периода были характерны как динамичное развитие, так и противоречия экономической направленности. В условиях хозяйственной реформы второй половины 1960-х гг. остро встала необходимость создания собственной базы стройиндустрии на востоке страны, формирование которой затруднялось удалённостью региона от центра, перебоями в финансовом и материальном обеспечении отрасли.

Ключевые слова: строительство, промышленность строительных материалов, стройиндустрия, капиталовложения, реконструкция, материально-технические ресурсы.

При советской системе управления народным хозяйством наличие базы строительной индустрии было одним из главных факторов развития производительных сил. В связи с этим ЦК КПСС, советское правительство и местное руководство всех уровней власти уделяли особое внимание решению проблем, связанных с созданием базы индустрии строительных материалов на востоке страны, где со второй половины 1960-х гг. началось активное промышленное строительство¹, и возникла необходимость обеспечения индустриальных объектов стройматериалами (цент, железобетонные конструкции и блоки, кирпич, известь, стекло) (таблица).

Однако в этот период, в производстве важных строительных материалов регион занимал последнее место среди восточных районов [34: с. 39].

В структуре промышленного комплекса Дальнего Востока отрасль составляла 6,2 %. Особенно она была развита в Хабаровском и Приморском краях, а также в Амурской области.

В условиях новой хозяйственной реформы начался процесс перехода от территориального к отраслевому принципу управления промышленностью. В соответствии с решением сентябрьского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС и законом, принятым шестой сессией Верховного Совета СССР, было образовано союзно-республиканское Министерство промышленности строительных материалов СССР. Оно осуществляло руководство промышленностью, занималось ком-

плексным планированием её развития, а также технической политикой и материально-техническим снабжением [34: с. 27]. Окончательно этот процесс завершился, когда Постановление Совета Министров РСФСР № 385 от 24 июня 1969 г. утвердило Положение о Министерстве промышленности строительных материалов РСФСР. В его ведении находились стекольная промышленность, производство строительной керамики, стеновых материалов, тепло- и звукоизоляционных материалов и изделий, строительных материалов и изделий из полимерного сырья, строительных материалов из природного камня и производство сантехнического оборудования [54: л. 19].

В соответствии с Постановлением Совета Министров СССР от 31 декабря 1965 г. на Дальнем Востоке краевые и областные исполкомы начали формировать управления промышленности строительных материалов. Например, в состав хабаровского Управления входили: объединение по производству кирпича (восемь кирпичных заводов), один известковый завод – Лондоковский, трест промышленной реконструкции и проектно-конструкторское бюро механизации [21: л. 128]. В 1967 г. краевая отрасль уже была представлена пятнадцатью кирпичными заводами; девятью карьерами по добыче балласта, песка, глины и камня, а также Теплоозёрским цементным заводом² и двумя известковыми заводами – Лондоковским и Кимканским [3: л. 108; 58: с. 67].

¹ Строительство – отрасль материального производства по созданию основных фондов, соответственно стройиндустрия – сеть организаций и предприятий по производству строительных материалов [33: с. 98].

² Теплоозёрский цементный завод вступил в строй в сентябре 1949 г. и подчинялся «Главвостокцемент» Министерства промышленности и стройматериалов СССР. С июня 1957 по 1965 гг. – управлению промстройматериалов СНХ Хабаровского экономического района (ГАЕАО. Ф. 124. Оп. 1. Л. 2).

Таблица

**Удельный вес восточных районов в производстве важных
строительных материалов в 1965 г.**

Район	Удельный вес в общем объё- ме строитель- но-монтажных работ по СССР, %	Удельный вес в общесоюзном производстве, %						
		Цемент	Стекло оконное	Сборный железобе- тон	Керамиче- ские санитар- но-техниче- ские изделия	Шифер	Мягкая кровля	Строи- тельный кирпич
Восточный, всего	39,6	36,0	30,3	28,5	11,3	35,8	9,4	28,7
В том числе: Уральский	7,4	11,7	4,2	6,8	7,3	7,8	0	6,2
Западно- Сибирский	6,5	5,2	4,0	4,8	0	4,7	3	5,9
Восточно- Сибирский	5,7	3,9	6,8	3	4	6,3	0,4	2,7
Дальневосточный	4,3	2,5	2,9	2,2	0	2,6	4,9	1,9

Объём валовой продукции этих предприятий составил 9,6 млн. руб., а общее число рабочих достигло 3429 человек [15: л. 85; 28: л. 79-80]. В Приморском крае с 1965 по 1967 гг. в составе Управления действовали десять предприятий и краевая лаборатория промстройматериалов [5: л. 1]. На Сахалине за период с 1966 по 1970 гг. были созданы строительно-монтажные тресты, управление «Сахалинремстрой» и ряд специализированных управлений [42: л. 8].

Отраслевая специализация означала интеграцию строительных предприятий и производство стройматериалов, организационно соединённых в единую систему управления. Однако нередко на местах процесс её формирования затягивался. Так, на Камчатке для выполнения программы капстроительства, хотя и было создано два строительных треста и двенадцать специализированных управлений, выполнявших 97 % всего объёма строительства, но промышленности стройматериалов как самостоятельной отрасли народного хозяйства не было. Это вызывало серьёзные затруднения в деятельности местных строительных организаций. К 1967 г. на территории Камчатской области производство кирпича и извести осуществляли предприятия Министерства топливной промышленности и Министерства бытового обслуживания РСФСР, что совершенно не соответствовало их профилю. Поэтому финансовые средства на реконструкцию или строительство промышленных объектов отрасли они не предусматривали. Имевшиеся три небольших сезонных кирпичных завода удовлет-

воряли потребность в кирпиче лишь на 1 %. Необходимость в извести 100 % покрывалась за счёт завоза. В результате область регулярно испытывала острый недостаток в стройматериалах. Общая потребность только в наличии кирпича ежегодно составляла 32 млн. штук. Удовлетворить её за счёт поставки с предприятий Приморского и Хабаровского краёв при наличии дефицита у них стройматериалов, а также нехватки морского тоннажа было практически невозможно. В результате усиливалась зависимость области от ввоза стройматериалов, и увеличивались издержки на их транспортировку из других районов страны. В частности, на Камчатку завозили цемент, известь, кирпич, краску. Как правило, дальние перевозки приводили к значительным потерям материалов, их порче и резкому удорожанию, а перевозка извести для судов и экипажей дополнительно была сопряжена с определённым риском. Только в 1966 г. фактическая стоимость транспортировки стройматериалов с материка на Камчатку составила около 4,4 млн. руб. К 1970 г. она достигла более 8 млн. руб. На основании Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 638 «О мерах по дальнейшему развитию производительных сил Дальневосточного экономического района и Читинской области» от 8 июля 1967 г. и постановления исполкома от 28 июля 1967 г. министерства настоятельно просили Совет Министров РСФСР освободить их от несвойственных функций и согласиться с организацией Управления стройматериалов с подчинением облисполкому и Министерству промстройматериалов РСФСР [6; 7: л. 1, 4, 11].

Одновременно в контексте экономической реформы осуществлялась ведомственная передача ряда промышленных предприятий Дальнего Востока. Так, на основании Постановления Совета Министров РСФСР № 83 «О передаче предприятий и организаций Министерству промышленности строительных материалов РСФСР и управлениям промышленности строительных материалов Советам Министров автономных республик, краевых исполнительных комитетов и областных исполнительных комитетов» от 22 января 1966 г. Корфовский каменный и песчано-гравийный карьеры в Хабаровске вошли в состав Министерства промстройматериалов РСФСР; Хабаровское производственное объединение предприятий по производству кирпича, Лондоковский известковый, Комсомольский, Вяземский, Ургальский кирпичные заводы и Хабаровский силикатный завод – Управления промышленности строительных материалов Хабаровского крайисполкома; Благовещенский завод силикатных стеновых материалов, Бочкарёвский, Благовещенский и Райчихинский кирпичные заводы – Управления промышленности строительных материалов Амурского облисполкома [21: л. 114, 124, 128–129].

По вопросам рентабельности производства и целесообразности выпускаемой продукции, передаваемых индустриальных объектов, между центральными и местными органами власти стали возникать разногласия. К примеру, решением Хабаровского крайисполкома от 15 января 1966 г. Хорский, Звеньевский и Октябрьский кирпичные заводы должны были перейти из подчинения местной и топливной промышленности в ведение Управления промышленности стройматериалов. Однако Министерство стройматериалов РСФСР было согласно принять на свой баланс только Хорский завод, категорически возражая против передачи ему Звеньевского и Октябрьского кирпичных заводов. По мнению министерства они представляли собой предприятия сезонного действия, находились в крайне запущенном экономическом состоянии и являлись убыточными, поэтому их финансирование представлялось бесперспективным. Министерство было убеждено, что с увеличением выпуска стеновых материалов на предприятиях хабаровского Управления, производство кирпича будет ежегодно уменьшаться, и в дальнейшем заводы необходимо будет закрыть. При этом Москва стремилась избавиться не только от нерентабельных предприятий, но и финансовых затрат на развитие социальной инфраструктуры дальне-

восточной отрасли. Началась переписка между С.Б. Никоновым, заместителем министра промстройматериалов РСФСР и А.К. Чёрным, председателем Хабаровского крайисполкома. Длительное время Москва не соглашалась с решением последнего и требовала пересмотреть его, оставив заводы в подчинении местной промышленности. В свою очередь местное руководство продолжало настаивать на их передаче. После того, как 12 июня 1966 г. крайисполком сообщил, что в Управлениях местной и топливной промышленности отсутствуют специалисты, которые могут квалифицированно руководить деятельностью указанных кирпичных заводов, они всё-таки были переданы Управлению промышленности стройматериалов [15: л. 57, 59].

В условиях стратегической программы ускоренного развития восточных территорий государство выделяло краям и областям Дальнего Востока значительные капиталовложения. Если в целом за 1976–1980 гг. капиталовложения в народное хозяйство РСФСР возросли по сравнению с 1971–1975 гг. на 32 %, а в эксплуатацию было введено около 700 крупных промышленных предприятий, цехов и производств, то на Дальнем Востоке с 1965 по 1985 гг. было построено и реконструировано более 100 предприятий по производству стройматериалов. Только с 1971 по 1982 гг. на экономическое и социальное развитие в регион было направлено 64 млрд руб. В Хабаровском крае производственные фонды увеличились в 7,7 раза, в Приморье – в 5,2 раза, что позволило увеличить выпуск цемента и сборного железа [10: л. 1; 33: с. 102].

К 1976 г. в Приморском крае государственные капиталовложения на строительство и техническое оснащение отраслей народного хозяйства превысили 4 млрд. руб., что было на 40 % больше, чем в 1966–1970 гг. В эксплуатацию были введены 150 новых промышленных предприятий и цехов [48: л. 15, 20]. С 1981 по 1985 гг. в развитие народного хозяйства края было вложено уже 5,83 млрд. руб., что на 8,8 % больше, чем за 1976 – 1980 гг. В капитальном строительстве было введено основных фондов на сумму 6,11 млрд. руб., в том числе завод железобетонных изделий (ЖБИ)-50 в Находке [13: л. 13].

В письме председателя Камчатского облисполкома в Совет Министров РСФСР от 30 июня 1967 г. также отмечались тенденции и перспективы экономического развития народнохозяйственного комплекса области. Так, за период с 1958 по 1965 гг. государство направило в регион более 685 млн. руб., с 1966 по 1970 гг. –

1400 млн. руб., а до 1980 г. планировалось увеличить сумму до 2500 млн. руб. Если в 1967 г. объёмы в капитальном строительстве составляли 159 млн. руб., то в 1970 г. они достигли 303,3 млн. руб. За период с 1981 по 1985 гг. в области был освоен 1 млрд. 522 млн. руб. госкапвложений, за счёт которых было введено в действие основных фондов на сумму 1 млрд. 451 млн. руб. [7: л. 3, 11; 13: л. 71].

В Магадане общие капиталовложения в развитие промышленности стройматериалов и стройиндустрии за 1966–1970 гг. достигли около 60 млн. руб. К 1968 г. производство стройматериалов увеличилось на 6 % [40: л. 31, 36].

На Сахалине для строительства и реконструкции объектов отрасли с 1966 по 1970 гг. было израсходовано около 24,6 млн. руб., ежегодно увеличивались объёмы работ проектных организаций и улучшалось качество технической документации. За 1966–1968 гг. сверх план был освоен 21 млн. руб. капиталовложений, введено основных фондов на 699,4 млн. руб. против 584,3 млн. руб. за 1963–1965 гг. Основные производственные фонды в промышленности возросли на 29 %. Только за один день 1967 г. на Сахалине производилось 260 т цемента [37: л. 47; 42: л. 8].

В Амурской области, ещё в период с 1959 по 1965 гг., объём капитальных вложений увеличился на 141 %. Из них свыше 60 % были направлены на строительные работы, что увеличивало потребности в строительных материалах. К 1965 г. отмечалась положительная динамика в развитии отрасли. Так, общая мощность предприятий по производству сборного железобетона достигла 86 тыс. м³; объём производства железобетонных изделий – около 72,2 тыс. м³. Однако удельный вес стройиндустрии в валовой продукции всей промышленности Амурской области был незначительным и составлял примерно 3,64 %. В итоге не удалось наладить производство цемента, шифера, мягкой кровли, а потребность в промышленных железобетонных конструкциях удовлетворялась лишь на 40–45 %. Уровень развития отрасли не в полной мере удовлетворял и обеспечивал потребности строительства и индустриализацию строительного монтажа работ [2: с. 63–64].

Положение в стройиндустрии РСФСР второй половины 1960-х – начала 1970-х гг. свидетельствовало о наличии ряда противоречий, многие из которых были присущи и для Дальнего Востока. Так, между объёмами централизованных капиталовложений и мощностями стройорганизаций существовало значительное несоот-

ветствие, а порой и разрыв. Только по этой причине в 1966 г. план капитальных вложений по промышленности строительных материалов в РСФСР был выполнен на 83 %, в том числе строительно-монтажных работ – на 92 %. По сравнению с 1965 г. выполнение объёмов капиталовложений снизилось на 14 %, в том числе по строительно-монтажным работам – на 12 %³.

В частности, на Камчатке за период с 1966 по 1969 гг. производительность труда в промышленности возросла на 2,7 %, строительстве – на 12,2 %, за счёт чего производство промышленной продукции увеличилось на 10,9 млн. руб., а объём строительно-монтажных работ – на 7,8 млн. руб. В народном хозяйстве области за это время основные промышленно-производственные фонды возросли на 21 %, энергооборуженность труда – на 23 %, что способствовало увеличению промышленного производства на 10,7 % и объёмов строительно-монтажных работ – на 50 %. В то же время темпы роста производительности труда в промышленности и строительстве стали значительно замедляться. Одна из причин заключалась в том, что уровень механизации производственных процессов в строительстве был низким и составлял всего 25–30 %. Среднегодовой прирост производительности труда по промышленным предприятиям снизился с 2,6 % в 1963 – 1965 гг., до 0,9 % в 1966 – 1968 гг., а в строительстве соответственно с 11,4 % до 3,9 %. В итоге 1,7 млн. руб. строительно-монтажных работ остались неосвоенными [39: л. 17–19].

Следует отметить, что на Камчатке освоение выделяемых капиталовложений также сдерживало отсутствие организованного производства местных стройматериалов. Практически каждая строительная организация в области вынуждена была самостоятельно заниматься производством стройматериалов и деталей для своих внутренних нужд. Например, для выполнения работ они ежегодно производили добычу вулканического пепла, гравия, щебня и песка в объёме до 1 млн. м³. При чём разработка нерудных ископаемых в ряде случаев проводилась неквалифицированно, а занятые механизмы и техника использовались нерационально [7: л. 1, 3, 4, 10–12].

³ Постановление Совета Министров № 920 «О ходе строительства и мерах по обеспечению ввода в действие мощностей на предприятиях промышленности строительных материалов» от 16 ноября 1966 г. [22: л. 84].

В последствии даже значительное увеличение капиталовложений почти не оказывало влияния на развитие камчатской стройиндустрии.

В Еврейской автономной области (ЕАО) выполнение плана капиталовложений за 1966 г. составило 93,2 %. В 1970 г. из-за слабой мощности ряд стройорганизаций принял к выполнению и освоил лишь 13 млн. руб. (48 %) из заявленных заказчиками 29 млн. руб. капиталовложений. Ежегодно увеличивались объёмы незавершённого строительства, которые на конец 1969 г. составляли 13 млн. руб., что было в 2,5 раза больше, чем в 1965 г. Основная проблема заключалась в том, что вопросы расширения сферы стройиндустрии решались крайне медленными темпами. Это сдерживало наращивание мощностей строительно-монтажных организаций, которые не могли обеспечивать темпы развития ряда предприятий ЕАО [38: л. 15; 45: л. 146].

Аналогичная ситуация наблюдалась и на Сахалине. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по ускорению развития производительных сил Сахалинской области» от 3 сентября 1964 г. выполнялось с большими затруднениями, так как объёмы капиталовложений не всегда были увязаны с финансовыми и материальными ресурсами, что приводило к распылению средств по многим объектам. Нередко сроки ввода в действие производственных мощностей и других объектов устанавливались без учёта норм продолжительности строительства. В результате этого формировался большой объём незавершённого строительства, а эффективность капиталовложений снижалась. Так, за период с 1966 по 1969 гг. объём незавершённого строительства по объединению «Сахалиннефть» увеличился на 14,1 млн. руб., по комбинату «Сахалинуголь» – на 6,2 млн. руб., по Управлению «Сахалинрыбпром» – на 6,2 млн. руб. и по объединению «Сахалинбумпром» – на 5 млн. руб. Порой в нарушение установленного порядка или под различными предлогами в план строительства включались объекты, которые не были полностью обеспечены финансированием, проектно-сметной документацией и материально-техническими ресурсами. Освоение объёмов капиталовложений в области сдерживали, во-первых, недостатки в организации строительства: низкая производительность труда, нерациональное использование машин и механизмов, значительные потери рабочего времени. Только в 1968 г. из 77 строительных управлений 21 не справилось с заданием по повышению производительности труда. Во-вторых, нехватка в области основных

строительных материалов. В то же время большинство предприятий стройиндустрии продолжали работать в 1–2 смены, нередко выпускали материалы, особенно столярные изделия, низкого качества с нарушениями стандартов и технических условий. Вопросы опережающего развития базы стройиндустрии и наращивания мощностей предприятий промышленности стройматериалов решались крайне медленно. Со значительными задержками осуществлялось строительство в области завода крупнопанельного домостроения, бетонно-растворного завода, Углезаводского завода железобетонных изделий объединения «Сахалинстрой» и завода железобетонных конструкций треста «Сахалинморстрой». К 1971–1975 гг. положение не улучшилось. По сравнению с 1966–1970 гг. фондоотдача в сахалинской промышленности стройматериалов снизилась на 36,3 %. В январе 1976 г. на пленуме Сахалинского обкома КПСС отмечались недостатки в проектировании, снабжении и финансировании в сфере промстройматериалов, проявление узковедомственных и местнических подходов к решению хозяйственных вопросов. По-прежнему в практике капитального строительства финансовые и материальные средства рассредоточивались одновременно по многочисленным стройкам, что приводило к увеличению сроков строительства и удорожанию стоимости сооружаемых объектов [42: л. 8–11, 25–26; 49: л. 13; 50: л. 11].

По мнению партийного руководства Магаданской области, план строительных работ за 1966–1967 гг. не был выполнен по схожим причинам. Например, «Магадангорстрой» одновременно проводил работы более чем на 200 объектах, при этом средняя численность рабочих на каждом из них составляла 17 человек. Строительные объекты не удавалось обеспечивать местными стройматериалами, а значительный недостаток транспорта нередко приводил к их несвоевременной доставке. Производство силикатного кирпича, которое планировалось наладить на Магаданском кирпичном заводе, не было реализовано, одновременно Хабаровск отказал в его поставке. В результате на объектах началась большие производственные простои [35: л. 10].

Ежегодно актуализировались вопросы качества строительно-монтажных работ. Так, в магаданском объединении стройматериалов только за 1966 г. из-за низкого качества было потеряно 120 тыс. руб., из которых 94 выплачено по рекламациям покупателей и 26 тыс. руб. составили потери от прямого брака. Причиной являлась устаревшая техника и технологии производства,

а также слабая материально-техническая база. В результате наладить выпуск необходимых устройств и деталей для местных предприятий стройиндустрии на механических заводах Магадана было крайне трудно. Немаловажное значение имела текучесть кадров. Только в 1966 г. были приняты 434 человека, а уволились 516. В основном причинами увольнения являлись отсутствие жилья и детских учреждений, низкие заработки и плохие условия труда [36: л. 113, 115–116].

В 1969 и 1970 гг. Государственная контрольная лаборатория провела проверку на ряде предприятий стройиндустрии Магаданской области. В результате были выявлены несоблюдения государственных общероссийских стандартов и выпуск бракованной продукции на заводе железобетонных изделий, где конструкции изготавливали в старых, пришедших в негодность формах. В то же время более года новые, дорогостоящие металлические формы, ржавая, хранились на открытых площадках предприятия. Лишь после проверки в марте 1970 г. они были запущены в производство [43: л. 59].

В рамках программы индустриального развития восточных районов страны обеспеченностьстроек Дальнего Востока машинами и механизмами являлась основной проблемой. Это было связано как с уникальными масштабами и экстремальными условиями строительства, так и с дефицитом трудовых ресурсов в регионе. Именно поэтому производство и труд должны были иметь очень высокий уровень фондовооружённости. Крупные стройки Дальнего Востока при выполнении множества трудоёмких строительных работ, таких как, например, вскрытие грунта, карьерная добыча песка и гравия, монтаж бетонных, железобетонных и металлических конструкций, бетонирование и многое другое, крайне нуждались в применении техники, исключавшей использование ручного труда. Однако его доля в промышленности стройматериалов оставалась высокой. Если в 1970 г. в строительстве Сахалинской области 60 % рабочих были заняты ручным трудом, то через 11 лет снижение составило 1 % и в 1981 г. достигло 59 % [44: л. 10; 52: л. 24]. К 1975 г. из общего числа рабочих, занятых в народном хозяйстве Камчатки, в строительстве 68 % работ выполнялось вручную. В 1980-е гг. на комбинате «Камчатстройматериалы» ручной труд составлял 60 % [46: л. 18; 51: л. 126]. В течение 1970–1980-х гг. оснащённость ряда строительных организаций необходимой техникой оставалась ниже нормативов Госстроя СССР для соответствующего

объёма, выполняемых ими работ. При этом не все нормативы были разработаны с учётом специфических условий восточных районов [1: с. 45].

Нередко на практике дальневосточные хозяйственные руководители предприятий по выпуску стройматериалов, получая дополнительное финансирование, одновременно вынуждены были брать и дополнительные производственные задания. Так, на основании Постановления № 417 Совета Министров СССР от 10 мая 1966 г. Хабаровскому управлению промышленности стройматериалов были выделены дополнительно капиталовложения в сумме 105 тыс. руб., в том числе Лондоковскому известковому заводу – 55; Комсомольскому кирпичному заводу – 50. В свою очередь, Москва установила этим предприятиям дополнительные задания по выпуску 4 млн. штук кирпича и выполнение работ, связанных с расширением и восстановлением сушильного хозяйства в 1966 г. на 6 млн. штук кирпича, а в 1967 г. – на 18 млн. штук. Однако указанных средств было недостаточно. Для того чтобы выполнить решение правительства Хабаровский крайисполком – за счёт краевого фонда развития местной промышленности – выделил на реконструкцию Комсомольского кирпичного завода ещё 100 тыс. руб. Сложнее ситуация складывалась на Лондоковском известковом заводе, где реконструкция производства затягивались, а значит, средства оставались неосвоенными. В результате, несмотря на действия, предпринимаемые крайисполкомом, предприятиям не только не удалось дополнительно выпустить 4 млн. штук кирпича, но к основному государственному плану они не добавили 10,9 млн. штук кирпича. Показатели программы ускоренного развития стройиндустрии 1966–1967 гг. были сорваны. Основные причины заключались в том, что техническое состояние промышленных зданий и технологическое оборудование Лондоковского, а также Комсомольского, Ургальского, Вяземского и многих других заводов было устаревшим и не соответствовало научно-техническому уровню того времени. Уровень механизации труда и производственных процессов оставались на крайне низком уровне, также предприятия испытывали постоянный недостаток рабочей силы [16: л. 18–19].

Анализ архивных материалов свидетельствует, что, несмотря на вышеперечисленные проблемы, возникавшие в развитии отрасли стройиндустрии Дальнего Востока, Москва продолжала увеличивать плановые показатели и объёмы производства. Так, 18 марта 1970 г. Совет Министров РСФСР установил задание на 1971–1975 гг. для

ввода в действие мощностей по производству строительной извести и щебня на Лондоковском известковом заводе. В утверждённом проекте, реконструкция завода, который был построен ещё в 1930 г., фактически сводилась к строительству нового предприятия и создания более обширной санитарной зоны. Только для её устройства строителям необходимо было произвести снос существовавшего жилого фонда и культурно-бытовых объектов на сумму 2,5 млн. руб. При этом в задании не было предусмотрено самое важное – увеличение мощностей по выработке извести. По этому поводу уже 27 апреля 1970 г. Председатель Хабаровского крайисполкома А.К. Черный написал письмо в Совет Министров РСФСР, в котором отмечал: «Поскольку объём дополнительной потребности извести в крае составляет 140 тыс. т, то необходимым и целесообразным является не реконструкция Лондоковского завода, а строительство Вяземского известкового завода на базе уже разведанных и утвержденных запасов известняка». К этому времени хабаровский институт «Промпроект» разработал технико-экономическое обоснование целесообразности строительства завода, которое находилось на рассмотрении в Министерстве промстройматериалов РСФСР. Крайисполком просил предусмотреть в пятилетнем плане на 1971–1975 гг. строительство Вяземского известкового завода и не увеличивать имеющиеся мощности по производству извести Лондоковскому заводу. Просьба была удовлетворена, но лишь частично [25: л. 51–52, 55–56].

В Приморье проблема разрыва между объёмами финансирования и мощностями стройорганизаций обострилась в конце 1970-х гг. Поэтому местное руководство планировало укреплять и расширять производственную базу стройиндустрии за счёт строительства новых предприятий [4: л. 66–67].

Недостаточная мощность строительных организаций и низкие темпы развития промышленности строительных материалов свидетельствовали о том, что Дальний Восток РСФСР нуждался в создании и усилении собственной строительной базы. Следует отметить, что большую помощь в наращивании мощностей стройиндустрии региону оказывал Н.В. Голдин, министр строительства предприятий тяжёлой промышленности СССР. Анализ архивных данных свидетельствует о регулярной переписке между Н.В. Голдиным, А.П. Шитиковым, секретарём Хабаровского крайкома КПСС и А.К. Чёрным, председателем Хабаровского крайисполкома. В этом направлении последнему удалось привлечь внимание руководства Госплана СССР и

подключить к работе некоторые отраслевые отделы ЦК КПСС. После выступления А.К. Чёрного на сессии Верховного Совета СССР в 1966 г. было принято специальное решение ЦК КПСС и Совета Министров СССР о разработке в течение 1967–1968 гг. технико-экономического обоснования комплексного развития материально-технической базы строительства на востоке страны [55: с. 295].

Однако спустя четыре года, Госстрой СССР, ряд министерств и ведомств так и не выполнили поручение партии и правительства. Об этом неоднократно сообщалось в информационных письмах Хабаровского крайкома КПСС и крайисполкома, направленных весной 1969 г. в ЦК КПСС и Совет Министров СССР. В них, частности, указывалось, что мощности подведомственных Минтяжстрою СССР строительных организаций не увеличивались. Например, по объединению «Хабаровсккрайстрой» расход сборного железобетона на 1 млн. руб. строительно-монтажных работ и уровень механовооружённости был ниже, чем в среднем по министерству. Поэтому ежегодно объёмы строительно-монтажных работ увеличивались лишь на 6–7 %, в то время как выполнение программы работ, которые были предусмотрены Постановлением № 638, в размере 15 % [9: л. 129–130].

Планом развития народного хозяйства на 1970 г. в Хабаровском крае объём строительства был увеличен по отношению к фактическому выполнению 1969 г. примерно на 130 %. Однако мощности стройиндустрии оставались прежними. Развитие промышленности строительных материалов отставало от общего темпа развития народного хозяйства Хабаровского края и не могло удовлетворить потребности строительных организаций в местных стройматериалах [18: л. 8–9].

Капстроительство на Сахалине в значительной мере сдерживало отставание в развитии базы стройиндустрии. С целью улучшения организации производства местных строительных материалов, увеличения их выпуска и более оперативного решения ряда хозяйственно-финансовых вопросов в подведомственных производственных комбинатах подсобных предприятий Управления «Сахалинремстрой» и в соответствии с Постановлением № 771 Совета Министров РСФСР от 13 октября 1967 г. на самостоятельном промышленном балансе были организованы заводы в городах Южно-Сахалинск, Долинск и Холмск. К весне 1969 г. в области началось строительство заводов железобетонных конструкций в Южно-Сахалинске, Охе, посёлках Уг-

лезаводск и Стародубск общей мощностью 135 тыс. м³ в год [14: л. 223–224; 41: л. 211].

В мае 1970 г. Совет Министров РСФСР, подводя итоги деятельности предприятий и организаций Министерства промышленности строительных материалов РСФСР за 1969 г., отмечал, что министерство не приняло необходимых мер по улучшению руководства подведомственными предприятиями и организациями, не устранило хозяйственно-финансовые недостатки. Это привело к тому, что в 1969 г. по министерству в целом годовой план производства кирпича, извести, мягкой кровли, стекла и других материалов не был выполнен. По сравнению с 1968 г. выпуск продукции на 1 рубль основных производственных фондов снизился, ухудшилось использование производственных мощностей. Из 65 управлений и трестов промышленности строительных материалов 51 или 78,5 % от их общего количества, не выполнили план 1969 г.⁴

Анализ состояния строительства Магаданской области за 1975–1976 гг. показывает, что выделяемые материальные фонды не обеспечивали плановых объёмов работ. Так, по мнению руководителей объединения «Севервостокстрой», которое было представителем Минтяжстроя СССР в области, не хватало строительных машин, механизмов и транспорта, но главной причиной являлось совершенно недостаточное развитие собственной производственной базы. В результате не были освоены средства, выделенные на реконструкцию домостроительного комбината, откладывалась и реконструкция кирпичного завода. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об улучшении организации управления строительством», в котором строительство всех промышленных предприятий, зданий, сооружений, жилых домов, объектов культурно-бытового назначения и развития производственной базы было возложено на территории области на Минтяжстрой СССР, не выполнялось [47: л. 68].

Другое противоречие, сдерживавшее развитие индустрии стройматериалов заключалось в следующем. С одной стороны, она нуждалась в создании материально-технической базы. Об этом постоянно указывалось в разных постановлениях партии и правительства и являлось стра-

тегической задачей. С другой стороны – с конца 1960-х гг. отмечалась тенденция на ограничение финансирования многих дальневосточных предприятий и организаций стройиндустрии. Так, Министерство промышленности строительных материалов СССР уменьшило государственные капиталовложения на строительно-монтажные работы по Хабаровскому краю с 725 тыс. руб. в 1968 г. до 450 тыс. руб. в 1969 г. Соответственно Министерство стройматериалов РСФСР – с 2765 тыс. руб. до 905 тыс. руб. В ноябре 1970 г. Совет Министров РСФСР вообще уменьшил план финансирования капитальных вложений Хабаровскому крайисполкому на 1 млн. руб. [26: л. 116].

Аналогичная ситуация складывалась в объединении «Сахалинстрой», где мероприятия по развитию собственной производственной базы были утверждены обкомом КПСС и предусматривали в 1969 г. выделение капиталовложений в размере 20,5 млн. руб., в 1970 г. – 21,9 млн. руб. Однако на 1969 г. Минтяжстрой СССР и Главдальстрой выделили 10,4 млн. руб. и то лишь в конце года. Примерно столько же они запланировали на 1970 г., что было почти в 2 раза меньше предусмотренного объёма. При таком положении намеченные планы оказались под угрозой срыва. В течение года Сахалинский обком КПСС направлял свои возражения в Главк и министерство, но безрезультатно. Ни изменений, ни дополнительного финансирования из центра не последовало [42: л. 25–26].

Следует отметить, что нередко снижение финансирования приводило к возникновению сложных производственных ситуаций, так как сокращение размеров строительных смет осуществлялось за счёт уменьшения затрат на приобретение необходимого оборудования, машин или механизмов. В частности, по этой причине в 1970 г. по Хабаровскому краю ряд заданий по вводу в эксплуатацию мощностей и объектов стройиндустрии оказались на грани срыва, и Совет Министров РСФСР вынужден был направить 250 тыс. руб. для решения проблемы [26: л. 168].

Порой противоречия, возникавшие в вопросах своевременного и полного финансового обеспечения, приводили к тому, что начало реконструкции предприятий затягивалось. Так, в апреле 1969 г. Госплан РСФСР сообщил Совету Министров СССР и РСФСР, а также в ЦК КПСС, что выполнение в срок задания по вводу в действие мощности на Спасском цементном заводе Приморского края Министерством промстройматериалов СССР вызывает сомнение. Начало реконструкции завода министерство наметило в 1970 г, тогда как в соответствии с Постановлением № 638 к 1972 г. на нём уже необходимо было

⁴ Постановление Совета Министров РСФСР № 311 «Об итогах хозяйственно-финансовой деятельности предприятий и организаций министерства промышленности строительных материалов РСФСР за 1969 г.» от 15 мая 1970 г. ГАХК. Ф. Р–137. Оп. 25. Д. 307. Л. 158.

вести мощности по производству цемента в объёме 1100 тыс. тонн в год [8: л. 17].

В целях увеличения производства кирпича и других местных строительных материалов в январе 1970 г. Совет Министров РСФСР постановил централизовать капиталовложения в размере 0,5 % общего объёма капиталовложений. Хабаровскому краю планировалось выделить 410 тыс. руб. Согласно п. 8 Постановления Совета Министров РСФСР № 61 «Об использовании в 1970 г. капитальных вложений на развитие производства кирпича и других местных строительных материалов» от 23 января 1970 г. крайисполком должен был сообщить Госплану РСФСР и ЦСУ РСФСР о получении этой суммы. Однако 18 марта 1970 г. Управление промышленности строительных материалов и Хабаровский крайплан информировали крайисполком о том, что «...никаких финансовых поступлений из Москвы не было, поэтому сообщать в Госплан и ЦСУ нечего» [24: л. 133, 137, 147].

Таким образом, становление стройиндустрии дальневосточного промышленного комплекса указанного хронологического периода осуществлялось в рамках программы ускоренного развития восточных территорий. Для её реализации главным направлением было создание региональной базы промышленности строительных материалов. В 1965–1975 гг. активизировался процесс реконструкции и модернизации ряда предприятий, сооружались новые фабрики и заводы по выпуску строительных материалов. Тем не менее возникавшие экономические трудности и диспропорции крайне затрудняли его. Усиливались тенденции, связанные с ростом несоответствия планируемых объёмов капиталовложений и реальных мощностей стройорганизаций. С конца 1970-х по 1985 гг. отрасль остро нуждалась в глубокой технической реорганизации, но ограничение централизованного финансирования, удалённость региона от центра стали основными факторами, сдерживавшими динамику её дальнейшего развития на Дальнем Востоке РСФСР.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Алимов, Ю.П. Анализ эффективности размещения производительных сил Сибири и Дальнего Востока / Ю.П. Алимов, В.П. Жохов. – М.: Финансы, 1979. – 80 с.
2. Горелов, А.Г. Состояние промышленности строительных материалов Амурской области и пути её улучшения / А.Г. Горелов // Вопросы экономики Дальнего Востока. Тезисы докладов на годичной сессии Дальневосточного филиала СО АН СССР. – Владивосток, 1966. – С. 63–64.
3. Государственный архив Еврейской Автономной области (ГАЕАО). – Ф. 75. – Оп. 1. – Д. 1070. – Л. 108.
4. Государственный архив Приморского края (ГАПК). – Ф. П-68. – Оп. 55. – Д. 232. – Л. 66–67.

5. ГАПК. – Ф. Р-540. – Оп. 9. – Д. 423. – Л. 1.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. А-259. – Оп. 45. – Д. 6336. – Л. 4, 11.
7. ГАРФ. – Ф. А-259. – Оп. 45. – Д. 6336. – Л. 1, 3, 4, 10–12.
8. ГАРФ. – Ф. А-259. – Оп. 45. – Д. 7986. – Л. 17.
9. ГАРФ. – Ф. А-259. – Оп. 45. – Д. 7987. – Л. 129–130.
10. ГАРФ. – Ф. А-259. – Оп. 48. – Д. 348. – Л. 1.
11. ГАРФ. – Ф. А-259. – Оп. 48. – Д. 399. – Л. 8–9, 20–22.
12. ГАРФ. – Ф. А-259. – Оп. 48. – Д. 410. – Л. 52.
13. ГАРФ. – Ф. А-262. – Оп. 17. – Д. 3218. – Л. 13, 71.
14. Государственный архив Сахалинской области (ГАСО). – Ф. 53. – Оп. 25. – Д. 3636. – Л. 223–224.
15. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). – Ф. Р-137. – Оп. 14. – Д. 1769. – Л. 57, 59, 85, 102–104.
16. ГАХК. – Ф. Р-137. – Оп. 14. – Д. 1936. – Л. 18–19, 157.
17. ГАХК. – Ф. Р-137. – Оп. 14. – Д. 2094. – Л. 37.
18. ГАХК. – Ф. Р-137. – Оп. 14. – Д. 2245. – Л. 9.
19. ГАХК. – Ф. Р-137. – Оп. 14. – Д. 2251. – Л. 20, 22–23.
20. ГАХК. – Ф. Р-137. – Оп. 25. – Д. 235. – Л. 346.
21. ГАХК. – Ф. Р-137. – Оп. 25. – Д. 251. – Л. 114, 124, 128, 129.
22. ГАХК. – Ф. Р-137. – Оп. 25. – Д. 255. – Л. 84–85.
23. ГАХК. – Ф. Р-137. – Оп. 25. – Д. 294. – Л. 169.
24. ГАХК. – Ф. Р-137. – Оп. 25. – Д. 306. – Л. 133, 137, 147.
25. ГАХК. – Ф. Р-137. – Оп. 25. – Д. 310. – Л. 51–52, 55–56.
26. ГАХК. – Ф. Р-137. – Оп. 25. – Д. 311. – Л. 116, 168.
27. ГАХК. – Ф. Р-137. – Оп. 25. – Д. 319. – Л. 272–273.
28. ГАХК. – Ф. Р-353. – Оп. 10. – Д. 348. – Л. 79–80.
29. ГАХК. – Ф. Р-1036. – Оп. 3. – Д. 394. – Л. 24.
30. ГАХК. – Ф. Р-1036. – Оп. 3. – Д. 406. – Л. 225–226.
31. ГАХК. – Ф. Р-1036. – Оп. 3. – Д. 430. – Л. 40–41.
32. Морозов, П.Л. Хабаровск: история, современность, перспективы / П.Л. Морозов. – Хабаровск, 1988. – 240 с.
33. Нестеренко, А.Д. Экономика российского Дальнего Востока в XX столетии / А.Д. Нестеренко, М.М. Кулеш. – Владивосток, 2002. – 116 с.
34. Промышленность строительных материалов СССР / под ред. А.С. Болдырева. – М.: Изд-во литературы по строительству, 1967. – 332 с.
35. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 17. – Оп. 103. – Д. 601. – Л. 10.
36. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 103. – Д. 611. – Л. 113, 115–116.
37. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 103. – Д. 898. – Л. 47.
38. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 103. – Д. 1132. – Л. 15.
39. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 105. – Д. 377. – Л. 17–19.
40. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 105. – Д. 609. – Л. 31, 36.
41. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 105. – Д. 904. – Л. 211.
42. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 105. – Д. 906. – Л. 8–11, 25–26.
43. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 106. – Д. 640. – Л. 59.
44. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 106. – Д. 946. – Л. 10.
45. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 106. – Д. 1166. – Л. 146.
46. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 145. – Д. 424. – Л. 18.
47. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 145. – Д. 683. – Л. 68.
48. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 145. – Д. 919. – Л. 15, 20.
49. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 145. – Д. 1022. – Л. 13.
50. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 145. – Д. 1023. – Л. 11.
51. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 150. – Д. 465. – Л. 126.
52. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 150. – Д. 1118. – Л. 24.
53. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). – Ф. 399. – Оп. 3. – Т. 2. – Д. 718. – Л. 19.
54. Тихоокеанская звезда. – 1985. – 19 января. – № 16.
55. Чёрный, А.К. Остаюсь дальневосточником. Воспоминания / А.К. Чёрный. – Хабаровск, 1998. – 512 с.
56. Шитиков, А.П. Наш орденосный Хабаровский край. Очерк развития народного хозяйства и культуры / А.П. Шитиков. – Хабаровск, 1967. – 240 с.

**«В ОДНОМ СТРОЮ С СОВЕТСКИМ ПОКОЛЕНИЕМ...»:
О ТВОРЧЕСТВЕ МОЛОДЫХ ХАРБИНСКИХ ПОЭТОВ 1940-х годов***

Г.В. Эфендиева

Эфендиева Галина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и мировой художественной культуры Амурского государственного университета (г. Благовещенск).

Контактный адрес: galina.efendiyeva@gmail.com

Статья посвящена истории русской поэзии Харбина 1940-х гг. Для творчества последнего поколения харбинских сочинителей характерно постепенное сближение с лирикой метрополии, с новаторскими поисками советских авторов. Одной из ведущих тем в поэзии русского Китая тех лет становится тема Родины (Н. Вохтин, Е. Влади). Типологические сходжения обнаруживаются в звучании стихов конструктивистов (И. Сельвинского, В. Луговского) и произведений В. Кондратович, лирики комсомольцев и юных активистов-бейтарцев Харбина (Р. Кольберг), поэзии Н. Светлова, Э. Багрицкого и сочинений Н. Завадской.

Ключевые слова: русское зарубежье, литература русского Китая, русская лирика Харбина, метрополия, советская поэзия, патриотические мотивы, типологические связи, литературные влияния.

В начале 1940-х гг. в литературу русского Китая приходит последнее поколение харбинских сочинителей: Елена Влади (1927–1990), Николай Вохтин (1924–1980), Нина Завадская (1928–1943), Алла Кондратович (1925 г.р.), Вера Кондратович (1920–2004) и некоторые другие. К сожалению, о жизни и творчестве большинства этих дальневосточных поэтов нам почти ничего неизвестно: они не успели выпустить в Харбине сборников стихов¹, не написали отдельных книг мемуаров. И хотя многие из этих авторов в середине 1950-х гг. вернулись на Родину и продолжили заниматься литературой, их творчество не стало широко известно публике².

В последние годы существования русского Харбина на долю его жителей выпало немало

трудностей. В 1931 г. Маньчжурия подверглась японской оккупации, а в 1932 г. было образовано отдельное «государство» Маньчжоу-дго. Это привело к серьезным изменениям как в политическом и экономическом устройстве восточной столицы русского зарубежья, так и в ее культурной и литературной жизни. По воспоминаниям очевидицы этих драматических событий Е.П. Таскиной, существенно поменялся и внешний вид города: на зданиях водрузились флаги Ниппон и Маньчжоу-дго, на улицах появились низкорослые, дисциплинированные и уверенные в себе солдаты Квантунской армии, застучали японские деревянные гета, замелькали мужские и женские кимоно [22: с. 23].

От новой власти в первую очередь пострадало китайское население. Но довольно скоро туго пришлось и русским. Было создано специальное Бюро по делам российских эмигрантов (БРЭМ). В результате деятельности этого учреждения, а также ряда действий со стороны японских властей российские эмигранты (кто не успел к тому времени бежать на юг Китая и в Шанхай) оказались «под колпаком». Всем, кто не имел китайского подданства, не разрешалось перемещаться по стране (даже на краткосрочный выезд далее 20 километров требовалась виза департамента полиции). В учебных заведениях было введено обязательное изучение японского языка, ликвидировано несколько политических группировок и периодических изданий (придерживающихся независимых взглядов). Все события подавались теперь только сквозь призму действующей политики. Ужесточилась цензура. После инспирированного японцами

* Статья написана в рамках проекта «Социокультурный контекст художественного наследия дальневосточных писателей-эмигрантов (текстологический и источниковедческий анализ)» при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации (МК–6409.2010.6).

¹ Сборник Н. Завадской «Светлое кольцо» (Харбин, 1944) вышел уже после смерти поэтессы и был подготовлен ее родителями и друзьями [5].

² Так, Елена Влади в конце 1980-х гг. писала: «В Союзе мои стихи нигде не печатались, я никогда не пыталась куда-либо их посылать. Моя поэзия слишком "старомодная" – ностальгическая, религиозно-философская...» [13].

На Родине о литературном творчестве «русских харбинцев» стали писать лишь, начиная с 1990-х гг. Появились отдельные публикации их стихов в газетах и журналах. Некоторым из поэтов удалось выпустить сборники избранных произведений [2; 10; 11].

закрытия «Чураевки» (1934) харбинская молодежь стала собираться вокруг литературно-художественных кружков им. Августейшего поэта К. Р.³, им. Н.С. Гумилева, им. Н.А. Байкова, Н.П. Краснова и др. Но на каждое заседание необходимо было получить разрешение полиции, заранее предоставив весь материал вечера: доклады, стихи, слова песен и т. д. «Рубеж» хотя и продолжал существовать, но из-за экономических проблем его вид стал совсем непрезентабельный [20: с. 118–120].

В то же время в Китае (особенно в годы Второй мировой войны и после победы Красной армии), возросла роль коммунистического движения и активизировалась деятельность советских учреждений (ТАСС), печатных органов («Новая жизнь», «Русское слово», «Советская молодежь»), общественных организаций и клубов. Спустя много лет, вспоминая о жизни в Шанхае 40-х гг., поэтесса Нора Крук (1920 г.р.) писала: «Люди попадали в угрожающие ситуации, люди просто боролись за хлеб насущный, люди жили день ото дня. Клубы и объединения давали им возможность чувствовать себя частью целого. Советский клуб давал всем нам иллюзорное ощущение принадлежности к великой державе. <...> Художники писали картины (часто портреты Сталина), докладчики объясняли экономические проблемы и восхваляли советское сельское хозяйство. <...> Все хвалили советскую науку, советскую технику и моральное превосходство советского человека» [12: с. 25].

Условия изменяющейся политической и идеологической ситуации в Китае 30–40-х гг., а также война России с гитлеровской Германией обострили гражданские и патриотические чувства дальневосточных эмигрантов. Напомним, что именно в те годы Александра Паркау – поэтесса старшего поколения, не принимавшая «безгласного СССР» – подготовила и издала свой патриотический сборник «Родной стране» (1942). А бывший чураевец Владимир Слободчиков написал стихотворение с красноречивым названием «Письмо к Симонову» (1947). «Эпистолярная» форма этого поэтического текста, обращенного к «старшему собрату по перу», напоминает о широко распространенных в советскую эпоху «письмах вождю» (представителям власти, партийным чиновникам) [18]. Выбор адресата тоже

был не случайным. Как вспоминал сам поэт, в Шанхае тех тревожных лет стихи К. Симонова были особенно популярными, а его книжка «С тобой и без тебя» была почти в каждом эмигрантском доме:

Простите, Симонов, что, вас не зная,
В победную, великую пору
Я вам пишу из дальнего Китая
Как старшему собрату по перу.

<...>

Я, может быть, сумею, вставши рядом,
Товарищем среди родных бойцов
Разить врага сметающим снарядом
Из лучшей стали кованых стихов.

Я молод, стоек, кровь во мне густая,
В стихах бурлящая, как на огне.
Через границу древнего Китая
Тепло – по-русски – дайте руку мне.

[17: с. 218].

Довольно характерно, что по итогам 3-го Всеманьчжурского литературно-музыкального конкурса, который проходил в феврале 1944 г., лучшим поэтическим произведением было объявлено стихотворение Николая Заерко «На подвиг»:

Суровое время рождает героев,
Оно призывает и нас:
Исполнить свой долг пред родимой страной –
Уже приближается час!

Пусть мы не герои, но в грозное время
Наполним отвагой сердца,
И каждый пусть примет тяжелое бремя,
Займет свое место бойца.

За Новый порядок, за жизнь без насилий,
Бойца за родимый свой дом,
За новую, русскую нашу Россию
Под стягом трехцветным и русским орлом.

[16: с. 7].

Поощрительные премии получили Елена Даль (за произведение «О новом человеке») и Сергей Пеперек, представивший сочинение «Васильсурск». Вот его небольшой фрагмент:

Не громада петербургская,
Не какой-нибудь Париж
Снится мне, а васильсурская
Левитановская тишь.

<...>

Взять бы чеховские томики,
Книжку Фета прихватить,

³ К. Р. – криптоним поэта Константина Константиновича Романова, великого князя (1858–1915).

В васьилсурском ветхом домике
Хоть полгодака пожить...

<...>

Ах, в Россию бы свободную
Легкой птицей улететь,
И на Волгу многоводную
В Васьилсурске поглядеть [16: с. 7].

Что же касается начинающих сочинителей Харбина, то эти молодые ребята – полные энергии, сил и нуждавшиеся в идейных ориентирах и духовных опорах – уже в середине 1930-х гг. были переполнены жаждой новой жизни и стремлением к переустройству мира. Многие тогда (в том числе и девушки) пробовали себя в качестве авторов политических стихов. Нора Крук признается, что перед тем, как уйти в лирику, она успела написать ряд «революционных» текстов:

Японцы, китайцы, малайцы, проснитесь,
В единые рабочие полки объединитесь,
И пусть взвоется наш красный флаг,
Капиталистов враг!

[12: с. 77].

Позднее эта поэтесса (как и ее ровесники) увлеклась творчеством К. Симонова, П. Антокольского, О. Берггольц, М. Алигер. «...Я влюблялась в отдельные строчки; читала их, как замороженная; помню, как я, – пишет Н. Крук, – читала стихотворение Маргариты Алигер о погибшем на войне любимом: "Я в комнате той, на диване промятом, где пахнет мастикой и кленом сухим, наполненной музыкой и закатом, движениями, шорохом, шумом твоим..." и говорила Лариссе [Андерсен. – Г.Э.]: «Лара, Лара, вслушайся в эту музыку...» Или о другом стихотворении: "Лара, вдумайся в смысл: "Женщина домашними руками вынимает новую деталь..."» [12: с. 26]. Возможно, что именно увлечение Крук лирикой Алигер способствовало появлению у нее таких поэтических строчек, как «Я хочу, чтобы память осталась в ладонях, / чуть шершавая память китайской одежды, / и чтоб запах остался неувядаем / тех пионов, и ландышей, и надежды» [15: с. 274].

Другой пример – стихи Раши Кольберг (1916–1973) [24], которая в начале творческого пути, как активная бейтарка, была переполнена желанием возродить свою страну:

О наших скитаньях писать мы устали,
Устали печалиться и тосковать.
Дайте нам лучше железа и стали,
Чтоб новую жизнь могли мы ковать.

и формировать новый тип еврея – гражданина Израиля:

Молотом фактов – на спину неверия!
Эй ты, сутулая, разогнись!
Мы создадим молодого еврея,
Бодро и смело глядящего ввысь.
(«Песня бейтарцев», 1934) [7: с. 29].

Жизнеутверждающий пафос, боевые, зовущие к действию интонации этих стихотворений, написанных от лица «мы», очень точно перекликаются с агитационной лирикой В. Маяковского и поэзией 1920-х гг. Некоторые поэтические строки Р. Кольберг просто «списаны» с агитстихов и лозунг-плакатов:

Жить – это значит бороться, стремиться,
Жить – это значит кипеть.
Жить – это значит за правду биться,
Знамя нести и петь.

Выше поднимем Бейтара знамя!
Молодость с нами – победа за нами!

<...>

Мы энергичны, прямы и стойки,
Мы – пионеры еврейской стройки!
(«Знамя», 1933) [7: с. 27].

Мы не отступим, мы сила, нас много,
Мы верим в нашу задачу строить!
(«Борцам за еврейскую Палестину», 1934) [7: с. 28].

В годы войны тема Родины в творчестве молодых авторов получает более объемное звучание. Юные поэты (независимо от того, родились ли они в России или в Китае) задаются серьезными и мучительными вопросами, связанными с проблемой самоопределения и поисками своего места в жизни:

Чужая моя! Не дорога, а только обочина.
Куда мою юность уводит твоя колея?
Тяжелою ношей к седлу моему приторочена
чужбина!.. Чужбина... Пустая судьбина моя.

Мне только осталось, что давней довериться
небыли

и, выйдя весной поутру, как развеется мгла, –
дождаться, когда полетят косяком гуси-лебеди,
и слезно молить: «Подымите меня на крыла!»

(В. Кондратович «Чужая моя!», 1940, курсив мой. – Г.Э.) [22: с. 333].

Передумывать мысли одне:
«За что меня жизнь обидела?»
И грустить о своей стране,
Которую я не видела.

Не иметь ни кустов смородины,
Ни берез, *о которых нет*,
И не знать той земли и родины,
За которую умереть!

(Н. Завадская «Мысли», 1942,
курсив мой. – Г.Э.) [22: с. 322].

Настроения харбинской молодежи тех лет
нашли отражение и в некоторых стихах Елены
Влади:

Мы верим рассветного ветра дыханью
И алым тугим парусам,
Смелее, товарищ, для светлых исканий
Плыви по лазурным волнам... [22: с. 34].

Николай Вохтин написал в 1944–1953 гг.
целый цикл стихов о России, в котором высказы-
вается надежда на возвращение и прощение род-
ной страной:

Россия, столикая тайна.
Кто сможет тебя разгадать?
Ты вновь велика и бескрайна
И нас увлекаешь опять.

<...>

Солдаты, крестьяне, поэты
С оружием, серпом и пером
Твоими лучами согреты,
Мы светимся в свете твоём,

<...>

Мы чувствуем, верим и знаем,
Что наше прощенье – в борьбе,
Мы любим, живем, умираем,
Покорные только тебе.
(«Россия, столикая тайна...», 1944) [22: с. 359].

Как страшно жить, когда ты отдан весь
Одной мечте, суровой и манящей,
Когда ты знаешь, что найдешь не здесь
Свой путь единственный и настоящий.

<...>

Когда ты знаешь: *там, и только там*,
Шагая в ногу с нашим быстрым веком,
Ты улыбнешься тающим снегам,
Полям широким и весенним рекам.

Мы там уже... Созданием своим,
Всем существом, всей силой, всем стремленьем
Мы твердо и уверенно стоим
В одном строю с советским поколеньем.

(«Мы там уже...», 1948, курсив мой. – Г.Э.)
[22: с. 363].

У этого поколения харбинских поэтов чув-
ство Родины питалось не столько ощущением
одиночества или заброшенности на чужбине,
сколько своей гражданской невостребованно-
стью и бесполезностью.

Неудивительно, что многих авторов привле-
кали героические страницы истории и выдаю-
щиеся, легендарные личности. Так, в 1945 г. в
Харбине появляются сразу три (хотя и неболь-
шие по объему) поэмы: «Жанна Д'Арк», «Мария-
Антуанетта» Аллы Кондратович и «Поганини»
Веры Кондратович. Этот жанр, как считал
В.Г. Белинский, не допускает прозы, охватывает
только поэтические, идеальные моменты жизни, и
его содержание – глубочайшие мирозерцания и
нравственные вопросы человечества. Напомним,
что в советской литературе в 20–30-е гг. XX в.
поэма со своим романтическим пафосом (жанр,
по традиции считающийся *воспевающим*) была
необыкновенно востребована. По мнению
А.С. Карпова, исследовавшего развитие совет-
ской поэмы в 1917–1941 гг., именно этот жанр
открывает возможность наиболее полного худо-
жественного воссоздания нового состояния мира
[6: с. 117]. Начиная с А. Блока, к поэме обра-
щаются С. Есенин, Б. Пастернак, Н. Асеев,
В. Луговской и др.

Захватывающее ощущение грандиозных пе-
ремен в жизни народа и стремительного измене-
ния лика мира поначалу вызывало у некоторых
советских авторов желание обратиться именно к
привычным, величественно *легендарным образам*.
Так, ранние стихи и поэмы Э. Багрицкого
(«Сказание о море, матросах и Летучем Гол-
ландце», 1922 и др.) своими темами уходили в
старину и книжную романтику. М. Светлов в
знаменитой «Рабфаковке» (1925) напрямую со-
относит героическую судьбу юных строителей
социализма с героинями французской истории:

Наши девушки, ремешком
Подпоясывая шинели,
С песней падали под ножом,
На высоких кострах горели

Так же колокол ровно бил,
Затихая у барабана...
В каждом братстве больших могил
Похоронена наша Жанна. [21: с. 552].

Очевидно, молодые харбинцы, в частности,
самая юная поэтесса русского Китая – Нина За-
вадская – стали активными восприимчивыми со-
ветской лирики 20-х гг. XX в. В предисловии к
сборнику Завадской «Светлое кольцо» говорит-

ся: «...В короткий срок юная поэтесса сумела решительно связать свое творчество с замыслами и атмосферой нашей эпохи, с нашим новым поколением <...>. В стихах и докладах Нины Завадской, может быть, помимо ее одухотворенной воли – откристаллизовались идеи и желания, связанные с нашими общими национальными интересами; ее замыслы открывают просторную дорогу нашей литературной молодежи, служат родному искусству. В ней ожила какая-то мечта, созвучная нашей современности, нам самим, тоскующим о растерянных идеалах» [19: с. 10–11].

Обратимся к творчеству этой поэтессы более детально. Нина Завадская родилась в 1928 г. в семье российского эмигранта, известного в Харбине врача. С ранних лет она серьезно увлекалась музыкой, рисованием, несколькими видами спорта. К десяти годам владела уже пятью иностранными языками, а позднее в лучших традициях просвещенной еврейской семьи начала изучать древнееврейский. Рано заинтересовалась девочка и философией, логикой, литературой. Среди ее поэтических увлечений значатся многие авторы. «Первой моей любовью, – признавалась Н. Завадская, – была Анна Ахматова. Я восторгалась ее лирикой и считаю ее неповторимой. Следующим был Гумилев... Я обожала его. Но Блок, Белый, Маяковский и Есенин также казались мне незыблемыми идеалами. Каждый из них имеет свое особое место в моем сердце... Блока я ставлю вторым после Пушкина в классической русской поэзии, но он холоднее Есенина. Белый вызывает во мне восхищение силой передачи мысли...» [20: с. 122]. Нина обладала исключительной памятью и читала наизусть большие куски из произведений поэтов «серебряного века», русских классиков, Шекспира и др. Любила театр, причем «стремилась не к роли зрителя, а по-настоящему играть, учиться до конца, чувствовать до предела возможного» (М. Талызин). Она была наделена большим подражательным даром (прекрасно копировала всех харбинских артистов, поэтесс и поэтов, подражая в манере чтения, меняя интонацию голоса).

Но главным талантом Н. Завадской был ее поэтический дар. «Она начала писать еще девочкой, – вспоминала в мемуарах Е. Рачинская, – и я прекрасно помню, как заинтересовала меня ее смелая, оригинальная манера читать свои стихи, уверенные интонации, четкая дикция, и вообще какая-то не детская зрелость всего ее юного облика. Она была небольшого роста, довольно полная, с прекрасными, низко спущенными на шею волосами...» [14: с. 196–197]. Свои литера-

турные штудии Н. Завадская воплощала под руководством А. Несмелова и Г. Сатовского – мэтров харбинской литературы. «Я был поражен, – вспоминал Г. Сатовский, – той легкостью, с которой усваивала она, с первых же уроков, классические правила стихосложения, а еще больше, пожалуй, той смелостью, с которой она *отбрасывала их, ища своего пути в области нового, ударного или акцентированного стиха*» (курсив здесь и далее мой. – Г.Э.) [5: с. 198]. Харбинский поэт В. Обухов был поражен еще и тем, что молодую поэтессу «почти не привлекали какие бы то ни было субъективные лирические мотивы. <...> *Романтика, героика прошлого, сильные движения артистических душ* – вот лейтмотив творчества Нины Завадской» [5: с. 211].

Возникновению большинства произведений поэтессы способствовало, по ее собственному признанию, прочное знание литературы и истории. Как говорили современники, она не поддавалась мимолетному впечатлению, когда писала стихи, а внимательно изучала малейшую деталь описываемого события или явления. Нина всегда знала то, о чем писала. Кроме того, она обладала удивительным воображением. Один из ее приятелей говорил, что она и думает, и говорит образами. И приводил следующую историю: «"Смотри, облака луну загрызли", – говорит Нина. Мы сидим поздним летним вечером на берегу Сунгари. И, действительно, такое впечатление от причудливо окруживших луну облаков, будто страшные косматые чудовища хотят поглотить яркий светящийся диск луны...» [5: с. 233]. На эту особенность молодой девушки указывала в своем стихотворении «Памяти Ниночки Завадской» и В. Кондратович:

И редко на свете

Так ярко судьба сочетает

Чудесную юность

И мысли крылатой полет (курсив мой. – Г.Э.) [5: с. 213–214].

Богатая фантазия, художественное воображение, книжная эрудиция, помноженные на недюжинный талант – и у Нины Завадской возникали произведения о легендарном «Летучем Голландце», кельтском барде Оссиане, великом Чайковском, революции 1917 г. и др. Кстати, ее стихотворение, рисующее картину убийства Николая II («Ночь на 17-е июля»), было признано В. Обуховым лучшим из всего, что было написано на эту тему ранее. Приведем его финальную часть:

Первый нажал на курок...
Выстрел. Еще и еще!
В сердце, навывлет, в висок,
В бледность смертельную щек...

Рвется последняя нить!
Кроткий, молящий взор.
«Молишь, так можно добить», –
К полу прижав, в упор!

Жметя к стеклу рассвет,
Лампы тусклее горят...
За ночь не стало... Нет
Больше в России Царя! [5: с. 102–103].

Увлечение историей, искусством, литературой средних веков, эпохи Возрождения, творчеством европейских романтиков и символистов XIX в. сказалось в оригинальности поэтических образов и сравнений. В стихах Завадской «ветер поет стихами *Верлена*» (курсив здесь и далее мой. – Г.Э.), «шляпа, как на картинах *Ватто*». В голове ее лирической героини, счастье которой – читать из томика *Данте* «стихи о загробном мщении», звучит «непрестанно *Шуберта Ave Maria*».

Ее привлекают исключительные и необыкновенные личности: «И мне тогда показалось, / Что ты не такой, как другие» («Ошибка»), «В жизни есть строгий порядок, / а вы им жить не хотели», «Редко бывают такие. / Не как все в этом мире Вы жили, / И умерли не как другие!» («Эпитафия»). Не случайно у поэтессы есть отдельное стихотворение о легендарной Жанне Д'Арк:

Подгоняя коня во всю мочь,
В Орлеан еще до зари
Прискакала крестьянина дочь
– Девушка из Домреми.

<...>

Безумная, или святая?
Но всякий так смерть прими,
Как девушка эта простая,
– Крестьянка из Домреми.
(«Жанна Д'Арк») [5: с. 55].

Среди произведений, пронизанных героико-романтическим пафосом, много стихов на морскую тему: «R 15», «Колония», «Бой», «У моря», «Вахта», «Морская песня». Вот, например, одно из них, графически оформленное узнаваемой лесенкой:

Белый от соли
Толстый канат.

Вымпела мачт.
Горизонт светел.

Морской воле
Широкой рад,
Мчитя вскачь
Резкий ветер.

Вперед к цели,
Без пути назад!
Пену бросать
Не устанет вал.

На каравелле
Королевских армад
Надуваются паруса,
Скрипит штурвал...

[5: с. 53].

В версификационных опытах Н. Завадской (использование дольников, преобладание катренов, эксперименты с неточной, чаще всего женской рифмой, ее деграмматизация) налицо влияние поэтической эпохи А. Блока и В. Маяковского [3: с. 214–267]. К сожалению, безвременная кончина этой поэтессы (в неполные 16 лет от азиатского тифа) не позволила ей оставить значительного литературного наследия. А ведь в ее лице могла, как считали современники, засверкать «звезда первой величины» (М. Талызин).

Открытость мировой художественной культуре и внимание к новым поискам в развитии стиха характеризуют и творчество Веры и Аллы Кондратович. В рецензии на книгу стихов «Лира» (Харбин, 1945) читаем о том, что среди молодых авторов Харбина сестры Кондратович выделяются начитанностью, широтой и разнообразием своих тем. «Отсутствие этой начитанности, исторических тем, упоминаний мировых событий, искусства, поэтов и вообще великих людей других стран, мифологии и т. д., какую-то провинциальную узость, недостаток образования или общего развития при, зачастую, несомненных дарованиях, – часто хочется поставить в упрек большинству из здешних молодых поэтов. Пусть бы они попробовали сравнить свои темы с темами (или упоминаниями, ссылками т. п.) хотя бы лицейского Пушкина» [23: с. 19].

В этой связи интересно обратиться к стихотворению Веры Кондратович «Спутники». Его название отсылает к известной книге критических этюдов о мировых гениях в области литературы Д.С. Мережковского «Вечные спутники» (1897). Как справедливо отметил М. Ермолаев, любой из героев Мережковского – зеркало не

только его собственной души, его самого, но и его современников [4: с. 567]. В этом смысле «список» авторитетных для В. Кондратович личностей представляет большой интерес (несмотря на критическое суждение из процитированной выше рецензии). Рассуждая о духовных опорах человека, она называет имена прославленных и гениальных деятелей музыкальной и литературной культуры прошлого и настоящего – Леонардо да Винчи, Людвиг ван Бетховена, П.И. Чайковского, Ф.И. Шаляпина, а также Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева, Н.С. Гумилева. В финале произведения молодая поэтесса восторженно признается:

Как вы ярки, как вас много
Бесконечно сильных в славе,
Вам даровано от Бога
Незаметно миром править.

Ни века, ни мрак могилы
Не уменьшат, не разрушат,
Не надломят вашей силы,
Вашей власти в наших душах.

[9: с. 15].

Благодарное приятие искусства предшественников и современников проявилось уже в названиях произведений этих харбинских поэтесс: «Седьмой вальс Шопена», «Паганини» (В. Кондратович); «Во власти "Алых парусов" А. Грина», «От Ахматовой – примиренность...», «Над книжкой стихов М. Колосовой» (А. Кондратович). Их читательская и общеэстетическая подготовленность обнаруживается в поэтических *стилизациях*: «Я – Суламифь... / Жаждой моей волнуем, / приди, / горечь развей! // Шею обвив, / знойным прильну поцелуем / к груди / твоей» (В. Кондратович «Песнь Песней»), а также в использовании *сказовых* форм:

Здравствуйте, милая! Что, не ждали?
Боже! Какой невозможный ветер.
Что же вы в среду не забежали?
Мы проиграли в маджан весь вечер.
<...>
Слышали новость? – Развод Шатровых –
Я его даже не осуждаю.
И говорила, даю вам слово,
Месяц назад, что она узнает...
Чаю? – Не надо, ну полстакана.
Сахару – тоже как можно меньше...
Вот как мужчины непостоянны,
А обвиняют, конечно, женщин! [8: с. 1].

Процитированный фрагмент стихотворения В. Кондратович «Мимоходом», а также ряд других ее поэтических этюдов («Альбом», «В кафе», «Почему?») свидетельствуют об осязательном влиянии на эту молодую харбинскую сочинительницу художественных исканий советских поэтов-конструктивистов, в частности И. Сельвинского, В. Луговского, В. Инбер. В ее тексте также в иронической форме представлен колоритный образ харбинской «дамочки», мимоходом, попивая чай, рассуждающей о судьбе близких людей. При этом она желает казаться интеллигентной, но равнодушно высказывает банальности.

В свое время конструктивисты «доводили до логического предела акмеистическое требование ясности, четкости, прорисованности образного рисунка: ахматовскую новеллистичность и гумилевскую балладность они соединяли с очерком <...> небольшие эпизоды разрастались у них в стихотворные рассказы» [1: с. 124]. Конечно, колоритный персонаж конструктивистов не имел столь явного сатирического отсвета, это была попытка ввести в лирику нового героя, со своим мировидением, своей манерой речи. Такой герой, как правило, изображался в процессе разговора, диалога: «Я извиняюсь! / Вашу собачку, породой клеветку, / Я не по личному горю расшиб, мадам» (В. Луговской). Иная социокультурная ситуация и временная дистанция, разделяющая искания харбинской поэтессы от ее «учителей» в метрополии, изменили и идейно-эмоциональную наполненность стихотворения Веры Кондратович.

Генерация харбинских лириков, замкнувшая историю харбинской литературы, открывала для себя широкие горизонты художественного мировидения, сочетая глубокое знание «культурных кодов» русской и зарубежной культуры с новой техникой стиха. Их творчество отмечено любопытными схождениями не только с поэзией трех предшествующих поколений харбинских и парижских авторов, но и с лирикой советских поэтов. Возможно, позднее установка на декламационную и визуальную экспрессивность обнаружилась бы в текстах последних харбинцев намного сильнее, но, к сожалению, история сослагательного наклонения не приемлет. Поступательное развитие русской эмигрантской литературы на Дальнем Востоке было прервано в середине XX в. приходом советских войск и началом массового исхода русских из Китая.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Васильев, И.Е.* Русский поэтический авангард XX века / И.Е. Васильев. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. – 320 с.
2. *Влади, Е.В.* Я хочу красоту подарить: сборник избранных стихотворений / Е.В. Влади. – СПб.: 1992. – 64 с.
3. *Гаспаров, М.Л.* Очерк истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика / М.Л. Гаспаров. – М.: Фортуна Лимитед, 2000. – 352 с.
4. *Ермолаев, М.* Загадки Мережковского / М. Ермолаев // Мережковский, Д.С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М.: Республика, 1995. – С. 561–567.
5. *Завадская, Н.* Светлое кольцо / Н. Завадская. – Харбин: Наука-Русь, 1944. – 276 с.
6. *Карпов А.С.* Русская советская поэма / А.С. Карпов // Карпов, А.С. Избранные труды. Русская литература XX века. Страницы истории. В 2 т. Т. 1. – М.: Изд-во РУДН, 2004. – С. 117–327.
7. *Кольберг, Р.* Свой маленький след / Р. Кольберг. – Израиль: Фонд увековечения памяти Рахель Кольберг (Раши Гальпериной), 1984. – 120 с.
8. *Кондратович, В.* Мимоходом / В. Кондратович // Рубеж. – 1943. – № 10. – С. 1.
9. *Кондратович, В.* Спутники / В. Кондратович // Луч Азии. – 1945. – № 6. – С. 15.
10. *Кондратович-Сидорова, В.Г.* Гвоздики: стихи и поэма / В.Г. Кондратович-Сидорова. – Омск: 1991. – 132 с.
11. *Кондратович-Сидорова, В.Г.* Отпечатки мгновений: стихи / В.Г. Кондратович-Сидорова. – Новосибирск: Новосибирское книжное изд-во, 1989. – 144 с.
12. *Крук, Н.* Нам улыбалась Кван Инь / Н. Крук // Бюллетень Игуд Йоцей Син. – 2003. – № 375. – С. 74–81; № 376. – С. 24–28.
13. Письмо Е.В. Влади В.Ф. Перелешину от 18 января 1988 г. // ОР ИМЛИ РАН. – Кабинет архивных фондов эмигрантской литературы им. И.В. Чиннова. – Ф. 608. – Оп. 2.2. – Ед. хр. 16.
14. *Рачинская, Е.* Калейдоскоп жизни / Е. Рачинская. – Париж: YMCA-PRESS, 1990. – 429 с.
15. Русская поэзия Китая: антология / сост. В.П. Крейд, О.М. Бакич. – М.: Время, 2001. – 720 с.
16. Смотр культурных сил. Итоги 3-го Всеманьчжурского литературно-музыкального конкурса // Рубеж. – 1944. – № 6. – С. 7–8.
17. *Слободчиков, В.А.* О судьбе изгнанников печальной... Харбин. Шанхай / В.А. Слободчиков. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. – 431 с.
18. *Суворовцева, Е.В.* Жанр «письма вождю» в тоталитарную эпоху (1920 – 1950-е гг.) / Е.В. Суворовцева. – М.: АИРО – XXI, 2008. – 186 с.
19. *Талызин, М.А.* Солнечному таланту и неповторимому человеку / М.А. Талызин // Завадская Н. Светлое кольцо. – Харбин: Наука-Русь, 1944. – С. 7–11.
20. *Таскина, Е.П.* Поэты русского Харбина / Е.П. Таскина // Проблемы Дальнего Востока. – 1989. – № 4. – С. 118–126.
21. Три века русской поэзии / сост. Н. Банников. – М.: Просвещение, 1986. – 750 с.
22. Харбин. Ветка русского дерева / сост. Д.Г. Селькина, Е.П. Таскина. – Новосибирск: Новосибирское книжное изд-во, 1991. – 400 с.
23. *Шапиро, М.* Книга девяти поэтов. Сборник стихов «Лира». Харбин, 1945 г. / М. Шапиро // Луч Азии. – 1945. – № 12. – С. 18–19.
24. *Эфендиева, Г.В.* «Мой мир – мозаика стихов» (о поэтическом наследии Рахели Кольберг) / Г.В. Эфендиева // Бюллетень Игуд Йоцей Син. – 2003. – № 376. – С. 56–59.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ВЛАДИВОСТОК В ПРОСТРАНСТВЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ (1922–1941 гг.)

Л.А. Ахмыловская
А.Ю. Барыш

Ахмыловская Лариса Алексеевна – кандидат искусствоведения, профессор кафедры искусствovedения Института архитектуры, искусств и дизайна Дальневосточного государственного технического университета (г. Владивосток).

Барыш Андриана Юрьевна – переводчик, интерн Международной школы японского языка Канрин, участник кросскультурных художественно-образовательных проектов (г. Йокогама).

Контактный адрес: lanaveva@rambler.ru

Статья посвящена анализу деятельности театров Владивостока в период радикальных идеологических преобразований 1922–1941 гг. Ссылаясь на исследования отечественных и зарубежных учёных, авторы отмечают резкое изменение условий существования театров и ограничение их творческих возможностей; прослеживают тенденции к однообразию сценического языка; указывают на оскудение мультикультурной театральной среды Владивостока.

Ключевые слова: национальные театры, театры-кабаре, салоны, поэзоконцерты, литературно-художественные объединения, клубы, принципы коммунистического воспитания.

Как в отечественной, так и в зарубежной науке не ослабевает интерес к проблемам духовного состояния общества. Особое значение в период мировоззренческих потрясений на рубеже XX–XXI вв. приобрела историко-культурная тематика как определяющий фактор идеологической сферы. Более актуальным становится анализ специфики развития искусства в «переломные» эпохи в рамках меняющейся культурной политики государства, с учетом региональных условий. Одним из периодов сложнейших взаимоотношений театрального искусства и идеологии в дальневосточном регионе является двадцатилетие после установления советской власти между двумя мировыми войнами (1922–1941).

К началу 1920-х годов в пеструю картину театральной жизни многонациональных дальневосточных окраин России влилось синтетическое многообразие серебряного века. Свободный дух нового искусства формировал в этот период особую ауру Владивостока. Важнейшие события в этом процессе связаны с именами конкретных людей. Одним из них является Д. Д. Бурлюк. Творчество яркого представителя искусства будущего, «кубиста, модерниста, футуриста, эмигранта» продолжает вызывать интерес в России и за её пределами.¹ После 1920 г. на родине его

имя часто упоминалось в негативном плане, но для истории театрального Владивостока «отец русского футуризма» – фигура радикально значимая. Его влияние подобно стремительному явлению кометы, создавшей уникальное напряжение в трёх уровнях постижения реальности: эмоциональном, методическом и тематическом. Без него теперь уже нельзя представить столь неблизкое его природе художественное пространство. Легенды о высоком татарском происхождении Д. Бурлюка, органично соединяясь с достоверной информацией о славных запорожских корнях, дополняли его почти мистический образ. Богатая семейная история, творческая атмосфера дома предопределили бурную жизнь «героического художника», «одноглазого сатира», «полутораглазого стрельца», создателя группы «Гилея» (1910) [11]. В неё вошли оппозиционно настроенные к отживающим формам буржуазного искусства братья Бурлюки, Каменский, Хлебников, Гуро, позднее Маяковский.

Авторы Манифеста из сборника «Пощечина обществу во вкусу» (1912) привлекли внимание Блока: «Футуристы дали, прежде всего, Северянина. Значителен Хлебников. У Бурлюка есть кулак. Это – более земное и живое, чем акмеизм» [2: с. 232].

Через братоубийственную войну России, борясь с болезнью, Бурлюк привёз свои скандальные театрализованные выставки, лекции, диспуты во Владивосток (1919). «Улицы – наши кисти!..» провозгласил он своим появлением в этом транзитном пункте для всех, стремящихся покинуть Советскую Россию. Один из авторов

¹ Очередной художественно образовательный проект Университета Небраска в августе-октябре 2010 г. включает экспозицию работ Д. Бурлюка (University of Nebraska-Lincoln's Sheldon Museum of Art. www.sheldon.unl.edu).

местной газеты писал: «Тут уже целая армия деятелей всех видов искусства и течений, которые со всех концов волею судеб причалили к берегам Великого Океана...». В многообразии артистических клубов выделялись клуб «Балаганчик» и литературно-художественное объединение (ЛХО) «Творчество» (1919), где проводились выставки, именуемые салонами. Бурлюк публиковал программные статьи о футуризме, выходившие ранее в Петрограде и Москве; сотрудничал с местными журналами («Лель», «Творчество», «Неделя»), помещая свои рассказы, статьи и переводы стихов европейских поэтов. Два года Владивосток был «раем для футуристов». Д.Д. Бурлюк стал директором театра-кабаре «Би-Ба-Бо» (1919). Работу «Балаганчика» критиковали за неразборчивость репертуара и футуристический уклон. Постепенно положительных отзывов стало больше. Небольшой зал в подвальном помещении «Золотого Рога»,² а точнее сам новый *genius loci* притягивал талантливых художников, начинающих поэтов, мэтров сцены. Выставки и *поэзоконцерты* Бурлюка снискали небывалую популярность и остаются предметом поклонения и изучения до наших дней (в 1990-е годы подобные программы во Владивостоке готовили представители неформального творческого объединения «БИМС», а с 2000 года – художник-пуантилист, автор и исполнитель М. Эйдуc). В своих выступлениях перед публи-

кой Бурлюк был непредсказуем и многообразен, как и в живописи. Сравните классическое изображение «Китайских джонок» с экспрессивным натурализмом «Купальщиц», с динамикой абстрактной картины «Глаза» (1920 г.). В композиции геометрических форм передан ритм тревоги. Из глубины холста смотрят пронзительные глаза самого автора. В этом взгляде страх перед неизвестностью, которая и заставила художника покинуть Россию. В 1920 г. после апрельских событий, когда Владивосток три дня оставался без власти, Д.Д. Бурлюк решил эмигрировать; в конце сентября он отправился в Японию и провёл там первую выставку [14]. Позднее в США Д. Бурлюк получил предложение написать книгу совместно с теоретиком искусства Сюитиро Киносита. Труд вышел в Японии в 1923 году под названием «Что такое футуризм? Ответ» ((木下秀一郎 Kinoshita Shuichiro 'Mirai-ha towa? Kōtaeru').

Сегодня анализ феномена трансрациональных поэзоконцертов Давида Бурлюка во Владивостоке (1919–1920) позволяет не только оценивать нереализованные возможности и специфику зарождавшегося театрального направления, но и прогнозировать траектории развития современного литературного театра (эволюции и коэволюции).³ Но в 20–30-е годы XX столетия в стране победившего пролетариата происходило становление совсем иной, социалистической культуры, цель которой определялась как достижение высокого результата в сфере искусства в интересах широких народных масс, путем четкого руководства со стороны государства, основанного на принципах коммунистической партийности. Все виды искусства, и театральное в частности, рассматривались как средство идеологического воспитания. Коренные перемены в государственной политике в театральном деле привели к пересмотру сложившихся ранее критериев оценки деятельности театров, в том числе провинциальных. В первые годы советской власти театральное искусство Дальнего Востока, отдаленное от

² В 1885 г. к гостинице был пристроен первый во Владивостоке театральный зал на 350 мест («театральный зал мадам Галецкой»). Премьерой новоиспеченного театра стал любительский спектакль по пьесе В. Крылова «Завоеванное счастье». В 1887 году здесь начала работать первая профессиональная труппа, а с открытием железнодорожного сообщения в этом театре ставили спектакли лучшие труппы провинциальной России. В 1899 г. деревянное здание сгорело, в 1902 г. на его месте было выстроено каменное, существующее и поныне.

В 1905 году здесь вспыхнул пожар, причинивший немалый урон. В 1907 г. здание было восстановлено по проекту И.В. Мешкова, а театральный зал открылся вновь оперой «Аида» в постановке труппы И.М. Арнольдова. В 1924 г. здесь проходили спектакли Государственного академического Малого театра. В составе труппы были известные актеры: Н.А. Беленцова, Е.Н. Гоголева, В.О. Массалитинова, В.Н. Аксенов, В.Р. Ольховский. Здание многократно перестраивалось. В разное время в нём размещались: Оперный театр, Театр юного зрителя. Краевой драматический театр им. М. Горького, созданный в 1932 г., работал на этой сцене почти сорок лет.

³ Участники конференции театральных переводчиков 29–30.06.2010 г. в Токио в рамках IX Международного фестиваля пластики и театра обсуждали практические проекты литературного театра: перевод и инсценизация прозы А.П. Чехова («Драма») и Т. Ариёси (Мигавари) в театре Бук Ит (Сиэтл, США). К подобным опытам относятся и российско-американские проекты саунддрамы «Анна Ахматова» (М. Нелсон и Х. Шрек, 1998), «Благодарение» (М. Эйдуc, 2008), «Красные комнаты» (К. Левин, 2008) и т. д.

культурных центров России ещё инерционно развивалось на фоне всего мультиэтнического и жанрового многообразия, которое было присуще Владивостоку со дня его основания. Позднее культура региона формировалась как часть советской культуры. Процесс коренной трансформации культурной среды представлен в работах, посвященных истории создания органов управления театрами в СССР, и в монографиях, исследующих театральное искусство Дальнего Востока. Вопросы театральной политики поднимались уже в начале 20-х гг. в статьях А. В. Луначарского «Театр и революция» (1921), «Театр и кино за 10 лет» (1927) и др. В монографии «Театр и современность» В. Тихоновича рассматривались мероприятия советских органов власти в отношении столичных театров, объяснялась необходимость использования планового подхода в организации театральной системы. Анализ развития театрального искусства за 12 лет советской власти представлен в монографии Р. Пельше «Наша театральная политика» – комплексном исследовании по истории советского театра 1920-х – 1930-х годов. В нём, как и в трудах В. Голубова, М. Имаса, М.П. Новицкого, М.П. Аркадьева, главным критерием оценки успешности творческой работы всех театральных коллективов страны определяется соответствие репертуара идеологическим установкам. Современные авторы отмечают отсутствие исследований по истории провинциальных театров, в том числе и дальневосточных. Развитие театра рассматривалось в контексте жанровой специфики, а не в связи с особенностями культуры региона. В научный оборот вводились партийные документы, освещавшие роль ВКП (б) в деле развития театрального дела. Так, не только в 30-е, но и до конца 50-х годов драматический театр им. М. Горького во Владивостоке входил в число немногих провинциальных коллективов, о которых писали. Основное внимание уделялось анализу репертуара, что, на наш взгляд, не позволяет составить полное представление о развитии театра в 20–30-е гг. XX столетия.

Глубоким исследованием, посвященным проблеме становления художественной культуры Дальнего Востока, является работа В.И. Кандыбы об основных тенденциях развития культуры в Дальневосточном регионе в 1858–1938 гг., где период с 1917 по 1938 гг. выделен как этап внедрения советской идеологии в различные сферы художественной культуры. Автор свидетельствует, что к 1938 г. с помощью репрессивных мер и цензуры советскому руководству удалось

сформировать истинно революционное искусство [4]. Творческая жизнь антреприз, гастрольная деятельность стала объектом исследования А.С. Иванова «Театральное искусство Забайкалья и Дальнего Востока в период Октябрьской революции и Гражданской войны (1917–1922 гг.)». Фундаментальной работой по истории национальных театральных коллективов региона признана книга И. Кима «Советский корейский театр» (1982). На широкой документальной основе автор рассмотрел становление и деятельность дальневосточного корейского театра, уделил внимание характеристике репертуара, творческой судьбе актеров. К сожалению, другие национальные труппы (а их в 1930-е годы в регионе было пять) так и не стали предметом специального исследования.

История Дальневосточного корейского театра связана с началом национально-освободительного движения в Корее в 1919 году, которое определило бурный подъем национальной культуры. В 1923 году прогрессивные корейские писатели организовали общество «Искра», при котором была создана театральная секция писателей (КАПП), куда вошли и театральные деятели. Повсеместно создавались профессиональные и любительские театральные коллективы: театр «Красные муравьи», массовый театр «Новое искусство». Эти коллективы ставили инсценировки корейской классической литературы, пьесы современных корейских драматургов Сон Ена, Нам Гун Мана и классическую русскую драматургию, в том числе пьесы Островского, Толстого, Горького, Чехова. В 30-е годы XX в. чеховские пьесы начали ставить и в самой Корее (существенно позже, чем в Европе) [25]. Театроведы и режиссёры Кореи уже тогда называли А. П. Чехова писателем, близким их ментальности, находя в его творчестве темы, о которых размышляли восточные философы [9]. С 1931 года драматическая секция КАПП издавала журнал «Движение за драму». Именно в это время начал свою деятельность музыкально-драматический театр Владивостока (1932). Он возник как объединение кружков (1931), под названием «Дальневосточный краевой корейский театр» [7].

Когда в Корее в 1935 году японцы упразднили Корейскую ассоциацию пролетарских писателей (КАПП), закрыли корейские театры, решив корейским актерам выступать только с японским репертуаром, под японскими фамилиями и на японском языке, коллектив, созданный во Владивостоке, способствовал развитию национальной драматургии. В этот период были

созданы такие пьесы, как «Межа» о коллективизации (драматург Тхай Дян Чун), «Рабы» о борьбе крестьян в феодальной Корее (Цай Ен), его же инсценировка «Сказание о девушке Сим Чен», «Факел Тянь Фен Дона» (Ен Сен Нен). Осенью 1937 года корейцы были депортированы с Дальнего Востока в Среднюю Азию. В 1937–1941 корейский театр работал в Кызыл-Орде, позднее – в других городах и с 1968 года в Алма-Ате). «Уже нет пионеров театра, которые в 1932 году во Владивостоке создавали его, в 1937 году перевезли в Казахстан и сохранили. Это были: Ли Ен Су, Ким Дин, Ли Хам Дек, Ли Ген Хи, Цой Бом До ... Самая большая заслуга принадлежит им, артистам первого поколения, которые создавали театр, на своих плечах таскали декорации, ездили из поселка в поселок. Строили сцену своими руками и играли спектакли, давали концерты», – рассказывают современные актёры, участники гастролей театра во Владивостоке (2007). Большая заслуга в организации гастролей театра в городе, где он был создан 75 лет назад, принадлежала заслуженному деятелю искусств Республики Казахстан, главному режиссеру Олегу Ли (сыном режиссёра Константином Ли инициирован Международный рок-фестиваль-2008) [7].

На рубеже XIX–XX вв. активно переселялись во Владивосток китайцы. Для поселения им отвели место на Семеновском покосе, которое впоследствии получило название «Миллионка». Китайское население освобождало русских от выполнения всей самой тяжелой работы. Китайцы работали водоносами (проблема с водой во Владивостоке была постоянной), кули – грузчиками в порту, каменщиками и рабочими на стройках, уличными торговцами, дворниками; перевозили на шаландах пассажиров и грузы в прибрежной акватории и делали массу других неквалифицированных работ.

До середины 1930-х годов в городе множились китайские парикмахерские, лавки, магазины, дешевые харчевни. Любимым развлечением китайцев был театр. В выходные они могли проводить здесь целый день с утра до вечера. Во Владивостоке было два больших китайских театра, куда ходили и русские. Театр на Семёновской был построен чиновником Лебедевым в 1902 году (позднее в здании находился кинотеатр «Родина», в наши дни на этом месте располагается торговый комплекс). Театр Ван Тын Сина на Пограничной, постройки 1903 года, сегодня известен как здание школы олимпийского резерва по спортивной гимнастике.

Ситуация изменилась в 1935 году, когда в ходе специальной операции ОГПУ Миллионка

была оцеплена, а всех китайцев, проживавших здесь, погрузили на пароходы и репатриировали на родину.

Переосмысление исторического материала, поворот в отечественной историографии, смена методологических подходов начались с политической перестройки в конце 1980-х годов. Отсутствие цензурных ограничений позволило использовать ранее недоступные архивные документы, выявить новые объекты исследований (в том числе проблему соотношения культуры и нравственно-психологического состояния общества). В начале 1990-х годов одной из наиболее актуальных тем отечественной историографии стало развитие культуры в условиях тоталитарного режима. В этот период появились первые работы, в которых рассматривалась деятельность театров в рамках системы ГУЛАГа. Истории создания органами НКВД в 1933 г. драматического театра г. Комсомольска-на-Амуре, труппа которого состояла из репрессированных артистов, посвящены работы М. А. Кузминой. О театрах ГУЛАГа написаны работы И. Клаузе «Музыка по приказу. Официальная культурная жизнь в ГУЛАГе»; А. Козлова «Огни лагерной рампы» (1992) [8] и др. В 1994 г. была опубликована монография А.С. Иванова «Дорога длиною в век», в которой автор рассматривает особенности развития драматического искусства в Хабаровске в 1860–1990 гг. Среди работ, освещающих историю отдельных дальневосточных театров, особый интерес представляет исследование Е. Кудиша по истории еврейского театра Биробиджана. Истории драматических театров Сахалина посвящена монография Л.И. Краева «Долгая дорога к большой сцене». В ней представлен анализ творчества драматических коллективов Сахалина в 1920–2004 гг. Особое внимание уделено периоду 1930-х годов, когда были организованы театры на местах [10]. Глубокое исследование особенностей дальневосточной театральной культуры в дореволюционный период осуществлено хабаровским театроведом А. В. Шавгаровой [20]. Историческую картину театральной деятельности Владивостока до установления советской власти и до конца 20-х годов дополняют исследования зарубежных авторов (К. Рёхо, Н. Накамото, Т. Айка); мемуары и письма (Э. Прей), исторические очерки (Ц. Мотидзаки); фильмы (Ф. Киндзи); международные музейные проекты. В них воссоздается весь сложный объём мультикультурной природы города.

Первый клуб – морской клуб для офицеров флота появился во Владивостоке в середине XIX века.⁴ Первый непрофессиональный театр, которому была оказана финансовая поддержка губернатора, в 1873 г. организовал отставной фельдшер Бакушев.⁵ В 1884 г. во Владивостоке был организован первый любительский драматический кружок, который поставил пьесу А.Н. Островского «Бедность не порок». Долгое время местом проведения спектаклей оставалась столовая Сибирского флотского экипажа, позднее Морское и Военное собрания. В 1884 г. купец И. И. Галецкий начал строить при гостинице «Золотой Рог» зал со сценой, что с января 1885 г. позволило профессиональным труппам проводить в городе целый сезон.⁶ В 1887 г. в город приехала профессиональная труппа актёров, гастролы которой начались с пьесы А.Н. Островского «Волки и овцы». А уже в 1898 г. владивостокский зритель познакомился с драматургией А.П. Чехова. На сцене Морского клуба была поставлена его пьеса «Предложение». Сам А.П. Чехов останавливался во Владивостоке в 1890 году во время своего восьмимесячного путешествия, которому посвящены многие работы отечественных и зарубежных ученых (Цунэко Мотидзуки «Исторический контекст путешествия Чехова», Нобуюки Накамото «Япония в творчестве Чехова» и др.). А. П. Чехов планировал побывать в порту Нагасаки и купить японские сувениры для друзей. Обстоятельства сложились так, что из-за эпидемии холеры корабль «Петербург», на котором писатель плыл с Сахалина, не заходя в Нагасаки, вернулся во Владивосток, откуда 19 октября А.П. Чехов отправился в Гонконг, Сингапур, Коломбо, затем в Одессу и, наконец, в Москву [27].

К началу XX вв. во Владивостоке было несколько театральных помещений. В 1898 году (а исходя из документов по оценке недвижимых имуществ, – в 1897 году) был построен Театр «Тихий океан». 11 января 1899 года Иванов заключил контракт с московскими антрепренерами

Яворским и Овчинниковым (о чём свидетельствует его заявление в Гордому); антрепренёры привезли труппу из центральной России. «1 июня 1899 г. оперой «Чародейка» с участием известной актрисы Нининой-Петипа (Марии Коморской) во Владивостоке был открыт новый каменный театр – «Тихий океан» на 450 мест, построенный купцом Ивановым при гостинице» [20]. Здание театра было первым в городе комфортабельным театральным помещением, в котором имелось собственное водяное отопление и электрическое освещение, т. е. имелась локальная котельная с буровой скважиной и необходимым оборудованием для выработки электроэнергии. В том же (1899) году началось обустройство театра «Золотой Рог» (театр купца Галецкого), которое потребовало дополнительного финансирования. Историки отмечают, что как здание театра «Тихий океан», так и московская труппа, работавшая у Иванова заслуживают отдельного исследования и описания. В январе 1904 г. в театре случился пожар, повторившийся год спустя. Активизировать гастрольную деятельность крупных театральных коллективов и сделать их пребывание в городе постоянным в этот период позволял зал на 700 мест с партером, амфитеатром и галерей в кирпичном трёхэтажном здании, построенном в 1899 году предпринимателем Галецким. В 1903 г. гастролеровавший во Владивостоке новый театр поставил здесь пьесу А. М. Горького «На дне». В это же время сначала в России, а позднее у себя на родине над пьесой Горького работал японский режиссёр О. Каору [1]. В том же 1903 г. на месте цирка по образцу Московского художественного театра был построен первый Общедоступный театр. В истории культурной жизни Приморья это было значительным событием. Под руководством М.Н. Нининой-Петипа была собрана драматическая труппа.⁷ В перестроенный театр И.И. Галец-

⁴ Клуб располагал небольшим зрительным залом и сценической площадкой. Самодеятельной труппой здесь была поставлена трагедия В. Шекспира «Гамлет».

⁵ Театр расположился на ул. Светланской. Труппу театра составили местные жители.

⁶ Здесь выступала драматическая труппа М.К. Шумилина. Ветераном сцены стала Елизавета Николаевна Шван, которая прибыла во Владивосток с семьёй в 1885 г. и работала здесь до конца своей жизни в 1894 г.

⁷ Её основу составили известные на провинциальной сцене артисты, которые, по словам современников, «сделали бы честь любому городу»: Лодина, Рахманова, Рюмшина, Муравьев-Свирский, Норин и др. 7 апреля 1903 г. пьесой А.Н. Островского «Волки и овцы» труппа открыла театральный сезон. В репертуаре Общедоступного театра были представлены лучшие спектакли мирового репертуара, получившие признание пьесы А.П. Чехова и А.М. Горького. На сцене этого театра были впервые во Владивостоке поставлены спектакли: «Дядя Ваня» и «Иванов» А.П. Чехова; «На дне» и «Мещане» А.М. Горького.

кого «Золотой Рог» (на тысячу мест) перешла труппа Общедоступного театра. В разгар революционных событий 1905 г. в театре была поставлена пьеса А.М. Горького «Враги», но вскоре спектакли были сняты по требованию полиции.

Одним из наиболее известных культурных центров дореволюционного Владивостока был Народный дом, построенный в 1907 г. Здесь проводились чтения, спектакли, курсы. Были поставлены пьесы «Мещане» и «На дне» А.М. Горького, «Власть тьмы» А.Н. Толстого, «Вишнёвый сад» А.П. Чехова. После революции Народный дом был переименован в Клуб металлистов, а позднее – в Дом культуры им. Ильича и передан в распоряжение Дальзавода (1924).

В 1908 г. во Владивостоке появился театр общества приказчиков – Пушкинский, где прошли гастролы В.Ф. Комиссаржевской. В ноябре 1912 г. был открыт местный отдел Русского Театрального общества. Развернул свою деятельность известный в Сибири и на Дальнем Востоке режиссёр и актёр Е. М. Долин. На сценах Владивостока, Хабаровска и Харбина поочерёдно действовали его труппы драматических актёров и музыкальной миниатюры. А в 1915 г. по его инициативе был открыт Камерный театр. В период с 1904 по 1916 гг. владивостокская театральная публика встречала известных русских артистов Мамонта Дальского, Рафаила и Роберта Адельгейм, Григория и Василия Долматовых. Кроме отечественных знаменитостей, таких как выдающийся русский артист П. Н. Орленёв, Е.Н. Рощина-Инсарова, во Владивосток приезжали зарубежные гастролёры. В марте 1917 года в театре «Золотой Рог» дал концерт известный тенор миланской оперы И. Коккинос. Газета «Далёкая окраина» в 1917 году отмечала, что местные артисты выступали на сцене вместе с гостями. В дополнение к программе звучали песни и стихотворения свободы в исполнении г-жи Любимовой и г-жы Дамм.

В 1914 г. в Пушкинском театре Владивостока гастролировал Новый театр Японии. Материалы, связанные с его историей были представлены на выставке, посвященной 100-летию Пушкинского театра, в декабре 2008 г., создатель Нового театра Японии – Симамура Хогэцу, уроженец префектуры Симанэ – побратима Приморского края.⁸ История создания Нового

театра Японии отражена в художественном фильме известного кинорежиссёра Фукасаку Киндзи (1930–2003) «Мятеж в стране цветов» (1988), созданного к 110-летию Ёсано Акико.⁹ Киндзи – автор 64 фильмов и 8 работ для телевидения. Просмотр фильма во Владивостоке в феврале 2008 года был организован для актёров Драматического театра Тихоокеанского флота. Коллектив под руководством главного режиссёра С.В. Мальцева сотрудничает с Японским центром и литературным обществом имени Ёсано Акико, изучает её творчество. Театр планирует постановку на русско-японскую тему; актёры вчитываются в биографии героев фильма: Ёсано Акико, Ёсано Тэкан,¹⁰ Арисима Такэо,¹¹ Мацуи Сумако,¹² творчество которых свя-

⁹ Ёсано Акико (1878–1942), японская поэтесса, писательница и общественный деятель. Прославилась поэтическим сборником «Спутанные волосы» (1901); антивоенным стихотворением «Не отдавай, любимый, жизнь свою» (1904). Поэтическое наследие Акико включает 24 поэтических сборника танка и стихов новой формы, 13 сборников критических статей и воспоминаний, 5 сборников детских рассказов, многочисленные повести, дзуйхицу (эссе), заметки о путешествиях. Останавливалась во Владивостоке в 1912 г. по дороге в Париж. В 1983 году во Владивостоке над переводами её поэзии, вошедшими в сборник «Лунные блики» (1991), работал выдающийся учёный-ориенталист А. А. Долин.

¹⁰ Ёсано Тэкан (1872–1935), настоящее имя Ёсано Хироси, поэт, реформатор танка, создатель популярного поэтического журнала «Мёдзё» (1900–1908).

¹¹ Арисима Такэо (1878–1923) – писатель и литературный критик. Родился в Токио в аристократической семье. Обучался в миссионерской школе и Сельскохозяйственном колледже в г. Саппоро (Хоккайдо), известном своей пропагандой христианства. С 1903-го по 1906 г. жил в США, где изучал социологию, историю, знакомился с идеями христианского социализма, идеями Льва Толстого, Уолта Уитмена, П. Кропоткина. Сильное влияние на Арисима оказала философия Бергсона, а также идеи распространителя кальвинизма в Японии Утимура Кандзо. Начало литературной деятельности Арисима связано с журналом «Белая береза» и литературной группой, сформировавшейся вокруг него и находившейся под сильным влиянием идей Л. Толстого. Как писатель заявил о себе повестью «Потомок Каина» (1917), где на примере освоения необжитых земель Хоккайдо показан конфликт личности и окружающего мира. В романе «История одной женщины» (1919) писатель защищает право человека на свободу чувств, выражает свои взгляды на эмансипацию. Сюжет произведения заимствован из романа Л. Толстого («Анна Каренина»).

⁸ В городе Хамада (префектура Симанэ) находится мемориальный музей Симамура Хогэцу.

зано с историей Владивостока и постановками русской драматургии в Японии.

Социальные перемены в России 1920–30-х годов усилили интерес японских актёров к русской классике. Реформаторы японской сцены Осанай Каору, Итикава Саданзи (младший), Комияма Содзин; театры Юракудза, Хонгодза продолжали ставить европейские пьесы. А «Вишнёвый сад» в постановке Малого театра Цукидзи (1927) был восточной репликой мхатовской работы. Позднее пьесу неоднократно ставил Сэнда Корэа, режиссёр и основатель театра Хаюдза. Более десяти раз ставили «Вишнёвый сад» в театре Бункагудза [27].

Театроведческих исследований, посвященных деятельности японского театра, во Владивостоке нет. Источником косвенной информации для нас явились работы историков Ириэ Торадзи, Като Кюдзо, Хасимото Тэцуя, Сато Ёити, Тамура Айка, в которых представлен процесс иммиграции японцев в Россию во второй половине XIX – первой трети XX вв. Авторы рассматривают специфику анализируемого процесса; описывают пребывание японцев в России как достаточно замкнутое, если речь не идёт о таких профессиях как врачи и педагоги; подчеркивают, что культурная жизнь японского сообщества была связана главным образом с храмом и с Нихондзин Курабу (японским клубом) [19].

В связи с изоляцией СССР с конца 1930-х годов японская диаспора на российском Дальнем Востоке отсутствовала. Достигнув исторического максимума в годы сибирской экспедиции (интервенции 1918–1920), число японцев, проживающих во Владивостоке в течение следующего десятилетия, неуклонно уменьшалось. Оставшиеся находились под надзором ГПУ. В июне 1937 года на родину вернулись все, за исключением представителей дипломатического корпуса.¹³

¹² Мацуи Сумако (1886–1919) настоящее имя Кобаяси Масако, актриса, знаменитая исполнительница роли Норы в «Кукольном доме», Катюши Масловой в постановке «Воскресенье». Первая актриса, запевшая на сцене. С гастрольями Нового театра объездила всю Японию, Тайвань, Корею, Маньчжурию, театральная труппа с гастрольями была во Владивостоке. Всего Новый театр дал 444 выступления.

¹³ В 1927 вернулась в Японию семья Ирино. Известный композитор Ирино Иосиро родился 13 ноября 1921 г. во Владивостоке. Сочинения: опера «Шёлковый барабан» (1962); оперетта «В страхе перед богом» (1954) и др.

Обзор имеющихся исследований показывает, что накоплен значительный потенциал, достаточный для построения комплексного анализа процессов развития театрального дела на Дальнем Востоке в 1920–1930-е гг. Специальным историческим исследованием, выявляющим особенности процесса театрального дела в Дальневосточном регионе в обозначенный период, можно назвать работу С. Ю. Гамалей [3].

Важную информацию для понимания театральной ситуации содержит исследование О.И. Шестак [21]. В работе раскрыта специфика социальной политики в переломную эпоху: отказ от нэпа, переход к командно-административной системе, осуществление индустриализации и коллективизации изменения в социальной и политической структурах. Эти и многие другие работы в полной мере раскрывают причины отсутствия полной информации о культурной жизни страны и региона в 20-е и особенно 30-е годы XX столетия [4].

Через несколько месяцев после окончательного установления советской власти национализированный театр «Золотой Рог» был возведён в статус Гостеатра, главным режиссёром которого стал знаменитый Е.М. Долин. Театральный сезон открылся 23 марта 1923 г. Репертуар Гостеатра существенно отличался от театров миниатюры и включал крупные жанры: пьесы, драмы, комедии. К бенефису Е.М. Долина была приурочена постановка комедии Н.В. Гоголя «Ревизор». Работали консерватория русского музыкального общества, клуб им. Воровского, Театр-иллюзион «Идиллия», Общедоступный театр. Местное музыкальное общество готовило концерты в Залах коммерческого и черепановского училищ. В газете «Эхо» от 23 марта 1919 года сообщалось: «В Доме Свободы и знания культурно-просветительским кружком трудящихся временных мастерских устраивается грандиозный украинский вечер, посвящённый памяти великого украинского поэта Тараса Григорьевича Шевченко».

16 января 1924 года в газете «Красное знамя» было помещено объявление: «Клуб Союза Совработников, Культячейка месткома Губздрава устраивает на нужды дневных яслей им. Калинина спектакль-концерт и бал-маскарад». Зрителям предоставлялась возможность посмотреть весёлую комедию «Дорогой поцелуй», музыкальную комедию «В волнах страстей». По окончании всех приглашали на маскарад. Играл духовой оркестр. В спектаклях были заняты актёры местных театров. В театре «Золотой Рог» выступали артисты Московского балета, известная босоножка Тина-Ар (1925). Гастролировал

Малый театр. «Лес» и «Без вины виноватые» А. Н. Островского, «Волчьи души» по Дж. Лондону – эти и другие спектакли, судя по газетным публикациям, прошли весьма успешно. В газете «Красное знамя» от 10 января 1925 года сообщалось: «...Зал ПЭТа (Бывшее Коммерческое училище). Два историко-этнографических (студийно-показательных) балетных вечера. Прима-балерина А.И. Булуева-Асник при участии её учениц. В дуэтных и сольных номерах партнёр Герцо-Виноградский. Музыкальная интерпретация свободного художника пианистки В.Ю. Булуевой. Лекция "О возникновении, развитии и значении искусства хореографии (балета)". Лекция "Танцы древних народов". Греция, Рим, Персия, Индия, Иудея, Старая Франция». В 1927 году Владивосток посетил известный Московский театр «Синяя блуза» (в репертуаре театра – скетчи, лубки, водевили, частушки, скороговорки). К концу 1920-х годов постепенно уходили в прошлое спектакли многочисленных театров-кабаре и театров миниатюры, появившихся в 1917 г. Их место занимали клубные мероприятия под знаком пролеткульта [6].

Только после войны (1946) откроется во Владивостоке Театр юного зрителя. Об истории его создания написано больше, чем о первых годах деятельности Приморского краевого театра кукол, основанного в 1939 году. Известно лишь, что первым режиссером Театра кукол был А.А. Присяжнюк, впоследствии прославленный актёр и режиссер, народный артист СССР. Первым директором стала И.А. Михайловская. В составе первой труппы работали артисты Л. Дубровский, В. Топор, В. Фисенко, В. Кочетова. Первая постановка театра – «Гусенок» по пьесе Н. Гернет.

Остаётся малоизученной и деятельность драматического театра Тихоокеанского флота, история его создания, первое десятилетие его работы. Идея создания Краснофлотского театра принадлежала начальнику политуправления Морских сил Дальнего Востока А. Булыжкину. По его распоряжению, со всего флота во Владивостокском Доме Красной армии и флота стали собираться матросы, старшины и офицеры, имеющие театральное образование, а также наиболее талантливые участники художественной самодеятельности. В апреле 1932 г. во Владивостоке была создана труппа Краснофлотского театра, которую возглавил старший политрук Старков. В театр приглашались опытные артисты и выпускники театральных училищ Москвы и Ленинграда. Из Центрального Дома Красной

армии прибыл режиссер Лавров. В течение месяца был поставлен первый спектакль для нового театра – «Флот в песнях» В. Вишневого. С этим спектаклем театр выехал в гастрольную поездку. Приказом РВС СССР от 2 октября 1933 г. и указанием ПУ РККА был официально создан Краснофлотский театр морских сил Дальнего Востока. «...Театр основан в 1933 году специальным приказом М.Н. Тухачевского. В России всегда уделялось повышенное внимание не только боевой подготовке армии и флота, но и нравственному, культурному воспитанию военнослужащих, для чего, в частности, создавались театры при крупных сухопутных и военно-морских соединениях. Основу коллектива театра составили специально приехавшие из Москвы во Владивосток артисты и режиссёры знаменитого МХАТа, ученики великого К.С. Станиславского» [13].

Поворотным от самодеятельного к профессиональному театру стал сезон 1934 г. В работу были взяты пьесы «Мстислав Удалой» И. Прута, «Чужой ребенок» В. Шкваркина, «Гибель эскадры» А. Корнейчука. Театр давал спектакли в частях Владивостокского гарнизона и выезжал на гастроли по побережью Тихого океана, в пограничные отряды округа. Во время Великой Отечественной войны театр обслуживал военные части Дальневосточного фронта. В 1943 г. художественным руководителем театра стал капитан Н.Н. Буторин, ученик В. Мейерхольда. Лаконичную архивную информацию дополняют живые рассказы хранителей театральной истории театра – актёров, сотрудники, их родных и близких. Среди них Г.Я. Островская, театровед, профессор Дальневосточной академии искусств, чьё детство и юность прошли в театре Тихоокеанского флота, а родители имели к нему прямое отношение. Истории формирования и развития театра Краснознамённого Тихоокеанского флота посвящена книга военного историка А.А. Максимова, жизнь которого связана с Тихоокеанским флотом [12].

Значительно шире представлена деятельность в предвоенный период театра им. Горького, крупнейшего и первого из официальных театров Владивостока. В 1932 г. на основе слияния местной профессиональной труппы актёров с ядром гастролеровавшей труппы Хабаровского театра драмы во Владивостоке был создан Городской театр. Сегодня Приморский академический краевой театр имени М. Горького – старейший театр города Владивостока, имеющий свои традиции, сложившийся коллектив, своего зрителя. Творческий путь Приморский академичес-

кий краевой драматический театр им. М. Горького начал 3 ноября 1932 года спектаклем «Улица радости» Н. Зархи. Но ещё до официального открытия первого театрального сезона 11 октября 1932 года Владивостокский городской совет принял решение в ознаменование сорокалетия литературной деятельности Максима Горького присвоить его имя театру. Первые спектакли – «Страх» А. Афиногенова, «Улица Радости» Н. Зархи, «Разлом» Б. Лавренёва, «Егор Булычёв и другие» М. Горького. Уже в 1935 году городской совет констатировал: «...Театр завоевал авторитет у трудящихся города, создав ряд высококачественных постановок». Местная и центральная критика высоко оценивала отдельные постановки театра в довоенные годы. Лучшими из спектаклей этого периода стали «Шёл солдат с фронта» В. Катаева, «Собака на сене» Лопе де Вега, «Маскарад» М. Лермонтова, «Последние» М. Горького. «...От других театров Дальнего Востока Владивостокский театр отличается многим... Когда раздвигается занавес, сразу же ощущаешь прочность, солидность, даже некую академичность театра» – сообщает Центральный журнал «Театр» в 1940 году в статье о деятельности Дальневосточных театров. Подобные журнальные и газетные статьи 1920–1940 – один из немногих источников информации о театральной жизни Владивостока тех лет. Данные справочных изданий связаны главным образом либо с дореволюционным периодом развития театров, либо с последними десятилетиями [13]. Портрет театрального Владивостока межвоенного двадцатилетия остаётся неполным, а представление о театральных коллективах ограничено рамками идеологизированных текстов.

Решению указанной проблемы, думается, будет способствовать соблюдение принципов, которыми руководствуется коллектив кафедры искусствоведения Института архитектуры, искусства и дизайна Дальневосточного государственного университета (АрхИД ДВГТУ).

В сотрудничестве с представителями Государственного института искусствознания и зарубежными коллегами профессорско-преподавательский состав кафедры, аспиранты и студенты проводят исследование, посвященное истории искусства АТР [1; 24]. Специфика деятельности коллектива состоит в первичной обработке большей части материалов. Исследователи анализируют и комментируют документы Государственных архивов, материалы внутренних архивов театров, учреждений культуры, административных органов; фондов радио и телевидения,

личных архивов театроведов, переводчиков, режиссёров, актёров, организаторов и участников Международных театральных фестивалей в России и сопредельных странах.

В круг изучения включены материалы конференций всех уровней, собирающие искусствоведов и историков, философов и театральных антропологов, этнопсихологов и этнографов, литературоведов и лингвокультурологов. Особое место в исследовательском процессе занимают художественные и документальные источники, связанные с театральной историей Дальневосточного региона.

Такой подход, безусловно, окажет стимулирующее действие на дальнейшее изучение истории искусства и культуры Владивостока, Приморского края, Дальневосточного региона; сформирует методологическую базу и реальный исследовательский инструментарий для системного искусствоведческого анализа; расширит возможности их апробации в образовательном поле.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахмыловская, Л.А. Формирование переводческой партитуры пьесы в кинематографическом театральном проекте : монография / Л.А. Ахмыловская. – Владивосток: Изд-во ДВГТУ, 2010. – 235 с.
2. Блок, А.А. Собрание сочинений. В 8 т. Т. 7 / А.А. Блок. – М.-Л., ГИХЛ, 1963. – 541 с.
3. Гамалей, С.Ю. Государственная политика в области театрального дела на советском Дальнем Востоке: 20-е - 30-е годы XX века: дис ... канд. ист. наук: 07.00.02 / С.Ю. Гамалей; – Хабаровск, 2005. – 210 с.
4. История Советского драматического театра. В 6 т. – М.: Наука. 1966.
5. Кандыба, В.И. История становления и развития художественной жизни Дальнего Востока (1858–1938 гг.) / В.И. Кандыба. – Владивосток : Изд-во ДВГУ, 1985. – 175 с.
6. Кандыба, В.И. Хроника культурной жизни Владивостока 1923–1929. Музыка. Театр. Кино / В.И. Кандыба. – Владивосток : Изд-во ДВГУ, 2000. – 186 с.
7. Ким, И. Ф. Корейский театр [Электронный ресурс] / И.Ф. Ким. – Режим доступа: <http://bse.scilib.com/article064615.html>. 28.08.2010:19.27
8. Козлов, А. Г. Огни лагерной рампы: Из истории магаданского театра 30–50-х гг. – М.: Раритет, 1992. – 143 с.
9. Королёва, В.А. Китайский и корейский театры на Дальнем Востоке [Электронный ресурс] / В.А. Королёва. – Режим доступа: <http://vestnik.tripod.com/library/38764626.pdf>
10. Краев, А.И. Долгая дорога к большой сцене. Очерки истории театра на Сахалине / А.И. Краев, И. А. Цупенкова. – Южно-Сахалинск : Сахалинское областное книжное изд-во, 2004. – 212 с.
11. Лившиц, Б.К. Полутораглазый стрелец: Стихотворения, переводы, воспоминания / Б.К. Лившиц. – Л.: Сов. писатель, 1989. – 720 с.
12. Максидов, А. А. Театр Краснознаменного Тихоокеанского флота: очерки истории. 1933–1983 / А.А. Максидов. – Советская Гавань : Изд-во Сов. Гавань, 1983. – 83 с.

13. Мальцев, С. И вдохновение, и талант (беседу с главным режиссером театра С. Мальцевым вел В. Денисов) / С. Мальцев // Утро России. – 2005. – 24 марта. – С. 6–11.
14. Марков, В.Ф. Линия фронта Давида Бурлюка [Электронный ресурс] / В.Ф. Марков. – Режим доступа: http://vladnews.ru/2260/Kultura...fronta_Davida_Burluka.
15. Оваки, Ч. Круг японских связей Давида Бурлюка [Электронный ресурс] / Ч. Оваки. – Режим доступа: http://www.nbu.gov.ua/portal/soc_gum/VKhDADM/2008-9/08chocdb.pdf.
16. О, Вон Кё. Чехов в современном корейском литературоведении / О Вон Кё // Филологические науки. – М., 2000. – № 6. – С. 97–107.
17. Питчер, Х. Британский взгляд на Чехова / Х. Питчер // Мелихово: Альманах. Вып. 3. – М.: Мелихово : Дружба народов, 2000. – С. 15–19.
18. Приморский край. Краткий энциклопедический справочник. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1997. – 595 с.
19. Тамура, Айка Японская иммиграция на российский Дальний Восток во второй половине XIX – первой трети XX вв. (по источникам и литературе на японском языке [Электронный ресурс] / Айка Тамура. – Режим доступа: <http://www.ihafe.org/sovdis/tamuraika.pdf> – С. 20–22.
20. Шавгарова, А. В. Становление и развитие театральной культуры на Дальнем Востоке России (вторая половина XIX – начало XX вв.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А.В. Шавгарова. – Владивосток, 2002. – 26 с.
21. Шестак, О.И. Советская социальная политика и её реализация на Дальнем Востоке, 1922–1941 гг.: дис. ... канд. ист. наук / О.И. Шестак. – Владивосток, 2003. – 272 с.
22. Шолох, Е. Культурный досуг жителей Владивостока. Старый Владивосток. Исторический портал города Владивостока и Приморского края [Электронный ресурс] / Е. Шолох. – Режим доступа: <http://www.oldvladivostok.ru/articles/>
23. Ёсано, А. Лунные блики / А. Ёсано; переводы А. Долина – М.: Наука, 1991 – 376 с.
24. Barysh, A. Theatre translators: Functions and specificity of professional training / A.Yu. Barysh, A. Funakava // Доклад на Международной научной конференции Культура тихоокеанского побережья 24–30 мая 2010 г. / Дальневост. гос. техн. ун-т. – Владивосток, 2010.
25. Saejoon, Oh. The Implantation of Western Theatre In Korea : A Dissertation Submitted to the Graduate Faculty of the Louisiana State University for the degree of Doctor of Philosophy in The Department of Theatre / Oh. Saejoon. – 2007. – 264 p.
26. Slavic Research Center. Topic for today [Электронный ресурс] / Slavic Research Center. Topic for today. – Режим доступа: <http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/>
27. 中本信幸『チェーホフのなかの日本』、大和書房。(Накамото Н. Япония в творчестве Чехова. Токио, 1981. – С. 17–19).
28. 黒田乙吉「露国の未来派美術」『たつみ』一四巻一号 二頁。(Куроода Отокичи. Искусство русского авангарда / Отокичи Курода // Тацуми, 14 том, – Токио, 1920. – № 10. – С. 2).
29. 鈴木明、藤井虎男、ア・カピトネンコ『ブルリユークの頃の大島』木村五郎・大島農民美術資料館、二〇〇五年 三二頁。(Судзуки Акира, Фудзии Торао, Капитоненко А. М. Осима в бытность Д. Бурлюка / Акира Судзуки. – Токио: Осимский музей крестьянского искусства им. Ки-мура Горо, 2005. – 32 с).

СОВЕТСКИЕ ГРАЖДАНЕ В СЕВЕРНОЙ МАНЬЧЖУРИИ ВО ВРЕМЯ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА НА КВЖД (1929 год)

С.Ю. Яхимович

Яхимович Сергей Юрьевич – преподаватель кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России (г. Хабаровск).

Контактный адрес: sergyahim-69@yandex.ru

В статье рассматривается колония советских граждан в Северной Маньчжурии во время конфликта между Советским Союзом и Китаем на КВЖД в 1929 г. Анализируется социально-экономическое положение граждан СССР, их настроение, формы протеста в ответ на репрессии маньчжурских властей, а также роль советских партийных органов на территории Северной Маньчжурии в жизнедеятельности советской колонии в период конфликта.

Ключевые слова: советские граждане, советская колония, Китайско-Восточная железная дорога, репрессии, концентрационный лагерь, Северная Маньчжурия.

Совместное советско-китайское управление Китайско-Восточной железной дорогой (КВЖД) в 1924–1928 гг. неоднократно приводило к противоречиям между её совладельцами по различным вопросам. Спорные административно-хозяйственные недоразумения на дороге нередко резонировали в серьёзные конфликты, которые сторонам приходилось регулировать на самом высшем государственном уровне [1: с. 145–177; 13: с. 62–160; 14: с. 333–352]. Цепь практически непрерывных конфликтов на дороге являлась следствием политико-экономического противостояния на территории Маньчжурии не только Советского Союза и китайских милитаристских кругов, но и третьих держав, главным образом, Японии. Последняя владела второй по мощности транспортной артерией в Северо-Восточном Китае и основным конкурентом КВЖД – Южно-Маньчжурской железной дорогой (ЮМЖД) и была радикально заинтересована в расширении своего присутствия в регионе.

Постепенные попытки китайских властей «выдавить» СССР с КВЖД сочетали в себе как экономические интересы, так и стремление ослабить влияние Советского Союза на революционное движение в Китае. Одним из важнейших проводников дела революции в Китае власти этой страны небезосновательно считали колонию советских граждан, состоявшую из обслуживающего персонала Китайско-Восточной железной дороги и различных советских учреждений, под эгидой которых активно работали агенты Коминтерна и спецслужб страны Советов [18]. Сами совграждане, в массе своей состоявшие из старослужащих КВЖД и членов их семей с ещё дореволюционным стажем, ощущали на себе идеологический прессинг и контроль со стороны новой, советской Родины. Вынужденные при-

нять советское подданство в 1924–1925 гг., чтобы сохранить престижные рабочие места и высокий уровень жизни, они постепенно, особенно молодёжь, подверглись частичной советизации. На КВЖД и прилегающих к ней территориях негласно действовал Северо-Маньчжурский комитет (СМК) ВКП (б) в составе 17 членов и 2 кандидатов, из которых формировалось бюро в составе 5 членов и 2 кандидатов. СМК подчинялась обширная сеть партийных и комсомольских ячеек, а также работали вполне легальные профсоюзные и общественные организации [2: л. 6–13]. Зачастую эта работа трактовалась китайскими властями в Маньчжурии как попытка распространения коммунистических идей, что запрещалось мукденским соглашением 1924 г. [16: с. 97]. В результате советские граждане, большинство из которых напрямую не имело отношения к коммунистической пропаганде, часто подвергались всякого рода провокациям и репрессиям со стороны китайских властей.

Очередное обострение советско-китайских отношений произошло в 1929 г., что впервые привело к открытым боевым действиям сторон. После убийства 4 июня 1928 г. японскими военными маньчжурского диктатора Автономных трёх восточных провинций (ТВП) Китайской Республики маршала Чжан Цзолиня, его сын и преемник Чжан Сюэлян не столько возненавидел японцев, сколько ещё более своего отца уверовал в невозможность Советского Союза военной силой защитить свои интересы и граждан на КВЖД. Порвав отношения с японцами, он признал над собой власть южнокитайского правительства Чан Кайши и антисоветски настроенной партии Гоминьдан. Чжан Сюэлян по договорённости с Чан Кайши планомерно произвёл захват магистралей силами своих войск 10 июля 1929 г.

и начал вооружённые провокации на границе с СССР. Однако превентивные операции Красной армии на территории Маньчжурии осенью того же года быстро отрезвили китайских политиков [5: л. 33–82, 92–148, 165–177]. В результате, 3 декабря 1929 г. в Никольск-Уссурийске, а 22 декабря 1929 г. в Хабаровске между советским правительством и мукденскими и нанкинскими властями соответственно были подписаны протоколы о положении статус-кво на КВЖД [6: л. 264–265; 16: с. 145–147].

Несмотря на стремительность событий лета–зимы 1929 г., для советских граждан в Северной Маньчжурии этот период оказался наиболее трудным, так как именно они стали первой и главной жертвой нападков китайских военных и белоэмигрантских военизированных формирований, с новой силой восплававших духом борьбы с «красными». Большинство граждан СССР в Маньчжурии были сосредоточены в Харбине, где в 1929 г. их проживало 26 752 человека, а также на линии КВЖД, ещё часть была рассеяна по городам Северной Маньчжурии – всего около 50 тыс. человек [9: л. 6, 8; 10: л. 2]. Общее число служащих на КВЖД в 1929 г. составляло 25 473 чел., из которых примерно половина, главным образом высококвалифицированные штатные сотрудники, были совгражданами [9: л. 21]. Гонения и житейские неурядицы, связанные с конфликтом, испытали на себе практически все жители советской колонии вне зависимости от положения, возраста и пола.

Различного рода провокации и акты насилия над советскими подданными со стороны китайских властей ТВП в большом количестве случались и ранее. Только в 1925–1928 гг. китайская сторона провела против СССР более двух тысяч провокационных действий разного характера [15: с. 124]. Архивные документы содержат рассказы советских подданных об их арестах, систематических избиениях, унижениях и просто садистских приёмах при допросах по выбиванию показаний и самооговоров полицейскими русского и китайского происхождения [8: л. 3–18; 17]. Во время конфликта на КВЖД 1929 г. подобные действия китайской полиции и охранных войск (при активной помощи бывших белогвардейцев [10: л. 4 об., 6]) по отношению к совгражданам приобрели массовый и ещё более жёсткий характер. «Китвласти держат себя вызывающе, – докладывалось в Далькрайком ВКП(б) в одной из секретных сводок ОГПУ по обстановке в Северной Маньчжурии в первые дни конфликта – ...Мнение киткомандования – какие бы репрессии на КВЖД по отношению к совстороне при-

менены не были, военного выступления со стороны СССР не будет» [4: л. 16].

Китайские милитаристы начали ликвидацию советского влияния в Северной Маньчжурии главным образом с персонала КВЖД и, прежде всего, с руководящих кадров. На следующий день после силовой акции, 11 июля 1929 г. управляющий дорогой А.И. Емшанов и его помощник А.А. Эйсмонт были уволены дубанем КВЖД (председатель правления от китайской стороны) и заменены китайскими представителями, а 13 июля их выслали из Китая [4: л. 13]. Это противоречило советско-китайским договорённости 1924 г. по совместному пользованию дорогой, согласно которым смещение с должности управляющего дорогой должно быть одобрено не менее чем шестью членами правления, и утверждено решением советского правительства. Кроме того, управляющий железной дорогой, исходя из тех же договорённостей, должен быть гражданином СССР [11; 16: с. 91]. Вслед за этим 14 июля начались первые крупные увольнения служащего персонала дороги – закрыты бюро рационализации и паспортный отдел управления КВЖД, из коммерческой службы уволено 30 чел., из других служб 8 чел. На следующий день новая администрация дороги объявила об увольнении ещё 45 служащих [4: л. 14]. Из приведённых данных видно, что китайская сторона на первых порах удаляла с железной дороги в основном советский бюрократический аппарат, надеясь легко найти ему замену, а также бесполезных, с их точки зрения, для дороги людей и всех замеченных в коммунистической пропаганде [4: л. 24]. Советские служащие дипломатических представительств также повсеместно подвергались задержаниям и обыскам, а работе самих учреждений постоянно чинились препятствия (отключение телефонных проводов, отказ китайской телеграфной службы принимать дипломатические телеграммы из СССР, бесцеремонные визиты китайских полицейских и солдат в служебные помещения и т. п.) [4: л. 2, 7, 15, 40].

Кроме КВЖД, на территории Северной Маньчжурии функционировал целый ряд советских хозяйственных учреждений, среди которых – Торгпредство, Госторг, Нефтесиндикат, Совторгфлот, Текстильторг. Их представителям 11 июля китайская сторона предложила в течение недели свернуть деятельность своих предприятий и уехать в СССР. Мукденская администрация тут же заявила о высылке из советских хозорганизаций части сотрудников, а именно: из Торгпредства – 12 чел., Совторгфлота – 6 чел., Нефтесиндиката – 4 чел., Дальгосторга – 8 чел.

[4: л. 14]. Позднее ещё около 200 советских служащих, ликвидированных китайской администрацией торговых учреждений СССР и Дальбанка, отплыли пароходом из Дайрена во Владивосток [6: л. 83]. К 16 июля только трудившихся на КВЖД советских граждан было уволено и выслано из ТВП 177 чел., многих из которых сначала «...арестовывали часа за 3–4 до высылки, при чём на сбор вещей давалось 30–40 минут. ...китполиция предлагала брать с собой только то, что выселяемые могут унести с собой, остальное объявлялось конфискованным в пользу китправительства», – говорилось в сводке Дальневосточного краевого комитета (ДКК) ВКП(б) о событиях на дороге по состоянию на 16 июля 1929 г. [4: л. 15]. Все высылаемые, вместе с 303 членами семей служащих Забайкальской железной дороги прикомандированных к КВЖД, в составе двух эшелонов покинули Маньчжурию в тот же день через 86-й разъезд [4: л. 10].

Насильственные действия китайских властей по изгнанию из пределов своей страны советских людей, активизировали их исход близкий к панике, во многом вызванный заботой о безопасности своих семей. На раннем этапе конфликта сделать это было намного легче, чем в последующем. Информационная сводка для Далькрайкома ВКП(б) сообщала, что только 21 июля «...из Маньчжурии отправлен добавочный эшелон в 50 вагонов с эвакуирующимися. Всего из Маньчжурии эвакуировалось по железной дороге свыше 3000 человек» [4: л. 60]. Даже официальная русскоязычная китайская газета «Гун-Бао» в № 837 за 1 октября 1929 г. заявляла, что город Маньчжурия у границы с СССР опустел на $\frac{1}{3}$ за счёт высланных из него советских граждан [6: л. 86]. Необходимо отметить, что на территории СССР незамедлительно были созданы условия для приёма и обустройства прибывающих из Маньчжурии совграждан. Уже 12 июля 1929 г. решением закрытого заседания бюро Далькрайкома ВКП(б) было дано указание Владивостокскому, Хабаровскому, Амурскому и Читинскому окружным комитетам партии по оказанию помощи и срочному предоставлению работы всем советским беженцам из Китая. Для оперативного решения этих вопросов создавалась специальная тройка в составе секретаря ДКК ВКП(б) Верховых и тт. Мамонова, Хаханьяна, а также одного кандидата – полномочного представителя ОГПУ т. Медведь [3: л. 53].

Настроения советских граждан на выезд из Китая в СССР и Монголию всё возрастали [4: л. 62; 6: л. 23]. Однако с 26 августа отъезд совграждан из Северной Маньчжурии стал прак-

тически невозможен, так как в Харбине для них прекратилась выдача виз на выезд в СССР, в связи с чем бюро ДКК ВКП(б) обратилось с просьбой в Москву о принятии подобных контрмер в отношении китайских граждан находившихся на территории советского Дальнего Востока [3: л. 60]. Китайская сторона таким шагом хотела не только оставить на КВЖД высококвалифицированные советские кадры, но и иметь достаточное количество заложников как лишний козырь в нажиме на СССР. В связи с этим в Советском Союзе начались ответные аресты тысяч китайских граждан, живших и работавших на советском Дальнем Востоке, а на реке Амур были задержаны 10 судов с пассажирами коммерческого Северо-Восточного пароходства Китая, акционером которого был сам Чжан Сюэлян [4: л. 6; 6: л. 4, 24, 158].

В июле началась эвакуация дипломатического персонала СССР из ТВП [4: л. 31–32, 49, 98], вследствие чего советские подданные были лишены возможности искать защиты своих прав в официальных советских государственных представительствах в Северной Маньчжурии. В результате Советский Союз вынужден был обратиться за помощью к нейтральной стране, не связанной с Китаем неравноправными договорами. Уже 1 августа 1929 г. харбинская газета «Гун-Бао» сообщала, что «...по просьбе СССР все дела по защите интересов совграждан приняло на себя германское консульство во главе с генеральным консулом Стоббе, так как советский генконсул покинул Харбин» [4: л. 347]. При проезде высылаемых из Маньчжурии советских подданных через станции КВЖД их соотечественники в порыве патриотических чувств устраивали им массовые проводы, чему усиленно противодействовала китайская полиция. Однако участь высылаемых из Маньчжурии совграждан, оказалась более мягкой, чем оставшихся.

Маньчжурские власти, стоявшие на строго антикоммунистических позициях, старались создать в зоне КВЖД атмосферу, при которой русскому персоналу дороги было крайне невыгодно оставаться советскими гражданами. Зная высокий профессиональный уровень советских служащих, мукденская администрация старалась стимулировать их переход в китайское подданство для качественного функционирования магистрали. В случае несогласия возникала угроза их увольнения. С этой целью в управленческий штат дороги китайские власти самочинно ввели бывших белогвардейцев, которые оказывали давление на советских подданных, принуждая их либо менять паспорт, либо увольняться с работы

[4: л. 46; 6: л. 78]. Подобные действия маньчжурских властей имели определённый успех в воздействии на совграждан из числа русских старожилов КВЖД. Поставленные перед необходимостью заботиться о своём материальном благополучии, часть из них перешла в китайское подданство, о чём сообщалось советскими информаторами уже в октябре 1929 г. [6: л. 85].

С ростом конфронтации на линии дороги начались не только увольнения, но и аресты, пытки, а затем и убийства советских граждан. Эти эксцессы в совокупности с нагнетанием психоза на рабочих местах, вызвали активные протесты совграждан. Но защитить себя в чужой стране самостоятельно, без вмешательства советских властей им было сложно. Тем не менее, имея собственную общественно-политическую структуру (профсоюзы, подпольные коммунистические и комсомольские ячейки [2: л. 9–13]), наиболее активная и советизированная часть колонии советских граждан пыталась придать своим протестам организованный характер. Контролировали и управляли этим процессом сперва СМК и ДКК ВКП(б). Тонкость момента заключалась в том, что в первые месяцы конфликта совграждане не чувствовали реальной, видимой поддержки со стороны правительственного аппарата СССР кроме дипломатических заявлений, что создавало впечатление «брошенности». Поэтому, на местном уровне было решено действовать самостоятельно, но эти действия не всегда совпадали с планами Москвы.

Следует отметить, что СМК ВКП(б) находился на подпольном положении, а с 10 июня 1929 г. по решению бюро ДКК ВКП(б) было решено предельно увеличить «порог нелегальности» [3: л. 34]. Помимо этого, ранее решением бюро Далькрайкома партии было предписано СМК: «В целях недопущения полного разгрома аппарата профсоюзов переведите его в полулегальное положение максимальным законспирированием и сохранением кадров» [3: л. 3]. Закрытое заседание бюро ДКК ВКП(б) (9 июля 1929 г.) только подтвердило усиление нелегального режима деятельности советских партийных, комсомольских и профсоюзных организаций [3: л. 50]. Кроме того, незадолго до захвата китайскими милитаристами КВЖД, 27 мая 1929 г. в здании советского консульства в Харбине полицией ТВП было арестовано очередное партийное совещание, что имело последствием не только скандальный «процесс 38», но и реорганизацию руководства советских партийных и профсоюзных структур в Маньчжурии.

По постановлению бюро ДКК ВКП(б) от 10 июня СМК в старом составе распускался, а руководство им возлагалось на вновь созданное бюро СМК из 5 человек, в связи с чем из Хабаровска в Харбин командировались два работника [3: л. 34]. В связи с обострением обстановки на КВЖД в Далькрайкоме было решено поставить во главе Северо-Маньчжурской парторганизации «...руководящую парттройку в составе т. Юрия – секретаря и тт. Филипповича и Цицеры – членами», а профсоюзный «Дорожный комитет утвердить в составе тт. Филипповича, Короля и Беспалова» [3: л. 50]. Для усиления профсоюзных организаций ДКК ВКП(б) командировал в Маньчжурию тт. Плакса и Грислисс, первый – должен был возглавить руководство всем подпольным профбюро. Все раскрытые работники по линии партийной, комсомольской, профсоюзной и общественной работы отстранялись от дел, а «...всех тех товарищей, которым не представляется возможным работать в условиях данной обстановки» предлагалось отозвать в Далькрайком партии [3: л. 51]. В результате СМК в самое неподходящее время на начало конфликта оказался в стадии реорганизации.

Одной из наиболее распространённых форм протеста советских граждан на начальном этапе конфликта явились их массовые самоувольнения с рабочих мест, инспирированные СМК и советской частью администрации КВЖД. Эта мера должна была, с одной стороны – заставить китайские власти оградить советский персонал дороги от насилия под угрозой дезорганизации её работы, с другой – оказать моральную и идеологическую поддержку соотечественникам с целью их сплочения. Организованное начало этому процессу было положено остававшейся ещё частью советского управленческого аппарата дороги, который объявил о том, «...чтобы все сотрудники КВЖД 20.07 не должны являться на работы и 22.07 должны подать индивидуальные заявления об увольнении» [4: л. 48]. Призыв был услышан и 22 июля 1929 г. только из главных железнодорожных механических мастерских в Харбине (крупнейшее предприятие города) 120 рабочих заявили об уходе с работы [4: л. 32]. На остальной линии железнодорожной магистрали самоувольнения совграждан начались ещё раньше. Так, на станции Пограничная уже 14–15 июля советские служащие дороги в массовом порядке подали заявления об увольнении с работы, что стало причиной ареста местными китайскими властями около 50 человек во главе с председателем месткома Ивановым [4: л. 9].

Очередной дубань КВЖД Люй Чжуанань вскоре оценил угрозу здоровому функционированию дороги со стороны потока самоувольнений и попытался остановить его в конце августа 1929 г. прекращением выплат собственных взносов рабочим и служащим, увольняющимся с железной дороги, что лишало их финансового источника существования [6: л. 143]. Однако самоувольнения продолжились, но они только ускорили агрессивное вытеснение советского присутствия на КВЖД наиболее непримиримой частью мукденской власти, считавшей действия Люй Чжуананя слишком мягкими [4: л. 65]. Высвобождавшиеся из-за увольнений и самоувольнений совграждан вакансии быстро заполнялись безработными эмигрантами. В связи с этим наблюдался даже частичный отток белогвардейцев из приграничных с СССР бандформирований для службы на магистрали, что явствует из оперативных разведсводок по Сибирскому военному округу за 21 августа 1929 г. [6 л. 6]. Газета «Рупор» сообщала, что на 27 сентября из главных железнодорожных мастерских всего уволилось около 450 советских рабочих, но их места очень быстро заняли жители города [6: л. 22]. Уровень безработицы среди белоэмигрантов в Маньчжурии на 1929 г. доходил до 25 % от их общего числа, поэтому желающих получить доходную работу было слишком много [9: л. 22].

Количество самоувольнившихся исчислялось тысячами и архивные данные здесь неоднозначны. Так, по данным СМК на 10 августа 1929 г., предоставленным через связного Белоколенко, уволившихся по разным причинам с КВЖД советских граждан было более 5 тыс. чел, а по сообщениям харбинских газет – 3,5 тыс. Через полтора месяца, 26 сентября газета «Гун-Бао» извещала со ссылкой на данные пенсионного отдела дороги, что численность всех уволенных и самоувольнившихся с дороги достигла почти 6 тыс. чел. [4: л. 257; 6: л. 34] Фактически это составило около половины персонала магистрали, с учётом того, что к началу 1929 г. из почти 12 тысяч квалифицированных штатных служащих дороги, советских работало примерно $\frac{2}{3}$ ввиду низкого профессионализма китайских кадров [9: л. 21; 14: с. 326]. Оставшиеся на службе дороги совподданные по своим настроениям отличались от самоувольнившихся тем, что не только не поддерживали их акций самопожертвования, но и были «...в общем отрицательно настроены к политике СССР», как сообщалось в информационном письме в Москву для НКВД и ОГПУ [4: л. 257]. Несмотря на это, все советские подданные, оставшиеся работать на КВЖД, должны были дать

письменные обязательства с обещанием не вступать ни в какие советские организации и не платить им никаких взносов. Совграждане, отказавшиеся писать такие расписки, немедленно увольнялись [6: л. 76].

Аресты и репрессии против граждан СССР в Северной Маньчжурии нанесли сильный удар по руководящему составу партийных и профсоюзных организаций, и без того находившихся в стадии перестройки [4: л. 64]. Связь с Далькрайкомом ВКП(б) осуществлялась через связных, что затрудняло не только оперативность в принятии решений по первостепенным вопросам, но и блокировало информацию. Москва долго отмачивалась по поводу самоувольнений совграждан, пока в начале октября 1929 г., не осудила эти действия, пригрозив всем самоувольнившимся тем, что они понесут личную ответственность за нанесение ущерба советско-китайским отношениям и работе КВЖД. Вся вина, по мнению правительства СССР, за подстрекательство к самостоятельным увольнениям совграждан с дороги ложилась на Далькрайком партии, а те советские подданные, которые остались на рабочих местах из-за неодобрения тактики СМК, объявлялись примером для подражания [6: л. 70]. Между тем, из Хабаровска в Харбин ещё до 6 августа была передана директива о приостановлении самоувольнений, но в СМК ВКП(б) посчитали, что она исходит не от парторганов, а по линии ОГПУ [4: л. 257]. Советское правительство не могло сразу решиться на военную эскалацию конфликта, не зная ещё точной реакции западных держав и Японии на подобный ход событий, поэтому предпочитало, как можно дольше отмачиваться о действиях совграждан на КВЖД.

Несмотря на то что китайские власти были заинтересованы в удалении советского влияния из Северной Маньчжурии, такой массовый исход советских граждан с главной железнодорожной магистрали привёл к кадровому голоду в тех местах, где требовались высококвалифицированные сотрудники. Чтобы не «парализовать» деятельность дороги, которая использовалась и для воинских перевозок, арестованных совграждан заставляли выходить на работу под конвоем [4: л. 256]. Протесты граждан СССР в зоне КВЖД не только не облегчили их участи, но, наоборот, ещё более раскрутили маховик репрессий со стороны чжан-сюэляновских властей и эмигрантских антисоветских формирований, уверовавших в свою безнаказанность – «...В Харбине заправляют белогвардейцы, проверяют на улицах документы и избивают совграждан... Аресты производятся произвольно по указанию русских фашистов.

Харбин наводнили сыщики...», сообщал источник информации ДКК ВКП(б) [6: л. 75].

Но одними митингами и самоувольнениями советские граждане не ограничились. Молодёжь как наиболее активная часть советской колонии предпочитала влиять на ситуацию более решительно. Комсомольская организация Харбина создала подпольные боевые дружины, сведя её членов в десятки по секторам города «...на случай их выступления при начатии действий со стороны СССР», – говорилось в информационном донесении за 24 июля из Северной Маньчжурии [4: л. 62]. Ряд молодых советских людей из таких боевых дружин в ответ на пытки и издевательства над их соотечественниками со стороны белоэмигрантов, служивших в китайской полиции, пытались проводить теракты против полицейских и диверсии на линии КВЖД [6: л. 40-41, 75, 77, 97, 99, 257]. Эти действия советских граждан только озлобляли китайские силовые структуры и давали им ещё больший повод преследовать абсолютно любого советского человека – «...достаточно китайцу указать на русского и сказать "большевик", как его арестовывают. Ведётся усиленная агитация и натравливание китайцев на русских», сообщалось в информационных сводках [6: л. 78]. При этом колонии советских граждан находившейся в атмосфере информационного голода и террора всё же удавалось черпать некоторые сведения о положении вещей не только из эмигрантских, но и просоветских газет, издававшихся в подпольных условиях в Харбине. Естественно, эти сообщения были разбавлены советской агитацией, но представляли альтернативу официальной информации китайских властей [4: л. 269].

Репрессивным действиям подвергались не только рабочие и служащие советских учреждений в Северной Маньчжурии, но и члены их семей. Были сообщения о мародёрстве китайских солдат, их нападениях на советских девушек и женщин, избиениях и изнасилованиях [4: л. 48, 256; 6: л. 75]. Многие самоувольнившиеся с железной дороги вскоре были арестованы, а их семьи – говорилось в сообщениях – тут же выселяли из квартир на улицу вместе с вещами. «Кражи имущества и издевательства над совгражданами, угрозы оружием, избиения арестованных – вошло в систему китполиции» – такие сообщения поступали в Советский Союз уже в первые недели конфликта на КВЖД [4: л. 48; 6: л. 3]. Всё это сказывалось на моральном состоянии советских граждан. Если в начальной фазе конфликта большинство из них, несмотря на репрессии, имело «боевое» настроение [4: л. 46], то с течением

времени гонения и отсутствие решительных шагов со стороны Советского Союза вызывали у многих чувство безысходности. «Советская колония угнетена, но всё ещё надеется на приход Красной Армии. Сильно стремление выехать в СССР» – утверждалось в одном из сообщений [6: л. 78].

В конечном итоге, мукденские власти сделали ставку на всеобщий террор по отношению к советским гражданам. Число арестов совграждан постоянно возрастало, и очень быстро счёт арестованных пошёл на сотни и тысячи человек [4: л. 256]. Во время ареста никаких обвинений не предъявлялось. Тюрьмы в городах были заполнены сверхмеры. Как свидетельствовал один из задержанных, даже одиночные камеры, которые «...максимум рассчитаны на два человека, до отказа набивались по 18–20 человек» [7: л. 173]. Арестованные советские граждане сидели в переполненных камерах вместе с уголовниками, и к ним применялись самые ужасные пытки, каким «...не подвергают даже самых закоренелых преступников» [6: л. 142]. Были эпизоды избиения задержанных совграждан до смерти. Об ужасах, перенесённых советскими подданными в застенках китайских тюрем в 1929 г., свидетельствует немало сообщений, но наиболее красноречиво об этом говорит записка арестованного Полубанова, которую он сумел передать жене через китайского солдата: «Терпеть больше не можем, пришли-те яду» [6: л. 85]. Неоднократно арестованных совграждан для устрашения их соотечественников в избитом состоянии демонстративно возили по улицам города [6: л. 78, 140]. Однако следует отметить, что для Маньчжурии, как и для Китая первой половины XX века в целом, было характерно традиционно жестокое отношение к арестованным преступникам, к числу которых относили и задержанных во время конфликта на КВЖД граждан СССР. Такой уровень правовой культуры явился шоком для колонии советских граждан, не рассчитывавших на подобное обращение с собой. Важно отметить, что жёсткие действия милитаристских кругов ТВП не выражали настроения всего китайского народа, во многом с сочувствием относившемся к Советскому Союзу и его гражданам.

Пытки и издевательства со стороны чжан-сюэляновских властей были не единственным методом устрашения советских граждан в Северной Маньчжурии. Информационные источники ДКК ВКП(б) констатируют многочисленные случаи, главным образом на линии КВЖД, убийств, расстрелов, обезглавливания, пропажи без вести советских подданных. Из реки Сунгари

периодически извлекали обезглавленные тела совграждан, в окрестностях Харбина и других крупных городов Северной Маньчжурии находили останки расстрелянных или зверски замученных советских людей со следами нечеловеческих пыток. Количество всех жертв, как правило, казнённых без суда и следствия, исчислялось многими десятками, но точного их числа архивные источники не дают [12; 6: л. 3, 41, 75, 77, 85, 192]. Спасаясь от репрессий, множество совграждан, лишённых выездных виз из ТВП, было вынуждено искать убежища, где угодно, даже на японских концессиях [6: л. 140–141].

Поскольку тюремные площади ТВП почти сразу были заполнены арестованными советскими подданными, мукденским властям пришлось ускоренно решать вопрос о содержании огромных масс задержанных. Было решено разместить их в нескольких концентрационных лагерях, которые были созданы в июле–августе 1929 г. Первый появился в Старом Харбине (как фильтрационный) на базе клуба железнодорожных механических мастерских и московских казарм, где уже к концу сентября, по опросам прибывших из Китая беженцев, скопилось до 2 тыс. арестованных советских граждан [6: л. 41]. Концлагеря появились также в городах Цицикар, Хайлар и Центральный, наиболее крупный в Сумбее (Сумпу), куда переместили большую часть арестованных из Харбина и линии КВЖД [6: л. 2]. Заведующим лагерем был назначен начальник сумбейского городского управления Чжано Куйан, который во время Первой мировой войны командовал концентрационным лагерем для германских военнопленных в Циндао [6: л. 18].

Сведения об общем количестве советских граждан, заключённых в концлагерях, противоречивы, поскольку их численный состав со временем менялся, а китайская администрация вела учёт небрежно. Советские источники сообщали не менее чем о 3 тыс. заключённых [6: л. 2, 140; 12], из которых через сумбейский лагерь прошло около 2 тыс. человек [6: л. 17; 7: л. 121]. По сохранившимся спискам (по мнению бывших заключённых – неполным) на конец августа – начало сентября 1929 г. в 27 камерах концлагеря Сумбея находилось 1470 чел. [7: л. 1–68]. В подавляющем большинстве это были советские служащие КВЖД разных должностей, в возрасте от 16 до 60 лет. Характерно, что среди них находились и 57 эмигрантов, а также несколько подданных других стран российского происхождения (Польши, Персии, Латвии, Румынии и Китая). Кроме того, в лагере содержалось также 82 женщины 18–63 лет, из которых 7 были эмигрантками,

и 20 детей в возрасте от 6 месяцев до 16 лет [7: л. 20–23, 34–35, 59–68]. Все заключённые делились китайской администрацией на две категории – «вредители», которым ставилась в вину диверсионная деятельность, и «агитаторы», обвинявшиеся в коммунистической пропаганде на территории ТВП. Арестованные первой категории должны были в перспективе предстать перед китайским военным судом [6: л. 17–18]. Судя по наличию в концлагерях не только советских граждан, можно сделать вывод, что среди русских эмигрантов, близких по убеждениям к «сменовеховству», во время советско-китайского конфликта 1929 г. наблюдалось проявление поддержки советской стороны. Свидетельством этого могут служить сообщения по линии ОГПУ в ДКК ВКП(б) и напрямую в Москву, где прямо говорилось о подъёме у части белоэмигрантов патриотических чувств и их морального содействия совгражданам в Северной Маньчжурии и СССР в целом [4: л. 60, 98].

Жизнь заключённых в лагерях протекала в невыносимых условиях. Ещё по дороге в лагерь конвой избивал многих советских подданных, побои продолжались и в самом лагере. Супруга одного из сумбейских заключённых получила записку, в которой её муж сообщал, что «...не битых арестованных в Сумбее не имеется, счастливы, что жив до сих пор, ибо многие не выдерживают пыток», далее он писал, что умерших от истязаний китайская охрана тайно хоронила по ночам [6: л. 140–141]. По описаниям бывшего старосты камеры № 4 Булатова помещения лагеря представляли собой отсыревшие бараки в аварийном состоянии, без отопления, оконных рам, и поначалу, даже крыши, что не позволяло укрываться от дождя и холода. В каждой камере, в среднем, находилось около 50–60 человек. Суточная норма пищи на одного заключённого составляла 2 фунта чёрного хлеба, 3 солёных огурца (или 3 сырых помидора с чесноком) и кипячёная вода. Горячую пищу (суп) советским гражданам впервые дали только 7 октября, т. е. через два месяца после помещения в лагерь [7: л. 8–9]. По воспоминаниям бывшего заключённого камеры № 20 И. Урыхина, который был фельдшером, кипячёная вода, скорее всего, бралась из луж, а в последствии и её давали только подогретой. Подобные условия содержания, питание и качество воды вызвало, по его словам, стопроцентную заболеваемость дизентерией, кишечно-желудочными и простудными болезнями [7: л. 141–144]. Отрицательно сказывалось на здоровье заключённых и отсутствие в лагере квалифицированной медицинской помощи.

Среди заключённых даже появилась частушка, как реакция на такое обстоятельство:

«Для больных здесь есть больница, – доктор учёные,

Всем дают от всех болезней воду кипячённую!» [7: л. 110].

Эти данные не противоречат донесениям ОГПУ в ДКК ВКП(б), где в агентурном сообщении от 15 сентября отмечалось: «Среди полиции говорят, что китвласти среди совграждан, сконцентрированных в концлагере, хотят вызвать какую-нибудь эпидемию в целях вызвать и развить смертность» [4: л. 345]. Положение совграждан несколько улучшилось лишь после усилий, предпринятых германским консулом в Харбине Стоббе, советской дипломатией, международной организацией «Красный крест» и привлечения внимания к проблеме средств массовой информации. В частности, в ответ на советские обвинения по поводу репрессий против совграждан в Маньчжурии, в сентябре 1929 г. большая делегация китайской прессы отправилась в сумбейский лагерь с инспекцией, после чего констатировала в газете «Гун-Бао» вполне комфортное состояние заключённых обвинённых в противоправных действиях на территории Китая [6: л. 17–18]. Официальной китайской прессе пришла на помощь и эмигрантская печать, которая также сообщала о достойном содержании совграждан в концлагерях [6: л. 3–4]. Однако в условиях конфликта к подобным заявлениям следует относиться критически. Несмотря на трудности, связанные с пребыванием в концлагере, советские подданные пытались наладить там свой быт и досуг, самоорганизоваться, отчасти под воздействием новых советских ценностей [7: л. 8–9, 69–73, 93, 96–139, 157–171, 189–190, 204].

Успешные боевые операции советских войск в Северной Маньчжурии против войск ТВП в ходе вооружённого конфликта на КВЖД 1929 г. ускорили прекращение террора в отношении советских граждан и освобождение тех из них, кто был арестован. В рамках 2-й статьи Хабаровского протокола от 22 декабря объявлялось об освобождении всех арестованных и осуждённых с 1 мая данного года советских граждан, их реабилитации и восстановлении в правах на трудоустройство в прежних местах работы с выплатой денежной компенсации [16: с. 145–146]. Вскоре после этого, 31 декабря 1929 г. к 3 часам дня сумбейский лагерь опустел, совграждан эвакуировали из него на 10 автобусах и пешим маршем [7: л. 193].

Резюмируя сказанное, подчеркнём, что в ходе конфликта на КВЖД летом–зимой 1929 г. колония советских граждан в Северной Маньчжурии, оказавшись заложником ситуации, подверглась массированным репрессиям со стороны маньчжурских властей. Как минимум, более 4 тыс. граждан СССР разного возраста, пола и положения были высланы из Китая, не менее 6 тыс. лишились работы и средств к существованию, около 3 тыс. подверглись арестам и заключению в концентрационные лагеря, физическим и моральным унижениям. Многие десятки советских граждан были казнены и погибли от пыток. Организованные формы протеста совграждан возглавлял СМК ВКП(б), но в виду многочисленных арестов среди членов местной парторганизации, совпавшими с процессом её реорганизации, сделать это в полной мере практически не удалось. К тому же, многие действия СМК не были одобрены в Далькрайкоме ВКП(б) и Москве. Несмотря на это советские подданные проявили мужество, достоинство и высокий дух патриотизма, что позволило им проявить элементы самоорганизации перед лицом террора в чужой стране.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Аблова, Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.) / Н.Е. Аблова. – М.: НП ИД «Русская панорама», 2005. – 432 с.
2. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). – Ф. П-2. – Оп. 1. – Д. 51.
3. ГАХК. – Ф. П-2. – Оп. 1. – Д. 143.
4. ГАХК. – Ф. П-2. – Оп. 1. – Д. 165.
5. ГАХК. – Ф. П-2. – Оп. 1. – Д. 167.
6. ГАХК. – Ф. П-2. – Оп. 1. – Д. 183.
7. ГАХК. – Ф. П-2. – Оп. 1. – Д. 184.
8. ГАХК. – Ф. П-44. – Оп. 1. – Д. 401.
9. ГАХК. – Ф. Р-830. – Оп. 1. – Д. 218.
10. ГАХК. – Ф. Р-849. – Оп. 1. – Д. 23.
11. Известия. – 1929. – 14 июля. – № 159.
12. Известия. – 1929. – 6 сентября. – № 205.
13. Мелихов, Г.В. Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке (1925 – 1932) / Г.В. Мелихов. – М.: Русский путь; Вико-М, 2007. – 320 с.
14. Молодяков, В.Э. Россия и Япония: рельсы гудят. Железнодорожный узел российско-японских отношений (1891–1945): историческое исследование / В.Э. Молодяков. – М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2006. – 447 с.
15. Песков, В.М. Конфликт на КВЖД (1929 г.) – военно-политический аспект / В.М. Песков // Актуальные проблемы исследования истории КВЖД и российской эмиграции в Китае. – Хабаровск: Изд-во ДВГТУ, 2008. – 170 с.
16. Советско-китайские отношения. 1917–1957. Сборник документов. – М.: Изд-во Восточной литературы, 1959. – 468 с.
17. Тихоокеанская звезда. – 1926. – 5 декабря. – № 456.
18. Усов, В.Н. Советская разведка в Китае. 20-е годы XX века / В.Н. Усов. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 384 с.

СТАНОВЛЕНИЕ ТРАКТИРНОГО ПРОМЫСЛА КАК ЭТАП РАЗВИТИЯ ИНДУСТРИИ ГОСТЕПРИИМСТВА (НА ПРИМЕРЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА)

В.А. Чернов

Чернов Владислав Афиногенович – старший преподаватель кафедры социально-культурного сервиса и туризма Дальневосточного государственного университета путей сообщения.

Контактный адрес: tour@festu.khv.ru

На основе изучения развития индустрии гостеприимства в стране (XVIII – начало XX вв.) и на Дальнем Востоке России (середина XIX – начало XX), появления новых видов предприятий и их правового регулирования в статье показано формирование новой отрасли экономики – трактирного промысла и содействие его становлению государственных органов управления.

Ключевые слова: индустрия гостеприимства, трактирные заведения, Дальний Восток, Приамурский край, история гостиничной отрасли.

В данной статье автор понимает под «индустрией гостеприимства» собирательное название системы обслуживания людей, временно находящихся в путешествии, на отдыхе или в деловой поездке вдали от дома. В связи с данным определением автор не рассматривает такую категорию путешествующих, как переселенцы, которые приезжали на Дальний Восток на постоянное место жительства и работы. В настоящее время в деловом и научном обороте употребляется термин «гостиничная отрасль». Автор считает нужным указать на то, что понятие «индустрия гостеприимства» шире чем гостиничная отрасль.

Яркий представитель американской школы гостинично-ресторанного бизнеса Джон Уокер в своей книге «Введение в гостеприимство» пишет, что понятие «гостеприимство» старо, как сама человеческая цивилизация. «...Начиная с древнейшей традиции преломлять хлеб со странниками, оказание гостеприимных услуг людям, оказавшимся по тем или иным причинам вне дома, превращалось по мере развития человеческой цивилизации в профессию для все большего и большего числа людей, пока не превратилось в подлинную индустрию» [28: с. 10]. Всемирно известные американские маркетингологи Филип Котлер, Джон Боуэн и Джеймс Мейкенз в своем бестселлере «Маркетинг: гостеприимство и туризм» под индустрией гостеприимства определяют бизнес, направленный на обеспечение приезжих людей жильем, едой и пищей, а также организацию их досуга [8: с. 17].

Среди отечественных исследователей понятие «индустрия гостеприимства» трактуется от вида экономической деятельности, включающей предоставление гостиничных услуг и организа-

цию краткосрочного проживания в гостиницах, кемпингах, мотелях, школьных и студенческих общежитиях, домах для приезжих и т. п. [18: с. 215] до системы современных производств, предприятий, сервисных учреждений и организаций, специализирующихся на обслуживании приезжающих в данную местность на сравнительно короткий период времени людей с целью отдыха, деловых встреч или с личными целями [27: с. 104]. В первом случае в индустрию гостеприимства включают и услуги ресторанов, во втором – «...такие услуги и звенья сервисной деятельности, как размещение гостей, общественное питание, перевозка, отдых (рекреация) и развлечения».

Автор в данной работе под индустрией гостеприимства рассматривает совокупность гостиниц и иных средств размещения и их деятельность по оказанию как непосредственно самих услуг размещения, так и сопутствующих им (питание, развлечение и т. п.). Средства размещения, под которыми понимают любой объект, регулярно или эпизодически представляющий места для ночевки, составляют основу туристской индустрии, поскольку обеспечивает первичные потребности человека в отдыхе, сне и еде. В мире на их долю приходится до 65 % лиц, занятых в туристской сфере, и около 68 % всех поступлений от туризма [18: с. 215]. По разным оценкам число только международных туристских поездок на земном шаре в 2010 г. превысит 1 млрд., и туристы истратят на эти путешествия 1,55 трлн. долл. (прогноз Всемирной туристской организации – ЮНВТО) [26: с. 15]. В свою очередь на долю туризма приходится около 6 % мирового валового национального продукта, 7 % – мировых инвестиций, 5 % – налоговых поступлений [32: с. 42],

12 % – мировых потребительских расходов [9: с. 5] и 27 % всего мирового объема услуг [7].

Первым реформы индустрии гостеприимства в нашей стране начал проводить Петр I. Сам он имел возможность лично познакомиться с условиями проживания и питания в европейских гостиницах и постоялых дворах во время своих заграничных путешествий, и это заставило его по-новому взглянуть на существовавшую в то время систему гостеприимства в России. Помимо того, что по указам Петра I. были описаны все постоялые дворы и избы, в которых сдавались углы, включая иноземные дворы и дворы церковных причетников, введена откупная система на них и налогообложение, а «...на Москве и в городах указано делать постоялые дворы», царь также указом позволил «...иноземцу Петру Милле завести на Васильевском острове трактир» [31]. На участке в 20 сажен он должен был построить кирпичный дом в два-три этажа для устройства там Вольного дома, «...таким манером, как и в прочих окрестных Государствах вольные дома учреждены, дабы в том доме иностранные купеческие и здешние всяких чинов люди трактировать могли за свои деньги» [13]. В трактире¹ должны были иметь место как жилые помещения для приезжих, так и предлагаться продажа «всяких питей и табаку» для употребления только в помещениях дома.

Таким образом, в России, помимо постоялых дворов (для простого люда), почтовых станций (для проезжих), монастырских подворий (для паломников) появился еще один вид средств размещения. Вольные дома (трактиры) были предназначены для приезжих, состоятельных людей и «лучшего плезира» (лучшего обслуживания).

В царствование Елизаветы Петровны «...ради приезжающих из иностранных Государств иноземцев и всякого звания персон и шкиперов и матросов, також и для довольства Российских всякого звания людей, кроме подлых² и солдатства» были учреждены герберги (от немецкого слова «die Herberge», что означает постоялый двор). Герберги подразделялись на пять категорий: 1) «квартиры с постелями, столы с кушаньем, кофе, чай, шеколад, биллиард, табак

курительный, виноградная вина, Гданская и Французская водки, заморский элбиль и легкое полпиво»; 2) «кроме стола с кушаньем, все вышеописанное»; 3) «кроме квартиры с постелями, все вышеописанное»; 4) «кроме квартиры с постелями, стола с кушаньем, все вышеописанное»; 5) «одно кофе, чай, шеколад, табак курительный, кроме вышеописанного» [2]. Значительно позже эти категории трансформировались в такие понятия, как гостиница, меблированные комнаты (или квартиры), ресторан, питейное заведение, кофейня (или чайная).

Со временем царским указом были закрыты все вольные дома, но остались герберги и трактиры, которые уже разделялись на четыре разряда. В начале XIX в. появились кофейные дома, съестные трактиры (т. е. без продажи крепких питей), кухмистерские столы (к ним относились и первые «ресторациоры»), харчевни, к середине века – кафе-ресторанты. Первоначально кофейные дома предназначались «...для того, чтобы временно приезжие люди находили в них квартиры, пищу и услуги, так и для того, чтоб всякой, отвлеченной по службе или надобности от дому, где живет, каковых в сей Столице вседневно бывает весьма знатное число, найти мог в сих местах убежище для отдохновения, пищу и другие потребности, а вместе с сим беседу и способы к пристойным забавам и проведению времени» [10]. Они разделялись на два разряда: первый – с номерами для ночлега, питанием и различными напитками (включая водку), а второй – без условий для ночлега и питания. Понятие «гостиница» пока еще относилось к тем средствам размещения, которые находились при почтовых дворах, а позже и при железной дороге.

Впервые 2 февраля 1821 г. вышло Положение «О гостиницах, ресторациях, кофейных домах, трактирах и харчевнях в С.Петербурге и Москве», которое начало регулировать складывающуюся в стране индустрию, которая еще не получила общего названия. Допускались к содержанию гостиниц только купцы 1-й и 2-й гильдий, к содержанию рестораций и трактиров – купцы всех гильдий и мещане, а кофейных домов – еще и цеховые мастера, «в кондитерском цеху записанные» [11]. Через пять лет царский указ «Об устройстве трактирных заведений в С.Петербурге» [15] не только дал общее название всему, говоря современным языком, гостинично-ресторанному бизнесу, но и разделил все заведения на пять родов: 1) гостиницы; 2) ресторации; 3) кофейные дома; 4) трактиры; 5) харчевни.

¹ Трактир [латин. tracto – угощаю] (устар). Первоначально – гостиница с рестораном, позднее – ресторан низшего разряда [19: с. 566].

² Так именовался простой народ, которому, так же как и солдатам, запрещался вход в трактиры и герберги.

В дальнейшем все положения о трактирных заведениях, как правило, разрабатывались отдельно для столичных, губернских, портовых, уездных заштатных городов и селений, а также для Великороссийских, Сибирских, Малороссийских и Новороссийских губерний, входя составной частью в «Условия содержания питейных сборов» на очередные четырехлетние откупные периоды.

1861 г. прославился не только отменой крепостного права, но и учреждением новых общероссийских Положений «О питейном сборе» [12] и «О трактирных заведениях» [14], разделив их на два отдельных документа. Согласно же новому, теперь единому для всей страны, Положению трактирным заведением являлось «открытое для публики помещение, в котором либо отдаются в наем покои "со столом", либо производится продажа кушанья и напитков». На этом основании трактирными заведениями стали считаться: гостиницы; подворья; меблированные комнаты (квартиры – в столицах), отдаваемые со столом, если у одного хозяина отдавалось более шести комнат; собственно трактиры; рестораны; кофейные дома; греческие кофейные (в Москве); кафе-рестораны и кухмистерские столы для проходящих; харчевни; буфеты при театрах, балаганах, пароходах, на пароходных пристанях, станциях железных дорог, в клубах и публичных собраниях разного рода; такие овощные и фруктовые лавки, «где в особых покоях предлагаются "на месте" закуски и завтраки разными съестными припасами»; городские галереи (в Москве) с правом держать стол и продавать напитки; открываемые на все летнее время палатки на гуляньях. Не считались содержателями трактирных заведений владельцы домов или жильцы, которые отдавали в наем меблированные квартиры «без стола», либо в наем «со столом» не более шести комнат; содержатели постоянных дворов и съестных лавочек; кухмистеры, кондитеры и вообще занимающиеся приготовлением всякого рода съестных припасов для продажи «на вынос», а не для употребления в местах продажи.

Теперь уже все трактирные заведения были подведены под один разряд, всем были предоставлены одинаковые права по торговле, им разрешалось иметь бильярды, дозволенные законом игры и, самое главное, музыку, но в харчевнях не дозволялась игра в карты. Сняты были и некоторые ограничения по сословиям: к содержанию трактирных заведений допускались купцы всех трех гильдий, мещане, цеховые и крестьяне, торгующие по свидетельствам всех четырех разря-

дов. Число трактирных заведений не ограничивалось и одному лицу разрешалось содержать несколько трактирных заведений. Содержателям трактирных заведений вне городских поселений дозволялось иметь «особые покои для ночлегов и временного постоя».

Но это положение разделило все средства размещения на две части: относящиеся к трактирным заведениям (гостиницы, подворья, меблированные комнаты, содержащие более шести номеров, трактиры вне городов) и не относящиеся к ним (меблированные комнаты «без стола», или имеющие менее шести номеров и постоянные дворы). То же самое произошло и с заведениями питания. Многие содержатели пользовались этим, и под видом одних заведений часто существовали совсем другие. В старых справочниках мы находим одни и те же заведения то под видом гостиниц, то под видом номеров, меблированных комнат или постоянных дворов, что позволяло пользоваться условиями открытия и содержания, предназначенными совсем для другой категории, или снижать налоговое бремя.

8 июня 1893 г. было утверждено новое Положение «О трактирном промысле» [19] (не распространялось на губернии Царства Польского). Согласно новому Положению трактирным промыслом признавалось «...содержание открытого для публики заведения, где продаются кушанья и напитки для потребления на месте». К трактирному промыслу было отнесено большое количество заведений как с отдачей в наем покоев, так и без них. К *первой* группе (с отдачей в наем покоев) были отнесены: гостиницы, постоянные дворы, заезжие дома, корчмы, меблированные комнаты и подворья, т. е. все те заведения, которые мы относим к средствам размещения. Ко *второй* группе (без отдачи в наем покоев) были отнесены: трактиры, рестораны, харчевни и духаны; овощные и фруктовые лавки и ренсковые погреба, в которых подаются закуски и кушанья; столовые, кухмистерские, буфеты при театрах, на пароходах, пароходных пристанях, станциях железных дорог, в клубах, публичных собраниях или на гуляньях и на выставках; пивные лавки с продажей горячей пищи; кондитерские и пирожные с продажей в них разных припасов для потребления на месте; кофейные, съестные или закусочные лавки и т. п. Не относились к трактирным заведениям, те которые торговали хотя бы для потребления на месте, одним чаем, молоком, молочными продуктами и всякого рода прохладительными напитками, например: квасом, водами (сельтерской, содовой, фруктовыми, ягод-

ными) и т. п., в этих заведениях допускалась продажа потребителям хлеба; пивные лавки, в которых производилась продажа только холодных (маркитанских) закусок; заведения для продажи крепких напитков.

Как и прежде не подпадали под действие правил, установленных Положением, стационарные дома, которые оставались в непосредственном заведывании почтового управления. Почто-содержателям дозволялось без свидетельств на право торговли иметь на содержимых ими станциях припасы для проезжающих.

Все это привело к тому, что все указанные заведения по «Положению о трактирном промысле» стали выделяться в одну группу, и подтверждение этому мы находим при анализе Адресных книг Санкт-Петербурга (можно и других городов). В 1892 г. [1] в справочнике имеются отдельные разделы, такие как «Гостиницы» (к. 510–511³), «Кухмистерские» (к. 537), «Рестораны» (к. 579–581), «Трактиры» (к. 590–597), «Трактиры без крепких напитков» (к. 597–598), «Увеселительные заведения и сады» (к. 598–599). А уже в 1894 г. [2] появился раздел «Трактирные заведения» (к. 1675–1700), который был разделен на следующие подразделы: буфеты, гостиницы, кафе-рестораны, кондитерские без крепких напитков, кухмистерские и столовые, паштетные, пирожные лавки и курени, постоялые дворы; рестораны, саечные курени, съестные лавки, трактиры, кегельбаны, трактиры без крепких напитков, фруктовые магазины на правах трактиров, чайные лавки, ночлежные приюты. За пределами этого раздела оказались только «Меблированные комнаты» (к. 1402–1408). По такому же принципу стал вестись и статистический учет в стране, поэтому с этого момента очень трудно стало выделять гостиничную составляющую, так как ее показатели оказались в общей сумме показателей по разделу трактирных заведений.

К этому времени территория современного Дальнего Востока стала активно осваиваться. Крестьянские переселения осуществлялись как принудительным (1955 г.), так и добровольным способом. Основная масса переселенцев связана с одной стороны – с отменой крепостного права (с 1861 по 1881 гг. 16 843 человек в основном в Амурскую область) и с установлением морского пароходного сообщения Одесса – Владивосток в

1880 г. (с 1883 по 1892 гг. в Южно-Уссурийский край прибыло 19 490 человек, а в Амурскую область – 13 449). Помимо сельского хозяйства, на Дальнем Востоке получило развитие рыболовство, а также морской и лесной промыслы. Развивались и некоторые виды промышленности как добывающая (золото, каменный уголь), так и перерабатывающая (мукомольная), а также металлообработка и машиностроение (механические мастерские, судостроительные заводы). Появлялись крупные судоходные компании и торговые фирмы.

Управление Дальним Востоком было перенесено из Иркутска во Владивосток путем выделения в 1884 г. Приамурского генерал-губернаторства из Восточносибирского, что повлекло за собой и перераспределение чиновничества. Строительство Уссурийской, а затем и Китайской Восточной железных дорог привлекло на Дальний Восток значительную массу рабочих (в том числе иностранных), специалистов и торговцев.

Во второй четверти XIX века происходит взрыв интереса к путешествиям по России. Словно проснувшись после долгого сна, творческие люди видят перед собой огромную, таинственную и прекрасную страну – Россию [5: с. 17]. Потянулись в путешествие через Сибирь и иностранные путешественники. «В Хабаровске часто стали мелькать туристы со всех концов мира» – писала уже в 1895 г. Варвара Духовская, супруга Приамурского генерал-губернатора.

Все это повлияло на становление и развитие индустрии гостеприимства на Дальнем Востоке. В первые годы освоения Дальнего Востока деятельность первых гостиниц, точнее номеров для приезжих, была настолько неустойчива, что они то возникали по чьей-нибудь инициативе, то исчезали совсем. Первой гостиницей на Дальнем Востоке следует считать второй этаж общественного клуба в Николаевске-на-Амуре, построенного в 1855 г., с номерами для приезжих. В 1962 г. в Благовещенске появились две гостиницы и один постоялый двор. В 1965 г. во Владивостоке механиком Носсером и купцом Колесниковым была построена гостиница, имевшая четыре номера для приезжающих, зал, кухню и бильярдную.

С введением сначала «Положения о трактирных заведениях» в 1861 г., а затем «Положения о трактирном промысле» разделить заведения по назначению зачастую не представляется возможным. В связи с незначительностью населения и небольшим потоком как приезжающих,

³ Адресная книга разделена на колонки: по три на странице.

так и проезжавших, основная часть трактирных заведений представляла собой двухэтажный деревянный дом с комнатами для приема пищи на первом этаже и комнатами для ночлега на втором.

Более точное представление о местных трактирных заведениях даёт выдержка из акта осмотра помещения комиссией, на основании которого выдавалось разрешение на его открытие: «...дом Благовещенского 2-й гильдии купца Иосифа Николаева Очередина в 38 квартале на углу Амурской и Мастерской улиц, в котором Потомственный Почетный гражданин Гавриил Владимирович Добровольский намерен открыть трактирное заведение, нашли, что дом этот имеет в первом этаже три комнаты и в верхнем три малые комнаты и отдельно кухня, помещение это Добровольским при освидетельствовании были заявлены нам, что внизу две комнаты будут заняты помещением для посетителей и одна буфетом и вверху три комнаты номерами специально для проезжающих; помещение это вполне соответствует своему назначению; в чем и составлен настоящий акт» [6: л. 82]. Подтверждение этому находим и в решении очередного собрания Хабаровской городской Думы, состоявшегося 4 июля 1900 г., разрешившем дворянину Булханову открыть «...трактирное заведение с номерами с продажей крепких напитков в 13 квартале по Инженерной улице в доме мещанина Подпахы» [25: л. 81].

Поэтому в отчетах губернаторов, городских голов и статистических сведениях давалась численность гостиниц и трактиров одной суммой. Например, в Благовещенске в 1873 г. на «338 душ обоего пола» приходилось 6 гостиниц и трактиров, а в 1902 г. в городе насчитывалось 24 трактирных заведения.

В период экономического подъема перед Первой мировой войной появляются новые виды предприятий индустрии гостеприимства: помимо ресторанов, появляются кафе-рестораны, а также кафе-столовые и просто столовые. Гостиницы имели свои рестораны или буфеты, в которых подавали не только выпивку, но и полноценные обеды и ужины. С другой стороны, рестораны и даже столовые зачастую имели номера для приезжих. Поэтому часто на месте гостиницы появлялись рестораны и наоборот. Гостиницы и рестораны обзаводились концертными залами, на их месте появлялись кафе-шантаны, варьете, театры-кабаре и другие подобные заведения. Бывшие трактиры превращались в пивные залы, в противовес им открывались чайные залы. Все смешалось до такой степени, что существовал даже ресторан с названием «Американский трактир».

Некоторые справочники все-таки дают возможность разделить эту отрасль по видам деятельности. Например, в 1914 г. в Благовещенске насчитывалось постоянных дворов – 31, гостиниц и меблированных комнат – 12, ресторанов – 20 [4]. С другой стороны, деление иногда происходило по разрядам. Там же в 1919 г. распределение торговых предприятий по категории «...гостиницы, кафе, рестораны и т. д.» было следующим: I разряда – 4 предприятия, II разряда – 31, III разряда – 14.

Аналогичную картину можно наблюдать также во Владивостоке и Хабаровске, отличие состоит только в том, что у каждого города имела своя специфика, которая отражалась и на развитии индустрии гостеприимства в нем. Благовещенск, например, как центр сельскохозяйственного производства, а также золотодобывающей промышленности, был к тому же и местом пересечения торговых и даже караванных путей между Северным Китаем и российским Дальним Востоком. Следует учесть, что Благовещенск был и казачьей столицей на Востоке России. Поэтому основу индустрии гостеприимства в Благовещенске составляли постоянные дворы, где каждый приехавший мог найти приют не только для себя, но и для своей лошади, обоза и даже каравана верблюдов, пришедшего из Китая. Хабаровск, как столица чиновников и военных, больше требовал обычных гостиниц и меблированных комнат, а также квартир, сдаваемых в наем. Владивосток – главный военный порт и торговый порт на российском востоке, который в большей степени принимал иностранных купцов, гостей и соответственно требовал наличия фешенебельных гостиниц и отелей в большей степени, чем другие города Дальнего Востока.

Гостиничной отрасли большое внимание уделяли как губернские, так и городские власти. «Приамурские ведомости» писали: «Недостаток гостиниц и вообще помещений для приезжих в городе составляет для последних непреодолимые препятствия сносному устройству там хотя бы на несколько дней. Администрация края, оценивая эти затруднения, особенно тяжело отзывающиеся на первых же шагах всякого новичка в молодом, еще устраивающемся крае, всегда стремилась к изысканию средств для улучшения условий здешней жизни» [22].

Самую большую помощь власть оказала владивостокским гостиницам. К тому времени Владивосток как главный военный и торговый порт России на Тихом океане принимал большое количество иностранных морских судов. Строительство железных дорог привлекло большое

количество иностранцев, включая тех, кто уже привык жить в комфортных условиях. Та же газета сообщала: «По ходатайству Приамурского генерал-губернатора 5-го января последовало Высочайшее повеление об отпуске Владивостокскому купцу Иванову 35-ти тыс. руб. на устройство гостиницы во Владивостоке в беспроцентную ссуду с возвратом названной суммы равными частями в течение восьми лет. Гостиница должна заключать в себе, между прочим, помещение вполне удобное для проезжающих иностранцев и не должна быть соединена с какими бы то ни было увеселительными заведениями» [20]. Благодаря поддержке краевой и областной власти гостиница была построена за 10 месяцев и на ее освящении в присутствии корейского посольства, возвращавшегося из Москва с коронации российского императора, военный губернатор Приморской области П.Ф. Унтербергер поднял бокал за здоровье «Главного Начальника края С.М. Духовского, сердечной отзывчивости которого и поддержке гостиница обязана своим открытием. В этом смысле Его Высокопревосходительству была послана телеграмма, на которую Сергей Михайлович ответил благодарственной телеграммой, с пожеланием процветания гостинице и широкого удовлетворения тем нуждам приезжих, которым она предназначена служить» [22]. В 1902 г. и купцу И.И. Галецкому было разрешено выдать «из казны беспроцентную ссуду в 150.000 рублей серебром на постройку во Владивостоке перво-классного отеля с театральным залом и гостиницей» [3].

Генерал Духовской уделял внимание и хабаровским гостиницам, он «посетил гостиницу «Лондон», которую тщательно осматривал и, оставшись доволен осмотром, выразил содержанию ее свою благодарность за предприимчивость: известно, что вопрос помещений и квартир оставляет у нас в городе большое место» [21].

Городская власть, помимо того, что непосредственно решала вопросы по освидетельствованию помещений для открываемых трактирных заведений и выдавала разрешения для их открытия, она еще способствовала тому, чтобы дать возможность нормального размещения всем гостям, прибывшим на значимые мероприятия, такие как съезды и краевые выставки. Для размещения гостей Амурско-Приморской выставки 1899 г. и планируемых во время нее съездов врачей, учителей, духовенства, имеющего отношение к делу народного образования, лесничих и сельских хозяев были подготовлены дополни-

тельно помещения в общественных и учебных заведениях.

Наибольшую активность по содействию индустрии гостеприимства городская администрация проявила во время подготовки и проведения в 1913 г. грандиозной выставки Приамурского края, посвященной 300-летию царского дома Романовых. Несмотря на, казалось бы, достаточное количество гостиниц и номеров, оргкомитет уделял особое внимание размещению участников и посетителей выставки, прибывающих из других местностей – для этого было организовано квартирное бюро [29: с. 36].

Незадолго до открытия выставки с открытым письмом в прессе выступил городской голова Еремеев: «Квартирный вопрос администрацией выставки поручен мне, как городскому голове, с предложением организовать особое бюро по разработке такового... В настоящее время, т. е. за 2 недели до выставки, имеется в городе 19 гостиниц, имеющих до 300 номеров, цены стоят нормальные и гостиницы в большинстве случаев далеко не все заполнены; по моему объявлению о желании жителей уступить для приезжающих свободные комнаты, уже поступило заявлений на 60 комнат, вмещающих более 100 чел., цены разные... есть даже комнаты удобные для иностранцев, т. е. с соответствующей обстановкой и где говорят на французском, немецком и английском языках... предполагается к открытию общежитие, где за кровать и уголок плата будет 50 коп. в сутки. Помещения учебных заведений предоставлены для бесплатного пользования экскурсантов, учителей, курсистов и для др. групп. Затем, несомненно, многие готовы принять у себя приезжающих своих родственников и хороших знакомых; некоторые управления и конторы тоже озабочены приютом того или другого приезжающего на выставку по обязанности службы. Если все это учесть и принять во внимание пребывание некоторых на пароходах, то Хабаровск свободно может вместить до 1500 человек приезжих» [23].

Все вышеизложенное позволяет говорить, что индустрия гостеприимства, и конкретно гостинично-ресторанное дело на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. развивалось в соответствии с развитием всей экономики края.

Таким образом, издание «Положения о трактирных заведениях» 1861 г. и последующие за ним законодательные акты, позволили унифицировать законодательство, регулирующее положение средств размещения в нашей стране. Отпали сословные ограничения как на их содержа-

ние, так и на пребывание в них. Это, с одной стороны упорядочило правоотношения, а с другой, стало стимулом для развития гостиниц и средств размещения. В конце XIX в. происходит выделение трактирных заведений в отдельную отрасль и возникновение нового понятия ПРОМЫСЕЛ. Под ним подразумевают определенный вид деятельности с целью получения выгоды [33: с. 415–425], который в дальнейшем с возрастанием объемов производства, усложнением и увеличением количества используемого оборудования и с привлечением науки может эволюционировать в промышленность. В 1910 г. в обиход вошло понятие «трактиропромышленник», что означало владельцев заведений трактирного промысла [25: с. 4]. Становление гостиничного дела в Дальневосточном регионе опиралось на общероссийские традиции и происходило после издания вышеуказанного «Положения». Этому способствовало необычайная предприимчивость русских людей на Дальнем Востоке страны, поддержка краевых и местных властей. В начале XX в. здесь существовала не только сеть постоянных дворов и других средств размещения, но и отдельные фешенебельные гостиницы, на постройку которых уходило более сотни тысяч полновесных царских рублей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адресная книга города С.-Петербурга на 1892 г. Составлена при содействии Городского Общественного управления / под ред. П.О. Яблонского. – С.-Пб., Лештуковская паровая Скоропечатня П.О. Яблонского, 1892.
2. Адресная книга города С.-Петербурга на 1894 г. – С.-Пб., 1894.
3. Амурская газета. – 1902. – 30 апреля.
4. Амурский Торгово-Промышленный адрес-календарь на 1914 год. – Благовещенск : Издание Конторы Благовещенского Товарищества на Амуре, 1914.
5. Борисов, Н.С. Повседневная жизнь русского путешественника в эпоху бездорожья / Н.С. Борисов. – М. : Молодая гвардия, 2010. – 440 [8] с. : ил. – (Живая история: Повседневная жизнь человечества).
6. Государственный архив Амурской области (ГААО). Фонд 8. Благовещенская городская управа. Опись 1. 1858, 1862–1922 гг. Дело 34. Документы об открытии питейных заведений и трактиров.
7. Зорин, И.В. Феномен туризма: Миссия и функции туризма / И.В. Зорин. – М. : Советский спорт, 2005. – 186 с.
8. Котлер, Ф. Маркетинг. Гостеприимство и туризм : учеб. для вузов : пер. с англ. / Ф. Котлер, Дж. Боуэн, Дж. Мейкенз; под ред. Р.Б. Ноздревой. – М. : ЮНИТИ, 1998. – 787 с.
9. Можяева Н.Г. Туризм / Н.Г. Можяева, Е.В. Богинская. – М. : Гардарики, 2007. – 270 с. : ил.
10. О городских доходах и расходах // ПСЗРИ. Собр. 1. – Т. 29. – № 22030.
11. О гостиницах, ресторациях, кофейных домах, трактирах и харчевнях в Санктпетербурге и Москве // ПСЗРИ. Собр. 1. – Т. 37. – № 28538.
12. О питейном сборе // ПСЗРИ. Собр. 2. – Т. 36. – № 37197.
13. О позволении иноземцу Петру Милле завести на Васильевском острову трактир // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание первое. – Т. 5. – № 3299.
14. О трактирных заведениях // ПСЗРИ. Собр. 2. – Т. 36. – № 37198.
15. О устройстве трактирных заведений в С. Петербурге // ПСЗРИ. Собр. 2. – Т. 1. – № 793.
16. Об учреждении в С. Петербурге и в Кронштадте гербергов и об отдаче оных в содержание Российским купцам // ПСЗРИ. Собр. 1. – Т. 12. – № 9294.
17. Ожегов, С.И. Словарь русского языка : Около 53 000 слов / С.И. Ожегов; под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. – 24-е изд., испр. – М. : Оникс : Мир и Образование, 2008. – 640 с.
18. Организация туризма [Текст] : учеб. пособие / А.П. Дурович [и др.] ; под общ. ред. Н.И. Кабушкина [и др.]. – Мн. : Новое знание, 2003. – 632 с.
19. Положение о трактирном промысле // ПСЗРИ. Собр. 3. – Т. 13. – № 9758.
20. Приамурские ведомости. – 1896. – 4 февраля.
21. Приамурские ведомости. – 1896. – 18 августа.
22. Приамурские ведомости. – 1896. – 6 октября.
23. Приамурские ведомости. – 1913. – 6 июля.
24. Ресторатор. – 1910. – № 3.
25. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Фонд 1259. Хабаровская городская дума. Опись 1. Журналы собраний Хабаровской городской Думы. Дело 11. 1900 г.
26. Скобкин, С.С. Маркетинг и продажи в гостиничном бизнесе : учеб.-практ. пособие / С.С. Скобкин. – М. : Юристъ, 2001. – 224 с.
27. Туризм, гостеприимство, сервис: словарь-справочник / Г.А. Аванесова [и др.]; под ред. Л.П. Воронковой. – М. : Аспект Пресс, 2002. – 367 с.
28. Уокер, Дж.Р. Управление гостеприимством. Вводный курс: учеб. : пер. с англ. / Дж.Р. Уокер. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2006. – 880 с. – (Зарубежный учебник).
29. Чернов, В.А. Гостиничная отрасль Хабаровска (1858–1918) : монография / В.А. Чернов. – Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2009. – 87 с. : ил.
30. Чернов, В.А. История появления первых гостиниц на Дальнем Востоке // Культура и туризм в современном мире: направления и тенденции развития : матер. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, 18–19 ноября 2010 г., г. Хабаровск / под ред. А.С. Брейтмана, В.А. Чернова. – Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2010. – С. 134–140.
31. Чернов, В.А. Петровские реформы гостиничной отрасли // Состояние и проблемы кадрового обеспечения сферы культуры и искусства Дальнего Востока России : сб. материалов науч.-практ. конф., 17–18 ноября 2010 г., Хабаровск / под ред. С.Н. Скоринова, Л.В. Корневой. – Ч. 1. – Хабаровск : Изд-во ХГИИК, 2010. – С. 289–293.
32. Экономика и организация туризма. Международный туризм. – М. : КНОРУС, 2005. – 576 с.
33. Энциклопедический словарь. Т. 49. Пряга – Проща отпуса. Репринтное воспроизведение издания Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон. 1890 г. – М. : Терра, 1992. – 478 с.

РЕДАКЦИОННАЯ ПОЧТА

ПЕРВЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОРУМ «АНГЛИЙСКИЙ КАК МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЯЗЫК В АЗИИ» (МАКАО, 2010)

З.Г. Прошина

Прошина Зоя Григорьевна – доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова и Дальневосточного федерального университета; Президент Международной ассоциации исследователей вариантов английского языка (IAWE).

Вопросы функционирования английского языка (АЯ) в Азии и языковой политики азиатских государств рассмотрены на Международном форуме «Английский как международный язык в Азии», организованном Политехническим институтом Макао и Пекинским государственным университетом с 4 по 6 декабря 2010 г. Макао (Аомэнь), бывшая португальская колония и с 1999 г. специальный административный район Китая, сохранивший наследие 400-летнего культурного обмена между Китаем и европейской цивилизацией, избран местом встречи неслучайно. В этом городе соединились культуры Запада и Востока, поэтому фокус обсуждения современных проблем глобального распространения АЯ и взаимодействия языков и культур в Азиатско-Тихоокеанском регионе оказался весьма актуальным для представителей разных государств. Данный форум – первый из трех запланированных в серии междисциплинарных обсуждений (второй форум в 2012 г. будет посвящен вопросам международного порядка в Восточной и Юго-Восточной Азии; третий – в 2013 г. вопросам игровой и экономической политики).

В задачи форумов входят следующие: 1) обсуждение текущего состояния обозначенной области знаний; 2) рассмотрение текущих вопросов теории, методологии, анализа и их междисциплинарных импликаций; 3) представление итогов исследований по перспективным ключевым вопросам; 4) выработка рекомендаций по решению основных обсуждаемых проблем; 5) публикация результатов форума (материалы Первого форума будут опубликованы издательством Springer).

В работе данного форума приняли участие 11 приглашенных участников, выступивших с докладами: Энди Киркпатрик (Гонконгский ин-

ститут образования), руководитель круглого стола форума; Роланд Сассекс (университет Квинслэнда, Австралия), секретарь форума; Кингсли Болтон (Городской университет Гонконга), Саран Кор Гилл (Университет Кебангсаан, Малайзия); Фуад Абдул Хамид (Индонезийский педагогический университет); Нобуюки Хино (Осакский университет); Эндрю Муди (Университет Макао); Джойбрато Мукерджи (Университет Юстуса Либига, г. Гиссен, Германия); Аластэр Пенникук (Технологический университет, г. Сидней, Австралия); Зоя Прошина (Московский государственный университет им. М. Ломоносова, Россия); Вэнь Цюфан (Пекинский университет иностранных языков). Кроме того, в дискуссии приняли участие проф. Мао Сыхой (Политехнический институт Макао), председатель форума, Линь Цзыюй (Политехнический институт Макао), Джоанна Радванска-Уилльямс (Политехнический институт Макао) и Чжан Вэй (Пекинский университет).

В докладе К. Болтона «Варианты английского языка в мире (World Englishes) и азиатские варианты английского языка: обзор состояния дел и значимость для языкового образования и языковой политики в Азии» рассмотрены основные направления исследований в вариантологии АЯ, развивающейся уже в течение трех десятилетий и имеющей большое влияние в азиатском регионе. Сегодня локальные варианты АЯ признаются в Гонконге, Индии, Малайзии, Сингапуре и на Филиппинах. Влияние вариантологии как новой научной парадигмы ощутимо и в теории, и в практике исследований и преподавания АЯ в Азии. Вместе с тем, эта научная парадигма подвергается серьезной критике со стороны сторонников критической теории лингвистического империализма и со стороны критического на-

правления прикладной лингвистики. В связи с этим, Болтон предложил для обсуждения следующие проблемы: 1) действительно ли АЯ стал языком реализации возможностей, или в самом деле он является орудием лингвистического империализма; 2) является ли АЯ действительно универсальным языком или всего лишь выразителем англо-американской гегемонии; 3) является ли АЯ легко доступным для всех языком, или это главным образом язык элиты; 4) следует ли рассматривать АЯ как *глобальный* или *локальный* язык в азиатском регионе; 5) степень возможности рассмотрения вариантов АЯ (WE) как географических вариантов или гибридных (пиджинизированных) вариантов АЯ; 6) степень вытеснения национальных англофонных литератур мировыми литературами на английском языке.

В докладе «Переключение на международный английский язык» Р. Сассэкс поднял важные вопросы о видах переключения как естественно-го следствия плюрицентричности АЯ и его роли в межкультурной коммуникации. Он выделил три вида переключения: языковое, прагматическое и культурное. Формально-языковое переключение предполагает не только переключение с варианта АЯ, присущего данному пользователю, на экзоцентричный нормативный вариант АЯ (как правило, британский и американский), но также взаимодействие разных вариантов АЯ между собой: например, итальянец и грек могут общаться по-английски в Австралии. Речевые акты могут быть квазиуниверсальными, но их реализация происходит в разных контекстных условиях, что приводит к необходимости прагматического переключения. Примером может быть выражение просьбы китайскими студентами, которые в англоязычной коммуникации используют практику общения на родном языке, что может привести к неудачному акту коммуникации. Самым сложным явлением оказывается культурное переключение, которое основано на системе культурных ценностей и которое коммуниканты сразу могут и не заметить, в результате чего акт коммуникации может стать неуспешным. Примером такого переключения в докладе прозвучал пример перевода на английский язык фразы из чеховской пьесы «Вишневый сад», когда в предотъездной суете, когда все торопятся, звучит фраза: «The train is coming. Let us sit down (Подходит поезд. Давайте присядем)», и иностранному читателю, не знакомому с русским обычаем, совершенно непонятно такое противоречие между спешкой и призывом посидеть. Сассэкс определяет компетентного пользователя

международного АЯ (EIL) как человека, который владеет английским как плюрицентричным полигlossным средством, чья компетенция включает пассивное и активное осознание формально-языкового, прагматического и культурного уровней. Эта компетенция не является «нормозависимой», а оказывается динамичной и нормокреативной.

Доклад Э. Муди «Аутентичность английского языка в азиатской попмузыке» поднял вопрос о языковой аутентичности как эстетическом аспекте популярной музыки, который может мешать коммерческой «популярности» представлений или способствовать коммерческому успеху. Муди обратил внимание на факты заимствования азиатской попмузыкой некоторых музыкальных жанров, характерных для этнических вариантов АЯ (например, афро-американского хип-хопа); использования в попмузыке кодового смешения и переключения в разных целях; использования локальных вариантов АЯ для различных определенных эффектов.

Выступление А. Пенникука «Английский лингва франка и китайский лингва франка» поставило важный вопрос о перспективе конкуренции двух крупнейших языков: с одной стороны, английский язык с огромным количеством пользователей, для которых он является неродным языком, с другой, китайский язык, численно превосходящий другие языки по количеству носителей языка как родного. Однако в этой категоризации обнаруживается масса проблем. Во-первых, проблематичным является разграничение понятий «носитель – неноситель языка», на которых строятся многие положения лингводидактики. Во-вторых, само предположение о том, что китайский является родным языком для огромного населения Китая, тоже спорно. Скорее надо говорить о китайском как лингва франка, что не всегда признается из-за существования национального государства Китай, объединяющего многочисленные диалекты, и языковой идеологии, привязанной к этому языку. В-третьих, вопрос о лингва франка предполагает важную проблему, что значит знать язык. Наконец, вслед за Канагараджа (2007), необходимо задуматься о различии между языками, используемыми как лингва франка (ELF, CLF), и лингва франка (связующими средствами), возникающими в коммуникации (LFE, LFC). Несомненно, что в настоящее время мы находимся на историческом стыке двух крупнейших лингва франка, и для понимания их сущности и роли придется преодолеть немало мифов относительно и английского, и китайского языков.

В докладе Н. Хино «Гармонизация японских ценностей и англо-американских культур при обучении английскому языку в Японии – философия обучения АЯ как международному в Расширяющемся круге» затронут очень важный вопрос языковой политики в системе образования Японии. Несмотря на то, что Япония относится в терминологии Б. Качру к странам Расширяющегося круга, чьи образовательные модели ориентируются на нормы носителей языка в его британском или американском варианте, японцы уже давно не считают английский иностранным языком. Еще в 1928 г. японский лексикограф Саито Хидэдабуро утверждал, что «английский язык японцев должен быть в определенном смысле японизированным». Эту же мысль продолжил Кунихиро (1970), предложивший японцам использовать «де-англо-американизированный английский язык» для выражения своего японского менталитета. Поэтому в то время как интранациональное использование АЯ стало ключевым для признания легитимности вариантов Внешнего круга, функционирующих как второй официальный язык государства, японцы давно уже заявляют о существовании своей собственной модели японского АЯ, исходя из желания выражать свои собственные ценности в международной коммуникации. Политика Министерства образования Японии способствует реализации этой продуктивной модели: уже почти сорок лет министерство поощряет включение материалов о неанглоязычных культурах, в том числе японской, в учебники по АЯ, что свидетельствует о принципиальной поддержке японским правительством концепции АЯ как международного языка (EIL). Так, в японской системе образования ищут компромисса между англо-американской методикой и японскими социолингвистическими и образовательными традициями.

С.К. Гилл посвятила свое выступление языковой политике в высшем образовании Малайзии, многоэтнического государства. Рассмотрены два периода языковой политики, параллельные периодам строительства национального государства – период после объявления независимости и настоящий период, когда доминирует тенденция к интернационализации и наукоемкой экономике. В эти периоды имела место смена языковой политики, когда английский язык уступил место бахаса мелаю, затем бахаса вернул позиции английскому, и в последнее время в школьной образовательной системе опять намечается замена английского языком бахаса. В высшем образовании, однако, последней смены не произошло.

АЯ продолжает широко использоваться, несмотря на протесты педагогов. АЯ продолжает быть инструментом для распределения социальных и экономических благ среди многоэтнического населения Малайзии.

Ф.А. Хамид рассказал собравшимся о роли английского языка и проблемах, связанных с ним в системе образования Индонезии. Одна из таких проблем, например, связана со стремлением индонезийцев использовать АЯ как средство научно-технического развития, в связи с чем в средней школе занятия по математике и естественным наукам идут на английском языке, несмотря на низкий уровень подготовки и самих школьников, и даже языковой компетенции их преподавателей.

Доклад Д. Мукерджи назывался «Английский язык в Южной Азии: амбинормативные ориентации и роль корпусных исследований». Амбинормативными ориентациями Мукерджи называет острое противоречие между зарождающимися собственными нормами южноазиатских вариантов АЯ и, с другой стороны, экзонормативными моделями обучения, которыми традиционно считались британский и американский варианты АЯ, а с недавнего времени в Шри Ланке моделью обучения стали признавать индийский вариант АЯ. Решение этого противоречия видится в соединении корпусных и социолингвистических исследований: корпусный материал (собранный, в частности, в Гиссеновском университете) поможет описать стандарты и нормы постколониальных вариантов АЯ, кодифицировать эти нормы и стандарты в словарях, подробно описать модель преподавания; социолингвистические методы должны дать ответ на вопрос о приемлемости употребления языковых форм (группами пользователей, в каких контекстах).

В докладе Вэнь Цюфан рассмотрены проблемы обучения АЯ в Китае, где ни в одном из официальных документов Министерства образования не утверждается необходимость преподавания АЯ как международного языка (EIL), но подчеркивается необходимость развития кросс-культурного сознания как одной из главных задач предмета «английский язык». Преподаватели, таким образом, вполне понимают, что они учат своих учащихся общаться не только с носителями английского языка, но чаще всего – с так называемыми неносителями языка, т. е. с пользователями лингва франка. Мультикультурный подход доминирует в китайских учебниках по английскому языку. Ставится также задача обучения родной китайской культуре на английском

языке. Вместе с тем современная ситуация с отказом от компетентностной модели носителя английского языка ставит перед преподавателями языка множество проблем: *кто* должен быть моделью обучения; *что* должно входить в содержание языкового обучения, *как* оценивать уровень знаний учащихся. В Китае мнения лингвистов и преподавателей относительно правомерности выделения китайского варианта английского языка разделились, поскольку уникальность и специфика китайского английского усматривается, главным образом, на уровне лексического использования слов и коллокаций. Обеспокоенность также вызывает возможность отсутствия понимания между вариантами АЯ при условии их легализации как равноправных языковых образований.

Фокус выступления З. Прошиной был направлен на посредническую роль АЯ в коммуникации русских с населением Азии. Несмотря на то, что российские программы по иностранным языкам всегда ориентировались на выработку умений учащихся общаться в первую очередь с носителями английского языка (с ориентацией на британскую или американскую норму), российские школы всегда ставили задачу научить передавать информацию и о своей культуре. Вместе с тем, задача изучения других культур через английский язык практически не стояла до недавнего времени. Для общения с представителями азиатских стран готовились специалисты-востоковеды. Так, расширение роли английского языка в Азии вызвало необходимость подготовки студентов к опосредованному общению через АЯ как лингва франка. В докладе рассмотрен ряд причин, осложняющих такую коммуникацию.

Э. Киркпатрик заострил внимание участников форума на роли международного АЯ в Азии и учете этой роли в системе языкового образования. Он напомнил о том, что в статье 34 Устава Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (ASEAN), утвержденного в феврале 2009 г., заявляется, что рабочим языком ASEAN является

английский. Укрепление роли АЯ в Азии, таким образом, вызывает ряд педагогических проблем: 1) если азиатский АЯ становится лингва франка, используемым азиатскими мультилингвами в их общении с мультилингвами из разных стран Азии, нужно ли по-прежнему опираться на «носителя языка» как модель обучения АЯ или стоит использовать региональную «мультилингвальную» модель в классе? 2) являются ли азиатские учителя АЯ, будучи мультилингвами, лучшими моделями для подражания студентами, чем носители АЯ? 3) не приведет ли привилегированная роль АЯ, отмеченная в Уставе ASEAN, к недооценке местных языков, особенно в системе образования? 4) не приведет ли эта ситуация к привилегированной значимости знаний в письменной форме английского языка, по сравнению с письменными формами знаний на местных языках? В заключение доклада сделан вывод о необходимости радикально нового подхода к обучению АЯ как «мультилингвальной модели», что подкрепит роль местных учителей-мультилингвов, подчеркнет роль местных языков и усилит необходимость использования азиатского культурного содержания как ключевого материала для обучения. Это связано с тем, что АЯ выполняет роль не только международного, но и регионального языка в Азии.

На третий день форума была проведена дискуссия по следующим наиболее злободневным вопросам: изменение концепта «носитель языка» и его функциональной значимости, модели обучения АЯ в Расширяющемся и Внешнем кругах, что является объединяющей силой для всех вариантов АЯ, проблема норм и стандартов. Работа форума, собравшего единомышленников из разных стран Европы и Азии, каждый из которых осветил проблемы глобальной лингвистики по своему, оказалась очень плодотворной и дала много идей для дальнейшего размышления и претворения в жизнь.

СВЕДЕНИЯ О ДИССЕРТАЦИЯХ

ДИССЕРТАЦИОННЫЙ СОВЕТ ДМ 212.056.04 ПО ФИЛОЛОГИЧЕСКИМ НАУКАМ ПРИ ИНСТИТУТЕ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

(Председатель – д-р филол. наук, проф. Е.А. Стародумова
Ученый секретарь – канд. филол. наук, доцент Е.А. Первушина)

1. Первушина Е.А. Переводческая рецепция сонетов Шекспира в России (XIX–XXI вв.)

Докторская диссертация по специальности 10.01.01 – русская литература.

Автор диссертации вынес на защиту следующие положения.

1. Русская переводческая сонетиана Шекспира является значимым проявлением его художественной рецепции в России, позволяющим видеть постоянно расширяющиеся горизонты художественных достоинств шекспировских сонетов: неисчерпаемость смысловых глубин произведения, его огромный метажанровый потенциал и высочайший уровень политекстуальности, непреходящее значение нравственно-эстетических уроков писателя в новом историко-литературном измерении и на художественной почве иной национальной традиции.

2. Созидание переводческой сонетианы Шекспира в России стало сложным и бесконечно обновляемым творческим процессом, который начался в XIX столетии и продолжает активно развиваться в настоящее время. Этот процесс невозможно свести к обретению и канонизации «правильного» и окончательного перевода «подлинного» Шекспира, каким в середине XX в. воспринимали перевод С.Я. Маршака.

3. Русская сонетиана Шекспира как творение переводческого искусства, выполняющего высокую онтологическую миссию в истории литературы, имеет свою историю, несомненно, связанную с историей принимающей литературы, но не совпадающую с ней. Особые принципы периодизации в истории переводческой рецепции сонетов Шекспира выявляются при анализе значимых художественных итогов ведущих переводческих стратегий и трансформирующих проекций и отражают заметные вехи становления и последующего развития изучаемого явления. В истории переводческой рецепции сонетов

Шекспира в России выделены четыре основных этапа:

- 1839–1890-е годы;
- первые десятилетия XX столетия;
- 1930–1970-е годы;
- рубеж XX–XXI вв.

Первый период определяется как время становления русской сонетианы Шекспира, когда главными достоинствами переводных сонетов были искренность и глубина лиризма, а в сонетном цикле акцентировались тема любви к женщине и образ Шекспира как любовного воздыхателя. **Следующий этап** стал временем более активного освоения образно-поэтических основ шекспировского сонета и восприятия шекспировского сонетного свода не как любовного автобиографического романа, а как поэтической антологии, что концентрировало внимание на теме поэзии и образе Шекспира-поэта. В это же время наметилось противостояние русификации Шекспира и сформировалась ситуация переводной множественности. **Третий этап** стал эпохой наиболее значительных и ярких достижений в истории отечественной рецепции сонетов Шекспира, когда предметом особого внимания стал вопрос о своеобразии трагизма шекспировских стихов, а главным достижением времени явилось органичное и последовательное осуществление переводческих стратегий, проецировавших сонеты Шекспира в художественно-стилевые традиции вершин мировой поэзии. Наконец, **последний, современный, период** отмечен невиданным ростом синхронической переводной множественности, вызванной обострившимся ощущением незавершённости переводческого воссоздания русских сонетов Шекспира и усиленной постмодернистской устремлённостью к размыванию представлений о жанровых границах и законченности художественного произведения.

4. Являясь феноменом переводной литературы, русская сонетиана Шекспира, существующая в постоянно увеличивающейся диахронической и синхронической множественности параллельных переводных вариантов, имеет специфический художественный статус в соотношениях с исходной (переводимой) и принимающей (переводящей) литературами и занимает своё особое место в контексте всемирной литературы.

2. Барышникова С.В. «Словари иностранных слов XIX века и отражение в них семантической адаптации иноязычной лексики»

Кандидатская диссертация по специальности 10.02.01 – русский язык.

Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент Т.В. Чикова.

Автор диссертации вынес на защиту следующие положения.

1. В XIX веке разработаны основные направления русской лексикографии, сосредоточенные на описании лексики национального языка, что способствует формированию его норм. Словари иностранных слов являются частью формирующейся лексикографической системы данного периода, наравне с другими лексикографическими изданиями активно участвуют в становлении нормированного русского литературного языка.

2. Исторические события, происходившие в России в XIX веке, связанные с внешней и внутренней политикой государства, оказали заметное влияние на формирование русского литературного языка, в частности его лексики (бытовая лексика и медицинская терминология). Описанные в работе внеязыковые факторы оказали непосредственное влияние на появление большого количества слово-толкователей иноязычной лексики, основной целью которых было объяснение непонятных слов, встречающихся на страницах газет и журналов.

3. Словари иностранных слов XIX в. представляют собой богатейший источник для изучения лексики русского языка. Подробный анализ этих словарей подтверждает тот факт, что они содержат результаты освоения иноязычных слов, отражают процессы, связанные со становлением их лексических значений.

4. В процессе работы нами выявлена закономерность формирования словарной статьи в словарях иностранных слов XIX в. Ее структура включает в себя четыре основных параметра описания единицы: 1) заглавное слово; 2) зона этимологии; 3) помета о сфере преимущественного употребления в русском литературном языке; 4) толкование. Лишь в некоторых словарях

добавляются грамматическая информация о слове, словообразовательные производные, даются энциклопедические сведения. Выделенные параметры в дальнейшем легли в основу составления словарных статей современных словарей иностранных слов.

5. Исследование словарных дефиниций анализируемых словарей показало, что их составители не ограничиваются переводом иноязычного слова, а также кратким объяснением значения путем подбора русских синонимов. Преобладающим способом толкования является описательный (включающий собственно-описательный, разъяснительно-описательный), который несет в себе основные характеристики предмета (внутренние и внешние), его функциональное назначение, что способствует более точному определению реалии. Термины толкуются посредством описания наиболее существенных признаков (понятие предмета – научное определение). Использование разных способов толкования иноязычных слов в исследуемых словарях способствует развитию теории лексикологии, создает опору для развития лексикографического описания слова.

6. Семантическая адаптация иноязычной лексики представляет собой процесс поэтапного формирования лексического значения иноязычного слова в языке-реципиенте. Основными способами в этом процессе в русском языке XIX в., отраженными в соответствующих словарях иностранных слов (на основе проведенного анализа 321 лексической единицы, относящейся к терминам медицины и анатомии, а также к бытовой лексике), считаем: сужение, расширение, генерализацию, терминологизацию, детерминологизацию, трансформацию, метафоризацию, коннотацию лексического значения, а также появление семантической дублетности. Иноязычное слово входит в русский язык с одним значением (это свойственно 80 % единиц от общего количества иноязычных слов, выбранных для исследования). В процессе функционирования под влиянием системы заимствующего языка оно может подвергаться различным изменениям, а в некоторых случаях становится многозначным.

3. Стрельцова М.Ю. Прозвищные именования в русском языке (денотативные типы и структурно-семантические модели).

Кандидатская диссертация по специальности 10.02.01 – русский язык.

Научный руководитель – кандидат филологических наук, профессор О.Л. Рублева.

Автор диссертации вынес на защиту следующие положения:

1. Прозвищные именованья (ПИ) – это более широкое понятие, чем собственно прозвище, включающее как имена собственные, так и нарицательные имена, как антропонимы, так и другие разряды имен собственных. Они обладают следующими категориальными признаками: факкультативность, вторичность номинации, неофициальность, непринужденность, повышенная экспрессивность, мотивированность.

2. К ПИ в зависимости от называемого объекта (денотата) относятся ПИ лиц (антропонимические ПИ), ПИ животных (зоонимические ПИ), ПИ географических объектов (топонимические ПИ), ПИ предметов материальной культуры (прагматонимические ПИ) и ПИ событий (эвентонимические ПИ). Каждый денотативный тип имеет свою функциональную, семантическую и стилистическую специфику.

3. ПИ различных денотативных типов неоднородны в структурно-семантическом и мотивирующем аспектах; между разными видами этих единиц наблюдается зыбкость границ. Однако все они реализуются по выработанным в русском языке структурно-семантическим моделям, при этом поддерживается открытость ряда и прозрачность мотивировочного признака.

4. Культурные и ценностные представления русского социума, а также смена стереотипов, закреплённых в народной памяти, находят отражения в ПИ. В них воспроизводится какое-либо отклонение номината от нормы (аномалия), которое исторически определяется культурными традициями народа. В процессе коммуникации ПИ способны аккумулировать культурную информацию и функционировать как свёрнутые диахронические национально-культурные тексты.

5. ПИ функционально привязаны к неформальной межличностной коммуникации со сниженной и фамильярной тональностью, характеризуются отношением к определённым субкультурам. ПИ активно функционируют в разговорно-обиходной разновидности литературного языка, жаргоне, просторечии, отражены в современных средствах массовой информации. ПИ сегодня выполняют общественный заказ на характеристику лиц, объектов и событий. Таким образом, на фоне множества субкультур, создающихся в пространстве социальной культуры, рост новых жаргонных разновидностей и появление новых ПИ представляется вполне закономерным.

4. Ключинская О.В. Военная проза О.Н. Ермакова: проблема жанрово-стилевого единства.

Кандидатская диссертация по специальности 10.01.01 – русская литература.

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор О.В. Богданова.

Автор диссертации вынес на защиту следующие положения:

1. В новейшей военной прозе (вторая половина 1980-х годов начало XXI века), наряду с темой Великой Отечественной войны, возникает тема новых войн: Афганской, Чеченской. Для современных произведений о войне характерен пафос «другой» войны (антитеррористическая кампания, военный инонациональный конфликт), войны на чужой территории без определенных задач и целей, образ героя-воина, выполняющего приказ, а точнее оплачиваемую работу. Элемент личного впечатления и, как следствие, эмоциональность и напряженность повествования, автобиографическое начало, документальность, натуралистичность изображения трагических событий являются характерными чертами новейшей военной прозы. В жанровом отношении в современной прозе о войне преобладают рассказ и повесть, характерно объединение рассказов на основе принципов циклизации.

2. Проблемно-тематические аспекты военной прозы Олега Ермакова: личность человека-воина, его внутренний психологический мир, проблемы жизни и смерти, восприятие страшной реальности войны, бессмысленной войны на чужой территории, проблемы «спрятанной» войны, вины государства, калечащего людей, проблемы современной армии, возвращения/невозвращения солдата в мирную жизнь, трагедии жен, матерей, солдатских семей. Ермаков соотносит картины войны с онтологическими вопросами бытия, создает образ божественного мироздания, одухотворенной природы как основы спасения от войны и возвращения к потерянной гармонии, пытается построить главную для писателя триаду «человек – природа – Бог».

3. Объединяющими факторами военной прозы Ермакова являются повторяющиеся художественные тропы, характерные для авторской манеры писателя приемы, использование которых созвучно и соотносимо как в «малых» формах (рассказы и циклы рассказов), так и в «крупных» (повесть, роман). Военная проза Ермакова отмечена образом «сквозного» героя, обнаруживающего себя в различных жанровых образованиях (определенный константный тип героя в расска-

зах, повести, романе), единым (характерный для его произведений) сюжетом (образ пути: уход на войну, служба и возвращение), своеобразием открытого финала, типологией художественно-выразительных средств. Прием троекратности (описываемые события, повторяющиеся ситуации, мотивы, образы и детали), концентрических кругов (содержательные и формализующие), образы снов и воспоминаний героев (для расширения хронотопа произведений), символика цвета, чисел и образов, специфические языковые повторы, насыщенность и метафоричность языка писателя, участника афганской войны, составляют своеобразие стиля и повествовательной манеры Олега Ермакова.

4. Общие жанрово-стилевые тенденции всей военной прозы писателя (метатекстуальность, общность проблемно-тематического комплекса, типология характера и др.) способствуют раскрытию основной антивоенной идеи текстов писателя.

5. Своеобразие художественного мира О. Ермакова обнаруживает себя в целом ряде специфических особенностей его прозы, в том числе в склонности писателя к рассказовым формам художественной ментальности, отражения обстоятельств военной действительности преимущественно в жанрах, тяготеющих к «малой прозе». Несмотря на появление в творчестве писателя последних лет повести и романа, вопреки кажущемуся жанровому разнообразию его прозы приоритетность «малых» жанровых форм среди его текстов очевидна. Даже «крупные» прозаические тексты Ермакова несут на себе печать «малой прозы»: обнаруживают в своем основании тип героя, характер развития сюжета, типологию конфликта, особенности осмысления обстоятельств, которые присущи его рассказам.

ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА О.Л. РУДЫХ

11 марта 2011 г. после тяжелой болезни ушел из жизни Олег Львович Рудых – один из организаторов нашего журнала, начальник Управления аспирантуры, докторантуры и подготовки научных кадров, профессор кафедры «Строительная механика» ДВГУПС, человек, внесший неопределимый вклад в его становление и развитие.

О.Л. Рудых родился 15 июня 1946 г. После окончания факультета «Промышленное и гражданское строительство» Хабаровского института инженеров железнодорожного транспорта с 1968 г. работал на кафедре «Строительная механика», пройдя путь от преподавателя до профессора, заведующего кафедрой. Успешно сочетая учебную работу с научной, О.Л. Рудых в 1975 г. стал кандидатом технических наук, в 1979 г. получил ученое звание доцента. В период с 1985 по 1989 гг. работал деканом факультета «Мосты и тоннели». С 1990 г. координировал подготовку научных кадров в университете. При его активном участии су-

щественно расширилось число научных специальностей в аспирантуре и докторантуре, были открыты Диссертационные советы.

О.Л. Рудых является автором более двадцати учебно-методических разработок, части из которых присвоены грифы УМО железнодорожных специальностей, ДВ РУМЦ Минобразования России. Профессор О.Л. Рудых – автор свыше 130 научных работ. Его научные статьи опубликованы в центральных изданиях: «Основания, фундаменты и механика грунтов», «Известия вузов» «Строительство и архитектура» и др. Основные научные интересы Олега Львовича Рудых были связаны с проблемой применения метода конечных элементов и его модификации к различным задачам механики деформированного твердого тела, расчету подпорных стенок, оценке грузоподъемности металлических пролетных строений мостов. В качестве научного руководителя и консультанта О.Л. Рудых подготовил четырех кандидатов технических наук.

Олег Львович пользовался заслуженным уважением коллег и студентов за его эрудицию, доброжелательность, порядочность и принципиальность. За успехи в работе профессор О.Л. Рудых был награжден знаком «Почетный железнодорожник», неоднократно поощрялся руководством Министерства путей сообщения, администрациями Хабаровского края и Железнодорожного округа г. Хабаровска, а также руководством университета.

Светлая память об Олеге Львовиче навсегда останется в наших сердцах.

*Редколлегия журнала «Социальные
и гуманитарные науки на Дальнем Востоке»*

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

ПОРЯДОК ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ В НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ» И ТРЕБОВАНИЯ К НИМ

1. В журнале печатаются рукописи, как правило, не публиковавшиеся ранее.

2. Все поступившие в редакцию статьи проходят рецензирование.

3. Рассмотрение работ аспирантов и соискателей кандидатской степени осуществляется только при наличии отзыва научного руководителя и рекомендации кафедры по месту их обучения.

4. Для аспирантов и соискателей публикация статей бесплатно.

5. Статьи должны быть в объёме от 0,5 до 1 п. л. (20 000 – 40 000 знаков). В них может быть, как правило, размещено не более трех иллюстраций, графиков или схем.

6. Требования к рукописи, представляемой в редакционную коллегию.

6.1. Направляемые в редакционную коллегию материалы должны быть представлены в электронном и распечатанном видах. Принимаются диски размером 3,5» и два экземпляра распечатки текстового оригинала (файлов), имеющегося на диске. Если дискет две и более, необходимо указать их номера и размещение файла на дискетах (папки). На распечатке должны быть указаны имена файлов. Текстовый редактор – Word. Материалы должны быть подписаны автором на титульном листе около фамилии.

6.2. Титульный лист статьи содержит комплекс элементов, расположенных на странице в следующем порядке. В верхней части страницы располагается заглавие статьи, которое печатается прописными буквами жирным шрифтом. Фамилии авторов следуют после заголовка и печатаются строчными буквами, иные сведения при этом не указываются.

6.3. Ссылки на источники даются в виде алфавитного списка литературы с нумерацией после текста. Сначала идут источники на русском языке, затем на иностранных. В самом тексте

(после цитирования) информация об источнике печатается в квадратных скобках с указанием номера по списку. Библиографическое описание источника в списке литературы (фамилии и инициалы авторов печатаются курсивом) составляется в соответствии с действующими нормами ГОСТ 7.1–2003. Шрифт и межстрочный интервал те же, что и в статье.

6.4. Поля страницы: верхнее – 2 см; нижнее – 2 см; левое – 3 см; правое 1 см; размер бумаги – А4 (210×297 мм); шрифт – «Times New Roman» № 14; межстрочный интервал – 1,5.

6.5. Примечания в тексте статьи приводятся в постраничных ссылках и должны иметь сквозную нумерацию.

7. Материалы, не имеющие научного аппарата или неправильно оформленные, не соответствующие указанным выше правилам, не рассматриваются. Рукописи не возвращаются.

8. К рукописи должны прилагаться следующие сведения об авторе: Ф.И.О., ученая степень, ученое звание, место работы, должность, рабочий адрес, домашний адрес, рабочий телефон, домашний телефон, факс, e-mail.

9. К статье прилагается короткая аннотация в несколько строк на русском и английском языках, ключевые слова (не более 15), а также название статьи на английском языке.

10. Материалы следует направлять заказными письмами (ценные письма и бандероли не принимаются) по юридическому адресу журнала: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47, Дальневосточный государственный университет путей сообщения (ДВГУПС), ауд. 262. Редакция журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке».

Электронная почта: journal@festu.khv.ru.

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ

Наш журнал распространяется по подписке и поступает в розничную продажу.

Стоимость одного номера – 300 руб. (с учетом НДС). Подписка оформляется банковским или почтовым переводом (образец купона прилагается). Журнал будет выслан по адресу подписчика почтой. Почтовые расходы включены в стоимость подписки. Подписку на журнал также можно оформить по каталогу «Газеты. Журналы» ОАО Агентства «Роспечать». Подписной индекс – 84277.

Просим высылать копии платежного документа и адрес для рассылки по адресу: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47, Дальневосточный государственный университет путей сообщения (ДВГУПС). Редакция журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке».

Извещение	Дальневосточный государственный университет путей сообщения <u>УФК по Хабаровскому краю</u> (наименование получателя платежа) <u>2724018158 № 40503810500001000191</u> (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа) ГРКЦ ГУ ЦБ РФ по Хабаровскому краю (наименование банка получателя платежа) БИК 040813001 № 06109339920 (номер Л/кс) <u>№ 272401001</u> (номер КПП) подписка на журнал «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» на 2012 год (наименование платежа) Сумма платежа _____ руб. _____ коп. Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп. Итого: _____ руб. _____ коп.
Кассир	
Квитанция Кассир	Дальневосточный государственный университет путей сообщения <u>УФК по Хабаровскому краю</u> (наименование получателя платежа) <u>2724018158 № 40503810500001000191</u> (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа) ГРКЦ ГУ ЦБ РФ по Хабаровскому краю (наименование банка получателя платежа) БИК 040813001 № 06109339920 (номер Л/кс) <u>№ 272401001</u> (номер КПП) подписка на журнал «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» на 2012 год (наименование платежа) Сумма платежа _____ руб. _____ коп. Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп. Итого: _____ руб. _____ коп.

ARTICLES

THE SOVIET FAR EAST DURING THE INTERWAR PERIOD (1922–1941)

CITY BUSINESSMEN IN THE SOVIET FAR EAST DURING THE NEW ECONOMIC POLICY

Y.V. Pikalov

Pikalov, Yuriy Vasilievich – Doctor of Science (History), Professor, Department of Russian History, Far Eastern State University of Humanities (Khabarovsk).

The article examines the fate of city businessmen of the Far East of the RSFSR during New Economic Policy. The article reveals the basic essence of the policy of central and local authorities that was aimed at first at restriction and then at the complete ousting of proprietors from political, social and economic life of the region.

Key words: New Economic Policy, city businessmen, the policy of restriction, policy of ousting, social and economic degradation of proprietors.

Businessmen as a social group of the population of the Far East existed in this region up to the end of the 1930s. To a great degree, they proved themselves in the 1920s and to a lesser degree – to be social phenomenon – in the 1930s.

The growth in the number and social activity of proprietors took place in RSFSR in the 1920s in connection with the introduction of a new economic policy. Party and state structures were divided about this policy. On the one hand, they understood its usefulness in the sphere of economic restoration; on the other hand, a great rejection of social consequences – the growth of new layers of the bourgeoisie – was observed. Up to 1924, the leading politicians of the country expressed their support for this layer. The reason for such attitudes was Lenin's directives that "the NEP is in earnest and long-term". But even this verbal goodwill towards the NEP disappeared after Lenin's death.

The conditions that prevented the growth of the economic and political weight of a new bourgeoisie in Soviet society had been initially foreseen. These conditions most successfully restricted the development of city groups of businessmen. Economically they were totally dependent on the state as all the most important industrial enterprises, transport, the fuel and power industry and foreign trade were at the state's mercy. A detailed interpretation of clause 65 of the Constitution of RSPSR from 1924 gave the opportunity to remove the new bourgeoisie not only from power but also from taking part in the election of its structures.

The period of "temporary deviation" from the NEP was over in 1925. I.V. Stalin presented theoretical grounds against the NEP: "Our system as a whole is transitional from capitalism to socialism – a system in which privately-owned peasant production still preponderates as regards volume of output, but in which the share of socialist industry is steadily growing. The share of socialist industry is growing in such a way that, taking advantage of its concentration and organisation, taking advantage of the fact that we have the dictatorship of the proletariat, that transport is in the hands of the state, that the credit system and the banks are ours — taking advantage of all this, our socialist industry, the share of which in the total volume of national production is growing step by step, this industry is advancing and is beginning to gain the upper hand over private industry and to adapt to itself and take the lead over all the other forms of economy" [19: p. 152]. In other words the General Secretary of CC RCP(b) (CPSU) presented a detailed definition of the economic and political context of the term "commanding heights in economy" that were firmly established in the hands of the state. Owing to this, businessmen were totally dependent on Soviet power. When it was necessary, Soviet power was lenient; when there was no longer any necessity – the state forced a proprietor from the sphere of manufacture and trade.

The 14th Congress of CC RCP(b) (CPSU) (June-July, 1930) became an important stage in the struggle of the party with businessmen. In the Congress resolution "On the Report of the Central Committee of RCP(b)" transition to the policy of

liquidation of the kulaks as a class on the basis of overall collectivization was announced: "Congress underlines the greatest historic meaning of this slogan, denoting the storming of the working class against the last stronghold of capitalist exploitation in the country" [15]. By this phrase, the Congress established total liquidation of city groups of businessmen because peasants-kulaks were the only groups of businessmen in the village.

Regional party state policy in respect of city proprietors was held within the framework of the all-union policy as its local interpretation. Alongside the generally accepted laws, logic and consistency of such a policy, this policy had its own peculiarities in the Far East.

The first peculiarity followed from the historically developed correlation of state and proprietor in the economic and political development of the Far East. All large enterprises, railways, ports and cities were constructed at the expense of the state. In 1913, the estimate of incomes and expenditure by the Russian government in this region was 217 million rubles. But expenditures reached 189 million rubles or 87% of the estimate. The vast Far Eastern region could exist thanks to the subsidy programs of the Tsarist Government. So, in pre-revolutionary Russia private businessmen were dependent on state policy.

In this respect, there was a completely different situation from October 1922 up to 1926. There was not a dependency of private proprietors on the state, as existed in pre-revolutionary times. This conclusion leads to a number of points. Firstly, it is necessary to recognize the absence of investment from the centre in the economy of the Far East. In 1923-1924 the budget of the Far East region was only 12.4% of the pre-war 1913 budget. In 1924-1925 it reached 15% and in 1925-1926 – 20.2% [19]. The chairman of the Far East revolutionary Committee J.B. Garmarnik in his report to the 1st regional Congress of Soviets of the Far East region mentioned: "... we do not find any attracted funds in this budget. Only this year we received some funds for railway transport in the form of covering a deficit of the railways" [21: p. 28]. The local kray budget was restricted. Sources of funding were undermined by war. In pre-war times, goldmining in the kray amounted to 45% of all extraction of gold in the country. In 1923 it reached 10% of the pre-war level [20]. Interventionists and White Guards robbed all financial organizations. According to A.I. Krushanov's calculations 11.5 thousand pounds of gold worth 242 mill. rubles were taken away from the Far East.

Without their own circulating assets and opportunities to obtain governmental credit businessmen

of the Far East could not develop their businesses even in the period of the NEP.

It is necessary to note that transport and large industrial enterprises belonging to the state and comprising the basis of the Far Eastern economy were ruined. 80% of locomotive and rolling stock, and track fell into disrepair. Water transport in the region suffered even more. Of all the vessels and port facilities only 5% of capacity remained fit for use.

The industrial extraction of non-ferrous metals and limestone for cement production was stopped. The extraction of iron-ore came to 14% of the 1916 level. Over a million pounds of non-ferrous metals were exported in 1920-1922. All metal objects including roofing iron, iron stoves and copper door-handles were taken away from many regions of the Far East.

Unlike the period of reconstruction in the European part of the country, in the Far East of the RSFSR reconstruction did not lead to positive results because of the absence of central investment and the limited financial funds in the region. In 1926 gold-mining was restored to 40% of the pre-war level, the manufacturing industry to 68%, other industries to 62%. It followed that local party and state structures did not have such mechanisms of economic restriction of private owners as in the centre of the country.

The next peculiarity was the isolation of the domestic market of the Far East from other parts of the country. Consequently there was a greater dependence on the import of goods. This weakened positions of local power. I.V. Stalin underlined the danger of strong dependence on imported goods in his report to the XVI Congress of CC RCP(b) (CPSU): "In the sphere of foreign trade, very much depends not only on us, but also on the behaviour of the West-European capitalists; and the more our exports and imports grow, the more dependent we become upon the capitalist West, the more vulnerable we become to the blows of our enemies" [21: p. 48].

We could make a hasty conclusion that in the territory of the Far East, NEP was a real threat to Soviet power because the state did not have such strong positions in the local economy or such "commanding heights" as in other regions. It seemed that local government had little influence on restricting the growth of proprietors. However, it was not so. This circumstance formed the second peculiarity of the party and state policy as regards to city businessmen.

During the years of the civil war and intervention, Russian businessmen in the Far East were forced out from leading positions in all spheres of business. Protected by interventionists, foreign com-

panies occupied all industry and trade and export deliveries. In 1923 of 2382 examined industrial enterprises 1380 (60%) belonged to foreign owners. The method of enslaving credit was actively used in the process of forcing out Russian business. Most of the Russian companies were in no condition to return credit and turned into branch enterprises of foreign companies. Americans played the main role in using this method [20].

English and German companies seized Russian businesses under the pretext of joint ventures. Japanese businessmen established their influence over the forestry of Primorie, getting the right to cut forest from an area of nearly 5 million acres [5]. In the Ochotsk-Kamchatsky region they owned 93% of fish sectors. They manufactured 99% of all fish cans. In Nikolaevsk-on-the-Amur region, they had more than 80% of all the catch; in Primorie – 75% [10]. Besides, rent for the catch in Russian waters was gathered by the Japanese government and went to Japan.

Foreign companies prevailed in the sphere of commodity circulation. On average about 60% of the trade enterprises of the Russian Far East belonged to them [3]. Russian traders without stock goods and circulating assets did not sustain competition and closed their businesses.

All these enumerated facts lead us to a very important conclusion: during the years of the civil war and intervention, foreign capital played the same role in the fate of Far Eastern businessmen as the policy of “military communism” played towards businessmen of the central regions of the country.

That part of the city group of businessmen that stayed in the region after the departure of interventionists and White Guards did not have any meaningful perspectives for their development. Nevertheless, they actively tried, proceeding from the opportunities, to develop business. But this activity came up with such obstacles which formed the third peculiarity of the regional party and state policy towards private owners.

The essence of this phenomenon is that local party and state structures compensated for the lack of economic mechanisms of influence on owners by administrative pressures. Up to 1924 this policy limited the growth of proprietors and from 1924 it was actively used in the realization of CC RCP(b) directives on the struggle against private capital. Such slogans appeared in some party documents, for instance, in the Resolution of CC RCP(b) from September, 19, 1924 the “Selection of personnel for trade, cooperation and credit organizations” [7].

As it is known, according to directives of X and XI Congresses of CC RCP(b) large enterprises were not leased to private traders. Moreover, as mentioned above, Far Eastern businessmen did not have enough capital for development of large businesses. Local government knew this and was suspicious of the attempts of businessmen to start large businesses because foreign capital was behind it. Such attempts did exist. In May, 1923 a “Join stock company for the exploitation of the fishing and animal trade in the Far East” in which half the shares belonged to the state, and another half – to the local large fish trader M.M. Lyuri, was organized. In 1925 he was removed from taking part in this business. In 1923 many Russian applicants for concessions for logging were false – agents of foreign companies. As a result, all forest concessions turned out to be in the hands of Japanese timber manufacturers through Russian agents. In 1924 government removed the agents from concessions and negotiated directly with the Japanese [1].

The Soviet legislation rendered local governments assistance in their struggle against private traders. According to law, the issue of currency notes and more importantly all financial and credit organizations, belonged to the state. Such rudiments of financial and credit system of the Far East as the circulation of precious metals and foreign currency had existed in the Far East for about two years. In spite of their economic strength, they were banned in October of 1925, as they were politically dangerous, strengthening the role of local and foreign capital. The free circulation of gold and foreign currency in the domestic market as available funds was stopped.

For businessmen, the economic and social effect of such actions had negative complexion. In 1923, local private proprietors exported 34% of all export goods for rubles and imported only 52% of all imports [19]. It is necessary to take into account that 53% of all imported goods in the Far East were food provisions. Central Russia could not provide its Far Eastern outskirts with food products only because of lack of food and the means of communication with the Far East were broken. In such conditions the role of private traders was more important than the role of the state as social importance of providing cities and settlements with vital goods was great.

Officially, the monopoly of the state on foreign trade was introduced in the Far East after the restoration of Soviet power at the end of 1922. In fact, local structures of party and state power without having funds could not realize these goals. By 1925 this situation had changed dramatically. According to

1925 the share of imports by businessmen had fallen to 0.15%. In other words, it was reduced in comparison with 1923 to 346 times. The damage which Soviet power had caused to private trader in the sphere of foreign trade was irreparable.

Together with the ousting of proprietor from foreign trade, the organs of state power set their course for reducing imports in this sphere of trade. The quota of food products in the import structure decreased in favour of the larger export of raw materials for industry, machines and equipment and products of the chemical industry [16].

It is seen that the main foreign partner of the Soviet Far East was China. At the same time, the imported goods were not Chinese. The Chinese port Shanghai, was the world market. Soviet foreign trade organizations did not have the possibility of purchasing goods in Shanghai because of its distance. They had to buy them in Harbin where they were delivered from Shanghai. Of course, the price of these goods in Harbin was higher. At the same time the Far Eastern trade received the funds for purchasing imports in Harbin as a goods credit from America, China and Japan [13]. Interest on these credits added to the cost of the goods. As a result the wholesale cost of imported goods in the domestic market of the Soviet Far East was higher than in neighbouring China. High wholesale prices reduced the opportunities of proprietors for widespread participation in the sphere of domestic trade of the region. The dynamic widening of the state wholesale trade was explained by active adoption in the Far East central trusts and syndicates of People's Commissariat for Trade [14]. Proprietors could not compete with the financially powerful centralised trade organizations and stood aside experiencing losses in their socio-economic positions.

Such local businessmen made an attempt to keep their positions by smuggled goods from frontier regions of China and Japan where they were cheaper. According to the Far Eastern Revolutionary Committee, the volume in foreign trade turnover was 20 mil. rubles or 12.5% [19]. However, the Far Eastern Revolutionary Committee from the very beginning of its activity set the task of merciless struggle with smuggling. A decisive part in this struggle was played by the strengthening of the frontier guards and prohibition of free circulation of gold and foreign currency. This attempt of businessmen to keep their positions in domestic trade failed.

The efficiency of foreign and wholesale trade was reflection socially in the retail trade as the main social and economic intention of this sphere of the economy was realized. The retail trade provided all

the vital needs of the population. In this sense, its social role was very important.

State enterprises in the retail trade were as a rule large stores with an annual commodity circulation of more than one million rubles. Private enterprises were small shops and stalls with an annual commodity circulation of about 10.5 thousand rubles. Despite the fact that whole annual commodity circulation of private enterprises was only a third of state enterprises their social role was rather important. Ramified total net of such stalls and shops embraced all levels of cities and settlements, making them more accessible to wide sections of the population.

There was one more lever in the policy of state power which limited the growth of businessmen. This was the selective taxation of the population. According to State taxation of People's Committee of Finance of the USSR the average tax paid by industrialists and traders was 23.5% of annual income in 1924, and 32.6% - in 1925. For comparison, the annual average tax on incomes of worker and office clerks was 9% and 10% [11]. Besides taxes on incomes of business activity, proprietors were imposed by so-called tax collections. There were taxes on wealth. Persons with "unearned" incomes as businessmen were had to pay inflated rents for trade and industrial buildings, house rent and public utilities. They also had to pay for the education of their children [12].

As a result, about 50% of the incomes of businessmen were spent on taxes, rent and education. Goal-directed party and state policy created unfavorable conditions for the development of private business. As a result, private business stagnated.

From the beginning of social reconstruction in the Far East private industrialists and traders were not only not allowed to take part in this process but were actively forced even from those restricted spheres of the economy where they had social weight and influence. The increased economic strength of the Soviet state did not need the social services of businessmen. From the political point of view, a proprietor was a class enemy and was to be destroyed.

In 1922-1926, the city businessmen was an important figure in the Far Eastern economy. His socio-economic image was defined by: economic weight – participation in the development of trade, transport, and industry; social weight – fulfillment of important social functions in the supply of goods, food and work to the population. At the same time, his socio-economic development was restricted by the fact that businessmen did not have any opportunity to take part in the political life of the country,

were squeezed by economic restrictions on the expansion of business and increasing its profit-making capacity. The period of reconstruction led to the degradation of this social level of population of the Far East of the RSFSR. Its size was reduced from 9% in 1923 to 0.2% in 1923 [17]. The State forced businessmen out of the social and economic spheres.

REFERENCES

1. Arkhipov, N.B. Dal'nevostochnyi krai [Far Eastern region] / N.B. Arkhipov. - Moscow.-L.: Gosydarstvennoe izdatel'stvo. [State publishing house].
2. Chto sdelala Sovetskaya vlast' na Dal'nem Vostoke za god: kratkii otchet Dal'revkoma za 1923-1924 gg. [What has Soviet power made in the Far East during the year: a short report of the Far East Revolutionary Committee 1923-1924] - Khabarovsk: Knizhnoe delo, 1924. - 147 p.
3. Ekonomicheskaya zhizn' Dal'nego Vostoka. [Economic life of the Far East] 1924. - № 3. - P. 6-7.
4. Gosydarstvennyi arkhiv Khabarovskogo kraia [State Archive of the Khabarovskii region] (GAKhK). - F. 58. - Op.1.- D.67. - Sheets 62-64.
5. Gosydarstvennyi arkhiv Primorskogo kraia [State Archive of the Primorski region] (GAPK). - F. 44. - Op.1. - D.459. - Sheets 81-84.
6. Grigortsevich, S. Amerikanskaya i Yaponskaya interventsii na Sovetskom Dal'nem Vostoke I ee razgrom [American and Japanese intervention in the Soviet Far East and its devastation] / S. Grigortsevich. - Moscow: Gospolitizdat, 1957. - 200 p.
7. KPSS v rezolutsiyakh i resheniyakh s'ezdov, konferentsii i plenumov TsK [C.P.S.U. in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums] (1898-1986). / In-t marksizma-leninizma pri TsK KPSS. - 9-ed dop. i ispr. - Moscow.: Politizdat, 1983. - V. 3. - 442 p.
8. KPSS v rezolutsiyakh i resheniyakh s'ezdov, konferentsii i plenumov TsK [C.P.S.U. in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums] (1898-1986). / In-t marksizma-leninizma pri TsK KPSS. - 9-oe izd., dop. i ispr. - Moscow.: Politizdat, 1983. - V. 5. - 446 p.
9. Kryshanov, A.I. Bor'ba za vlast' Sovetov na Dal'nem Vostoke I v Zabaikal'e [Struggle for power of Soviets in the Far East] / A.I. Kryshanov. - Vladivostok, 1962. - 355 p.
10. Kytakov, L.N. Portsmyrskii mirnyi dogovor [Portsmouth peace treaty] / L.N. Kutakov. - Moscow.: Sotsekgiz, 1961. - 291 p.
11. RGASPI. - F. 17. - Op. 85.- D. 81. - Sheet 50.
12. RGASPI. - F. 17. - Op. 85.- D. 81. - Sheet 52.
13. RGASPI. - F. 372. - Op. 1.- D. 280. - Sheet 57.
14. RGASPI. - F. 372. - Op. 1.- D. 280. - Sheet 65.
15. RGASPI. - F. 372. - Op. 1.- D. 633. - Sheet 7.
16. Rossiiskii gosydarstvennyi arkhiv social'no-politicheskoi istorii (RGASPI) [Russian State Archive of social and political history]. - F. 372. - Op. 1.- D.280. - Sheet 54 ob.
17. Sibirskaya sovetskaya entsiklopediya. [Siberian Soviet encyclopaedia] V 4 t. T. 1: A-Zh / pod obsh. red. M.K. Azadovskogo, A.A. Ansona, M.M. Basova i dr. - Novosibirsk: Zap.-Sib. Otd-nie Ogiz, 1929.- 988 p.
18. Sovetskoe Primor'e. [Soviet Primorye]- 1925. - № 10. - P. 23.
19. Stenograficheskii otchet pervogo kraevogo s'ezda Sovetov Dal'nego Vostoka. [Stenographic report of first territorial congress of Soviets of Far East] - Khabarovsk, 1926.
20. Vechernyaya gazeta [Evening newspaper]. - Vladivostok.- 1921.- 1st of July 2.
21. XIV s'ezd Vsesouzhnoi Kommunisticheskoi partii (b) [14 congress of CPSU]. Stenograf. Otchet. - M., L., 1926.

FAR EASTERN WATCH OF JAN GAMARNIK

N.I. Dubinina

Dubinina, Nina Ivanovna – Doctor of Science (History), Professor, Department of Political History, Far Eastern State University of Humanities (Khabarovsk).

Outstanding contribution of Jan Gamarnik – the first deputy national commissioner for Defense of the USSR, chairman of the Far East commission of the CC CPSU and the CPC in creation of Far East military and industrial potential in 1930s is revealed in this article.

Key words: Jan Gamarnik, Far East, party and political course, military-industrial potential, Far East Army.

It is difficult to find such a leader as Jan Borisovich Gamarnik in the history of the Far East who made such contributions to the socio-economic development and military defense construction of the Far East region. For five and a half years in the Far East (1923-1928), he did the work of chairman of Primorskiy governorate Ispolkom (Executive Committee), served as a chairman of Far East Revolutionary Committee, a chairman of Far East regional Ispolkom (Executive Committee) and secretary of the Far East regional Committee of the Communist Party. His name is related to the practical development of the model of Far East socio-economic development in the first half of the 1920s, including plans for colonization and capital construction, bringing up a formula “The Far East Region is the outpost of the USSR in the Pacific Ocean”. For more than seven years J. B. Gamarnik was the chairman of political management of the red Army; in 1930-1934 he worked as the first deputy national commissioner for Military and Navy affairs and in 1934-1937 he was the first deputy of national commissioner for Defense. He was an active participant in the modernization of the Red Army, and the construction of the military and industrial complex of the USSR especially in the Far East. As a chairman of the Far Eastern Commission of CC CPSU and the CPC USSR he coordinated the work of industrial and military construction in the Far Eastern region. Speaking at the Military Council for the People's Commissar of defense of the USSR in 1934 J. B. Gamarnik incidentally said: “For the last two years I have been concerned with questions concerning the Far East; I always seems to be there” [10: p. 246]. In subsequent years Gamarnik spent much time in the Far East, leading the realization of central directives for the strengthening of the defense capability of the most distant and strategically important bordered territory of the country. It happened that the hard work of J.B. Gamarnik in the history of the Far East

has not been studied and appreciated to the proper degree. The aim of this article is to reveal the contribution of J.B. Gamarnik to military-industrial construction and strengthening the defense of the Far East in the 1930s in the context of the history of the Soviet Union. Recently published collections of documents devoted to the activity of party state and military-political structures of the USSR in the 1930s have made it possible to reveal the essence of the matter. For the Soviet government, conflict at the CER (Chinese Eastern Railway) (1929) was the first alarm signal, which attracted attention to the safety of the Far East with its land border with China, Mongolia, Korea and its long maritime border in the absence of a navy. Civil war in China, which initially raised hopes for the development of world revolution in the East, became disappointing for the Bolsheviks and the Comintern. Numerous Russian emigrations to Manchuria were stirred up after the conflict in the face of generals and Cossack atamans with their rhetoric of revenge inspired some fear.

In Far East diplomacy, the Soviet government had reliable professionals in the person of G.V. Chicherin and L.M. Karakhin. In military affairs, the Center relied on V.K. Blukher taking into consideration his experience during the Civil War and successful work as a military adviser of Chan Kaishi in China. However, the Far Eastern party and political government were little acquainted with the situation in the Region. Therefore, the appearance in the government of the People's Commissariat of Defense J.B. Gamarnik – a devoted party worker with large and successful experience in the Far East – turned out to be opportune.

April 19, 1930 Gamarnik was invited to visit Stalin; their conversation continued for two hours. At this reception they got to know each other better and the discussed questions concerning the chairmanship of J.B. Gamarnik of the future Commission of the CC CPSU and the CPC USSR on strengthen-

ing the defense of the Far East (Far Eastern Commission). Gamarnik had to go on a business trip to the Far East in order to participate in the decision of party and political and military issues, the main contents of which were designated by Stalin.

It was the first trip since J.B. Gamarnik had left the Far East in 1928 preserving in his grateful memory the names of people with whom he had reconstructed the Region after the long Civil War and military intervention. The first stop was Chita – center of Zabaikalya where troops of the Special Red Banner Far Eastern Army were based and troublesome section of border with Manchuria was located. In Khabarovsk he became acquainted with the officers and leaders of the Special Red Banner Far Eastern Army and discussed prospects for strengthening the border of the region.

The deputy Commissar of Defense J.B. Gamarnik inspected the state of party and political work, making himself familiar with the protection of the state border after the year of military conflict over the Chinese Eastern Railway. He also set the tasks of strengthening combat training and mastering the new machinery for soldiers and officers.

In Khabarovsk, he fulfilled a pleasant mission: – he awarded the troops of Frontier-guards of the State Political Directorate of the Far East the Order of the Red Banner for military service during the conflict on the Chinese Eastern Railway. On behalf of the CC CPSU, of which J.B. Gamarnik had been a member for three years, he participated in the 10th Far Eastern regional party conference held on the eve of the 16th Party Congress.

The Conference elected Party leaders and delegates at the 16th Congress, among which was J.B. Gamarnik. The leader of Far Eastern Communists was I. N. Perepechko.

One of the important tasks for J.B. Gamarnik during his business trip was to mobilize the leadership of the Region to perform state tasks concerning exports.

Currency received from exports went into the Treasury in order to realize state plans for industrialization of the country.

The Central Committee hoped that J.B. Gamarnik being well acquainted with the Far East would have authority with Far Eastern communists forced party's leadership of Region to fulfill the state plan for export that went to pieces.

His trip throughout the Region persuaded Jan Borisovich that the existing weak points in the development of the Soviet Far East, which he knew well, had become even more acute. He concluded that the Region would not able to recover and

needed the serious help of the center.

J.B. Gamarnik reported to the Politburo of the CC CPSU about his trip to the Far East. The amount of exports from the Far East planned for 1930 was three times higher than in 1925. The increase in exports was comprised of timber, fish, fur and coal. More than the half of the exports went to Japan and the rest of it – to China and other countries. The acute problem of the Region was the shortage of labor. So, to fulfill the target for autumn fishing the Region needed 50 thousand people. The mechanization of labor in logging, gold mining and the extraction of coal was minimal; old equipment had become useless. The defenders of the Far East were on semi-starvation rations. The acute shortage of grain and meat in the region did not permit reliance on agricultural enterprises – the kolkhozes and sovkhozes were not numerous and were low-powered – and could not solve the problem of provisions for the army and border guard units. His report not only objectively evaluated the state of affairs but also made many proposals aimed at solving difficult tasks of the development of the Far East. A resolution of the Politburo of the CC CPSU concerning the report of comrade J.B. Gamarnik about exports in the Far East, July 25, 1930 was detailed and radical [5: p. 30-32]. The Politburo ordered the Far Eastern Regional Committee to liquidate a bad patch in export and implement the plan of 1929-1930 offered “to bring the questions to the foreground in the work of Party organization” [5: p. 31]. It also formulated orders to the central organs of power and People's Committees to render assistance to the Far East. The forest industry was promoted. The Politburo ordered the Supreme Soviet of the National Economy of the USSR to start the construction of sawmills, riveting and plywood plants, pulp and paper plant and to expand the construction of new sawmills ensuring maximum mechanization of logging. Then the talk was about the fishing industry. It was planned to deliver about 25 trawlers and a refrigerator, to organize a plant to supply the fishing industry with home-produced products instead of imported ones; to construct spinning-weaving net-making and stringing mills and a network of factories for the initial process in the treatment of flax and hemp. Because of the importance of the Vladivostok port in freight turnover of the USSR, the People's Commissariat of the Railway was invited to enter the Soviet of Labour and Defense with presentation of urgent measures to expand the port and mechanize its loading operations [5: p.31].

An important place in the resolution was given to decisions of the problem of supplying the Far East

with workers. The CPC USSR was offered in estimated figures 1930-1931 to develop concrete activities contributing to intensive settlement of the region ensuring the creation of labour for the fishing and timber industries and the financing of settlement in the Far East. Also it was offered in a month's period to develop the question about expanding privileges for industrial and agricultural settlers. By the 1st of October the People's Commissariat of Labour together with other structures had to consider a plan for the importation of labour to the Far East in order to stuff all economic organizations. The Labour and Defense Council was given the task of fixing about 30 thousand workers in the fishing industry taking measures to make these workers settle in the region and use them in logging and other activities after the end of the fishing season. Thus, it was necessary to boost housing construction for the fishing and coal mining industries. However, the Resolution did not contain any specific tasks in this regard.

The settlement of Red Army men in the Far East was particularly pointed out in the Resolution. The People's Commissariat for Agriculture and Revolutionary Military Council provided in 1931 for the settlement of about 40 thousand of Red Army reserved men in the Far Eastern kolkhozes. These kolkhozes had to get higher financing and were provided with machinery and tractor stations with 2000 tractors. Plans for the settlement of the Far East by Red Army men in the remaining years of the five-year period were to be worked out together with the regional organizations. The Revolutionary Military Council had to "recruit from overpopulated rural regions for the Special Red Banner Far Eastern Army" [5: p. 31]. The detailed and constructive character of the Resolution whose realization could solve many of the inveterate problems of the Far East attracts our attention. Thanks to J.B. Gamarnik, Far Eastern problems were presented to the central power for the first time.

In conversations with the Minister of Foreign Affairs and journalists of Japan, Stalin, trying to make a good impression, called himself an "Asian" keeping in mind that Georgia, of which he was a native, was bordered in the south by such Asian countries as Turkey and Iran. But Stalin had only a superficial knowledge of Asia and the Soviet Far East in particular. This disturbed him and he tried to get as much informal information as possible about the Far East, its economic opportunities and defense potential. With this purpose, in 1931, the People's Commissar K.E. Voroshilov was sent to the Far East on a business trip.

Japanese secret documents were intercepted by the Soviet secret service – A "Resume of a conversation between ambassador Khiroto and major-general Kharada" (1 July, 1931) and "Abstract of Report made by his Excellency to major-general Kharada" [2: p. 292-295].

Reading a small summary of the conversation between the Japanese ambassador in the USSR and the well-known general, Stalin underlined the following words: "I consider it is essential that Japan" enters a path of a firm policy towards the Soviet Union and be ready to unleash a war at any moment". Further he read: "The fundamental aim of this war should be not to protect Japan from communism but to capture the Soviet Far East and East Siberia". The General Secretary underlined the last four words.

The first part of the report entitled "The general situation in the Soviet Union" said that the system of political government in the USSR was absolute dictatorship; that productivity in the USSR in comparison with capitalist countries was low; "the population of the Soviet Union obey the government blindly and suffered hardship"; that in the future, separatist movements (Ukraine, the Caucasus, Turkestan) and disagreements within the party would become "the gangrene of the Soviet state and could play a destructive role during a war" etc.

The second part, "The Armed Forces of the USSR" stated "in principle the USSR is not aggressive. The armed forces are organized according to the principle of self-defense. The Soviet Union fears foreign intervention". Opposite the cited figures about the quantity of tanks, planes and the output of planes in the USSR, etc. Stalin made marginal notes: "Is it so? Is it true? Is it right?"

In the third section titled "Conclusions" he read: "Considering the overall state of the country we can conclude that at present the Soviet Union can not wage war" and he wrote in the margins: "Well...".

And the main conclusion was the following: "The present moment is very favorable for our empire to solve the problem of the Far East".

The last point could not induce a strong reflection of the General Secretary because it was stated: "If we now start the struggle to solve the problem of the Far East filled with determination, we can achieve our goals without war. If war begins it will not be difficult for us". In the margins he wrote: "So, we are intimidated by intervention that swallow all kinds of bullying?" On the first page of the report the General Secretary wrote: "To comrade Gamarnik. Important." [2: p. 292].

Japan confirmed the seriousness of its intentions on the 18th of September, 1931 after a pro-

voked incident on the railway when an armed invasion of Manchuria began.

The occupation of three autonomous provinces of the Chinese Republic by Japan and the movement of the Kwantung Army to the Far Eastern border of the Soviet Union became an SOS signal for the Soviet government. After the Japanese occupation of Manchuria, the Soviet leadership repeatedly declared its non-interference in the conflict between different countries. The Soviet Government with the help of diplomacy tried to push away the military threat from the Far East.

Bandits (khunkhuses), smugglers and Russians who crossed the frontier with different aims were the main violators for Far Eastern border guards. Now a regular, well-armed Army of a country whose government had aggressive plans was in the territory of Manchuria. Japanese planes began to appear in Soviet air space. Their regular appearance in the sky over the Amur river and Khabarovsk drove commanders of the Special Red Banner Far Eastern Army to distraction. In the summer of 1932, Blucher sent a telegram to Voroshilov where he proposed to bombard the Japanese planes as they flew over the border, i.e. across the middle of the Amur river. L.M. Kaganovich who deputized for Stalin during his vacation gathered the Far Eastern Commission, which banned shooting and obliged Blukher to inform Moscow about such incidents.

It was mentioned that the commander of a company or platoon had no right to decide whether to shoot or not. We have no guarantees that a small group of Japanese fascists may not try to provoke us to war and the decision of such questions has to be in the hands of the center. Stalin wrote in his letter: "The decision of the Far Eastern Committee about the categorical prohibition on opening fire without Moscow's permission (the CC CPSU and the CPC) is absolutely right. It is clear that such issues and "incidents", which could unleash a war should be solved by Moscow in details. I advise you to keep these directives and not to yield to Blucher's cries" [7: p. 135].

According to the decision of the Commission of Defense of the CPC USSR on January, 13, 1932 the accelerated expansion of the Far Eastern military forces began. It was decided to establish naval forces in the Far East as soon as possible. Expenditure for capital construction in the Far Eastern region in 1932 exceeded the level of 1928 by five times. The funds went to defense facilities. Expenditure on technical re-equipment of troops increased by 10 times in comparison with 1929 [4: p. 107–108].

The organizational improvement of military forces in the Far East, tripling of troops in 1932 in comparison with 1929, technical developments and strengthening of border troops greatly increased the degree of military security of the eastern borders of the USSR. But this was only the beginning.

Stalin took under his personal control questions of strengthening the defense capability of the Soviet Far East. From the letter of Voroshilov to Gamarnik (December, 1931): "It is good that Stalin has begun to control Far Eastern industry. And it is particularly good that we will have Stalin's help in solving some questions with industry" [6: p. 163].

From a letter of K.E. Voroshilov to J.B. Gamarnik (January, 1932): "Stalin is closely concerned with the Far East and that is why we had made our industry construct 30 submarines (this year) of 130-140 tons displacement at the Leningrad and Nikolaevsk shipyards. In addition, the industry will produce, 60 armoured carriages" by 1932 [6: p. 186]. From a letter of Stalin to K.E. Voroshilov (June 30, 1932): "Six bombing carts for the Far East is nothing. It is necessary to send 50-60 TB-31 there. And it must be done quickly. Without this the defense of the Far East is an empty phrase" [6: p. 186].

J.B. Gamarnik became a dedicated representative of Stalin, and the political government of the country in the Far East. He had three roles: deputy People's Commissar of Defense, a member of the Organization Bureau and a member of the CPSU which were synthesized in his post – a chairman of the CC CPSU and CPC USSR for strengthening the defense of the Far East. Every year except 1935 he left his Moscow office and went to the Far East where he stayed for several months.

Military men and representatives of People's Commissariats accompanied J. B. Gamarnik on his long trips. All of them were accommodated in one car with maximum comfort. The car was a hotel, office and sometimes – military headquarters.

The first stop was Chita – the center of Zabaykalye where troops of the Special Red Banner Far Eastern Army were disposed; then Khabarovsk where the party and political and military government of the Far East were situated. The Command of Primorskaya group of Special Red Banner Far Eastern Army was situated in Nikolsk-Ussuriisk and here exercises took place. Finally, Vladivostok was the main naval base of the Far East. J.B. Gamarnik's car was like a weaver's shuttle moving along this route.

¹ TB-3 – the first heavy bomber. It was used in February of 1932.

There was the following practice: all trips of J.B. Gamarnik to the Far East were coordinated with Stalin, who initiated them very often. As a rule, he invited Gamarnik before a trip, determined the principal range of problems, and sometimes formulated the purpose of his trip. After the trip, J. B. Gamarnik had to report to the General Secretary about the work, determined problems which were discussed in the Politburo. So, in January, 1932 the Politburo on the report of Stalin “took a decision on the Gamarnik telegram (he was in the Far East – N. D.) about the construction of a cement plant in Primorye and the supply of equipment [8: p. 186]. At Gamarnik and Tukhachevsky’s suggestion the Politburo in September 1933 decided to form two brigades from the military service consisting of 15 thousand people for road construction in the Far East on the analogy of the railway corpus. Together with the People’s Commissar for Heavy Industry Ordzhonikidze Gamarnik developed a proposal, which was adopted by the Politburo of the CPSU, concerning the construction of petrol stores in the Far East. According to the published catalog “the Politburo of the CC CPSU. Agendas of meetings 1919-1952 (Volume II, 1930-1939), as a rule, no question about the Far East was discussed without the participation of Gamarnik.

1932 was the most tense for J.B. Gamarnik. At the beginning of the year when a two-month trip was coming to an end, Gamarnik sent a telegram from Vladivostok to Moscow with the message that the planned work was fully completed and he asked permission to return to the capital. However, the central Committee of the Party and People’s Commissariat instructed Gamarnik to find the proper place in the downstream part of the Amur river for a new city for construction of shipbuilding and aircraft plants. With great difficulty overcame half of the way, near the village of Troitskoe commission met native citizens who told them that it was dangerous to go further because they could drown. The plane sent by Blucher landed right on the ice. In the settlement Permskoye for two days, the commission carefully studied both banks of the Amur river, trying to find the best place to locate a future city. In Khabarovsk, there were disagreements between Gamarnik and Beringov. Gamarnik believed that the city had to be built on the left bank of the Amur river based on the relief of the territory. Beringov proved the expediency of building the city on the same bank of the Amur, as Khabarovsk was situated, i.e. on the right one which would simplify communications with the center of the region. Not coming to an agreement, the disputants appealed to Moscow. A telegram reported that Gamarnik’s opinion was

as the most valid supported by CC CPSU and CPC USSR.

Gamarnik believed that the secretary of the Komsomol organization A.V. Kosarev whom he regarded as an intelligent young energetic leader, a man of action, would be able to raise young people to build a city in the taiga. So, Jan Borisovich was charged with monitoring the construction of a new city and supplying of the building project with equipment and materials.

Later, in spring 1932 Jan Borisovich came back from a prolonged, hard trip to the Far East. But in summer it was necessary to start trips to the Far East again. In this regard, Voroshilov asked Stalin who was resting in the south to cancel this trip.

“Dear Coda, - wrote Voroshilov, - I want to ask you about the possibility of cancelling the Trip of Gamarnik to the Far East, because it is very difficult to work without him... The other two deputies... are not very suitable. Would it be possible to send somebody else or nobody at all, and affairs of the Special Red Banner Far Eastern Army can be solved during the vacation of Blucher. I ask for your agreement. Moreover, J.B. Gamarnik is not well and, of course, he will go but with a heavy heart” [6: p. 185].

Stalin replied that he had no objection to keeping Gamarnik in Moscow, but only if “Blucher received leave for treatment, and the case in the Far East could not suffer in any case” [6: p. 186].

The beginning of construction of shipbuilding and aircraft plants on the Amur and the associated increase of cargo directed to the east, along with the growth of other transportation revealed a disastrous situation with rail transport in the Far East. The reaction of the Politburo was immediate. At a meeting on the 1st of December the Politburo ordered the Commission including Gamarnik (a chairman), Andreev, Kosior to develop (on the basis of an exchange of ideas) a project of measures of the Far East railways.

Gamarnik was assigned as authorized of the CC CPSU and the CPC USSR to the railway case. Voroshilov, who was on vacation, in his letter to Jan Borisovich enquired, “what is the rank you have? - Commissioner of railway transport in the Far East ... It is necessary to look around and try to pick up the reins ... You have a hell of a lot of work for a short time” [6: p. 193].

December, 27, 1932 Gamarnik sent a report to Stalin and Molotov about the situation in the railway. It said: “1) the position was much worse than we have defined it in Moscow. In fact, the road is paralyzed and it is a warehouse on wheels, the percentage of wrecked locomotives is 47%, about

10 000 extra cars on the railways and 120 trains are left at field stations; 2) this situation is the result of a complete collapse of discipline from top to bottom; extremely bad management of roads, lack of party work among the people, unpreparedness for the winter, the lack of necessary housing for workers and employees, and poor food supply ... " [8: p. 38].

Commission headed by Gamarnik took urgent measures to liquidate the serious failures in the work of the railway in the region. Representatives of the Regional Committee, military, political workers and workers of State Political Directorate were sent to depots in order to purge the road from "alien elements" and to fulfill policy work among people. The food supply of railway workers was regulated and the departure of empty carriages for loading coal was speeded up. Simultaneously, the Bureau of the Far Eastern regional Committee of the CPSU discussed and declared the work of the Ussuriisky Railway unsatisfactory. There had been more than 3 crashes in 10 months of 1932 and the transfer of cargo from Zabaikalskaya railway halved. The reason for these failures was due to the destruction of labor discipline. Military and railway directors were appointed on the Ussuriyskaya and Zabaikalskaya railways.

Gamarnik had a chance to participate in the creation of plans for building the most important railway projects, help in solving the problems of staff, to observe the dates of work. The extreme policies adopted in the Far East were extended to all railways of the USSR.

During the trip in 1933 Jan Borisovich met with the new secretary of the party of the Far Eastern Regional Committee L.I. Lavrentiev – his comrade on the Bolshevik underground in Kiev, an experienced party leader and friend.

In each trip to the Far East Gamarnik tried to visit the building project on the Amur river where not only builders but military personnel and prisoners worked. On the scaffoldings, in the barracks and clubs he talked with the builders, found out their needs, listening to complaints and requests and explained the situation.

In August 1933 Gamarnik together with the inspector of naval forces of Workers and Peasants Red Army Muklevich, the secretary of the Regional Party Committee Lavrentiev, and the Chairman of the Far Eastern Regional Executive Committee Krutov, visited the building project on the Amur. After personal examination and inspection of the building project and interviews with builders Gamarnik said at the meeting: "The party and government pay special attention to your project because it is of great importance not only for the Far East but for the

whole country. The country gave a lot to your building project – transportation, machinery and equipment. Now research work on laying the highway from Khabarovsk to Komsomolsk are speeded up. Measures to organize uninterrupted motor transport connection with Komsomolsk in winter time have been taken. A lot of money spent and other measures aimed at accelerating the building project are undertaken. There are no other building projects in the Far East, to which the party and the government would give more attention than yours! The most important points in the Far East are Vladivostok and Komsomolsk" [1].

In October 10, 1933 Voroshilov sent to Stalin, who was having a rest in the south, a coded note: "Gamarnik asks permission to come to Moscow to report and set a series of questions concerning the Far East to the Central Committee, the CPC and the People's Commissariats. I have information about the poor state of health of Gamarnik. I ask your permission for a 2-week visit by Gamarnik, who is in Chita now. On the same day, Stalin gave an answer directed to Kaganovich, Molotov and Voroshilov. "I do not object to Gamarnik's arrival for 2 weeks, but I think that he has to return to the Far East in two weeks. Keep in mind that the Japanese are preparing a war and we must always be on guard" [7: p. 382].

Nine days later when Gamarnik was in Moscow, he had a conversation with Voroshilov. Stalin was sent a new code signed by the People's Commissar of Defense: "Gamarnik must report to you about the situation of the Special Red Banner Far Eastern Army, the Far East Region and East Siberian Region. Should he visit you for this purpose? Wait for your reply ". On the same day, Stalin agreed to meet with Gamarnik in Gagra [7: p. 382]. After meeting with Stalin, Jan Borisovich came back to the Far East and returned to Moscow only at the beginning of November of 1933. On the 5th of November he was at a long meeting with Stalin.

Some words about Stalin's unofficial meetings. According to the published notebooks (journals) of records of people accepted by I.V. Stalin (1924-1953) in the Kremlin (there were unofficial meetings in other places where they were not fixed), J.B. Gamarnik visited Stalin 56 times in the period from 1930 to 1937, i. e. the General Secretary called him 56 times [32]². Unofficial meetings were of different formats: brief and personal. Sometimes the General Secretary called Gamarnik before a trip to the Far

² Calculations of the author.

East and they talked confidentially as happened before the first trip to the Far East in April of 1930. Most of the unofficial meetings were held with the participation of some people with interests at stake. On the 2nd of December Gamarnik spent more than 7 hours in Stalin's office: from 15.00 to 18.20 he was with Markevich, Lobov, Yurkin and Mezhluk, and from 21.15 to 24.00 – with Mikoyan, Ordzhonikidze, Rudzutak.

At these unofficial meetings all suggestions and solutions that were not recorded anywhere had an obligatory character. Unofficial meetings played a role of the organizational structure of the general Secretary, which contradicted the Rules of the CPSU, reduced the value of the Politburo of the CC CPSU and contributed to the establishment of unity of command – Stalin's dictatorship.

Despite the diversity of questions decided by Jan Borisovich in the far East, the question of increasing the combat effectiveness of the Special Red Banner Far Eastern Army, its technical equipment, the strengthening of Far Eastern borders and the establishment of the military-industrial potential of the region were of great importance.

Gamarnik participated in the reorganization of the Special Red Banner Far Eastern Army, which was established by order of the Revolutionary Military Counsel of the USSR from August 6, 1929 and which was stationed in the territories of the Far East, the Buryat-Mongol Autonomous Soviet Socialist Republic and the Irkutsk region of the Siberian krai. Such deployment of forces greatly complicated their management and created great difficulties in making operational decisions. In 1932-1933 Zabaikalskaya and Primorskaya Group of Forces were formed to improve the operational control of troops in the Special Red Banner Far Eastern Army. And regions of Vladivostok, De-Castry, Nikolaevsk-on-Amur were strengthened by troops. Border guards of the Far Eastern, Ussuriysk and Trans-Baikal Railways, the Red Banner Amur Military Fleet (according to the order of People's Commissariat of Defense of the USSR on August 8, 1935) obeyed Commanders.

In 1935 the Zabaikalskiy military district (ZMD) controlled from Chita was created on the basis of Zabaikalskiy troops of the Special Red Banner Far Eastern Army and part of the troops of the Eastern Siberian region in Yakutskaya ASSR. The Commander of the new district became I.K. Gryaznov. The Far Eastern Military District, which kept the name of the Special Red Banner Far Eastern Army was established according to the Order of the People's Commissariat for Defense of the USSR from May 17, 1935 on the basis of OKDVA headed by Blyukher.

With the establishment of the Zabaikalskiy military district, the Special Red Banner Far Eastern Army became much smaller which that created conditions for increasing the level of operational control of forces. On the other hand, an experienced military leader I.F. Fedko appointed as the head of indevided Primorskaya group of troops restricted the actions of the Commander of the Special Red Banner Far Eastern Army that V.K. Blucher could not help feeling.

By participating in military exercises of the Far Eastern Army, J.B. Gamarnik actively influenced the increase of its combat capability and growth of its military skill. At the military council of the minister of defense in 1934 the Chief of State Political Directorate said: "In the Far East we saw how well the scheme was worked out (mapping plans for military exercises – N. D.), but nothing happened on the battle field " [10: p. 242].

At the Military Council in 1935 J.B. Gamarnik speaking about the great unevenness of combat training in the districts, stressed that "The Special Red Banner Far Eastern Army and the Zabaikalskiy military district ... should be well prepared". Addressing Blucher, he added: "Yes, unfortunately, the training of our army, Vasily Konstantinovich, is not what it should be, taking into consideration the situation in the Far East" [10: p. 55].

But the situation on the Far Eastern border was rather tense. The Japanese sent their armed groups with to obtain intelligence and made provocations on Soviet territory every month. On October 12, 1935 the Japanese made a landing in our territory with relatively large forces. It was a "real though small battle of our border guards with the Japanese" [11: p. 454] and it ended rather sadly for them. About 30 people were killed and 40 were wounded and a significant part of the losses were caused by fire from their own reinforcements.

The attempt of the Japanese and Manchus to use the Amur channel for their ships giving them an opportunity to pass Khabarovsk, and our military and economic objectives was stopped by the statement from the Soviet side " we will not allow your ships to use the Kazakevich channel under any circumstances" [11: p. 455]. These attempts were stopped.

The command of the Special Red Banner Far Eastern Army had exercised troops in mountain taiga areas for several years. The words of Blucher at the Military Council in 1935 that the troops were not prepared for action in these circumstances made the Commissar put sharp questions: "What have you learned during four years of direct military threat when we did everything for you out of turn? Well, is it necessary to start a war in order to teach you how

to fight? Or do you want to fight only in lowland areas, valleys and on the plains? Should we negotiate with the Japanese, in which areas we agree to fight and in which we disagree?" [11: p. 477].

Voroshilov was ironically talking about commanders who pictured their maps, marked routes on them, calculated times and moved prepared troops around their barracks. As a result the regiment lost its way and could not be found for two days... "if you had read Arseniev "In the wilds of Ussuri region" you would have learnt more, – said the People's Commissar to the Commander. – He described conditions in the mountains and taiga of Primoriye, gave a lot of concrete data about gorges, their characteristics, about taiga marshes, about the region of Lake Verhnaya Khanka (Malaya Khanka, – N.D.), and about the general character of the region" [11: p. 478].

However, all military men including the People's Commissar understood the extraordinary conditions of the Special Red Banner Far Eastern Army and its command staff. "Our achievements are great, – said the People's Commissar in conclusion, – and the fact that you climbed mountains and understood the necessity to train is very good." [11: p. 479].

In spite of the large scale of military building in the Far East plans to build hangars and petrol stores were not performed by either army or the navy. Planes were on airdromes without shelter in summer and in winter. As the head of the Air Force of the Red Army, Commander second rate Y.I. Alknis said "the airplanes are rotten". "I will ask the National Commissioner, – he said at the Military Council in 1935 – to issue an order to stop producing aircraft until hangars are built" [11: p. 453]. Generally, the problem of strengthening the technical base of aviation as a basis for the fighting efficiency of the Far East was solved with great difficulty. It was easier to send planes into the region than to build hangars and petrol stores at air bases somewhere in the forest, far away from the railroad.

With the growth of the numbers of the Red Army, the supply of uniforms to their soldiers was inadequate. In snowless winters Red Army valenki were lasted less than a month. With the assistance of Gamarnik in 1933, the Far Eastern army received substantial supplies of valenki.

One of the peculiar features of the Special Red Banner Far Eastern Army that put it in difficult situation was the necessity to supply its own food. Gamarnik had this idea during his winter trip in 1931-1932. Supported V.K. Blucher aid Jan Borisovich put the question concerning the food problem to the

Politburo, which in March of 1932 issued a decree about the formation of the Special Kolkhoz Corpus as part of the Special Red Banner Far Eastern Army in the Far East.

He had the task of developing rich virgin lands, to provide the population of the Far East and the army with food, to reduce the import of grain and meat from Siberia in order to strengthen the security of the Far Eastern borders of the USSR. The Commander of the Special Kolkhoz Corpus was M.V. Kalmykov.

In 1934 the forces of the Corpus collected 1 330 000 pounds of grain and the yield capacity was the following: wheat – 6.4 centner, oats – 8.2 centner per hectare while yield capacity in kolkhozes was 6 centners. There were 7 000 heads of cattle and 17 000 pigs in the farms of the Corpus. In the farms There were 43 200 pounds of fish caught, and 9 000 pounds of honey was harvested in bee-keeping farms. 103 000 hectares were planted by the forces of the Corpus. These results were achieved thanks to the fact that commanders and soldiers in summer worked 14-16 hours a day without days off. Kalmykov was right when he said that "no part of the Soviet Red Army has so much work to do as the Far Eastern one" [10: p. 334]. Gamarnik named this amount of work "ferocious" because these parts were not exempted from combat training.

The Ministry of Defense and Command of the Special Red Banner Far Eastern Army possessed intelligence reports on the increasing the number of the Kwantung Army in Manchuria. By 1937, it had more than 400 thousand soldiers and officers that formed two-thirds of the armed forces of Japan. The Army had more than 400 tanks, over a thousand guns and 500 planes [12: p. 262]. An experienced general Ueda commanded the Kwantung Army.

It was necessary to oppose the Kwantung Army in the Soviet Far East by a powerful military force namely of the Special Red Banner Far Eastern Army and naval forces to remove the reason for predatory actions by Japan.

And in the 1930s the USSR and Gamarnik decided to resolve this problem by intensive measures. The Far Eastern Army was greatly enhanced by formations and units from the western parts of the country. New infantry corps were formed, greatly increasing the number of infantry divisions. The Special Red Banner Far Eastern Army was supplied with weapons and equipment. By 1937 a quarter of the land forces of the Red Army were on the Far Eastern borders. They had up to 17 % of the guns and mortars and over 22% of the total number of the armaments of the Armed Forces of the USSR [12: p. 262]. The sky of the

Soviet Far East was protected by aviation and the Pacific Coast – by the Navy.

In 1936, a year after the last visit to the Far East, Gamarnik was on a trip again. He was accompanied by Deputy Chief of General Staff, V.N. Levichev, Deputy Commissar for the Defense Industry, R.A. Muklevich and secretary I.M. Rachkov. The Commander of the Army, Blukher met Gamarnik in Chita. Training of the troops of the Zabaikalskaya military district under the command of I.K. Gryaznov took place in Karymskaya-Dauria region and the Cavalry Division led by Konstantin Rokossovsky participated. Exercises were successful and Gamarnik praised the commanders and fighters, but at the same time advised them to continue military training, to achieve higher levels.

Two weeks later J.B. Gamarnik and the Muscovites accompanying him, were in Nikolsk-Ussuriysk, which in 1935 was renamed Voroshilov training the Primorskaya group of the Special Red Banner Far Eastern Army. The training lasted three days and "red" and "blue" groups acted energetically and skillfully, both sides showed intelligence and infantry and fighting machines clearly interacted. In spite of the bad weather – rain and extremely difficult mountain woodland, fighters and commanders showed a high interest in the exercises and when performing assigned combat missions showed examples of courage, bravery and a skillful ability to use fighting machines. The actions of mechanized units of the "red" group were particularly successful and inflicted a blow on the flank and rear of the "blue". The most impressive moment of the exercise was the crossing of the river barrier.

Gamarnik, Blukher and Fedko talked on the military parade that took place in Voroshilov city. "I saw", noted the Deputy of People's Commissar, – "the clear understanding and knowledge of soldiers and commanders of their tasks, their persistence and initiative in implementing them, the tremendous endurance of the fighters; the highly mobile, skilful use of military equipment and exemplary discipline ..." [9]. The troops of the Special Red Banner Far Eastern Army deserved such appreciation for the first time.

A trip to the border convinced them that it was reinforced and that the brave border guards served there. The famous tracker I.F. Karatsupa with his four-legged assistant Ingus detained more than 200 violators of the Far Eastern borders. But it was still alarming on the border. The Japanese always arranged a variety of provocations, shelled border details and violated the border where they met a fitting rebuff from our border guards.

On the 26th of September Jan Borisovich arrived in Vladivostok to participate in tactical exer-

cises of the Pacific Fleet. The CC CPSU accepted the decision about its creation in April, 1932. Then, submarines, torpedo boats, coastal artillery and other military equipment were transferred by railway from the Baltic and the Black sea to Vladivostok. The Baltic and the Black Sea Fleet sailors came to serve in the Pacific and became the Pacific Fleet. Airfields, building for coastal artillery and bases for ships were built by intensive measures. Transport and fishing vessels were refurbished into minelayers and sweepers. The main naval base – Vladivostok – was improved. In the middle of the 1930s (January 11, 1935) the naval forces of the Far East which had grown both quantitatively, and qualitatively were renamed the Pacific Fleet.

The Pacific Fleet tactical exercises were successful. Gamarnik waited impatiently for another meeting – in Komsomolsk-on-Amur. From conversations with Lavrentiev he knew that there were about 60 thousand residents in the city; the construction of an aircraft factory at Dzemgi was completed; and the construction of a powerful shipbuilding plant and steel plant were going on. Gamarnik visited all the factories and building projects, met and talked with the leaders.

A positive impression on the Deputy People's Commissar of Defence produced the Khabarovsk plants. For the first time Gamarnik visited enterprises and building projects of the new city Birobidzhan. He was interested in what places Jewish settlers had come to the Far East from, and what expectations they had. The Far East of the USSR had become a major construction site. 23 new power plants were built for two years and the generation of electricity was doubled. The construction of the largest power plant in Artem was completed. Coal miners in Suchan, Sakhalin, Artem and other mines increased coal production many times. Enterprises of the fish and timber industries also worked exceeding their plans. The growth in rail, sea and river transport in the region was impressive.

All the time Jan Borisovich was in a cheerful mood. Like no one else, he knew how the Far East looked like in the early establishment of Soviet power here, and could appreciate the leap forward in its socio-economic development, strengthening the defense. Perhaps he felt pride that he had personally participated in this arduous but effective process. All that he saw, heard and felt in the Far East strengthened his belief in socialism, as a rapidly developing fair society that gave equal rights to its citizens in all spheres of life.

In conclusion, it should be emphasized that the Deputy Commissar of Defense, and Chief of the Po-

litical Directorate of the Red Army, J.B. Gamarnik, made an outstanding personal contribution to the implementation of party policy in the establishment of the Far East military-industrial potential. Economic and military fortifications of the Far Eastern region, the successful actions of the Red Army together with the Mongolian People's Army in repelling Japanese aggression in the Khalkhin Gol (1939) forced the government of Japan to abandon plans for unleashing war with the USSR. The threat of war on two fronts – against the Nazis in the west and Japanese militarists in the east was blocked.

The fate of J.B. Gamarnik as the fate of many thousands of Soviet citizens who lived in the 1930s was tragic. Although he believed in the ideals of socialism and tried to put them into practice, he was a romantic at heart, who had a sense of social conscience, Jan Borisovich Gamarnik in a situation of mass terror which began in 1937, committed suicide. Thus, he expressed his protest to Stalin's repressive policy against prominent military commanders of the Red Army, accused of "anti-Soviet, espionage and military-fascist plots." Even after his death, he was listed among the conspirators. J. B. Gamarnik was rehabilitated in 1955. Streets in Khabarovsk, Komsomolsk-on-Amur and Vladivostok were named after him.

REFERENCES

1. Amyrskii udarnik. [The Amur advanced worker] – 1933. – 24 of August.
2. Lubyanka: Stalin i VChK-GPU-OGPU-NKVD: Arkhiv Stalina: Dokumenty visshikh organov partiinoi i gosudarstvennoi vlasti: Yanvar' 1922-dekabr' 1936 gg.; [Lubyanka: Stalin and Secret services: Stalin's Archive: documents of the higher bodies of the Party and State power] Ed. By: Yakovleva A.N.; comp. Khaystov V.N., Naymov V.P., Plotnikova N.S. – M.: Mezhdynarodnii fond "Demokratiya" 2003. – 912 p.
3. Na prieme y Stalina. Tetradi (zhurnaly) zapisei lits, pri-nyatykh I.V. Stalinym (1924-1953). [On Stalin's reception. Copybooks (magazines) with notes of people, who were received by I.V. Stalin] Spravochnik. – M.: Novyi khronograf, 2008. – 784 p.
4. Peskov, V.M. Voennaya politika SSSR na Dal'nem Vostoke v 30-e gody XX veka [Military policy of the USSR in the Far East in the 30s of the 20th century] / V.M. Peskov. – Khabarovsk: Khabar. gos. ped. un-t, 2000. – 334 p.
5. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv social'no-politicheskoi istorii (RGASPI) [Russian State Archive of social and political history]. – F. 17. – Op. 3.- D.790.
6. Sovetskoe rukovodstvo: Perepiska, [Soviet leaders: correspondence] 1928-1941 / In-t gos. upr. I sots. issled. Mosk. gosyd. un-ta im. M.V. Lomonosova I dr. – M.: ROSSPEN, 1999. – 519 p.
7. Stalin i Kaganovich. Perepiska. [Stalin and Kaganovich. Correspondence] 1931-1936. – M.: ROSSPEN, 2001. – 798 p.
8. Terayama, K. Voenizatsiya (militarizatsiya) zheleznikh dorog na Dal'nem Vostoke SSSR [Militarization of railways in the Far East of the USSR] (1931-1934) / K. Terayama // Gymnitarnye nayki v Sibiri. – Novosibirsk, 1999. – № 2.
9. Tikhoookeanskaya zvezda. [Pacific star] – 1936. – 26 Sentyabrya. [26th of September]
10. Voennii sovet pri narodnom komissare oboroni SSSR. Dekabr' 1934 g. [Military Council under National Commissar of Defence of the USSR. 1934]: Dokymeti i materialy [Documents and materials]. – M.: ROSSPEN. 2007. – 534 p.
11. Voennii sovet pri narodnom komissare oboroni SSSR. Dekabr' 1935 g. [Military Council under National Commissar of Defence of the USSR. 1935]: Dokymeti i materialy [Documents and materials]. – M.: ROSSPEN. 2008. – 568 p.
12. Yangyzov, Z. Zabven'ya net. Stranitsi zhizni i polkovodcheskoi deyatel'nosti marshala Sovetskogo souza V.K. Blukhera [Not oblivion. Pages of life and commander's work of Marshal of the Soviet Union V.K. Blukher] / Z. Yangyzov. – Khabarovsk: Khabarovskoe knizhnoe izdat-vo, 1990. – 333 p.

EXPERIENCE OF THE ESTABLISHMENT OF THE SOVIET FESTIVITY CULTURE IN THE CITIES OF THE FAR EAST IN THE 1920s¹

N.G. Kulinich

Kulinich, Nataliya Gennadievna – Candidate of Science (History), Deputy Head of the Faculty of Philosophy and Cultural Studies at the Pacific State University (Khabarovsk).

E-mail address: kulinich_n_g@mail.ru

The paper considers the process of the establishment of the official Soviet festivity culture in the cities of the Far East in the 1920s. The major content of this process was constituted by the ousting of religious holidays and the inclusion of revolutionary holidays in the holiday calendar. The major goal pursued by this process was to legitimize the new Soviet power.

Key words: cities of the Far East, festivity culture, holiday calendar, demonstration, parade.

After the Revolution of 1917 the sphere of celebration was a specific field where the “old” and the “new” cultures and culture bearers began a dialogue with each other. Irrespective of the appraisal of this dialogue: as an uncompromising struggle (the Bolsheviks’ position) or as a gradual assimilation of the “old” by the “new” (the perception of the majority of the population), the process of communication of the festivity cultures included both constituents: struggle and interpenetration. Therefore, the transformation of the festivity culture took two directions. Firstly, new “revolutionary holidays” were introduced and the old “pre-revolutionary” holidays were ousted. Secondly, centuries-old celebration traditions, primarily religious, were borrowed and “sovietized”.

Immediately after the October Revolution of the 1917 a new holiday calendar was created in Russia. On December 2nd 1918, the Soviet of People’s Commissars of the RSFSR promulgated “The Rules of weekly days off and holidays” which were later included in the Code of Laws on Labour (KZoT). The following official holidays were established: January 1st – New Year; January 22nd – the Day of January 9th 1905 (Bloody Sunday); March 12th – the Day of the Overthrow of Autocracy; March 18th – the Day of the Paris Commune; May 1st – the Day of the International; and November 7th – the Day of the Proletarian Revolution. The choice of the holidays pursued a specific goal – to legitimize the revolution within the consciousness of the people. Working on those days was prohibited and there was a requirement to devote those days to “reminiscences about historical and public events”.

Later on this list of so-called “red dates” was constantly added to. From 1924 January 22nd became the day of “double mourning” – for “Bloody Sunday” and “Mourning for V.I. Lenin”. Later that year (1924), a new holiday was introduced – the Day of adoption of the Constitution of the USSR (July 6th). In 1927, in order to commemorate the 10th anniversary of the October Revolution, additional days off were established for the Day of the International (May 1st and 2nd) and the Day of the Proletarian revolution (November 7th and 8th).

In addition to that, new holidays devoted to the social processes that took place in the Soviet state were being gradually introduced in the Soviet holiday paradigm. March 8th was celebrated as International Women’s Day. On April 22nd the birthday of V.I. Lenin, the founder of the Soviet state, was celebrated. On February 23rd the Day of the Soviet Army and Navy was celebrated. In the course of time other memorable days which marked positive changes in the social order appeared: Teacher’s Day, Press workers Day, Aviation Day, Navy Day, etc. Nevertheless those holidays were not days off and therefore were not included in the official holiday calendar.

Simultaneously with the introduction of the new Soviet holidays, religious holidays were abolished: Christmas, Epiphany, Pancake week, Easter, Trinity Sunday, etc. The governing bodies understood that these particular holidays were perceived as nationwide by the population and competed with the newly introduced “revolutionary” holidays. However the new power did not dare to ban the celebration of the “old” holidays. The substitution of the “new” for the “old” in the consciousness of people took place gradually. The “rules” of the Soviet of Peoples’ Commissars of the RSFSR of 1918 gave the regional Soviets (Councils) of trade unions the right to establish co-called “special days off” or “holidays, common for the majority of the population of a certain locality” in addition to civil holidays

¹ The paper has been developed under the financial support of the Russian Foundation for Humanities within the frameworks of research project № 2010-1.2.1-102-016.

(by the consent from the People's Commissariat of Labour) [2: p. 124]. This actually dealt with the religious holidays which were a part of the Soviet official holiday calendar until the early 1930s. Their gradual ousting from the everyday life of people occurred through the steady reduction of days off: from 10 in 1918 to 7 in 1925 and. In 1930, when the amendments adopted by the government of the USSR in the late 1920s were introduced to the Code of Laws on Labour, the "special days off" were reduced to 6 days. Now they included new Soviet holidays and excluded religious holidays: The Constitution Day of the USSR (July 6th), The International Day of Youth (September 4th), The Day of Collectivization of Agriculture (October 14th), Industrialization Day (December 15th), etc. Thus by the beginning of the 1930s religious holidays had disappeared from the official holiday calendar.

The struggle against religious symbols also contributed to the ousting of religious holidays. In the late 1920s it was prohibited to decorate Christmas trees for New Year under the pretext of counteraction to the celebration of the Nativity of Christ [3: p. 266-273]. This ban was cancelled in the mid 1930s after an article of P.P. Postyshev, the Second Secretary of the Communist Party of the Ukraine, published in "Komsomolskaya Pravda" ("The Truth of Komsomol")². In this article he appealed for the return of the New Year tree and the holiday to children of working people. People began to decorate Christmas trees but substituted the Soviet five-pointed star for the star of Bethlehem on top of the tree [3: p. 275-296].

Even Sunday, the day off, traditional to Russia, fell victim of the struggle against religious holidays in the late 1920s- early 1930s. The resolution of the 16th Conference of the All-Russian Communist Party (Bolsheviks) (April 1929) introduced *pyatidnevkas* – five-day working weeks with a common day off on the fifth day. Thus they got rid of the day off which was too closely connected with the Christian culture in the minds of Russian people.

The main direction of the transformation of the festive culture was the introduction of "revolutionary" holidays in the holiday calendar as the major holidays marking historical moments and events which were the most significant for the legitimization of the new power. These holidays began to dominate and played an important role in the mythologization of those events and in the formation of Soviet identity. The holiday paradigm embodied the new vision of history and the present. This was pre-

sented by official periodicals, issued for holidays, and by visual materials and the musical design of the celebrations; by decoration of the streets, cinematographic and theatrical performances, and routes of demonstrations that included "places of commemoration" and many other holiday attributes.

Nevertheless, although the Soviet power was systematically ousting religious holidays they transferred many elements of centuries-old ceremonial rites to the new festivity culture. First of all, they adopted processions with the portraits of the leaders, which resembled religious icon-bearing or cross processions. In addition they organized political meetings that were quite comparable with such forms of traditional activities as the religious liturgy and public prayer. Soviet official festivities combined elements of traditional ceremonial rites and new content which consolidated different historical myths. In November 1922 during the celebration of the Day of the October Revolution (the first time after the liberation of territory from Japanese intervention and the White Guard)³, the Blagoveshchensk city activists had a grand rally. The participants of that rally proposed traditional toasts. However now the addressees of those toasts were: "The avant-garde of the October Revolution – the Russian Communist Party", "The Red Army", "Great Soviet Russia and the Far East integrated with her". Under the new conditions proposing the toasts was accompanied by singing the "International" [1: p. 300-304].

The scenario of the celebration included traditional processions of civilians and a parade of the garrison troops. But their route lay among the other symbolic places of the city: the opening monument to the Revolution in the Cathedral square of Blagoveshchensk and to the tomb in honour of the fallen comrades. The procession ended near the Monument to F.N. Mukhin, a hero of the Civil war in the Far East, where the participants of the holiday action were to symbolically lay down the banners, standards and flags [1: p. 304]. Thus the new official festivity culture addressed the local revolutionary events and their heroes which made the general idea of celebrating the Revolution closer and more understandable to the population and contributed to the strengthening of those ideas in public consciousness.

Mystery plays which were very popular in the early 1920s served the same purpose. The vast majority of these adaptations for stage presented and fixed the "right" image of the recent events – the Revolution of 1917 and the Civil War. It was those events that set the new calendar and became the

² Young Communist League (*translator's note*).

³ The Russian Civil War (1918-1922) (*translator's note*).

most important objects of mythologization. The latter was aimed at legitimization of the new power and the creation of ideals to motivate the acceptance of the new power by the population. One of the most grandiose plays among such mysteries, “The Intervention in the Primorie”, was accomplished in Vladivostok on November 7th 1923 for the celebration of the 6th anniversary of the October Revolution. On that day the city was awakened by shots in the square of the Victims of the Revolution which was an aural reminder of the recent bloody events. Rows of cars and lorries with orchestras and red banners swept around the city. The parade of Red Army troops and volatile meetings of working people took place in the railway station square. Later on the participants of those meetings became part of a grandiose mystery play that developed in the square and adjoining hills. In addition to civilians and soldiers, the seamen of the Pacific Fleet took part in the mystery play. The celebration finished with fireworks, salutes and the ceremonial burning of the effigy of “Capital” on the hill in front of the October Revolution Square [15].

However, in the second half of the 1920s the historical-revolutionary adaptation had accomplished its mission and was gradually dying out. This serious conventional ritual act, aimed at fixing the desirable variant of historical events in historical memory, started to turn into an entertainment activity; a game and a way of enlivening of the movement of columns during the demonstration.

Parades and demonstrations became the most important form of official Soviet celebrations. Actually, no holiday could do without them. Specially established commissions arranged their routes. As a rule, early in the morning in certain parts of the city working people gathered into separate columns which later moved along a specific route to the central square where the meeting was arranged. By the early 1920s a tradition took shape of decorating the celebration columns with red banners, the slogans of the day and dramatizations devoted to urgent political issues. Thus, in 1924 in Vladivostok, one of the May-Day columns was decorated by a complex composition consisting of two moving carts connected by a telephone wire. On the first cart there was a village library and reading room where a peasant in a “plain red shirt” was reading a newspaper. The second cart embodied the city. The composition was supplemented by the slogan: “Linkup between town and village is the guarantee of the victory of working people. The duty of the communications worker is to strengthen this linkup”. The other column of working people was headed by a lorry with a scene showing the “working” government of Great

Britain headed by the King and a priest who was fervently blessing the passers-by [16].

The city youths willingly participated in such demonstrations. One of the first youth demonstrations in the Far East happened in September 1923 on International Youth Day. On that day almost all the young people of Khabarovsk went out into the streets of the city with red flags and the slogans: “We are the children of a free country and we are brave and kind souls”. The route of the demonstration ended in Freedom Square (nowadays V.I. Lenin square) where a crowded meeting was organized. V.N. Sokolova, a participant of the first celebrations of the International Youth Day (who was one of the organizers of the Pioneer⁴ movement in the Far East) later remembered those events of 1924. The young pioneers of Khabarovsk first had the intention of going to the demonstration as a separate column all wearing the Pioneer uniform. They started to prepare for the demonstration in advance. By September they practiced pacing in order and singing parade songs. J.B. Gamarnik, the Chairperson of the Far Eastern Revolutionary Committee, helped them to purchase material for the pioneer outfits. The children sewed the uniforms on their own. The uniform was in a military style: with shoulder straps, Army buttons and a belt over the shoulder. V.N. Sokolova remembered that although it was quite cold then, all the pioneers turned up to the demonstration. They were all wearing uniforms with red scarves, marching with resolute step and singing a cheerful song under a banner [4: p. 59-61]. By the end of the 1920s the demonstrations on International Youth Day took the shape of a parade with processions of well-dressed columns formed by the Komsomol (Young Communist League) and the Pioneer detachments. During the 1928 parade of in Khabarovsk, the Komsomol members dressed in white shirts were carrying red banners and slogans. Among the slogans were such as the following: “Drunkenness corrupts the proletarian ranks. Not a single proletarian kopek for vodka” [4: p. 34].

Another very interesting variant of the youth’s festivity culture of those years was a night demonstration with torchlight processions, fireworks and salutes which were very popular in the 1920s. These demonstrations were often held as an antithesis to religious celebration processions and constituted part of the anti-religious enlightenment of the masses. In December 1929 a similar action, directed against the celebration of Christmas, took place in Aleksan-

⁴ The children’s Communist organization in the USSR (*translator’s note*).

drovsk (now – Yuzhno-Sakhalinsk). The newspaper “Sovietzsky Sakhalin” described this event as follows: after the meeting a carnival procession accompanied by the sounds of a brass band was organized. With torch lights in their hands the working masses together with the Komsomol members and pioneers went to the shore where the burning of Gods took place [19: p. 179].

Active employment of the carnival procession as the most important element of youth’s festivity culture began in the second half of the 1920s. At that period carnival processions were of an exceptionally politicized character although they were performed in traditional carnival forms. In 1928 the Young Communist League organized an anti-religious carnival during the celebration of International Youth Day in Khabarovsk. The participants of that carnival (members of the Komsomol detachment of the Khabarovsk station) dressed themselves in masquerade costumes and represented “priests”, “the Holy Family”, etc. [4: p. 35]. This action had the purpose of ridiculing and exposing the counter-revolutionary essence of the personages depicted. By the late 1920s demonstrations of a carnival character were preferred even for the organization of major Soviet holidays because they reflected the up-to-date economic and cultural tasks of the USSR, the history of the struggle of the working class in Russia and the struggle of working people in the capitalist countries” [14].

The day before the holiday, as if anticipating the celebration, solemn conferences and meetings were held (there also might be open meetings of the Party and Komsomol detachments or of the employees of enterprises) as well as reminiscence parties. Their purpose was to create the proper mood, attitude, background and basis for the celebration itself. The official part was followed by the unofficial, entertainment part of the celebration. It was, as a rule, the same as before the Revolution with street festivities in gardens and parks, free performances and concerts in theatres, charitable lotteries and fairs, etc. But under the new Soviet conditions the content of the unofficial part also changed. Thus, the tradition of charitable collections and lotteries remained in the festivity culture of the Far Eastern cities in the 1920s. But on May 1 1923, the citizens of Khabarovsk collected money for “the captives of capital” [12].

Festive concerts and performances took place in all clubs and “red corners” and during the warm season in squares and public gardens. The reminiscence parties often included celebrations in honour of the veterans of the Revolution and the Civil war as well as Heroes of Labour or high achievers of the literacy campaign, etc. Those festive meetings and conferences played a major role in creating the commemorative

narrative. In the course of implementation people uttered and put into verbal form the basic stock phrases and clichés, the formulas of that narrative; they gave utterance to the historical images that were performed in the squares and streets on holidays.

The children’s meetings and concerts copied the “adult” events including the election of a children’s presidium. The Chairperson of a children’s meeting followed an official scenario and announced the meeting open, etc. [21]. Nevertheless, in the children’s celebration paradigm the major accent was made on entertainment and spectacular forms of celebration, although it retained a certain degree of political content. The members of celebration committees rightly believed that those meetings would become an important means and a channel of perception of the Soviet festivity culture for children. On May Day in 1924 the Primorie province children’s commission and the Department of People’s education organized a grandiose spring carnival for children in Vladivostok. The carnival began with a procession of children dressed in masquerade costumes and carrying flags. The launch of “enormous red balloons” was the signal to begin the carnival. The scenario of the new Soviet holiday included the traditional entertainments of urban children. On the stage sketches, extravaganzas, tableaux, ballet, orchestra of balalaika players, and musical sets were performed; in the halls there were gymnastic groups, games “The Barrel of Happiness” and “Fishing Rod” and comic competitions [7]. In 1926 the plan of the celebration of May Day in Blagoveshchensk included a mass pioneer game “Battle between the White Guard and the Red Guard” which took place in the streets of the city and a ride in a car for children [8].

The tasks of creation and translation of the commemorative narrative were also achieved by such celebration events as issuing newspapers, magazines and literature. The Far Eastern press sometimes started a section that dealt with the preparation for a holiday and published the plans for the celebration events. Regional and central newspapers timed special holiday issues for the anniversaries.

Holiday meetings often accompanied the unveiling of monuments and the opening ceremonies of industrial plants and factories, schools, hospitals and other “construction objects”. In 1922 the celebration of the 5th anniversary of the October Revolution in Blagoveshchensk was accompanied by the solemn opening of the first workers’ courses in the city. The celebration of International Women’s Day was accompanied by opening token establishments that embodied the mythologeme of “women’s emancipation”. On March 8 1924 the first paediatric

clinic was solemnly opened in Blagoveshchensk [1: p. 300, 319]. In connection with the celebration of March 8th 1925 the Priamurie Province Committee of the Russian Communist Party (Bolsheviks) adopted the decision to open “Mother and Child” corners in city shops. These “corners” were supposed to be supplied with all necessary dietary and hygienic items for child care as well as items for the care of pregnant women and nursing mothers [5]. During the celebration of Women’s Day the city maternity hospitals opened new children’s and antenatal clinics and employment exchanges started women’s cooperatives [18].

Those “rituals of opening” were often more important for Soviet celebrations than the fact of the opening itself (although construction of any socially targeted object was of great importance at that time). Within the holiday paradigm they marked the symbolic development of the country accomplished by the working people under the leadership of the Communist Party. One of the varieties of this “symbolic construction” was the *subbotnik*⁵ usually held on the eve of the celebration of May Day. The May Day *subbotniks* included not only removal of garbage but also a symbolic laying of foundation stones for new construction objects. In addition, the landmarks of the history of the revolution and the achievements of socialist construction were supposed to be demonstrated by exhibitions linked to a holiday. Beginning with the 10th anniversary of the October Revolution (1927) exhibitions of the achievement of the people’s economy were organized for holidays more often than historical exhibitions which testified to the fact that a reorientation from the revolutionary past to the no less revolutionary present was taking place.

An amnesty of convicts became another symbolic form of celebration which embodied the mythologeme of the “liberative” but not the “constructive” function of the revolution. A convict amnesty was connected with holidays. In the Far East this practice started from the arrival of M.I. Kalinin who acted not only as the bearer of the central policy but as the “liberator” to a certain degree. Special commissions to consider the cases of prisoners of prisons were established for his visit. According to the reports of these commissions public “acts of liberation” were accomplished. Thus, on August 8 1923, in Blagoveshchensk, 115 convicts condemned to short terms were liberated by the decision of M.I. Kalinin. In addition to that all those who were

doing forced labour (approximately 500 people) were also amnestied [1: p. 312].

In the 1930s the fulfilment of the mythologization of the liberative functions of the Revolution was further developed in the Far Eastern festivity culture. In 1932 a grandiose “act of liberation” marked the celebration of the 10th anniversary of the end of the Civil war in the Far East. According to the resolution of the Presidium of the All-Union Central Executive Committee of the RSFSR “On the measures in commemoration of the 10th anniversary of the Soviet Power in the Far East” (1932) all convicts in the Far East were granted amnesty. The first prisoners to be released from measures for “social protection” were all former red partisans and soldiers of the Red Guard sentenced for all crimes committed except state offences and the most dangerous crimes against order and government. In respect of the latter crimes the terms were cut by two thirds [17].

By the late 1920s stable and universal forms of official Soviet celebration had been established. For example, the procedure for celebrating the October Revolution festivities had been established as follows: November the 5th-6th – political days, meetings, ceremonial openings of different objects; literary and artistic evenings and commemoration meetings; open meetings of the Russian Communist Party (Bolshevik) and Russian Young Communist League detachments; night demonstrations for youth; theatre performances and parties, cinema films and dramatization at clubs. On November the 7th – there were in the afternoon: a military parade of Red Army troops and a demonstration; in the evening: a grand rally of the Soviet and Party governing city authorities with representatives of the Young Communist League, trade unions, factories and plants with concerts, performances and supper. On November the 8th – there were parties and performances, including parties and performances for children and sports competitions. Approximately the same scenario existed for all other Soviet official celebrations. This created rather standardized, familiar and established ceremonials which introduced Soviet celebration into the everyday life of Soviet people as an integral constituent. Unification of forms of celebration and their routines were promoted by the fact that from the mid 1920s onwards their standards were set from above – by all-Russian and all-Union celebration commissions.

Townspeople of the Far East perceived and accepted the Soviet festivity culture gradually and in rather complicated ways. During the first years after the Revolution, Soviet holidays caused curiosity in people rather than being acquired by the population. Nevertheless the attitude of the vast masses towards the Soviet holidays changed little by little. In 1923

⁵ Day of unpaid work or community work day (translator’s note).

the May Day Commission of the Iman province (Priamurie) reported that the number of participants in the demonstration exceeded those of all the previous years and even all the petty bourgeois celebrated. This caused their conclusion that the revolutionary holiday of May 1st had been firmly established in the Labour republic [11].

But for all that, the early Soviet revolutionary holidays did not serve to consolidate city bourgeois residents with the proletarian masses but emphasised their isolation from the atmosphere of city celebration. They became strange social outcasts and odd people in this holiday atmosphere. A reporter of the "Krasnoe Znamya" ("Red Banner") described the populous holiday crowd on May Day as a stream of people decorated with "red bands, red bows and badges". He specifically noted that one could hardly see representatives of the bourgeoisie on the streets and added a poet's verse that being in the street on that day was a horror for them... [16].

Different perceptions of such an ambiguous holiday as International Women's Day often caused confrontation even within family circles. City women willingly attended holiday meetings held on this day as those meetings evidently relieved the monotony of their everyday lives. Their husbands often treated those meetings with concern and considered the mythologeme of "woman's liberation" as a threat to the patriarchal foundations of the family. Thus, in 1925 so many women came to the holiday rally devoted to the celebration of March the 8th in Svobodny that even the city theatre could not accommodate all of them. Even those who had never attended any meeting came on that day. They left their husbands to look after their children and came to the holiday having promised their spouses that they would complain to the women's department if they did not stay with the children. The majority of them were at a conference for the first time. Many had to undergo conflict with their husbands before they got to the conference. There were also many cases when a husband declared: "if you go, you'd better not come back". But some women did not take this into account – "be that as it may" [10].

From the very beginning the authorities of all levels constructed Soviet festivities and declared them to be antithesis to the "old", former primarily religious festivities. Even in the early 1920s official Soviet holidays openly contradicted major religious holidays. Thus, the May Day celebration served in contraposition to the Orthodox Easter. Far Eastern newspapers published the proposals of the working meetings of the city enterprises: not to celebrate Easter as a vestige of the old time and the days off to be moved to May 2nd and 3rd, the days following the

International Day of the Proletariat (May 1st); to work on Easter Sunday and to remit the money to the MOPR⁶ (International Red Aid – *N.K.*). The majority of published letters uttered a demand to abolish the days off for Christian holidays and to transfer them to the days of the revolutionary victories (May 1st) and suchlike [6].

However the process of establishment of the new Soviet festivity culture more often represented a peculiar "contrary motion". On the one hand, the population "acquired" new holidays, and "inhabited" their sphere on the basis of the existing experience of festivity. On the other hand, the authorities who sternly fought religious holidays, had to put up with "religious" ways of adaptation to the Soviet holidays which were habitual for the population. More than that, they themselves employed those assimilation methods to implant Soviet holidays among the masses.

In the most obvious way this "contrary motion" revealed itself at the level of family holidays. Created in the 1920s the new rituals for "red weddings" and "red funerals" substituted for the church rituals of church wedding ceremonies and requiem services. The major content of those new rites was the secularization of the holiday paradigm. Let us consider this process by the example of the "*octyabriny*"⁷, a Soviet ritual substitution for the traditional christening. The procedure of the new ritual retained all the principal characteristic features of the previous ritual. The ritual was conducted "not in the Church but in the club" which determined the contraposition of religious and Soviet festivity cultures [20]. Instead of a priest, a representative of a Soviet, Party or trade union authority opened the ritual of the Communist christening with a report "On the meaning of "*octyabriny*" in the Soviet everyday life". The speaker told the audience: "'*Octyabriny*' is a ritual of "introducing a citizen to our life where we can take care of him and help him to stand firmly for the covenants of our dear leader and teacher V.I. Lenin. Here we must promise that we will accept him as a valuable being and after 20-30 years the modern citizens will thank the society that nobody "practiced shamanism" on them" [13]. Further the participants were invited to choose names. In the early 1920s the most frequently suggested names were: Spartack, Marat, Marx, Babef, Rosa, Klara, and Kommunarka. The name offered was put to the vote then. After

⁶ An international social service organization established for providing material and moral aid to radical "class war" political prisoners around the world (*translator's note*).

⁷ October name-day celebration (*translator's note*).

naming the child Act № 1 which certified that a certain group of working women or delegates took the child under their patronage was adopted. Then people made greeting speeches and the speakers expressed their confidence that the newborn child would become a worthy son of the working class and would fight the yoke of capitalism as his fathers had fought. In reply the father of the child assured the participants of the ceremony that he promised to rear his son “in the spirit of Communism” [9]. The ritual finished with presenting gifts. The most typical *oktyabriny* presents of that time were as follows: certificates of official acceptance of the newborn as a candidate to members of a trade union or a candidate to a member of the Russian Young Communist League, badges of the Young Communist International (YCI), five-pointed stars, pioneer badges, etc. As with the majority of Soviet holidays, this ritual was accompanied by singing the “International” [13].

The process of reception of new Soviet festivity was actually much more complicated than the simple substitute of Soviet for religious holidays. Even those who were loyal to the Soviet authorities often did not see a connection between the acceptance of Soviet festivity and the rejection of religious holidays. In spite of the government attack on religious holidays, people resisted the abolition of religious festivity in different ways. In Far Eastern cities this resistance was of a latent character and revealed itself in the situation that people, who openly demonstrated their commitment to the Soviet holidays, “secretly” celebrated some church holidays. In the Far Eastern press of that time one can often come across examples unmasking such behaviour of working people and even of members of the Communist Party.

Thus, in the 1920s, the cities of the Far East as the whole country were undergoing an active process of establishment of the new Soviet festivity culture characterized by persistent ousting of religious holidays from the holiday calendar and consolidation of new revolutionary holidays as the major holidays of the holiday calendar. The major direction of the transformation of traditional holiday paradigm was legitimization of the new Soviet Power promoted by the mythologization of regional revolutionary events, embodiment of the mythologemes in the symbolic forms of celebration, “Sovietizing” of the major elements of traditional holiday ceremonial rites and many others.

REFERENCES

1. Blagoveschensku sto let [Blagoveshchensk is one hundred years old] (1858-1958). Collection of documents and materials. – Blagoveshensk: Kn.izd., 1959. – 573 p.
2. Dekrety Sovetskoi vlasti. [Decrees of the Soviet Power] – T.4. 10th of November 1918. – 31st of March 1919. – M.: Gospolitizdat, 1968. – 412 p.
3. Dushechkina, E.V. Rysskaya elka: Istoriya, mifologiya, literatura [Russian Christmas tree: history, mythology, literature] / E.V. Dyshechkina. – Spb.: Nayka, 2002. – 398 p.
4. Khabarovskii komsomol v dokymetakh i illustratsiyakh. [Young Communist League of Khabarovsk in documents and illustrations] – Khabarovsk: Kn. Publishers., 1978. – 400.
5. Kopiya postanovleniya Priamurskogo Gubkoma RKP(b) v svyazi s prazdnovaniem 8 marta. 7 marta 1925. [Copy of the Decree of Priamurie provincial committee of the Russian Communist Party (Bolsheviks) on the celebration of the 8th of March. 7th of March 1925] – State Archives of Khabarovsk Kray. – F.P. 318. – Op. 1. – D. № 318. – Sheet 2.
6. Novyi byt [New way of life] // Krasnoe znamya. – 1924. – 20th April.
7. O detyakh [About kids] // Krasnoe znamya. – 1924. – 28th of April.
8. Obshchiy plan prazdnovaniya 1-go Maya [] [General plan of celebrating of the May Day] // Amurskaya Pravda. – 1926. – 16th of April.
9. Oktyabriny na gosmel'nitse [Oktyabriny at the state mill] // Krasnoe znamya. – 1924. – 9th of April.
10. Otchet o konferentsii 8 Marta v g. Svobodnom [Report about the Conference on the 8th of March in Svobodniy]. March 11th. – Russian state archive of social and political history. – F.P-372. – Op. 1.- D. № 1150. – Sheets 77, 78.
11. Otchet pervomaiskoi komissii Imanskogo yezda (Priamurie). [Report of May-Day Committee of Imanskii district (Priamurie)] 1923. – Russian state archive of social and political history. – F.P-17. – Op. 60.- D. № 627. – Sheets 24-24 ob.
12. Otchet pervomaiskoi komissii Khabarovskogo yezda (Priamurie). [Report of May-Day Committee of the Khabarovsk district (Priamurie)] 1923. – Russian state archive of social and political history. – F.P-17. – Op. 60.- D. № 627. – Sheet 7 ob.
13. Otchetniy доклад Blagoveshchenskogo gorodskogo otdela narodnogo obrazovaniya ob “Ugolke rebenka”. [Summary report of Blagoveshchensk municipal public education authority about “Child corner”] 1925. – State Archives of Amurskii region. F.R-67. – Op. 1. D. № 2. Sheet 3, 3 ob.
14. Plan demonstratsii v Blagoveshchenske [Plan of the demonstration in Blagoveshchensk] // Amurskaya Pravda. – 1929. – April 30th 1.
15. Poryadok prazdnovaniya 6-i Oktyabr'skoi revoliutsii [Sequence of celebration of the 6th anniversary of the October Revolution] // Krasnoe znamya. – 1923. – 6th of November.
16. Prazdnovanie vo Vladivostoke [Celebration in Vladivostok] // Krasnoe znamya. – 1924. – 6th of March.
17. Proekt Postanovleniya Prezidiyama VTsIK RSFSR “O meropriyatiyakh v oznamenovanie desyatiletiya syschestvovaniya Sovetskoi vlasti na Dal'nem Vostoke”. [Project of the resolution of the Presidium of VTsIK of the RSFSR “On the events for celebrating the 10th anniversary of the establishment of the Soviet Power in the Far East”] September 30th, 1932. – State archives of Russian Federation. – F.A.-259. – Op.16. – D. № 11. – Sheet 8.
18. Proekt postanovleniya SNK RSFSR “O prazdnovanii 8 marta”. [Project of the resolution of the Council of People's Commissars of the RSFSR “On the celebrating of the 8th of March] 20th of January 1927. – State archives of Russian Federation. – F.A.-259. – Op.12.b. – D. № 3856. – Sheets 1, 1ob, 2.
19. Religiya i vlast' na Dal'nem Vostoke Rossii. [Religion and power in Far East of Russia] – Collection of documents of State Archives of Khabarovskii region. – Khabarovsk. Private collection, 2001. – 400 p.
20. Rushitsya staryi byt [Old way of life breaks down] // Krasnoe znamya. – 1924. – March 2nd.
21. V klybe gruzchikov [In the club of loading workmen] // Krasnoe znamya. – 1924. – March 22nd.

**COOPERATION OF THE FAR EASTERN REVOLUTIONARY COMMITTEE
AND PEOPLE'S COMMISSARIAT OF FOREIGN AFFAIRS IN
THE PROCESS OF PREPARING THE SOVIET-JAPANESE AGREEMENT OF 1925**

S.S. Tsukanov

Tsukanov, Sergey Sergeevich – Senior Lecturer, Department of Civil Law Disciplines, Khabarovsk Border Guard Institute of Federal Security Service of the Russian Federation.

The author analyses the measures taken by the government of the USSR, the Peoples' Commissariat of Foreign Affairs and the Revolutionary Committee of the Far East in order to settle diplomatic relations with Japan. He shows the order of resolution of mutual claims, questions and contradictions which appeared during the negotiations.

Key words: government and the People's Commissariat of Foreign Affairs of the USSR, the Far Eastern Revolutionary Committee, diplomatic relations, negotiations, claims, contradictions.

REALIZATION OF THE “BIROBIDZHAN PROJECT” AND FOREIGN JEWRY (LATE 1920s -1930s)

V.V. Romanova

Romanova, Viktoria Valentinovna – Doctor of Science (History), Head of the Department for Political History at the Far Eastern State University for Humanities (Khabarovsk).

E-mail: victoryarom@yandex.ru

The paper considers the problem of interaction between the Bolsheviks and the left wing of the foreign Jewish Diaspora within the frameworks of realization of the “Birobidzhan project” in the late 1920s – 1930s. The paper discusses the reasons which caused the Jewish organizations of different countries to give support to Soviet plans for the establishment of the Jewish Autonomous region in the Far East.

Key words: “Birobidzhan project”, foreign Jewish Diaspora, Jewish resettlement, colonization.

The plans of the Soviet governing bodies to resettle Jewish working people were connected with the special policy pursued by the Bolsheviks in the early years of their power. This policy treated the Jews as an ethnic group which had suffered greatly under the Tzars. Furthermore, the Civil War¹ accompanied by dreadful pogroms in the Ukraine and the south of Russia and the economic measures of the new governing bodies caused the disastrous state of the Jewish masses of the former Jewish Pale. As noted M.I. Kalinin, the Chairman of the All-Russian Central Executive Committee, the October Revolution in its early stages, during the period of acute civil struggle destroyed – at least for a while - the cottage industry which, for the Jewish population, was the basis not simply for their well-being but for their very existence. That was a hard blow to the urban and rural poor, and it was the poor who suffered most. [7].

Meanwhile, the agrarian resettlement of the Jews from the Jewish Pale began spontaneously, as stated by B.D. Brutskus, at least. According to his information, in 1922-1924, approximately 2,000 rural Jews “moved to the steppes of their own accord” escaping the famine. Others followed them. B.D. Brutskus noted that it was beyond any doubt that this unregulated movement was doomed to end with catastrophe as the majority of the settlers would ruin themselves and even die in the steppes. Nevertheless this migration movement was relatively successful. Absolutely unexpectedly the Soviet Government became seriously interested in this move-

ment and made a decision to support it. [1]. In August 1924 the Resolution of the Presidium of the Central Executive Committee of the USSR established the Committee for the Settlement of Toiling Jews on the Land (KOMZET) headed by P.G. Smidovich. KOMZET worked under the Presidium of the Soviet for Nationalities (Council for Nationalities). Alongside KOMZET, as a governmental structure, there was also established a Public Committee for the Land Management of Working Jews (OZET) headed by U. Larin (M.Z. Lurie). The major purpose of the latter was to mobilize the public to support the plans for land management for the Jews.

The Soviet government counted on support from the foreign Jewish community in its activities conducted in this direction. They took into consideration the traditions of philanthropy and solidarity which were historically characteristic of this nation. They were also evidently aware that the majority of Russian Jews who had left the country due to the anti-Semitic policies under the Tzars and settled mainly in the USA, appreciated the Bolshevik position on the “Jewish question” during that period and their consistent struggle against anti-Semitism. In addition, at that time rather wide circles of the Western public still felt sympathy for the Russian revolution.

Comintern² was undoubtedly an established organizational structure to start a company to support these plans. According to the archive documents it was the foreign Communist parties which became the core of this work. Nevertheless, as the Soviet

¹ Civil War (1918-1922) started right after the Great October revolution (October 1917) (*translator's note*)

² Communist International (also known as the Third International) was an international communist organization founded in Moscow in March 1919.

government needed to fashion these measures into non-partisan activities in order to attract possibly wider circles of Jewry, these activities were accomplished through OZET, the Society for Settling Toiling Jews on the Land. The Bolsheviks thought that they, with support from Communist parties, would be able to organize structures capable of becoming propaganda centres for giving information about the plans of the Soviet government and organizing financial support for those plans. On May 26th 1925, Y. Larin made a report at the united meeting of the board of administration, council and auditing committee of OZET where he emphasized the need for organizing assistance groups abroad for the moral and material support of OZET [42]. To accomplish these objectives a number of OZET executives were sent to different countries and it is natural to suppose that significant funds were allocated for that. Their activities were shaped as an anti-Zionist movement, as Zionism (or "Palestinism") was considered to be a bourgeois nationalist movement harmful to the proletarian masses. At the same time, the Soviet government did not conceal that they expected to obtain help from well-to-do Jews. In November 1926, while reporting at the Congress of OZET M.I. Kalinin commented: "The Soviet government does not prevent Jewish settlers from receiving help even from Jewish capitalists from abroad, although, in the USSR, we have successfully liquidated Jewish capitalists". Further he specified: "We did not liquidate them physically but we liquidated their capital therefore they lost their significance". [6: p. 30]. Cracking wicked jokes and being supported by the laughter and applause of the delegates, the All-union Starosta³ ("all-Union elder") actually formulated the attitude of the Soviet government towards this help: "those Western capitalists who help the Jews are giving paltry doles, in essence, because they want through these doles to win a place near Moses in the other world... I think that we, comrades, do not accept charity from Western capitalists but we accept their dues and take care of the rescue of their souls" [6: p. 43]. It is clear that the government cared first of all about raising funds for socialist development through any means and under any pretext.

One of the first organizations from abroad which responded to the appeal to provide help to the Jewish resettlement movement in the USSR was the American Jewish charity organization "Joint" (American

Jewish Joint Distribution Committee). In December 1924 KOMZET concluded an agreement with "Argo-Joint", an agricultural department of this organization. Its representative office in Moscow was headed by I. Rosen, an expatriate Russian. According to Prof. Kagan from Ozet, he was a man who "was imbued with the attitudes which our intelligentsia had had in pre-revolutionary times" [34]. However "Joint" also supported Jewish colonization of Palestine and therefore its support for the Soviet plans was not unanimous. Nevertheless, "Agro-Joint" pledged itself to provide a loan of 9 million US\$ for 17 years in accordance with an agreement signed with the Soviet government. [14].

In addition to "Agro-Joint", agreements on co-operation were also signed with the Jewish colonization society, EKO, (February 1926), and the Union of Societies for land and handicraft labour among Jews, ORT, (March 1926). But their contributions were considerably smaller. The total amount of foreign investment from 1924 to 1928 exceeded the funds allocated by the state by almost four times. [8]. Nevertheless that money was scarcely enough. Exploration of the southern steppes with their heavy soil and drought-afflicted climate required considerably larger expenses. The colonization resources of the European part of the country were limited for that matter. In addition to that, the governing bodies were also concerned about the intensification of anti-Semitism in places of Jewish colonization. This issue was mentioned by A. Smirnov, the Narkom⁴ of agriculture. [2]. It is also known that in 1926-1927, the plans for establishment of Jewish Autonomy in the Crimea caused resistance from the governing body of the Crimea Republic and, particularly, from V. Ibragimov, the Chairman of the VTsIK (Central Executive Committee) [15]. Therefore the leaders of the Jewish sector of the Bolshevik Party considered the search for other territories, freely or thinly populated, to be a reasonable resolution of the situation. Soon after, in spring 1928, a rather numerous expedition (180 people) surveyed the regions of the coast of the Sea of Azov and the steppes of Northern Kazakhstan for that purpose. The investigation resulted in a multivolume report which nevertheless was not discussed by anyone [46]. In March 1928, the Presidium of the Central Executive Committee of the USSR adopted a resolution about the allotment of the Birobidzhan region for compact settlement of Jewish workers. It should be mentioned here that in

³ M.I. Kalinin was sometimes called by this name combining Soviet and village communal lexicons.

⁴ Narodniy Komissar = Peoples' Commissar (*translator's note*).

1926 an organized campaign of resettlement to the Far East began. The All-Russia Central Executive Committee recognized the settlement of this region as an urgent task due to the region's economic and geo-political position. Among the territories considered suitable for settlement, the other region was the Birsko-Tungusky region which had been inspected by the expedition of the Far Eastern Land Administration⁵ in 1925. Two years later representatives of OZET and KOMZET (Committee for the Settlement of Toiling Jews on the Land) visited the Birsko-Tungusky region and gave a positive appraisal of the prospects for its development.

In the beginning, the exploration of the Far Eastern region allocated by the government for settlement was rather slack. This region was considered as one possible but not the major place for Jewish colonization alongside the territories in the steppes of the Ukraine, Crimea and others. This fact is testified by the resolution of the Council of People's Commissars (Sovnarkom) "On the measures for improvement of the economic situation of the Jewish masses in the Union of the SSR" which was adopted on April 22 1929). The government allocated remarkably little funds for the resettlement and the local authorities had been put over a barrel by this decision adopted in Moscow and were not ready to accept the settlers.

The situation changed in 1931 when Japan occupied Manchuria and brought in the Kwantung (Kantōgun) Army⁶. The strategic importance of this territory increased dramatically due to its location opposite the occupied Manchurian territories. This required intensification of the process of settlement of the territory and its economic exploration. It was obvious that it would be extremely difficult to settle masses of the Jewish poor from the former Pale in that region for many reasons. It was necessary to organize a wide-ranging campaign to promote the "Birobidzhan project". The Jews were agitated about the resettlement in the Far East and they were promised not only significant economic opportunities but also prospects for establishing their own statehood.

The organization of financial and moral support for the project from the foreign Jewish Diaspora became a considerable constituent of the realization of the project. The decision adopted by the Soviet government widened the split in the Jewish community of the European countries and the USA. Even those

who supported the plans of the Soviet government concerning the resettlement of Jews considered the "Birobidzhan project" unacceptable. The absolute majority of Jewish charitable organizations apparently refused to participate in this project. According to the "Yevreyskaya zhizn" ("Jewish Life"), a newspaper issued in Harbin, KOMZET's prime partner American "Agro-Joint" demanded the inclusion of a special clause in the agreement on cooperation. This clause would specify that not a single cent from the money allocated under that agreement would go to Birobidzhan. [4].

These conditions made the Soviet government brisk up the work of left-wing Jewish organizations and groups abroad. OZET started to establish such structures practically all around the world. According to the report of OZET, they soon established foreign Jewish organizations in 20 countries, including the USA, Canada, Argentina, Mexico, Uruguay, Brazil, South Africa, Palestine, Australia, Poland, Great Britain, Denmark, Sweden, Germany, Austria, Belgium, Czechoslovakia and others [27]. Some of those organizations were illegal, such as the Harbin organization established in 1929 [44]. In nine countries (the USA, Canada, Argentina, Brazil, South Africa, Poland, Denmark and Australia) special journals and bulletins were published and it is reasonable to assume that those publications were financially supported by the USSR [28]. OZET provided them with propaganda materials and invited some activists of newly established groups to the Soviet Union and organized journeys to Birobidzhan for them. The purpose of those journeys was to let them receive evidence that Birobidzhan had excellent facilities so that they could relate this information. Thus when the delegation of Argentinean "PROKOR" returned home they published a report which contained the conclusion that this was the way by which the Soviet government would eradicate anti-Semitism, chauvinism and nationalism [31].

The organizations that collaborated with OZET propagandized the socialist experience of the USSR in general and in the sphere of the resolution of the "Jewish question" in particular. They fought with Zionism and popularized the "Birobidzhan project" in every possible way calling the public to support the project. The emphases of these activities varied depending on the degree of radicalism, Diaspora size, traditions, political situation, etc. In some countries these activities were limited to lectures only, such as in Brazil, Mexico, Australia, Latvia, Austria and South Africa. The Charter of the British Society for Support of Jewish Colonization in the USSR

⁵ In Russian: Dalnevostochnoe Zemelnoe Upravlenie (*translator's note*).

⁶ Also known as the Guandong Army.

("IKOS") stipulated the organization of moral and financial support for the Soviet plans as their goal, and did not contain open anti-Zionist attacks [26]. Funds for the support of Birobidzhan were being raised in the USA, Germany and Denmark. Attitudes towards the "Birobidzhan project" often caused intense confrontation in those countries where the Jewish population size was considerable and different Jewish political organizations existed and battled with each other. The situation in Poland was of that kind. "Agroid" established there by participation with OZET was quite active. This organization published a journal "Iberboy" which emphasised that the movement covered the whole country and everywhere it pursued the same goal: to struggle against Zionism, to struggle against anti-Semitism and "reaction" and to struggle against the enemies of the Jewish working people of the Soviet Union [29]. It should be noted that struggle against Zionism came first in this hierarchy and was even ahead of the struggle against anti-Semitism (and this was in a country where anti-Semitism was traditionally widely spread).

An interesting document recounts a lecture that took place in Harbin where a rather large Jewish community existed. It is a press clipping of a quite extensive newspaper article entitled "Massacre at a Lecture about Birobidzhan" from a newspaper from January 7, 1932, with no reference to the name and the place of publication of the periodical. Gyna Medem, who was supposedly an employee of the Polish "Agroid" at that time, delivered a lecture about her trip to Birobidzhan at a local Jewish club. About a thousand listeners gathered for her lecture. The lecturer shared her highly favourable impressions of the trip. During her report, as the article says, the audience raised a rumpus. Youths broke up into two groups and reacted to her words with whistling or applause depending on their creed. Later on, an inconceivable clamour rose in the room. Many of the listeners shouted at the lecturer: "We do not believe this rubbish! We will not go to Birobidzhan all the same". The feelings were running high and an affray between young Communists and Zionists began. ...Panic struck the listeners in the front rows who did not know what was going on. Scared women started to yell. Several of them fainted and others, being extremely frightened, tried to force their way through the crowd to the exit. It was a fist fight at first, but later on several young men took chairs and heavy boxes and began to beat each other. No one knows how severe that new fight might have become if a police duty detail armed with rubber truncheons had not appeared at the doorstep of the club...

In total the police detained 40 people" [18].

This episode is not typical from the point of view of the methods for resolving ideological differences; nevertheless it reflects the situation concerning Birobidzhan that was established within the foreign Jewish Diaspora. To a significant degree it was the Soviet Bolsheviks who were to blame for that situation. In any case they proceeded from class interests and introduced this very approach to the idea of Jewish colonization. The settlement of Jewish workers in the USSR was supposed to be considered as a socialist measure while the colonization of Palestine was considered as a bourgeois measure.

Among all foreign organizations the closest relations were established with the American "ICOR"⁷. It is known that the organization was founded by Jewish Communists and left wing Zionists in December 1924. The founders of the organization were most probably expatriate Russians and had the purpose of assisting the plans for settlement of Jews in the USSR. The Soviet party seemed to have no interest in them before the emergence of the "Birobidzhan project". Collaboration with a respectable "Joint" partner promised a lot more benefits. The interest in "ICOR" arose only in connection with the development of the plan for Jewish settlement in the Far East. In December 1928 C. Kunts (Kuntz), the Chairman of "ICOR", was invited to Moscow where he was present at the meetings of the Presidium of the Central Council of OZET which considered the issues of colonization of Birobidzhan. Professor C. Kunts became very enthusiastic about the economic exploration of that region and further development of the region into an up-to-date agrarian-industrial complex capable of satisfying various human demands. His high plans did not coincide with the intentions of the Soviet authorities who proceeded from absolutely different priorities. This distressed the American to a great degree and he did not want to accept this situation. Thus, after having visited several meetings of the Presidium of the Central

⁷ Unfortunately we were not able to find the archives of this organization. It was found to be missing in YIVO, the Institute of Jewish working movement in New York as well as in the collection of documents of American Jewish Archives, in Cincinnati. It seems probable that the archives were obliterated during the witch-hunt period of political persecution in the USA in the 1950s. Nevertheless in the mentioned archives and the library of the Hebrew Union College (Cincinnati) there are preserved journals, brochures and other publications published by "ICOR" which contain a significant volume of information on its activities (V.R.)

Council of OZET, he sent a memo to their address. In that memo he stated his opinion on the character of discussion of the set issues. He made special mention of the seriousness with which different questions were discussed. Kunts drew attention to the fact that the colonists, their fates and prospects for their future, their economic, social and cultural lives were never a theme of those meetings [33].

Although C. Kuntz was not the most convenient partner for the Soviet party the collaboration of "ICOR" strengthened because there was no other American Jewish organization at that moment which was capable of providing real help to the "Birobidzhan project". On March 7, 1929 Sovnarkom⁸ of the USSR and "ICOR" concluded an agreement on "rendering help to the resettling Jewish workers in the USSR". In accordance with this agreement, in 1929 only, the organization pledged itself to supply equipment to Birobidzhan (total cost of the equipment under the agreement was US\$145,320) [24]. In all, during the period from May 1928 to May 1929 ICOR provided the colonists with machines/cars, tools and equipment for approximately US\$ 150,000 [13].

Their help was not restricted to that only. In autumn 1929 ICOR organized an expedition to the Birobidzhan region headed by Prof. F. Harris. The group consisted of six people among whom were specialists in the sphere of agriculture, farmers and cooperative movements: B. Brown, B. Davidson, and C. Kunts. L. Telmy, the secretary of ICOR, was also among them. For six weeks, under rather tough conditions the commission explored the colonization capabilities of the region. As a result a report appeared that asserted that Jewish settlers would be able to transform Birobidzhan into a well developed and flourishing country. [17]. Later the conclusions of this report were widely used in the propaganda among Jews both in the USSR and abroad. When the expedition returned to Moscow its members were received by the Chairman of Sovnarkom A.I. Rykov. At that meeting Prof F. Harris spoke mostly not about the favourable capabilities of Birobidzhan but about the conditions of their realization. Among those conditions he mentioned the need for increase in the financial support, accelerated melioration measures, improvement of life conditions for settlers, creating opportunities for cultural development and others. To that Rykov answered that allocation of additional funds would depend on whether the

state would have funds for that after the satisfaction of the other, more urgent demands of the state and the national economy [40].

The activities of the foreign organization for assistance to Jewish resettlement in the USSR turned out to be called-for under the conditions of unprecedented economic crisis of 1929 followed by the Great Depression. The high growth rates of the Soviet economy, impressive social achievements, including those in the sphere of national relationships, accompanied by sensational propaganda could not but impress the Jewish masses and, in the first place, former Russian Jews. Unemployed Jews in different countries saw the resettlement to Birobidzhan as a chance to rescue themselves and their families and began to send numerous letters to OZET. The archives of OZET has custody of records with a lot of such letters whose authors literary implored the Soviet governing bodies to give them an opportunity to move to the USSR.

Initially Soviet plans for the "resettlement of working Jews" did not provide for direct attraction of settlers from abroad. The Soviet leaders soon changed their position on this issue though. In many countries, such as Lithuania, Poland, the USA, Argentina, as well as in the territory of Palestine, etc., local groups for assistance to the Soviet plans for Jewish colonization started a campaign for arrangement of groups of settlers to Birobidzhan. Donations went to purchasing tractors, tools, medical equipment, etc., which the settlers took with them. It is known, for example, that the first American group of 14 people that left Los-Angeles in May 1932 brought 50 tons of equipment [16]. Nevertheless, to all appearances, this was not a spontaneous process determined by the initiative "from below" only. The plans of work of OZET contained the control figures for "resettlement of Jewish workers from abroad to Birobidzhan" [36].

According to the documentary evidence, it was the economic rather than the ideological motif which was the major reason for resettlement to Birobidzhan for the majority of foreign Jews. Although among the settlers there were members of left-wing parties and people who sympathized with the USSR and sincerely believed in the socialist ideals and decided to make their contribution to the implementation of these ideals. For many of them a significant component of their motif was the prospect of the establishment of a Jewish national state promised by the Soviet government. Nevertheless the majority of settlers were simple people in search for a better life, exhausted by poverty, national humiliation and the absence of a homeland.

⁸ Soviet Narodnykh Komissarov - Soviet (Council) of People's Commissars (*translator's note*).

However the resettlement was organized in a bad way. The governing bodies of the territory were not ready for that. The decisions hurriedly made in Moscow were not coordinated with the authorities in the place. The funds required for the provision of the necessary facilities (unlike the colossal expenditures for the propaganda campaign) were not allocated and the competence of the organizations dealing with the resettlement was extremely low. This was all accompanied by negligence and the rapidly developing Soviet tradition of an indifferent attitude towards individual humans, their problems and needs.

It should be noted that the local governing bodies at least tried to postpone this resettlement. This is proved by the following facts: on July 9th, 1931, a meeting of the bureau of the Birobidzhan regional Committee of All-Russian Party of Bolsheviks, considered the question of acceptance of foreign settlers in connection with the telegram from KOMZET. As a result they adopted a resolution which asserted their decision to abstain from acceptance of foreign settlers because of the unpreparedness of the territory - absence of accommodation facilities, etc.. The only exception was made in favour of 350 families from Lithuania who expressed their wish to re-train for carpentry-joiner's qualifications [43]. Nevertheless during the period from 1931 to 1932 more than 1000 settlers from Europe, and North and South America were sent to Birobidzhan. [19]. During the period from January 1 to August 24 1932 586 people arrived: from the USA – 71 people; Poland – 20, Rumania – 43, Lithuania – 121, France – 90, Belgium – 47, Argentina – 71, Brazil – 10, Uruguay – 4, Germany – 62, Danzig – 19, and Palestine – 28 [19]. According to other sources, 484 people moved in from abroad from July 1931 to December 1932. [20].

We can only try to guess what were the feelings experienced by the arriving foreigners. Many of them did not get their luggage – it had disappeared on the way [21]. As an inspection held by the Birobidzhan Regional Committee of the All-Russian Communist Party of Bolsheviks in the beginning of January 1932 showed, the living conditions of the settlers were inadmissibly bad and qualified medical assistance was absent. Accommodation facilities were scarcely enough and the existing facilities did not correspond to both sanitary-hygienic norms and the local climate conditions especially the severe winters (many houses did not have stoves) [22].

The vast majority of the people who arrived were townspeople and had no qualifications for agriculture. All of them, with few exceptions, were

qualified workers: joiners, metalworkers, mechanics, textile workers, etc. [39]. These people could not find jobs corresponding to their qualifications and were employed for auxiliary jobs, mainly, for self-service (delivery of firewood and water for their own consumption, etc.) [22]. In addition, the exploration of the new territories showed that the initial projections of local capabilities were exaggeratedly optimistic. The soils were heavily bogged, there was not enough proper machinery, agriculture was not developed and bloodsucking insects were a problem.

It was not by chance that all these circumstances caused the intensive process of "outmigration" or "returning" (in Russian - "obratnichestvo", an official term of that period). One might oppose that hardship and destitution is the destiny of all pioneers, whether in America, Palestine or the Far East. It appears that in this particular case the major negative factor was the overrated level of expectations of foreign colonists that had been formed by the propaganda. The reality turned out to be absolutely different. And, as the documents show, in situations where Soviet Jews put up with everyday and economic hardship, indifference of the officials, negligence and disorderliness, foreigners expressed their disapproval and protest. The major way to express the protest was "by their feet". The percentage of "returning" among foreign Jews was much higher than that among Soviet Jews. In the documents of the local party authorities this situation was explained mainly by the presence of "extraneous and unsteady elements" among the settlers. They suggested accelerated conversion of the foreigners to Soviet citizenship according to a simpler procedure as a radical measure to stem the massive outflow of the colonists.

Nevertheless, according to different evaluations, about 200 settlers, mostly members of Communist parties of different countries, stayed. The majority of them joined the commune "ICOR" which had been organized in April 1928 by the students of the Jewish Agro-school from Byelorussia. [33: p. 99]. They named their commune after the American organization we have already mentioned here. In 1931 the commune was given a new name "ICOR-Sotsgorodok"⁹. It should be noted here that the idea of establishing "Sotsgorodok" belonged to C. Kunts. According to his project it was supposed to develop into a large up-to-date settlement of an agrarian-industrial type for approximately 1,000 families or 5,000 people [21]. American "ICOR" sent equip-

⁹ ICOR-Socialist township (*translator's note*).

ment and machinery as a help.

To make his idea come true Prof. Kunts and people who shared his ideas came to Birobidzhan. At first, newcomers treated the hardship they faced in the place as temporary and inevitable. But C. Kunts was convinced that these difficulties were compensated for by the high ideals of socialist reorganization. He shared his impressions in the article the “Birobidzhan story” published in the New-York yearbook of “ICOR”. He wrote that “foreigners” adapted in Birobidzhan in different ways. Many of those who had arrived experienced disappointment. Their feelings resembled the feelings of a person who had arrived from a prosperous and well-developed country to a half-savage place under the process of construction. But soon they realized what was opening in front of them: huge opportunities to build their own life that would be rich in both a human and cultural sense. [28].

At first the commune “Icor-Sotsgorodok” was rather successful. Judging from the oral reminiscence of Y.I. Gurevich (Gorovits) who was a teenager when he came there with his parents from New York, the commune had at their disposal the machinery brought from the USA – 5 caterpillars, 2 power plants, 2 excavators, etc. The communards built a little furniture plant and produced chairs which were in high demand. They opened a school for children. The commune was well supplied with food in a good way. However, very soon the Soviet reality intruded into their well-organized life. Part of the machinery was confiscated and sent to other regions. The authorities began to accommodate non-members in the housing built by the commune. The Bolshevik principle “to grab and to share” was in practice. This caused the reasonable dissatisfaction of the members of the Commune. The projects of the romantic professor did not fit in with the Soviet plans and reality. Many of the settlers began to leave. In 1933 C. Kunts left Birobidzhan with many former admirers of the “Birobidzhan project” who had come from the USA [33: p. 108].

On May 7 1934 the Central Executive Committee of the USSR adopted a resolution on the reorganization of the Jewish National Region into the Jewish Autonomous Oblast within the Far Eastern Kray. This decision was aimed at activation of the process of resettlement as it gave the territory the status of statehood. Nevertheless it was not able to prevent the settlers, mostly those who had come from abroad, from leaving the territory. The outflow intensified after the resolution of Sovnarcom “On the approval of the rules of the immigration procedures for working Jews entering the territory of the

USSR for permanent living in the Jewish Autonomous Oblast” issued in September 1935. According to this resolution all entrants had to take Soviet citizenship. Y.I. Gurevich recalled that 30 American families from 35 families - members of the “ICOR” commune returned home. It was here also that the apparent signs of improvement in the economic situation in the USA due to the “New Deal” introduced by F. Roosevelt played their role. Americans began to overcome their fears and gradually obtained hope for new life.

The situation in Europe was different because of the Nazis who came to power in Germany in 1933. Anti-Semitic attitudes intensified. Hitler’s government persecuted German Jews and encouraged their emigration from the country before 1938. Nevertheless prosperous countries did not hasten to open their door for refugees. This nourished the readiness of a certain part of European Jews, who turned out to be in a complicated economic and socio-psychological situation, to immigrate to the Jewish Autonomous Oblast.

The increasing fascist threat in Europe could not but worry the world Jewish community although nobody was able to foresee the scope of the coming tragedy. The Soviet governing bodies seemed to see in this situation new opportunities for stirring up the participation of the foreign Jewish Diaspora in the “Birobidzhan project”. In the end of 1933 Harbin’s “Evreyskaya Zhyzn” (“Jewish Life”) published a report about a talk between the contributor of “exchange Telegraph” and the Chairperson of KOMZET P.G. Smidovich. The latter announced that the Soviet Union was ready to provide shelter to German Jews. P.G. Smidovich said that if the project were adopted the USSR would offer to establish an autonomous republic in the territory of Birobidzhan for the new immigrants. He did not deny that the implementation of the project would be connected with serious hardship and expressed his hope for help from “world Jewry”. [4].

The signal that the Soviet government was ready to discuss the issue of accepting Jewish refugees in exchange for help had repercussions in the Jewish world. Lord D. Marley, the Vice-President of the House of Lords of the British Parliament and the Chairman of the International Committee for assistance to the victims of the German Nazism, who was an Honorary President of “ICOR” at that time, made a memorandum which appealed to the Soviet government to establish an immigration quota for Jews from different countries for resettlement in the Jewish Autonomous Oblast [41]. He asserted that in the case of war, Birobidzhan would become the safest

place in the world. He added as a member of the British General Staff and a person who had been a soldier all his life that he was sure that no General Staff would plan an attack at Birobidzhan as it would be an obvious waste of time. In his opinion, the Oblast was able to supply itself with its own products [46]. The Soviet party showed cautious interest in Lord Marley's memorandum. It promised certain prospects for attracting new settlers to the Jewish Autonomous Oblast and, which is more important, prospects of foreign financial support.

The news about the intentions of the Soviet Union changed the position of Agro-Joint in respect of the Jewish colonization in the Far East. In 1934 Rosen visited Birobidzhan. He was not as enthusiastic in his evaluations of the prospects of exploration of the territory allocated as his fellow countrymen in 1929. Nevertheless, Agro-Joint began delivering machinery and equipment to the Jewish Autonomous Oblast.

By that time many foreign organizations of assistance to OZET wound down their activities. Some of them were closed by governmental authorities (such as Polish "Agroid"); others died out due to absence of support. This made providing organizational and financial help to those who wished to immigrate to the Jewish Autonomous Republic more complicated. A new procedure was employed under these conditions: people came to Birobidzhan with "Intourist", took Soviet citizenship in the place and stayed for permanent residence. That was how 13 tourists from Lithuania moved in 1935. The same year Jews from Poland, Austria and Czechoslovakia arrived. [25].

Meanwhile the news about the readiness of the Soviet government to accept 4,500 Jews from different countries for settlement in Birobidzhan raised enthusiasm among the members of ICOR, as wrote the journal "Nailebn" published by ICOR [8]. The latter celebrated its 10th anniversary in 1935. The organization considered that anniversary as a new opportunity for intensifying its activities.

In the same year (1935) another organization was established in the USA – the Committee for Assistance to Birobidzhan called "Ambidjan". We think that this organization had the purpose of supporting the Jewish Autonomous Oblast as a possible place of residence for Jews from Germany and the countries of Eastern Europe who were under imminent danger. "Ambidjan" had no vivid left-wing political orientation and was not likely to have any connections with Comintern. The Committee spread information about the Jewish Autonomous Oblast and collected funds for its financial support.

In August 1935 representatives of "Ambidjan" paid a visit to the Chairperson of KOMZET S.E. Chutskaev and gave him a letter which set a row of issues connected with the prospects of the resettlement of Jews in the JAO. Having obtained the KOMZET's support, "Ambidzhan" started up actively work for mobilization of assistance to potential settlers from the Jewish community of the USA and collected money for the settlers.

In January 1936 the newspaper «Observer» (Nashville, Tennessee) published a very distinctive article by G. Marcus, one of the major specialists in foreign trade in the USA. The author described the tight situation of the Jews of Eastern Europe and called the establishment of the Jewish Autonomous Oblast in the USSR the beam of hope that began to shine in a situation that seemed hopeless. Marcus asserted that as soon as the woods were grubbed out by the pioneers with the help of the machinery provided by the Soviet government and the lands were prepared by Jewish farmers, and the roads and houses were built, many many thousands of non-Russian Jews would be allowed to come to their new homeland [32]. It is difficult to understand what prevailed in that article: the lack of knowledge about the real situation in Birobidzhan and around the project, or the wish to present the desirable for the reality. It may well be that the complimentary tone of the article pursued a naïve goal to rouse the Soviet party to more active actions in desirable directions.

Later that year V. Markantonio gave a talk on the radio. The theme of his speech was "Anti-Semitism and Birobidzhan" and it informed the audience about the noble intentions of the Soviet government and called upon the listeners to donate money for the resettlement of Jewish families from Poland, Germany and the Baltic area in Birobidzhan [9].

In March 1936 Ambijan gave a dinner in honour of A. Troyanovsky, the authorized representative of the USSR in the USA. The organizers of this event obviously wanted to clarify the position of the Soviet party. 700 representatives of public and political circles of the USA were present at the dinner. Soon after, April 12th 1936, Ambidjan sent the Soviet government a statement about the position of Jews in countries with Fascist regimes with the hope for an opportunity of resettlement to Birobidjan. This statement remained unanswered as well as another one, from August 4 1937. The latter noted that the American Committee drew the attention of KOMZET and the Soviet government to the emergency situation of Jews in the Fascist countries. Under those circumstances even modest undertakings directed to resettlement of those Jews to the Jewish

Autonomous Oblast would be seen as a big and generous gesture by their organization and by public opinion in general. This would give hope and encourage all democratic forces concerned with the fate of Jews and would also serve as a symbol of the enlightened policy of the Soviet government towards national and racial minorities. [23].

As mentioned before, ICOR met the “big and generous” gesture of the Soviet government with great enthusiasm. The major direction of their activities at that time was popularization of the apparent decision of the Soviet government concerning East-European Jews. It was necessary to suggest the idea of remarkable prospects awaiting immigrants in the Jewish Autonomous Oblast to potential settlers. During 1937 «Nailebn» published a series of essays about the families who had moved from the USA to Birobidzhan in the early 1930s and taken Soviet citizenship. Among the settlers the following families were mentioned: Koval, Gorovits (Gurevich), Suarez, Rosin, Stern, Rubinstein and Bekenstein. They all, as the essays asserted, established themselves very well in the new place and had confidence in the future for themselves and their children. The journal cited Koval’s letter to America dated October 6th 1936. The author obviously understood who would read his letter besides his American friends and emphasized that they were patriots of their *kolkhoz*¹⁰, their autonomous Oblast and their socialist homeland [13].

In early December 1937 “ICOR” arranged a meeting with Troyanovsky. The Soviet diplomat confirmed the intention of the USSR to accept Polish and Lithuanian Jews as soon as the proper conditions were established [10].

However, the governing regime of the USSR was little interested in the fate of European Jews or even the fate of the peoples of their own country. The promise to accept a considerable number of Jews from the countries of Eastern Europe that had roused the foreign Jewish Diaspora was never fulfilled. In 1936 the Khabarovsk Territorial Executive Committee of the All-Russian Communist Party of Bolsheviks approved a plan to accept foreign settlers in accordance with the resolution of the Soviet government. The plan provided for resettlement of 1,000 families and 500 private single people. KOMZET and OZET were supposed to deal with the selection of the settlers and the arrangement of their moving in. The local authorities were supposed to provide

proper conditions for accepting settlers in the place. However, the plan remained only on paper. The promise to accept a considerable number of Jews from the countries of Eastern Europe that had roused the foreign Jewish Diaspora was never fulfilled. The Party authorities of the Oblast accused the Central Apparatus of KOMZET and OZET of no organization of the resettlement of foreign Jews. The leadership of the resettlement organizations accused the Oblast authorities of having built no accommodation on time. [38]. Housing was scarcely enough indeed, and this had been known long before. But the major reason seemed to be different. The Soviet government had not had any serious intention of dealing with the organization of rescue of East-European Jews from the Nazis. According to different sources in 1936, the government accepted 70 people mainly from Lithuania [35], then they announced the suspension of accepting foreign Jews in Birobidzhan because of the absence of accommodation.

The wrecking of the plans for erection of housing and construction of infrastructure in the Oblast can be explained by insufficient financing, absence of required machinery, low level of production discipline, and the lack of personnel. But the authorities saw the reasons for decline in the intensiveness of construction in Birobidzhan and frustration of the state plans differently. They blamed sabotage. Terror was gaining strength in the USSR. Many people, including practically all the leaders of the Jewish Autonomous Oblast fell victims to that terror. An all-out search for enemies spread in the country. Exposure of those enemies became the major objective of OZET at that period. In September 1936 all cases connected with sending foreigners to Birobidzhan were referred to the department for resettlement affairs of the Peoples’ Commissariat for Internal Affairs of the USSR.

In 1937 the NKVD (People’s Commissariat for Internal Affairs) began to compile detailed lists of Jews who had arrived from abroad and started to stage cases against them. Those former foreigners undoubtedly became the first victims of political repression. Having taken Soviet citizenship, they shared the destiny of hundreds of thousands of people who became the object of terror of the authorities against its own people. The charges against them were traditional for that period: espionage for a capitalist state, counterrevolution and subversive activities, and sabotage. Actually the foreign public would know about that much later.

The Molotov-Ribbentrop Pact of 1939 and the World War II that began soon withdrew the issue of

¹⁰ A form of collective farming in the Soviet Union (translator’s note).

resettling foreign Jews to the Jewish Autonomous Oblast from the agenda¹¹ but “ICOR” and “Ambidjan” proceeded to provide help to the Oblast till the end of the 1940s.

In conclusion we will note that the collaboration of the Soviet governing bodies with the left-wing circles of foreign Jewry within the frameworks of the “Birobidzhan project” pursued the purpose of employment of this part of The Diaspora for the resolution of the state problem of establishment of necessary infrastructure in the little-developed territory of the Far East. The character of this collaboration was determined by the essence of the regime which was under formation in the USSR in the 1930s.

REFERENCES

1. *Brutskus, B.D.* Evropeiskoe naselenie pod kommunisticheskoi vlast'yu [The Jewish population under the communist authority] / B.D. Brutskus / Jews and the Russian Revolution. Materials and Research, ed. O.V. Budnitskii. - Moscow, Jerusalem: Geshtarim, 1999. - 311 p.
2. *Bugay, N.F.* 20-50-e gody: pereseleniya i deportatsiya evreiskogo naseleniya v SSSR [1920s-1950s: the resettlement and deportation of the Jewish population in the USSR] / NF Bugay // National History. -1993. - № 4. - P. 176.
3. *Evreiskaya zhizn'* [Jewish life]. - 1929. - № 18. - P. 4.
4. *Evreiskaya zhizn'* [Jewish life]. - 1933. - № 44-45. - P. 23-24.
5. *Kalinin, M.I.* Evreiskii vopros [The Jewish question] / Mikhail Kalinin. - Kharkov: «Proletariat» publisher, 1927. - 44 p.
6. *Kalinin, M.I.* Evrei-zemel'del'tsy v soyuze narodov SSSR (Rech na s'ezde Obschestva zemel'nogo ustroistva trudyaschikhsya evreev [Jewish farmers in the union of the USSR people (Speech at the congress of the Society of the land management for working Jews)] - OZET, November 17, 1926) / M.I. Kalinin - BM BG - P. 7.
7. *Larin, Y.* Evrei i antisemitizm v SSSR [Jews and Anti-Semitism in the USSR] / Y. Larin. - Leningrad: GIZ 1929. - 150 p.
8. Nailebn. - 1935. - June. - P. 50.
9. Nailebn. - 1936. - September. - P. 11.
10. Nailebn. - 1938. - March. - P.11.
11. Prof. Kuntz Biro Bidjan Story / / ICOR Year-Book, 1933. - P. 25.
12. Report of the American ICOR Commission for the Study of Biroidjan and its Colonization. - Bund Archives, YIVO. - P. 11.
13. *Rovner, A.* Pen Portraits of American Jews in Biro-Bidjan / A. Rovner // Nailebn. -1937. - April. - P.15.
14. Russian State Archive of Socio-Political History (RSASPH). - F. 445. - Op.1 - AD 86. - Sheet 28.
15. Russian State Archive of Socio-Political History (RSASPH). - F. 445. - Op. 1. - D. 86. - Sheet 26.
16. State Archives of the Jewish Autonomous Oblast (SA JAO). - F. 1. - Op. 1. - AD 412. - Sheet 116.
17. State Archives of the Jewish Autonomous Oblast (SA JAO). - F. 3. - Op. 1. - AD 315. -Sheet 2.
18. State Archives of the Jewish Autonomous Oblast (SA JAO). - F. 3. Op. 1. - AD 177. - Sheet 1.
19. State Archive of the Khabarovsk Kray (SAKK). - F. 2. - Op. 1. - AD 459. - Sheet 18.
20. State Archive of the Khabarovsk Kray (SAKK). - F. P-2. - Op .4. - AD 461. - Sheet 16.
21. State Archive of the Khabarovsk Kray (SAKK). - F. P-2. - Op. 4. - AD 238. - L. 290; AD 461. - Sheet 7.
22. State Archive of the Khabarovsk Kray (SAKK). - F. P-2. - Op. 4. - AD 461. - Sheet 13.
23. State Archive of the Russian Federation (SARF). - F. 9498. - Op. 1. - D. 95. - Sheet 3.
24. State Archive of the Russian Federation (SARF). - F. 7541. - Op. 1. - AD 320. - Sheet 4.
25. State Archive of the Russian Federation (SARF). - F. 7541. - Op. 1. - AD 815. - Sheet 48.
26. State Archive of the Russian Federation (SARF). - F. 9495. - F.1. - D. 440. - Sheet 17.
27. State Archive of the Russian Federation (SARF). - F. 9498. - Op. 1. - AD 269. - Sheets 14-15.
28. State Archive of the Russian Federation (SARF). - F. 9498. - Op. 1. - AD 269. - Sheet 15.
29. State Archive of the Russian Federation (SARF). - F. 9498. - Op. 1. - AD 269. - Sheet 21.
30. State Archive of the Russian Federation (SARF). - F. 9498. - Op. 1. - AD 269. - Sheet 25.
31. State Archive of the Russian Federation (SARF). - F. 9498. - Op. 1. - AD 269. - Sheet 18.
32. State Archive of the Russian Federation (SARF). - F. 9498. - Op. 1. - AD 439. - Sheet 88.
33. State Archive of the Russian Federation (SARF). - F. 9498. - Op. 1. - D. 45. - Sheet 1.
34. State Archive of the Russian Federation (SARF). - F. 9498. - Op. 1. - D. 8. - Sheet 1.
35. State Archive of the Russian Federation (SARF). - F. 9498. - Op. 1. - D. 94. - Sheet 19.
36. State Archive of the Russian Federation (SARF). - F. 9498. - Op. 1. - D.70. -Sheet 2.
37. State Archive of the Russian Federation (SARF). - F. 9498. - Op.1. - D. 61. - Sheet 8.
38. State Archive of the Russian Federation (SARF). - F. P-7541. - Op. 1. - AD 932. - Sheet 2.
39. State Archive of the Russian Federation (SARF). - F. W, 7541. - Op.1. - AD 418. - Sheet 162.
40. State Archive of the Russian Federation (SARF). - F.7541. - Op.1. - AD 320. - Sheet 10.
41. State Archive of the Russian Federation (SARF). - Op. 1. - AD 459. - Sheet 23.
42. State Archive of the Russian Federation (SARF). - F. 9498. - Op. 1. - D. 1. - Sheet 6.
43. State Archive of the Khabarovsk Kray (SAKK). - F. P-2. - Op. 4. - AD 238. - Sheet 290.
44. State Archives of the Jewish Autonomous Oblast (SA JAO). - F. 3. - Op. 1. - D. 87. - Sheet 174.
45. The Jews in Soviet Russia since 1917. Edited by L. Kochon, Second Edition. - London, New-York, Toronto, 1972. - P. 68.
46. The Russian Jews under Tsars and Soviets, by Salo W. Baron. - N.Y., London, 1964. - P. 233.
47. *Weiserman, D.* Kak eto bylo? [How was it?] / D. Weiserman. - Birobidzhan, 1993. - 233 p.

¹¹ In the beginning of the World War II the Berlin and

Vienna Jews resettlement bureaus applied to the Soviet government with a request to organize the resettlement of Jews from Germany to Birobidzhan. However in the letter from February 9 1940 addressed to V.M. Molotov, Chekmenev, the Head of the resettlement administration at the SNK of the USSR explained that these requests could not be accepted because “in accordance with the agreement between the Soviet government and Germany on the evacuation of the population to the territory of the USSR, only Ukrainians, Belarusians, Rusyns and Russians were subject to evacuation” – RSASPH, F. 82. Op. 2. F. 489. Sheet 1.

**RESEARCH EXPEDITIONS OF THE 1920s-1930s
IN THE TERRITORY OF THE Khabarovsk Kray and Their Impact on Domestic
and World Ethnography (Historiographic Aspect)**

M.V. Osipova

Osipova, Marina Viktorovna – Candidate of Science (History), Associate Professor of the Faculty of English language of the Far Eastern State University for Humanities (Khabarovsk).

E-mail: ainu07@mail.ru

The article presents an attempt to summarize the available factual material obtained as a result of research in the sphere of ethnography, anthropology, archaeology and linguistics conducted in the territory of the Khabarovsk Kray during the early years of the establishment of the Soviet Power. The author also makes an endeavour to evaluate the results of that research for domestic and foreign science from the present day position.

Key words: indigenous minorities, the Khabarovsk Kray, ethnographic, linguistic, archaeological research expeditions.

The first information about the peoples inhabiting such remote regions of the Russian Empire as the south of the Far East began to come to the Tsar's Chancery in the 17th century. Nevertheless the scientific study of ethno genesis and cultural genesis of the Nanay, Ulchy, Udege, Negidaltzy, Nivkhy, Ainu, Even and Evenk peoples began only in the middle of the 19th century when the Amur region was included in the Russian Empire. These were the reports of the Navy officers of the G.I. Nevelskoy expedition, the scientists of the Russian Academy of Science L.I. Shrenk, R.K. Maak, P. Schmidt and many others. Systematic research into the specific features of the material and spiritual culture of the indigenous ethnos began only in the 1920s. Unfortunately, information about the ethnographic, linguistic and anthropological expeditions then conducted in the territory of the present day Khabarovsk Kray are scattered throughout different historical-ethnographical papers. Therefore we see an urgent need to summarize the material obtained and to evaluate its meaning for domestic and world science from the present day points of view.

The huge interest of the world research community in the material and spiritual cultures of the indigenous people of the Far East derived from several reasons. Firstly, in the end of the late 1890s – early 1900s the Russian press began to publish works of former political exiles who had been sent to serve their sentence in the Northern regions of Russia. Those exiles paid attention to the people who lived nearby. The Russian Academy of Science published V.G. Bogoraz-Tan's works on the Chukchis, and V.I. Yokhel'son's works on the Ukagirs; V.L. Seroshevsky wrote about the Yakut people, B.O. Pilsudsky – about the Ainu people, and

L.Y. Shternberg – about the Nivkh people. Those works drew attention and a wide response not only among Russian researchers but among the research community abroad¹.

The establishment of the Commission for Research into the tribal structure of the Russian population by the Russian Academy of Science in 1917 can be stated as the second reason for the revival of research interest in the indigenous people of the North [8: sheet 55]. The Commission consisted of such prominent Russian academicians as A.A. Shakhmatov, M.A. D'yakonov, E.O. Karsky, V.V. Bartol'd and V.N. Peretz. At the first meeting they drew up and approved a plan for research which began to be implemented only after the end of the Civil War following the October Socialist Revolution.

The third reason that promoted the renewal of the interest to ethnographic research, during a period which was extremely complicated for the country, was a resolution of the Presidium of the Central Committee (VTzIK) from June 20th 1924 "On the establishment of the Committee for assistance to nationalities of the Northern regions" (The Northern Committee). This was an interdepartmental government body. State and party figures, scientists and researchers, specialists in the sphere of educa-

¹ V.G. Bogoraz-Tan and V.I. Yokhel'son were invited by an American anthropologist F. Boas to participate in the famous Jesop North Pacific Expedition. The expedition was organized to conduct research in the Extreme North-East of Asia. The reasons L.Y. Shternberg was not included in this expedition are described in details in a book of Dr. S. Kan "Lev Shternberg: anthropologist, Russian socialist, Jewish activist". Lincoln and London, University of Nebraska Press, 2009. 551 p.

tion and health care took part in the work of this organ – P.G. Smidovich, A.S. Enukidze, F.Y. Kon, A.V. Lunacharsky, V.G. Bogoraz-Tan, L.Y. Shternberg, E. Yaroslavskiy and others. Later on such committees began their work in the field. In the Khabarovsk Kray (then Primorskiy) the committee began its work on October 25th 1925. The major task of the Committee was to promote “systematic planned work on the arrangement of economic, administrative, legal, cultural and sanitary ways of living of the minority peoples of the North” [9: sheets 21, 23]. In addition to those responsibilities the Far Eastern Northern Committee also helped researchers who came to the Khabarovsk Kray with research expeditions. The Committee emphasized that using materials developed by ethnographers would be of great use for work among the aboriginal people and would make this work more fruitful [27: sheets 50–51].

Far Eastern science also participated in this process. The “Letter of explanation for the plan of research in the Far East for the five-year period 1929–1933” of the Far Eastern Research Institute pointed out the low level of study of the territory from a historical and cultural point of view and that little was known about the population of the territory, especially the indigenous people. Further the Letter of explanation set the objectives to be undertaken to promote the perseverance and further development of the unique identity of the national minorities. The document stated that the mass study of the population by all the research institutions of the Kray and the methods of studying must be at the highest level of contemporary scientific thought [25: sheet 1]. These statements have not lost their currency in the 21st century. We are witnessing a situation where globalization processes lead to the narrowing of the scope for displaying the individual ethnic properties of a culture. The gradual progressive process of unification is leading to the loss of the rich unique experiences of minority peoples.

According to the American researcher S. Kan, the 1920s could be called the Golden Age of anthropology in the Far East [16: p. 355]. At that time two schools of ethnographers and anthropologists existed in Russia: the Moscow school headed by D.N. Anuchin, and the Leningrad school set up the efforts of L.Y. Shternberg and V.G. Bogoraz-Tan. These researchers reared a whole pleiad of disciples whose works constitute the basis of Russian and world anthropology, ethnography, linguistics and study of the art of the indigenous peoples of the Far East. Among those

researchers are: anthropologists M.G. Levin and G.F. Debets; disciples of L.Y. Shternberg: linguists G.M. Vasilevich, V.A. Avrorin, E.A. Kreynovich, V.I. Tsintsius; ethnographers N.G. Karger, I.I. Koz'minsky, A.N. Lipsky; art historian S.V. Ivanov and many others².

Expeditionary research in the territory of the present day Khabarovsk Kray was initiated in the summer of 1926 when the Garino-Amgun expedition set out for the banks of the Amur river from Leningrad. The expedition was headed by L.Y. Shternberg. [16: p. 367]. The expedition worked in three directions of scientific knowledge: ethnographic (N. Karger and I. Koz'minsky), linguistic (K.M. Myl'nikova and V.I. Tsintsius) and study of art (N. Karger and S. Ivanov). The working conditions awaiting the former students were hard. Thus, S. Ivanov wrote that they could not receive letters for more than three weeks. They had absolutely no money. They were almost starving but decided to complete the expedition anyhow [6: sheets 14–15]. The unusual severity of the climate, the freezing temperatures that reached minus 30 degrees and lasted for a month or two, the lack of roads and means of conveyance made the conduct of ethnographic research extremely difficult [30: sheet 9]. The difficulties of movement around the territory of the Kray were mentioned by V.K. Arseniev in his diaries. He described the attempts of people to get aboard a ship going along the Amur River. Those who looked from the side could think that some pirates were boarding the ship. Boats were coming to the ship from every quarter, people climbed up the ship by ropes, clambered up the back wheel, and gripped every ledge. Some of them succeeded, others fell back into the boats or dropped into the water [2: p. 24].

Karger and Koz'minsky's reports tell us about the work they managed to accomplish while visiting 12 Nanai settlements and nomad camps, many of which have disappeared from the map of the Kray. I. Koz'minsky focused his attention on the material culture of the Nanai people and especially their fur and fishery trades. He listed the organizations which

² All mentioned disciples of L.Y. Shternberg, except S.V. Ivanov, were later repressed and access to their archives was restricted. Therefore the majority of materials collected by these researchers during their Far Eastern expeditions are still waiting for their analysts. S.V. Ivanov, who had evaded the destiny of his colleagues, avoided publishing the data on the ethnography of the aboriginal people of Priamurie he had acquired (on shamanism in particular) and confined himself to the sphere of decorative and applied arts.

purchased furs from hunters, made up a comparative table of their earnings during the pre-Revolutionary and Soviet periods, mentioned gardening and the crops grown by the Nanai people, recounted the attempts of some individuals from Kondon to take up reindeer breeding, and gave descriptions of building structures, means of conveyance and clothes. In addition, he briefly dwelt upon the religious beliefs of the Samagys (at that time the Nanai People who lived on the Gorin River were called by this name) and in particular he went into their ideas of soul. The researcher also tried to cover the ethno genetic problems and uttered the opinion that the Samagyr people had lost their ancient Tungus culture after coming across the Nanai culture which was on a higher level of development [21: p. 48].

N. Karger also studied the tribal system of the Nanai people, the kinship terms, and made ethnographic recordings, recorded words which are not in use in the Nanai language nowadays and wrote down the legends about the lineage of tribes. Studying the Samagys, Karger came to the conclusion that their language was a dialect of the Goldy language and suggested the substitution of “Garin Goldy” for the original name “Samagys” which would emphasize their belonging to the Nanai ethnos. In a paper devoted to the tribal structure of the Ulchy he tried to trace the way of introducing alien elements into the Ulchy environment and the Ainu component into the ethno genesis of the Lower Amur Ulchy in particular [18: p. 125]. In addition, N.G. Karger, together with the representatives of the state authorities, A. Lipsky and G. Mevzos, took part in a census of the indigenous population of the Khabarovsk Kray in 1926 [17: p. 3–24].

Giving an evaluation of the results of the expedition we should note that the young researchers managed to make the data of L.I. Shrenk and L.Y. Shternberg on the formation of the Nanai tribes more precise. The collections of Karger and Koz'minsky formed the material that laid the foundation for the investigation of A.V. Smolyak, a specialist in the problems of the ethno genesis of the indigenous peoples of the Amur³.

The second group from the expedition (K.M. Myl'nikova and V.I. Tsintsius) went to the Amgun River. They were given the task of studying the language of Negidaltzy, a large group of the indigenous

population. In the 1920s the Negidaltzy of the Amgun River lived in booths and the female researchers had to share everyday hardships with the people whose language, psychology and specific features of culture they were studying. During the year of their stay with the Negidaltzy they gathered considerable material on the oral creative work of the native ethnos. They recorded more than 320 folklore pieces, among which were 150 fairy tales and legends, 70 songs, 60 riddles, and 20 different taboo-bans, etc. The material collected served as the source for a large number of research papers, and the study book of the Negidaltzy language. In addition to the collecting of linguistic and ethnographic material K.M. Myl'nikova and V.I. Tsintsius conducted considerable cultural and educational work among the population. [10: sheet 1]. In the 1960s-1970s V.I. Tsintsius published her field materials on the Evenki folklore and the trade ritual folklore of the Negidaltzy. [29: pp. 34-41]. However, her major research work is “The Comparative Dictionary of the Tungus-Manchurian Languages”, which has been a reference book for Russian and foreign linguists, ethnographers and anthropologists for almost a century. V.I. Tsintsius was the editor-in-chief of this dictionary and wrote the following sections: the introduction, the section on the structure of the dictionary entries, tables of transcriptions of the phonemes and separate sound combinations of the Evenk, Even, Nani, Solon and Manchurian languages, and the dictionary entries for the letters “a”, “э”, “к”, and “х”. This indicates the deep knowledge of a subject which Vera Ivanovna Tsintsius had been studying all her life.

The expedition of S.V. Ivanov initiated the study of the abundant decorative and applied arts of the Far Eastern nations. According to the reminiscences of the researcher (then young), the course of lectures delivered by L.Y. Shternberg created a revolution in his mind. Ethnography widened and deepened his knowledge about human society and culture. He wrote later that gradually, step by step, he discovered the psychology of primitive people, their beliefs and arts. Unwittingly he turned into an ethnographer interested in the different problems of this science. More than that, he felt a love and respect for primordial people about whom he had not even thought before. All that became possible owing to Prof. Shternberg [16: p. 367].

N. Karger and S. Ivanov's expedition of 1927 continued the research into the indigenous peoples of the Amur that had begun in 1926. The researchers focused their attention on the ornamental patterns of the Far Eastern nations. The expedition resulted in

³ N.G. Karger's paper “The Tribal system of the Ulchy” helped the author to trace the way of movement of the descendants of the Ainu tribes in the territory of the Kray. (*M.O.*)

the publication of a series of works which caused genuine interest among all those who deal with the issues of the culture and arts of indigenous people. These works combine descriptions of objects from the point of view of their artistic or historical value and most valuable ethnographic information [15].

Studying ornaments, S. Ivanov paid attention to the meaning implied by the symbols, the techniques of implementation and the ornamental patterns characteristic of different ethnic groups. His fundamental work “The Ornaments of Siberia as a Historical Resource” where he published his field materials from the 1927 expedition showed that the types of ornamental arts depended directly upon the way of historic development of an ethnic group. He asserted that one could trace cross-ethnic contacts that had taken place in the remote past in the ornamental compositions. This persuaded the researchers that they need to employ a complex approach in studying traditional folk ornaments [14].

In addition to collecting research materials, N. Karger and S. Ivanov actively collaborated with the Department of the State Russian Geographic Society. Their expedition took place in a year when the whole country was preparing to celebrate the 10th anniversary of the October Revolution of 1917. The State Academy of Arts (SAA) gave the Kray the job of presenting samples of decorative and applied arts of the Far Eastern indigenous ethnic groups to the All-Union jubilee exhibition of national arts of the USSR in Moscow. A Commission for assisting the SAA was organized in Khabarovsk. P.M. Pokrovsky, the Director of the Far Eastern Arts Museum coordinated this work. The Commission applied for help to the researchers, who were then in the Lower Amur, with a request for assistance in collecting the materials and they actively joined in the work. Thus, answering a request of Pokrovsky to purchase household objects of the aboriginal people, Ivanov wrote: “There are no painted boxes in the Ulchy region because only Verkhovskie Goldy make them. The Ulchy have carved boxes but only old ones. And they do not sell them. We have only the Ukhta settlement left, but there is hardly anyone in the settlement because almost all people are busy with fishing for chum salmon. I will try to exchange something for personal objects, clothes and fabric. I will send you everything that I manage to get in a week. Yours, Sergey Ivanov.” [6: sheet 17].

In the summer of 1927 a Moscow ethnographic expedition followed the Leningrad expedition to the Tungus-Manchurian region. The Moscow expedition was headed by B.A. Kuftin, one of the most authoritative ethnographers and archaeologists of his time.

The expedition worked for two years. B.A. Vasiliev, an assistant of the curator of the Department of Siberia of the TsMN, and student-anthropologist A.N. Pokrovsky went to Orochy. Boris Alekseevich Kuftin went to the Udege people in the estuaries of the Anuy, Khor and Nelma rivers in Primorie. He surveyed dwellings and burial grounds of the Udege and was present at shaman practices. This expedition was exceptionally efficacious. Its participants gathered 500 Orochy collections, household objects of the Evenky, Nanai, Udege and Nivkhs, and made more than 400 photographs [1]. V.A. Steshenko-Kuftina, the wife of B.A. Kuftin, focused on the musical culture of the indigenous people. The research papers she published laid the foundation for the musicology of the indigenous people of the Far East.

Nina Aleksandrovna Val’rond, another researcher, devoted the major part of her life to working in the Far East. In 1918, at the age of 23, she first went to Kururmy Goldy (Nanai) together with her husband A.N. Lipsky, and V.K. Arsenyev. Later on she undertook 10 more ethnographic expeditions. During the period under study N.A. Val’rond was an employee of the *Dal’krayONO* (Far East Kray Department for People’s Education) and was sent to the Goldy (Nanai) to collect material on the Nanai language for the development of an ABC book and the first reader. After the census of 1926 it appeared that the census materials required more precise definitions. This was the purpose of N.A. Val’rond’s trip to Ulchy and Gilyak (Nivkh) of the Lower Amur. The publications which resulted from the journeys appeared in Khabarovsk in 1928. These were both in the Nanai language, an ABC-book and a grammar book. The materials on the ethnography of Goldy published by “Sibirskaya zhivaya starina” (Siberian living antiquity) drew the attention of researchers from the Institute of Anthropology and Ethnography of the USSR Academy of Sciences [24: p. 145–160]. The latter signed a contract with Val’rond on an expedition to Goldy, which was successfully completed by the end of 1937. The following data allows us to judge the volume of the job accomplished by the researcher: during the expedition of 1936–1937 Val’rond visited 90 Nanai settlements out of 97, and took a census of 1253 households [7: p. 168]. Ethnographic knowledge and magnificent proficiency in the Nanai language helped N.A. Val’rond in her job. She dealt with the development of the Nanai written language, worked on the composition and testing of a comparative dictionary of the major dialects of the Goldy (Nanai) and Ulchy languages. She was also interested in the economic and linguistic procedures of the

Tungus-Manchurian people of the Lower Amur. [28: p. 54–56].

As mentioned, N.A. Val'ron'd took part in expeditions to the Lower Amur together with her husband, A.N. Lipsky, a disciple of L.Y. Shternberg. According to Lipsky, L.Y. Shternberg persuaded him to concern himself with the Tungus-Manchurian peoples of the Amur and Primorie regions. He specifically recommended the deep study of the ethnography of the Goldy (Nanai), their language, life style, social organization, and the origin and formation of specific features of shamanism and the spiritual culture. After the October Revolution of 1917 Lipsky left for the Far East and in 1918 he started field research work in the Amur region. In 1925 A.N. Lipsky made a report at the 1st Congress of the Indigenous Peoples of the Far East and presented the results of his multiple expeditions. He spoke about the ethno genesis of the Goldy, Ulchy and Negidalt-sy; provided statistical information about the numbers of the different ethnic groups; described the major forms of household/economy and the forms of spiritual culture of the indigenous peoples of the Amur region; covered questions of medical-sanitary state of living conditions of the indigenous people; and submitted for consideration the issues of cooperation and work of the *Upoltuzotdel* (Authorized department for the Affairs of Indigenous People) [26: p. 32–66]. This information can still be found in different papers on ethnography. In 1935 the Lipsky family moved to Leningrad where Albert Nikolaevich was appointed to the position of Head of the Nizheamursky (Lower Amur) Detachment of Expeditions of the Leningrad Institute of Anthropology, Archeology and Ethnography. In the winter of 1936 they left for the Amur region and conducted ethnographic research for two years. Two films were made on the basis of scenarios made by A.N. Lipsky. The first film depicted the participation of a shaman in a Goldy burial ceremony, and the second was devoted to the life of Nanai People under Soviet Power. The researchers recorded the texts of shaman rituals in the Nanai language; they studied the ethno genesis issues of the Nanai people, their tribal system, and specific features of Nanai decorative and applied arts; and they wrote down pieces of oral folklore. During these journeys N.A. Lipskaya came to the conclusion that the Nanai written language should be developed on the basis of the Cyrillic alphabet rather than the Latin alphabet which had been suggested before. [31: p. 468–471].

The value of the information collected by the Lipskys during these expeditions is as follows: they saw and recorded irretrievably passing phenomena,

the elements of the Nanai material and spiritual culture which constituted an integrally inseparable part of the life of ethnos. These films created by him can be considered as the “first swallows” of visual anthropology, a branch of ethnographic research that is gaining popularity nowadays.

Ethnographic literature contains different assessments of the research and state activities of A.N. Lipsky⁴ during his work in the Far East which did not allow the public to appreciate the value and significance of his work. However, some publications, such as “The Materials on the Nanai language and folklore” of V.A. Avrorin, contain rather extensive citations from Lipsky's works and emphasize their value and significance for science. [3: p. 8].

Valentin Aleksandrovich Avrorin is one of the brightest representatives of Russian ethnography. He was a member of the section of Scientific-research association and was sent on an expedition to the Far East in 1933. The expedition was organized by the Committee for New Alphabet (CAN) and lasted one year. When he arrived in the Khabarovsk Kray with the purpose of studying the Tungus-Manchurian languages he conducted huge research and organizational work. He was elected the Head of the Sector for the peoples of the North of the Committee for New Alphabet at the Presidium of *Dal'krayispolkom* (Far East Kray Executive Committee). He set forth the major directions of the work of the Committee for New Alphabet in one of the meetings of the Committee. As a genuine researcher he listed them as follows: scientific and research work; liquidation of illiteracy and organization of elementary schools in the native settlements; organization of a publishing industry; and working with the beginning indigenous writers [11: sheet 13]. All his life V.A. Avrorin pursued these directions in his research activities. Unfortunately, many of his materials collected during his expedition in the 1930s were published only in the second part of the 20th century. However, each of his books, whether “The Materials on the Nanai Language and Folklore” or Orochy fairy tales and myths, immediately became irreplaceable sources of factual material for both Russian and foreign ethnographers dealing with the North [4].

⁴ A.N. Lipsky's criticism of the work of I.A. Lopatin, his direct utterances and actions which contributed to the negative consequences of V.K. Arseniev led to a one-sided coverage of the events of his life and actually caused the suppression of the results of his research. Nevertheless, the publication of S.I. Weinshtein “Romance and tragedies in the fate of Al'bert Nikolaevich Lipsky” provides information which allows us to revise the existing opinions (*M.O.*)

V.A. Avrorin wrote two works of a purely ethnographic character. Together with I.I. Koz'minsky he published an article "Representations of the Orochy about the universe, transmigration of the soul and journeys of shamans depicted on a 'map'" with drawings and illustrations drawn by V.A. Avrorin [5]. M. Khasanova once noted that every theme dealt with in this paper (about the three worlds of Orochy, about the formation of the shamans' souls and their journeys, about the other world) could become a separate field of research. The second paper entitled "Incest in the Orochy folklore" was written together with his wife and companion E.P. Lebedeva [19].

In 1930 A.M. Zolotarev, a post graduate student of the State Academy of Material Culture (GAIMK), participated in the Amur ethnographic expedition. Later he would visit the Amur region twice (in 1934 and 1936). His research resulted in a work entitled "The Tribal system and religion of Ulchy". This work developed the basic foundations of the elaboration of the issue of the tribal system of the indigenous peoples of the Amur region established by L.I. Shrenk and L.Y. Shternberg. Zolotarev suggested that the ethno genesis of the Ulchy is based on the Nivkh substrate which was affected by later Tungus and Manchurian substrates. The book presents a collection of rites and customs of the Ulchy; it also gives information about their tribal system and marriage relations; considers the terms of kinship; and provides a significant number of folklore texts in the Ulchy language [32]. The journal "American Anthropologist" published Zolotarev's paper about the Bear Festival of the Ulchy, based on his field materials; where Zolotarev described all the actions of people during the 15 days of the festival in detail, provided examples of the songs the Ulchy sang during the feast and dwelt upon the totem constituent of the Bear Festival of this ethnos [33: p. 113–130]. Zolotarev's observations about the Amur Orochy recounted in his paper are also of significant interest. In addition to this information, he also published materials about the traditional trade of the Nivkh people and the slavery that existed within this ethnic group which confirmed information that had been obtained in the 19th century by a Japanese cartographer Mamiya Rinzo [22: p. 201–207]. Although A.M. Zolotarev sometimes uttered rather disputable views, all his works are distinguished by a high level of theoretic significance and the materials he gathered during his Amur expeditions have not lost their relevance; whenever researchers address them they can find new topics for consideration.

Wide-ranging archeological research began with the expedition of the Institute of Ethnography

of the Academy of Sciences of the USSR in 1935. One of the participants of that expedition was A.P. Okladnikov, who was a young researcher then not famous among the wider research community. Near the settlement Kalinovka of the present day Ulchy region, on the bank of the river, the researchers saw a stone slab with carved pictures of people and boats on its flat surface [25: sheet 1]. Archeologists knew about the petroglyphs of the Sikochi-Alyan from the work of B. Laufer "Petroglyphs on the Amoor", who described the plates in details and gave their schematic images. [23: p. 746–747]. The petroglyphs near Kalinovka were described by G. Fowke [13: p. 290] but it was the first time that the Soviet archeologists had seen them with their own eyes. These findings proved the existence of the developed Neolithic culture of the first inhabitants and gave impetus to the Academician A.P. Okladnikov's further research into the historic past of the territory of the Khabarovsk Krai and the ethno genesis of the peoples inhabiting this region. Later on archeologists obtained proofs that the early Neolith in the Lower Amur region began in the 4th millennium A.D. and that the local tribes were closely connected with the Siberian taiga tribes which came from Siberia.

We would like to touch upon one more side of the activities of all the researchers mentioned above. In addition to ethnographic records each of them made a considerable number of different collections: photographs, trade tools, household objects, cult objects, clothes, shaman attributes, etc. which constitute nowadays the basis for many museum collections. [20].

This paper does not cover the widely known ethnographic expeditions of 1927 with the participation of the following researchers: V.K. Arsenyev, who collected valuable information about the culture of the Ussury Nanai; E.R. Shneider, who developed the literary Udege language on the basis of the Khor dialect; and E.A. Kreynovich who was the most authoritative specialist in the Nivkh studies, expert of the Nivkh language, folklore, psychology, and material and spiritual culture of this ethnic group.

In order to make a conclusion from the above said we should emphasize that in spite of the fact that the 1920s-1930s were the early years of formation of the young Soviet state and there was scarcely enough money for the barest necessities, the government allocated certain funds for research expeditions aimed at studying the material and spiritual cultures of the local minorities. We can ascertain the fact that the results of the research accomplished during that remote period when an active process of collecting ethnographic material took place signifi-

cantly affected the development of ethnographical, anthropological, linguistic and archeological research in the domestic and foreign studies of the North and predetermined the directions of its development of research for many years.

The materials of the expeditions of that period laid the foundations for the fundamental works of A.P. Okladnikov, M.G. Levin, G.F. Debets, A.V. Smolyak, B.A. Vasilyev, V.G. Lar'kin, Y.A. Sem, C.M. Taksami and many others. These researchers used their field materials of that period about the formation of the tribes of the Amur ethnic groups and supplemented them from their own research which allowed them to make relatively clear the ethno genesis of the ethnos of the Lower Amur. The anthropologic data allowed M.G. Levin and G.F. Debets to refer the Tungus-Manchurians of Amur to three types of the Mongoloid race: Amur-Sakhalin, Baikal, and eastern Mongoloid. Anthropological research of that period laid the foundation for the present day serological, dermatoglyphic, and odontologic research which considerably deepened the knowledge of the modern researchers about the anthropological types of the Tungus-Manchurians and Paleo-Asians.

As for research in the sphere of linguistics, the early works and collected materials of G.M. Vasilevich, V.I. Tsintsius, V.A. Avrorin, E.A. Kreynovich, E.R. Shneider and others substantiated the conclusion that the Tungus languages of the Lower Amur should be distinguished in a separate group - the Lower Amur linguistic group. These people recorded the written language of peoples who had no previous written languages, wrote text-books and educated the first representatives of the national *intelligentsia*⁵.

Archeological excavations begun in the remote times of 1935 are still taking place in the territory of the Khabarovsk Krai. Archeological and cultural findings of that period helped prove the unique identity of the visual arts of the indigenous peoples of the Lower Amur and refuted the statements of B. Laufer, the participant of the Jesup expedition, that the motifs of the ornamentation of the ethnos of the Lower Amur are Chinese borrowings.

Research accomplished in the 1920s-1930s considerably deepened and widened the scope of knowledge obtained during the first period of collecting information that finished at the beginning of

the 20th century and considerably supplemented the existing mass of materials on the specific features of the material and spiritual culture of the Far Eastern ethnic groups.

REFERENCES

1. *Alymov, S.S.* (Electronic resource) Boris Alekseevich Kuftin: izlomi zhiznennogo puti [Boris Alekseevich Kuftin: breaks in life's journey], <http://www.ihst.ru/projects/sohist/books/ethnography/2/227-268>.
2. *Argudyaeva, Y.V.* V.K. Arsenev – puteshestvennik i etnograf: Russkie Priamurya i Primorya v issledovaniyah V.K. Arseneva: materialy, komentarii [V.K. Arseniev - traveler and ethnographer: Russians of Amur and Primorie in the research of V.K. Arseniev: materials, comments], DVO RAN Publishers, 2007 -272 pp.
3. *Avrorin, V.A.* Materialy po nanaiskomu yaziku i folkloru [Materials on the Nanai Language and Folklore] - Leningrad: "Nauka" Publishers, 1986 -255p.
4. *Avrorin, V.A.* Orochskie teksty i slovar' [Orochy texts and dictionary], Science Publishers, 1978 - 263 pp.
5. *Avrorin, V.A.* Predstavleniya orochei o vselennoi, o peselenii dush i puteshestviyakh shamanov, izobrazennyye na «karte» [Representations of the Orochy about the Universe, the Transmigration of Souls and Journeys of Shamans, depicted on a "map"], SMAE Publishers, 1949 – pp. 324-334
6. Dokument o rabote kraevoi komissii sodeystviya gosudarstvennoi akademii khudozhestvennykh nauk po organizatsii Vsesoyuznoi yubileinoi vystavki iskusstva natsional'nostei SSSR [Document about work of the Krai commission for assistance to the State Academy of Arts for the organization of the All-Union Jubilee Exhibition of Arts of the Nationalities of the USSR 1927] 1928 – State Archive of the Khabarovsk Krai. – F. P-704. – Op. 1. – F. 13. – Sheets 14-15, 17.
7. *Fond S.N. Onenko* Istoriya prisoyedineniya Priamuria [Foundation of S.N. Onenko - Ph.D., senior researcher of the Siberian Branch of the USSR, participant of World War II. History of joining Priamurie. State Archive of the Khabarovsk Krai – F.696 – Op. 1 – F. 108. – Sheet 168.
8. *Fond S.N. Onenko* F.F. Busse i L.A. Kropotkin. Ostatki drevnostey v Amurskom krae [Foundation of S.N. Onenko - Ph.D., senior researcher of the Siberian Branch of the USSR, participant of World War II. FF Busse and L. Kropotkin. Remains of antiquities in the Amur region] State Archive of the Khabarovsk Krai – F.696 – Op. 1 – F. 133. – Sheet 55.
9. *Fond S.N. Onenko.* Nachal'nyy period stroitelstva organov Sovetskoy vlasti. Sotsialisticheskie preobrazovaniya ekonomiki narodnostey Severa [Foundation of S.N. Onenko - Ph.D., senior researcher of the Siberian Branch of the USSR, participant of World War II. The initial period of establishment of the bodies of the Soviet government. The socialist transformation of the economy of the Peoples of the North. Typescript, 1983 State Archive of the Khabarovsk Krai – F.696 – Op. 1 – F. 110. – Sheets 21, 23.
10. *Fond S.N. Onenko* Pamyati Very Ivanovny Tsintsius [Foundation of S.N. Onenko - Ph.D., senior researcher of the Siberian Branch of the USSR, participant of World War II. In Memory of Vera Ivanovna Tsintsius State Archive of the Khabarovsk Krai – F.696 – Op. 1 – F. 84. – Sheet 1.
11. *Fond S.N. Onenko* Vypiski iz fondov TsGA RSFSR DV i Gos. Arhiva kraia o rabote komiteta Severa i Komiteta Novogo Alfavita, sdannyye v 1974 godu. [Foundation of S.N. Onenko – Ph.D., senior researcher of the Siberian Branch of the USSR, participant of World War II. Extracts from the

⁵ (From Russian “интеллигенция”) a social class of people engaged in mental and creative labor and dealing with the development of culture; intellectuals (*translator's note*).

funds of the RSFSR LW CSA and the State. Archives edge of the Committee of the North and the Committee of a new alphabet, made in 1974] State Archive of the Khabarovsk Krai – F.696. – Op. 1 – F. 138. – Sheet 13.

12. *Fond S.N. Onenko* Yazyki i fol'klor narodov Severa [Foundation of S.N. Onenko. – Ph.D., senior researcher of the Siberian Branch of the USSR, participant of World War II. Languages and folklore of the peoples of the North]. – State Archive of the Khabarovsk Krai. – F.696 – Op. 1 – F. 83. – Sheet 6.

13. *Fowke, G.* Exploration of the Lower Amur Valley / G. Fowke // *American Anthropologist*. – 1906. – V.8, Issue 2. – P. 276-297.

14. *Ivanov, S.V.* Ornament narodov Sibiri kak istoricheskii istochnik (po materialam XIX- nachala XX vv.) [Ornament of Siberian peoples as a historical source (on the materials of the 19th – beginning of the 20th centuries)]. / S.V. Ivanov. – M. – Leningrad: AN USSR publisher, Leningrad branch, 1963. – 500 p.

15. *Ivanov, S.V.* Ornamentika, religioznye predstavleniya i obryadi, svyazannye s amurskoi lodkoi [Ornaments, religious beliefs and rituals connected with the Amur boat] / S.V. Ivanov / SE. – 1935. – № 4-5. – P. 62-84.

16. *Kan, S.* Lev Shternberg: anthropologist, Russian socialist, Jewish activist / S. Kan. – Lincoln and London, University of Nebraska Press, 2009. – 551 p.

17. *Karger, N.G.* Otchet ob issledovanii rodovogo sostava naseleniya basseina r. Garina [Report on research into the tribal system of the population in the basin of the Garin river] / N.G. Karger // Preliminary Report of N.G. Karger and I.I. Koz'minski. – Leningrad: AN USSR Publishers, 1929. – P. 3-24.

18. *Karger, N.G.* Rodovoi sostav ul'chei [Tribal system of Ulchy] / N.G. Karger / Soviet North Publishers. – 1931. – № 5. – P. 120-125.

19. *Khasanova, M.M.* K 90-letiyu V.A. Avrorina [On the 90th anniversary of V.A. Avrorin] [electronic resource] / M.M. Khasanov. – Access mode: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/books/ethnography/2/227-268>.

20. Kollektzii po kul'ture narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Collection of the Siberia and the Far East people's culture [electronic resource] / Access mode: <http://www.ethnomuseum.ru/section660/1848/1856/2270.htm>.

21. *Koz'minski, I.I.* Otchet ob issledovanii material'noi kul'tury i verovanii garinskikh gol'dov [A report about the study of material culture and beliefs of the Garinsky Goldy] / I.I. Koz'minski // Preliminary Report, N.G. Karger and I.I. Koz'minski. – Leningrad: AN USSR publisher, 1929. – S. 25-48.

22. *Kozin, S.* Dal'nevostochnaya kompleksnaya ekspeditsiya [Far East expedition] / S. Kozin / SE. – 1931. – № 3-4. – P. 201-207.

23. *Laufer, B.* Petroglyphs on the Amoor / B. Laufer // *American Anthropologist*. – 1899. – V. 1, Issue 4. – P. 746-750.

24. *Lipsky-Val'ron, N.A.* Materialy k etnographii gol'dov [Materials for the Ethnography of the Goldy] / N.A. Lipsky-Valron / Sibirskaya starina. – Irkutsk, 1925. Vol. 3-4. – P. 145-160.

25. Ob'yasnitel'naya zapiska k planu issledovaniy DV kraya na pyatiletie 1929-1938 gg. [Explanatory note to the plan of Far Eastern krai on five-year period 1929-1938. – State Archive of the Khabarovsk Krai. – F. P-704. – Op. 1. – D. 26. – Sheet 1.

26. Pervii tuzemnyi s'ezd DVO. Protokoly s'ezda s vvodnoi stat'ei Lipskogo [The 1st Congress of the Indigenous Peoples of the Far Eastern District. Minutes of the Congress with an introductory article of Lipsky]. – Khabarovsk, 1925. – 139 p.

27. Protokoly zasedaniy 2-oy Nikolaevskoi-na-Amure okruzhnoi konferentsii VKP (b) 16 fevralya – 19 fevralya 1927 [Minutes of the meetings of the second Nikolaevsk-on-Amur Regional Conference of the CPSU (b) February 16 - February 19, 1927]. – The State Archive of the Khabarovsk Krai (SAKhK). – P. 50-51.

28. *Reshetov, A.M.* Otdanie dolga [Paying the debt] / A.M. Reshetov / EO. – 1995. – № 2. – P. 54-56.

29. *Tsintsius, V.I.* Obryadovii phol'klor ytblfkmntsev, svyazanniy s promislom [Negidaltzy ritual folklore associated with the fishery trade] // Folklore and Ethnography: Rites and ritual folklore. – Leningrad, 1974. – P. 34-41.

30. Ukaz Ego Imperatorskogo Velichestva Samoderzhitsa Vserossiiskogo, iz Pravitel'stvuyushchego Senata ot 4 yanvarya 1859 g. [Decree of His Imperial Majesty the All-Russian Autocrat from the Governing Senate of the 4th of January, 1859 – State Archive of the Khabarovsk Krai. – F. 860. – Op. 1. – F. 48. – Sheet 9.

31. *Weinstein, S.I.* (electronic resource) Romantika i tragedii v sud'be Alberta Nikolaevicha Lipskogo [Romance and tragedy in the fate of Albert Nikolaevich Lipsky] <http://www.ihst.ru/projects/sohist/books/ethnography/2/455-492.pdf>.

32. *Zolotarev, A.M.* Rodovoi stroi i religiya ul'chei [Tribal system and religion of Ulchi] / A.M. Zolotarev. – Khabarovsk, 1939. – 206 p.

33. *Zolotarev, A.M.* The Bear Festival of the Olcha / A.M. Zolotarev // *American Anthropologist*. – 1937. – V. 39, Issue 1. – P. 113-130.

BIRTH OF THE AMUR THEATRE

Y.S. Krizhanovskaya

Krizhanovskaya, Yana Stanislavovna – Candidate of Science (Cultural Studies), Department of Literature and Culturology, Far Eastern State University of Humanities (Khabarovsk).

The article deals with the process of development of theatres by native peoples of Priamurie in national languages in the period from 1920 to 1940. Contemporary records help to reconstruct the repertoire, analyze the principles of work and reasons of liquidation of distinctive ethnic collectives.

Key words: ethnic theatre, amateur theatre, propaganda theatre, folklore theatre, peoples of Priamurie.

The folk culture of peoples of Priamurie (Nanai, Nivkhs, Udege, Ulchy etc.) as it was at the beginning of 1920th did not know any theatrical forms. There was no possibility of having theatres which had not develop from the depth of the folklore tradition. However, the element of entertainment showed its worth in rites and festivals, games and in some phenomena of fairy-tale folklore, preparing the ground for the birth of ethnic theater. Perhaps the Amur people would have created their own folklore theatre if they had lived several centuries in isolation. Nevertheless, history made its own decision. The birth of theatre as a new type of art, its separation from ritual forms dates from the 1920's - 1949's. It was connected not only with the autonomous development of the ethnic entertainment tradition but with the influence of Russian culture and the active policy of the Soviet state in this region. The period between the wars was a very complicated and disputable stage in the history of the native people of the southern part of the Far East, connected with overcoming economic backwardness, beginning cultural constructions, struggling with illiteracy, and the appearance of the first national specialists. At that time, the state tried to attract native minority peoples to new the lifestyle. Collectivism as a social factor was reflected in the principles of labour organization and cultural life. Forms of dialogue changed, amateur creativity was developed.

Nowadays, when there is no balanced and fair picture of the Soviet past, there is quite often sharp rejection and arrogant criticism of "Soviet activity". Certainly, among amateur theatres of the first Soviet years there was a great number of amateur groups whose activity was far from the tasks of artistic and aesthetic education. However, in the Amur culture, amateur activity especially its theatrical variety occupied rather a peculiar place. It was amateur theatre that became the first stage variety of spectacle in culture of the Negidaltsy, Nivkh, Ulchy and other native peoples of the southern part of the Far East.

One of the clearest aspects of that time was the powerful rise of social activity and connected with it the blossoming forth of people's activity. The struggle with illiteracy, the formation of amateur clubs, and the familiarizing of people with the achievements of Russian and world culture promoted amateur art. "Never has the art activity of the people been as high as it was in the Union of Soviet Republics", - wrote one of the art advisers of art time, A. Nazarov. "The great number of workers, collective farmers, Soviet clerks – men, women, youth and old people – in their times free from productive work time are engaged in literature and art" [3: p. 670].

The second important tendency determining the direction of cultural life of that time became common attention to the theatre and educational and ideological possibilities. In a meeting devoted to the question of education of the people of the north taking place in Moscow, August, 1932, the famous ethnographer Bogoraz-Tan underlined: "... theatre in general historically comes into the world before writing and we observe here that with the northern people who (...) like other primitive people have a tendency to active art and amateur groups, a lot could be done for political and educational work..." [9: p. 7].

That is why the mass theatre movement became the most important part of a new state policy conducted among the native ethnoses of the Far East. Amateur groups were formed to solve the current task of making native people familiar with social, political and cultural life through forms of art that were comprehensible to them. These amateur groups were created in some settlements of Priamuriya by groups of young activists, including representatives of growing national intelligentsia, students, and graduates of the Leningrad Institute of people of the North.

Alexandra Putintseva the future author of the first Nanai ABC-book opened the Red yurt and school for adults in the settlement of Nizhniye Khalby at the end of the 1920s. At the same time, the first theatre experiments began as the most important part

of educational development processes. The names of amateur plays are significant: – “Middle classes”, “The Gentry”, “Bolsheviks” and “Struggle for a new way of life”.

Certainly, there were no finished plays in the Nanai language. Dramatic art in national regions could not be wide spread because of the novelty of the theatre for them. That is why there were two ways of solving this problem: to take Russian plays and translate them into native languages (great support in translating was given by a student of the Leningrad Institute of peoples of the North, M.V. Samar) or to make up plays using native material. Such is the play “Trial of a native mother guilty of bad care of her child” staged on March 8, 1930. The author and participants of such propaganda productions arranged for new state holidays expected not artistic but educational effect¹. Plays from the life of nomad camp had great success among native people.

Semyon Nikolayevich Sipin (1905-1938) - the national writer, poet and composer, graduator of the Institute of peoples of the North who helped to organize the theatre groups in some settlements of his region was the instigator of theatre activity. He created a repertoire that consisted of small one-act plays from the life of Ulchis with elements of folklore (national dances, songs, dramatization of rituals and games, etc.)

According to documents, in 1936 in settlements of the Ulchy region there were 25 drama and 18 musical groups. There were 185 productions.

Drama groups appeared in Nivkh settlements. Peter Baichuk wrote the play “*Kulak*” in 1934 and some songs in the Nivkh languages, and Nivkh M.K. Vingun the author of two plays in Nivkh (the Amur dialect) were local activists of theatre [13: p. 51].

By the end of the 1930s kids and adult theatre groups were functioning on the basis of school in the Kalma settlement; plays for these groups were written by the young teacher Khynin [5: p. 8].

In the repertoire of these theatre groups plays using a folklore plot but modernized by details of local life prevailed. Improvised plays on topical themes such as the struggle with shamanism, illiteracy, obsolete rituals and beliefs were wide spread. For example, Udege of settlement Krasnyi Yar of Pozharskiy region successfully performed a play written by the participants about the expulsion of

a shaman-deceiver from the settlement. At the same time such plays as “Doctor”, “Coming back of the soul”, “Wedding party” appeared – where, on the one hand, the elements of traditional rituals existed and on the other hand, there was an ideological motive of opposition between the old and new life [4: p. 18; 21: p. 103].

Unfortunately, the plays of those years are not preserved. There were several reasons. First, this period was marked by some uncertainty with national writing. In January, 1932 at the First All-Russian Conference on development of languages and writing of the peoples of the North the project of making a common northern alphabet using a Latin graphic base was accepted. However, attempts at its introduction among non-writing peoples faced great difficulties and several years later a decision about transition into the Russian alphabet was accepted. Secondly, it is possible that plays did not have any recorded texts because it was unnecessary, as some artists were illiterate. Most likely, amateurs used only a script that made it unnecessary to learn text and gave them a chance for improvisation. The nature of improvisation of that time defined the attitude of participants to their plays as to the “art of the day”, appealed to solve efficient tasks (educational, ideological).

However, based on a few records we will try to note some specific features of the Amure ethnic theatre of the 1930s.

First, it was a theatre born from its time, i.e. dramatic amateur theatre characterizing by political topicality and social optimism ridiculing and exposing the old and establishing the new. The political and educational tasks limited the compositional method distinctive for many plays of that time. In the first part the play included a demonstration of the old life, with its lack of rights; in the second part the happy days of the present life were contrasted to the past. As one of the theatre theorists A. Gvozdev wrote, “to the accusatory strength – the grotesque – is contrasted creative and positive strength – the heroic inspiration of revolutionary constriction. The alternation of these two plans – grotesque and inspiration – gives birth to the special rhythm of club dramatization and its inimitable peculiarity and originality” [16: p. 28].

Such was the composition of the play “Struggle for the new way of life” staged in the settlement of Nishnyie Khalby. The first act revealed the life of a traditional Nanai family consisting of father, his two wives (old and young), two sons and a daughter. The shaman called to a sick daughter could not save her life. Conflict became imminent between the younger

¹ In the last case the result was evident – become the main hero of the play a half-hearted mother guilty of bad care of her child brought him to the doctor the next day [12: p. 297].

members of the family and the father: the second wife is attending a reading-room and ignores her house-keeping chores, and his two sons: the elder is going to become a Komsomol member, and the younger is a member of the Young Pioneer League. The sons reproach their father for not listening to them. They say that life is progressing, that they are learning and they have something to teach and the ignorance of their father killed the daughter.

In the second act – the scene in a meeting of the Komsomol organization. Gokcha (the elder son) is entering the Komsomol organization, Sarinka (the young wife) comes, listens and after that asks to be admitted into the Komsomol. She says that she was sold to her husband and now she is leaving her husband because she has the right to arrange her own life. After the meeting, Komsomol members are preparing to celebrate the first of May. They are decorating the club with slogans and speaking about the struggle in their nomad settlement – the young and the new is coming, destroying; but the old and the old, rotten resists, trying to retain its position, but nothing comes of this. Morality of the play is simple – youth is strong physically and morally and through knowledge and labour, which is why they win.

Such performances which were the beginning of the national amateur theater on the Amur river not only met the ideological needs and marked the emergence of new form of national spectacle more suited to the spirit of the time than the usual ritual forms, but also declared that the new morality had been born during this time. If the age-old tradition prescribed respect for the wisdom of elders, the stage affirmed that youth also has knowledge because young people look to the future to which they belong.

The activity of national theatre groups in the Amur settlements born by their time and aimed at solving politically acute tasks was oriented to the model of proletarian theatre of working youth. One of the leaders of the Far Eastern theatre movement mentioned: “The essence and peculiarity of the Amur theatre is the combination of the following elements: 1) elements of theatre group (wide amateur activity, initiative, self-education, self-improvement); 2) element of theatre school (profound study – from elementary to professional art of acting); 3) elements of professional theatre (...organization consisted of the most talented professional collective...); 4) elements of mass art work” [16: p. 167].

All these features existed in the work of national theatre groups, which not only acquainted youth with elements of dramatic art but also

attracted them to participation in general education and political groups. They also created activists in the reading-room and led to the addition of new members to the Komsomol. Certainly, there was a real danger of the predominance of communicative tasks (propaganda, ideological, political) over the dramatic. However, the inspiration was the factor balancing this propaganda which existed in these circumstances.

The style of productions in national Amure settlements was not exhausted by elements of the Soviet propaganda theatre. These were national theatres using not only native language but also elements of folklore, national rituals, colourful ethnic dress, ritual and everyday subjects as scenic entourage. These were theatres closely connected with their ritual sources that had developed the basis of the national fairy-tales, legends and rituals, and in mixed forms of these performances having synthetic entertainment and musical character and sometimes some peculiarities of audience behavior. Spectators of theatre productions (new spectators!) did not want to be just an audience. Ancient traditions of ritual spectacles had accustomed people to the fact that a person was an active participant of entertainments. Thus, in the first theatre performances in Nanais, Ulchis and Nivkhis settlements, hunters, fishermen and woodcutters were easily included in the action. They supported the performance by exclamations of approval and disapproval, and sometimes performances were continued in the form of artistic parties where songs and fairy-tales performed by “artists from the audience”² were recited.

Demonstration of national rituals took an important place in the first productions. In this case, it is not so important that it was demonstration “by the rule of contraries” and national rituals were perceived as part of the “old” life. The image of the shaman as one of the brightest and most colourful in the national culture and attracted the attention of actors and spectators. This image attracted people’s attention by grotesque perceptions because the shaman in amateur plays (seldom did a play of those years exist without a scene of shamanistic ritual) was a national equivalent of the “kulak” or the “bourgeoisie”. It must be taken into account that the

² About one such performance of Nanai artists before the people of Udegei s. Bir the director of Nanai theatre from Naykhina Boris Khodzher wrote: “Women demonstrated the greater activity, even old people took an active part in the performance, for example, Amulinkan who was 72 sang songs”).

appearance of a shaman in theatre scene gave the possibility of demonstrating the colourful national ritual as part of the production.

The transition from ritual to its scenic version is a transformation typical for traditional culture regardless of the geographical and national essential quality. Thus, in the 20th century Korean shamans were the first who began to tour to the West and perform on the stage. Then groups of dancers and singers followed them. In comparison with this tendency, the Amur ethnoses organized performances with actors who played the role of shamans with a specific ideological task.

Today, after so many years, it is difficult to say what prevailed in these productions – propaganda and contemporary reality or traditional folklore. Especially since the peculiar "mimicry" of shamanistic actions was not absolutely foreign to the folk tradition, as the Nanai and the Udege have fairy tales (Nan. "*ningmanu*", Udege. "*nimanku*") in which the characters imitate the actions of shaman. The presence of shaman³ among the audience indicates the great attention to the folklore side of the play in the early Amur ethnic theatre.

If the activity of many amateur drama groups in the national Amur settlements of this period allows us to speak about the peculiar style of the national theatre, which developed the most vivid embodiment of this style was in the work of the most noticeable, unique theater company of those years – the professional Nanai theater from the settlement Naykhin.

Graduates of the Leningrad Institute of the North took an active part in the creation of this theatre. In the early 1930's experts working with students from the North noticed their interest the theatre. L.B. Zhukova who taught the Nanais offered to organize a theatre group based on folklore and create a play in the national language. The choice of theme – the position of Nanai women in pre-revolutionary life – was determined by the spirit of that time. Participants created a play "Sayla" from their best improvisations devoted to the traditional theme of struggle between the "old" and the "new" way of life. The production was very success.

Later, when the students from Leningrad returned home, the core of the drama group decided to transfer to local ground. Local youth joined the former students and in 1934 a theatre group consisting of 16 people under the direction Boris Khodger of graduate of the Institute of the North and Komso-

mol member was organized in Naikhin. The first production was "Sayla" whose plot was typical for amateur propaganda plays of that period and combined elements of folklore and national history with the theme of social transformation. The parents betrothed their Nanai daughter Sayla in her infancy to a rich Hunter. Years passed, and the bride Sayla has to go into the house of her husband. But times have changed and a new the generation opposes the old custom. Judging by the few surviving reviews and the fact that this show had been in the repertoire of the Nanai theater for several years, it was one of the most successful attempts to build a modern propaganda play on the base of folklore.

The success of the performance in the Nanai language made regional authorities apply for the organization of a national theatre based on this drama group. In 1935 the Regional Executive Committee decided to create a Nanai mobile theatre with 18 actors for the purpose of raising and developing the general culture of *kolkhozniks*. The Naikhinskiy kolkhoz "Red Way" was approved to as the base of this new theatre.

From the very first days, the amateur group began successfully touring in the taiga villages and nomad settlements. The repertory of the theatre group was enriched by productions of Nanai fairytales and legends in the treatment of the participants and some shaman rituals. The performances of national games and theatrical versions of folk songs were staged as separate items. The realities of local life existed in politically topical plays. One-act plays such as "*Congo Poyahta*" ("Dense grass") and "*Mi balata*" ("I will help") Created by amateur artists were devoted to the theme of exploitation of the poor by Nanai and Russian wealthy people.

The mixed company which included dramatic, choral and musical groups significantly expanded the possibilities of the collective. In addition to domestic and propaganda plays the repertoire included songs, dances (not only Nanai but also Russian dances with special costumes), music and acrobatics (including the military-athletic theme so popular in pre-war years), sports and gaming performances (fencing with short sticks, Nanai boys fighting etc.).

Naikhinskiy theatre was originally formed as the youth theater where the average age of participants was 20-25 years. For example, 20-year-old Maria Beldy performed the role of female heroines and her husband Timophey Kile was famous for his roles of young men among his country men. Even Java Passar who performed the role of an old women was under 30. The initial staff of the theatre included

³ Information of M.S. Beldy, s. Naikhin. Field materials of the author, 1996.

18 people of whom 5 were girls. And that, as well as the youthful staff was the new spirit of the times. According to Nanai traditions women were not allowed to sing in the presence of men; and they could only cry during a funeral. Public "unlimited" female singing outside of rituals, was considered a sin (*so-rombori*) and the whole nomad settlement could pay for it with their lives. However, despite traditional prohibitions Nanai young women performed on the stage.

According to the annual reports of the Regional Arts Department, the Naikhinskiy Theatre appears as a stationary Nanai Drama Theatre with 200 seats (i. e. there was no separate building, the team worked in the club). The troupe toured extensively. Artists traveled on boats and carts to the most remote nomad settlements and also went to Nikolaevsk-on-Amur and Khabarovsk. The theatre Brigade served the population of all neighboring settlements and the timber industry where artists were always greeted warmly. In 1936 alone 64 performances were given which were seen by 9,000 adult spectators and nearly two thousand students.

Certainly, the Nanai theatre from Naykhin performed a very important socio-cultural function. In the situation of the 1930s, in the absence of a systematic cultural service in remote national encampments and the weak staffing of libraries, this amateur group played in front of people who had never seen the theatre and did not even know how to read, involved them in the arts, and helped to form "cultured spectators and listeners". According to its tasks, it was an educational theatre which was claimed by the national intelligentsia of that time as an accessible and understandable form of propaganda for the renewal of society.

It is obvious that productions of the Naikhinskiy theatre as well as other national amateur groups of that time fulfilled not only artistic but also communicative, propaganda and ideological tasks. This led to the combination of different languages or codes that were actualized in different audiences. Firstly, there is the "modern" code or the style of Russian Soviet Theatre (including such a model as the theatre of working youth) which was attractive to young audiences oriented to a new life. Of course, having complete command of the professional stage language requires considerable training and experience that amateur artists did not and could not have. However, in the activity of the Nanai theatre this style was connected with the resolution of topical political issues, with the cartoon-style ridiculing of the old and the exaltation of the new, i.e. with the revolutionary imagery that

enthusiastically perceived individual members of the new born ethnic intelligentsia. In this case, the artistic quality of productions and its shape remained a secondary issue and had no value for the spectator. The correspondence of the content of the work to "the system of emotions of this era" (R. Bart) was of great importance, and success with audiences depended on the actuality represented on stage. In this sense, the first performances of the Nanai theatre was the quintessence of its time.

Secondly, it is a traditional or folklore code associated with appeal to national material. Performers themselves were exponents of folklore. They were able to use national plastics, pantomime and used their expressive possibilities. The artists of the theatre were familiar with the traditional manner of singing; they improvised and created lyrics during the performance. The singing was an obligatory element of folklore theatre: the form of stage action with the music corresponded not only to the origins of ritual but also to people's perceptions of the truth of life where the song gave all the spiritual movement. The scenes were played mostly by improvisation. Each new performance developed its own version of the play. Creativity and performance were interconnected in the early folk theatre as they were connected in shamanistic rituals or in the performance of fairy-tales.

Moreover, the "traditional" code was associated with the use of national costumes, household items and ritual attributes, which were exponents of certain symbols. In performances of local Nanai material there was a moment when some things, objects (items, ritual, etc.) were demonstrated, i.e. performances were like "thing action" [20: p. 12]. And this rich by folk and mythological senses the subject-visual environment, which was created during the performance, defined the artistic quality of the performance.

By the end of the 1930s plays of local material, staging Nanai fairy-tales in the repertoire of the Naikhinskiy theatre gave way to translated drama - Russian and Soviet. Probably, this was connected with changing opportunities in the formation of the repertoire. If at the beginning of the 1930s national Amur theatres had no other choice but self-creation of plays, later five publishing houses of the country issued 147 books and pamphlets in 15 languages of peoples of the North including the best works of Russian and Soviet literature [17: p. 297]. "The Marriage" by N.V. Gogol appeared in the repertoire of the Naikhinskiy theatre. In 1937 on the 20th anniversary of the October Revolution a play from "Rebellion" by D. Furmanov was staged. A year later,

"Platon Krechet" by A. Korneichuk; a small part from the play, "Confrontation" by B. Tura and L. Shtein under the title "The medical debt"; and the first play of the outstanding Soviet playwright Alexei Arbuzov "Six Favorite" etc. were performed.⁴

However, in this period the problem of repertoire was hardly solved completely - especially if this concerned not just provincial theatre but specifically the Nanai theatre. Therefore, the traditional amateur method of reworking of finished artistic material became quite natural. Fragments of the A.N. Ostrovsky play, "Guilty without Guilt" were titled "Who is to blame", and the actors not only spoke the Nanai language but also wore traditional costumes. It was much clearer and closer to the audience of taiga nomad settlements than the realities of the Russian merchant welfare of the nineteenth century.⁵

In official documents of those years the high quality of Nanai theater productions, "according to their artistic level not giving way to the major regional theatre productions" was mentioned. This was the reason for the change in 1939 of status of the theatre from amateur to professional with increased staff from 18 to 25 actors [11: p. 147].

Such rapid professionalization of a small rural theatre may be surprising today. However, for the theatrical process of that period it was quite common. The quick conversion of amateur groups into professional troupes was caused by the objective necessity of the time and forced directives for a quick conquest of the leading positions in professional art by the workers' and peasants' theatre. The change of status of the Naikhinskiy theatre mistook the wish for the reality because a group where no

one had acting training had become professional. The relative professionalism of the actors can be judged by the fact that some of them were forced to combine work on stage with the performance of economic functions.

If the early years of the Naikhinskiy theatre were marked by positive reviews, by the end of the 1930's serious problems faced by the group became obvious. Documents of the time revealed a gap between the requirements of the Nanai group which had obtained professional status and its real possibilities. Local semi-professional actors led by amateurs without theatrical training needed to be staffed by "art educators (leaders)" [16: p. 160]. And it was difficult to count on any progress of the national theatre in the remote settlement without these conditions.

In June 1939 an art director and producer was sent to Naykhin from Khabarovsk in order to solve this problem. G. S. Samarskiy who taught in courses for producers of amateur theatres headed a puppet theater in Khabarovsk. Perhaps he was a good professional but in the short history of the first Nanai theatre group, he appeared as a man unable to understand and accept the specific nature of the national theatre. His name is associated with the collapse of this original troupe. He did not appreciate the peculiarities of Naikhinskiy theatre and with the artist Brik did everything to rid the Nanai theatre of everything ethnically coloured. New leaders banned the performance of folk dances, fencing, sports and gaming items, which had always been popular with spectators in the concerts. Productions of Nanai legends and fairy tales were replaced by poorly made Russian plays (one of them is "Lzhestahanovets" telling "about the mean activities of enemies of the people in one of the *kolkhozes*") [19: p. 19]. Soviet, revolutionary songs and dramatic reading in Russian replaced national songs. Amateur actors who had not a complete command of Russian read for the same audience poems by A.S. Pushkin and V. Mayakovsky.⁶

The change of repertoire forced the staff to abandon the national costumes - the pride of the theatre

⁴ The play of Arbuzov which became the start point of the authors' recognition by critics and audience was written in 1934-1935. This comedy devoted to the actual struggle for the harvest was staged in Moscow and Leningrad and had great success. In 2 years the play staged by Nanai actors ran in Naikhinsky theatre remote from Moscow not only by thousands of kilometers but also by cultural barriers.

⁵ The approach of Nanai actors to a classical repertoire corresponded to the spirit of the time. In 1919 V. Kershentsev one of the theatre theoreticians asked himself: "Should we pay attention to the great works of dramatic art and try to stage them as they are written by the author or perhaps, should we reconstruct the whole work according to our own rules? Can we use such plays as raw material, as simple script?" And answered: "...Well, the play is only the script. And the author's intentions for the theatre are not obligatory".

⁶ Diary notes of M. A. Kaplan made a year later, in March, 1941 judged the degree of readiness of nomad people to the perception of Russian literature and dramatic art: "I went to the club in the evening. I was impressed by the fact that if the school participates it does take into account the interests of 10 Russians in the nomad settlement but not the Nanais. Nanais were sitting and understood nothing. The play was not interesting. It would be better to stage a Nanai play".

group. The Khabarovsk Krai Arts Department assigned responsibility for this to the activity of G.A. Samarskiy: "Theatre brought to a complete collapse" and issued an order to remove the director from his post [12: p.113].

By the early 1940s, the situation with Nanai theatre became even more difficult. The information of the krai meeting of the artistic leaders and directors of theatres of the Khabarovsk Krai in February 1940 sounded the alarm. It was stated that in Nanaisky theatre (having a professional status) "there are no professional actors, educational qualifications are very low, the actors are half-educated and there is nothing to say about the authority" [18: p. 62].

In March 6, 1940 the Executive Committee of Nanai Council of People's Deputies (Troizkoe) took a special decree № 14/22 «On the Nanai Theatre» where it was stated that: "... the quality of the Nanai theatre work did not unsatisfy the increasing cultural and political demands of the Nanai people". Accordingly, the Executive Committee asked the Kray Administration of the Arts Department to take a series of urgent measures to improve the work of the theatre. Among them was a request about the establishment in the 1940-1941 school year of a Nanai national studio-course at the State theatre institute for training qualified actors for Nanai theatre; help in the creation of a national repertoire translated into the Nanai language, with the participation of local playwrights (among them the names of Timopheychuk and Michael Beldy); strengthening the artistic leadership, etc. [15: p. 35-36].

In this time of difficulty for the theatre Çhebi N. Khodzher (father of the future writer G. Khodzher) became its director. The new director started actively to reform the group. The national repertoire began to be restored and a special "brigade for editing folklore" which included the most experienced "theatre-goers" such as S.G. Zaksor, T.K. Beldy and A. Beldy was organized. A new artistic director B.F. Zats with university theater education and experience and a young music teacher accordionist A.P. Pereygin were sent from Khabarovsk to Naykhin. Puppet theatre artist O. V. Purtov (a prizewinner in the regional competition for the best performance, held in January, 1940) was charged with the task of decorate a play on the national theme "We will help."

However, in spite of taking such measures, by the autumn of 1940 Nanai Theatre stopped its existence. According to the Order № 238 of 31.07.1940, it was reorganized in to the regional House of Folk Art to which all property of the theatre was transferred.

For six years, the theatre from Naykhin had been the centre of cultural and educational work in rural areas. In one of the first reviews it was written: "The Nanai amateur theatre works, teaches, and learns in the center of Nanai district" [2: p. 3]⁷. Why was its existence brief?

We believe that the reasons for the liquidation of the national Nanai theatre - the most important and interesting national theatre group in the culture of the Amur Region of that period – are explained not only by the objective defects of the group. Of course, there was a reluctance of officials of the culture to help distant theatres, which it was difficult to get to, and cutting of government subsidies. But the most important reason was: that priorities in the national public policy in the late 1930's were changed.

The functioning of ethnic theatre in the settlements of the Amur Region born in the late 1920s was a part of the national policy of the Soviet state of that period; the directives and resolutions of the governments of various levels determined its development. At the end of the 1930s, the purposive national policy of the state stopped existing. A class approach associated with destroying ethnically colored substance in favor of the "Soviet" was declared. The USSR Constitution of 1936 and the Constitution of the RSFSR in 1937 did not mention national minorities and the peoples of the North as the carriers of special rights. In 1935, the Committee of the North was abolished and then all national councils were liquidated.

In the spirit of the merging of nationalities and the appearance of a new community of people - the Soviet people - the gradual liquidation of ethnic and cultural institutions including the National Theatre began. The changing course of the Soviet government in national policy, the establishment of a totalitarian system in the country did not allow national theatres to become a serious phenomenon in the theatrical culture of the Kray.

⁷ The fact that portrait of actors of the Naikhinskiy theatre that are kept in the museums of Khabarovsk and Komsomolsk-on-Amur were created together with Far Eastern artists in 1930s demonstrates the interest to the activity of this national theatre.

REFERENCES

1. Dnevnikovye zapisi, sdelannye M.A.Kaplan vo vremya ekspeditsii v Khabarovskom kraye (1940–1941gg) [Diary entries made by M.A. Kaplan during expeditions in the Khabarovsk region (1940-1941)]. - Archive of the Russian Ethnographic Museum (SEM). - F.2. - Op.5. - D. 93. - P. 1-35.
2. Feydenberg, O.M. Miph i teatr [Myth and theatre]. Lectures / O.M. Freidenberg. - M.: GITIS, 1988. - 132 p.
3. Istochnikovedenie noveishei istorii Rossii: teoriya, metodologiya i praktika [Chronology of the recent history of Russia: Theory, Methodology and Practice. Under the general Ed. A.K. Sokolov. - M.: Higher School, 2004. - 687 p.
4. Ivanov, S.A. Kul'turnoe stroitel'stvo v Primorye [Cultural construction in Primorye], S.A. Ivanov. - Vladivostok: Seaside Publishing House, 1963. - 71 p.
5. Keman. Materiali po amurskim nivham [Materials on the Amur Nivkhs]. 1939. - Archive Museum of Anthropology and Ethnography by Great Peter RAN (MAE). - F. K-V. - Op. 1. - D. 38. - P. 1-8.
6. Kerzhentsev, V. Mozhno li peredelat' p'esy-postanovki [Is it possible to alter the play-set] // Herald of the theatre. - 1919. - № 1. - P. 4–5.
7. Kharkovskiy, H. Nanaiskii teatr [Nanai Theatre] / Kharkov / Pacific Star. - 1935. - 24 January.
8. Khodzher, B. O nanaiskoi teatral'noi brigade [About the Nanai theatre brigade] / B. Khodzher / Stalinist way. - 1937. - 22 January.
9. Materiali po voprosam prosvescheniya narodov severa (stenogramma soveschaniya ot 30.08.193) [Materials on the Education questions of the North people (transcript of the meeting from 08/30/1932). - Archive of MAE. - F. K-II. - Op. 1. - AD 161. - P. 3-10.
10. Otchetnii doklad o rabote Ul'chskogo raiispolkoma za period s oktyabrya 1934 g. po avgust 1937g. o narodnom obrazovanii i kul'tprosvete rabote [Report about work of the Ulchi Executive Committee in the period from October 1934 to August 1937 about public education and cultural gleam work].
11. Podmaskin, V. Duhovnaya kul'tura udegeitsev XIX - XX vv [Spiritual culture of Udegei of XIX - XX centuries]. Historical and ethnographic essays / VV Podmaskin. - Vladivostok: Far Eastern University publishers, 1991. -160 p.
12. Prikaz №124 po Khabarovskomu Kraevomu Upravleniyu po delam iskusstv ot 04.06.39 [The order № 124 on the Khabarovsk regional Office of the Arts from 04.06.1939]. - GAKHK. - F. 1691. - Op. 1. - D. 4. - P. 147.
13. Prikaz № 81 po Khabarovskomu Kraevomu Upravleniyu po delam iskusstv ot 27.03.1940 [The order № 124 on the Khabarovsk regional Office of the Arts from 27.03.1940]. - GAKHK. - F. 1691. - Op. 1. - D. 7. - P. 113.
14. Programmy prazdnikov narodov Severa 1970–1991 gg. [Programme of celebrations of the North people 1970 - 1991]. - State Archives of Primorsky Krai (rank). - F. 1625. - Op.1. - D 210. - P. 1-53.
15. Putintseva, A.P. Dnevnik krasnoi yurty [Diary of the Red Yurt] / A.P. Putintseva. - Khabarovsk: KHKKM of N.I. Grodekov, 2010. - 350 p.
16. Reshenie 14/22 Ispolkoma Nanaiskogo Soveta deputatov trudyaschikhsya ot 6 marta 1940g. (s. Troitskoe na Amure) «O nanaiskom teatre» [Decision 14/22 of the Executive Committee of Nanai Council of Deputies, who are worked from March 6, 1940 (Troitskoe-on-Amur village) «about Nanai Theatre»]. - GAKHK. - F. 1747. - Op. 1. - D. 75. - P. 35-36.
17. Samodeyatel'noe khudozhestvennoe tvorchestvo v SSSR: Ocherki istorii, 1917–1932 gg. [Amateur art activities in the USSR: Essays on History, 1917-1932 years]. Russian Sciences Academy, State university of Art History Moscow Culture of Russia, Ed. S.Y. Rumyantsev and others. SPb.: Dmitry Bulanin. - M.: GIIS, 2000. - 534 p.
18. Sevilgaev, G.F. Ocherki po istorii prosvescheniya mal'kh narodov Dal'nego Vostoka [Essays on the history of education of the minorities of the Far East] / G.F. Sevilgaev. - L.: Education publisher, 1972. - 423 p.
19. Stenogramma Kraevogo soveschaniya khudozhestvennikh rukovoditelei i direktorov teatrov Khabarovskogo kraya pri upravlenii po delam iskusstv: Itogi vypolneniya repertuarnogo plana 1939 g. I repertuarnii plan 1940 g. [Shorthand report of the Krai meeting of the artistic director and director of the theater of the Khabarovsk Krai in the management of the Arts: Results of the performance repertory Plan of 1939 and the Repertory Plan of 1940] (5-8 February 1940). - GAKHK. - F. 1691. - Op. 1. - D. 6. - P. 57-65.
20. Teplitsky, I.Z. Nanaisy (gol'dy) [Nanais (the Gold)]. 1939. - Archive MAE. - F. K-V. - Op. 1. - AD 104. - P. 1-25.
21. V raione [in the region]. - The State Archive of the Khabarovsk Kray (SAKK). - F. 1214. - Op. 1. - D. 3. - P. 16-28.

**FROM THE HISTORY OF THE SOVIET COUNTER-INTELLIGENCE SERVICE:
«FAR EASTERN “TRUST”» (1939–1945)**

S.V. Tuzhilin

Tuzhilin, Svyatoslav Vyacheslavovich – Applicant for a Candidate degree of the Far Eastern State University of Humanities (Khabarovsk).

E-mail: oscar-81@mail.ru

The paper is devoted to one of the most prominent operations of the Soviet counter-intelligence service against Japanese espionage and sabotage activities which was later called the «Far Eastern “Trust”». The results of that operation had a significant impact on the military political situation in the Far East on the eve of and during the Great Patriotic War.

Key words: special services, Japan, the USSR, opposition, diversion, espionage, agents, investigation, counterespionage.

PROBLEMS OF THE FAR EAST

EAST ASIAN COMMUNITY AND ITS PROSPECTS FOR RUSSIA AND THE ASIAN PACIFIC COUNTRIES

V.N. Timoshenko

Timoshenko Valery Nikolaevich – Candidate of Science (Humanities), Head of the Department of General History at the Far East State University of Humanities (Khabarovsk).

E-mail: valery@khspu.ru

Establishment of East-Asian Community caused wide discussions among the political and research circles of the Asian Pacific countries. These discussions are focused on the issues connected with the prospect of the accession of so-called non-Asian countries (Russia, the USA, Australia and New Zealand) to this organization. The paper analyses the prospects of the leading economies of the region from the point of view of their joining this new regional association.

Key words: Asia-Pacific Economic Cooperation (APEC), Association of South East Asian Nations (ASEAN), East Asia Summit (EAS), East Asian Community (EAC), Asian Pacific Community (APC).

INTEGRATION PROCESSES OF THE WORLD OF GLOBALIZATION AND ETHNICAL STRUCTURES OF THE RUSSIAN FAR EAST.

O.A. Rudetsky

Rudetsky, Oleg Andreevich – Scientific Secretary, the Khabarovsk Regional Museum (N.I. Grodekov), post-graduate student, Department of Philosophy, Far East State University of Humanities (Khabarovsk).

The phenomenon of ethnicity in a world of globalization comprises one of the sharpest and most “explosive” problems. It is real for all countries and regions including Russia and the Russian Far East. The Far Eastern region is remarkable for its complicated ethnic groups and systems of interethnic communication. This is the special sphere of cultural interaction which in its dynamics is based on series of historic peculiarities and traditions. At the same time integration processes caused by the development of the world of globalization threaten the Far East with significant transformations of the ethnic structure and can have extremely negative consequences.

Key words: world of globalization, ethnic structure, the phenomenon of ethnicity, ethnos, ethnic culture, communication.

REALIZATION OF COMPROMIS STRATEGIES IN CONDITIONS OF INTERCULTURAL COMMUNICATION BETWEEN WESTERN AND ORIENTAL CULTURES.

Y.S. Maksimova

Maksimova, Yulia Sergeevna – Senior Lecture, Department of Business Foreign Language, Far East State Transport University.

E-mail: maximova64@mail.ru

The article deals with methods of intercultural interaction of representatives of Oriental and Western Anglophone cultures in conflict and cooperative communication. For fruitful communicative contact both sides can use the strategy of compromise as a method of successful cross-cultural communication.

Key words: intercultural communication, successful communication, compromise, compromise strategies, Western Anglophone culture, Oriental lingua-culture.

**FORMATION OF THE CONSTRUCTION INDUSTRY
AS A BRANCH OF INDUSTRIAL COMPLEX
IN THE FAR EAST OF THE USSR IN 1965-1970**

N.M. Platonova

Platonova, Nonna Michailovna – Candidate of Science (History), Department of Theory and History of State and Law, Far East State Transport University.

E-mail: nonnaplaton@mail.ru

The Far Eastern construction industry of the indicated period was characterized by dynamic development and some contradictions in the economy. Under the conditions of economic reform in the second half of the 1960s, it was necessary to develop a basis for the construction industry in the East of the country. The formation of a construction industry was impeded by the distant location of the region and irregularity in financial and material support.

Key words: construction, building materials industry, construction industry, investments, reconstruction, material and technical resources.

**“IN THE SAME RANKS WITH THE SOVIET GENERATION ...”:
ABOUT THE CREATIVITY OF THE YOUNG HARBIN POETS OF THE 1940s***

G.V. Efendieva

Efendieva, Galina Vladimirovna – Candidate of Philology, Department of Literature and World Culture, the Amur State University (Blagoveshchensk).

E-mail: galina.efendiyeva@gmail.com

The paper deals with the history of Russian poetry in the Harbin of the 1940s. The author argues that the creativity of the last generation of Harbin poets echoes with the lyrics of their mother country, with the innovative search of Soviet authors. One of the major themes in Russian poetry of China in those years is the theme of the Native Land (N. Vokhtin, E. Vladi). A typological convergence is found in verses of constructivists (I. Selvinsky, V. Lugovsky) and texts of V. Kondratovich, the Komsomol lyrics and verses of young activists of Harbin (R. Kolberg), and the poetry of N. Svetlov, E. Bagritsky and creative works of N. Zavadsky's.

Key words: Russian expatriates, literature of Russian China, Russian lyrics of Harbin, parent state (homeland), the Soviet poetry, Patriotic motives, typological ties, literatures influences.

* The article is written within the framework of the project “Socio-cultural context of art legacy of the Far Eastern writers-emigrants (textual and historical analysis) under financial support of grant of President of Russian Federation.

THEATRICAL VLADIVOSTOK IN THE SPHERE OF IDEOLOGICAL TRANSFORMATION (1922-1941)

*L.A. Akhmylovskaya
A.Y. Barysh*

Akhmylovskaya, Larisa Alekseevna – Candidate of Arts, Professor, Department of Arts, Institute of Architecture, Arts and Design, Far East State Technical University (Vladivostok).

Barysh, Andriana Yurevna – Interpreter, International school of Japanese Language Kanrin, participator of cross-cultural art and educational projects (Yokohama).

E-mail: lanaveva@rambler.ru

The article deals with an analysis of the activity of Vladivostok theatres in the period of radical ideological transformation in 1922-1941. Referring to the investigations of Russian and foreign researchers the authors mark the sharp change of conditions in theatres' activities and the restriction of their possibilities; they also follow the tendencies to monotony in stage language and point out the depletion of the multicultural theatrical environment of Vladivostok.

Key words: national theatres, cabaret theatres, poetry concerts, literary and artistic communities, clubs, principles of Communist education.

SOVIET CITIZENS IN NORTH MANCHURIA DURING THE CONFLICT ON THE CHINESE EASTERN RAILWAY IN 1929

S.Y. Yachimovich

Yachimovich, Sergey Yurevich – Lecturer, Department of Socio-Humanitarian and Economic Studies, Far Eastern Institute of Law of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

E-mail: sergyahim-69@yandex.ru

The article considers the colony of Soviet citizens in North Manchuria during the conflict between the Soviet Union and China on the Chinese Eastern Railway in 1929. It analyses socio-economic position of Soviet citizens, their mood, forms of protest at the repression of the Manchurian government, and the role of Soviet Communist Party authorities in the territory of North Manchuria in the activity of the Soviet colony during the conflict.

Key words: the Soviet citizens, the Soviet colony, the Chinese Eastern Railway, repressions, concentration camp, the North Manchuria.

FORMATION OF THE INN BUSINESS AS A STAGE IN THE DEVELOPMENT OF THE HOSPITALITY INDUSTRY (ON THE EXAMPLE OF THE FAR EAST)

V.A. Chernov

Chernov Vladislav Afinogenovich – Senior Lecturer, Department of Socio-Cultural Service and Tourism, Far East State Transport University.

E-mail: tour@festu.khv.ru

The article presents the basis of the development of the hospitality industry in Russia (from the 18th century to the beginning of the 20th century) and in the Russian Far East (the mid 1800s – the early 1900s), the formation of new kinds of enterprises and their legal regulation. The article also shows the formation of a new branch of economy – an inn business, and assistance in its formation from state management structures.

Key words: hospitality industry, inn business, inn-business institutions, the Far East, Priamursky Kray, history of hotel industry.

AUTHORS GUIDELINES

1. The journal publishes materials which have not been published before.

2. The articles submitted to the editorial board undergo a reviewing procedure.

3. Manuscripts of articles and other materials are to be recommended by the faculties of higher schools, laboratories and other structural divisions of scientific research institutions, research-methodological or academic conferences and seminars. Works by post-graduate students are accepted for publishing with references from their academic adviser.

4. The volume of the article should not exceed 1 publication base (40 000 printable characters). No more than three illustrations, diagrams or schemes can be placed within the article.

5. The following are the requirements for manuscripts submitted to the editorial board.

5.1. The materials submitted to the editorial board must be presented in electronic and in print format (diskettes 3.5" and two copies of the original text (files)). If there are two or more diskettes, their numbers and files should be labeled on the diskettes. The names of files must be specified in the printed copy. The text-based editor is Word. The materials should be signed by the author on the title page near the name of the author.

5.2. The title page of the article must contain the complex of the elements located on the page in the following order. At the top of the page the title of the article is printed in capital letters bold font. Surnames of the authors follow the heading and are printed by lower case letters. No other data is to be specified.

5.3. References should follow the body of the text in alphabetical order, first the sources in Russian language, then the sources in foreign languages. References to the cited sources, and notes should be incorporated in the text of the article, after the quotation in square brackets, with the number from the list of references. Bibliographical description of the source in the list of references is implemented in accordance with the rules of GOST 7.1-2003. Font and line spacing, is the same as in the article.

5.4. Margins: top – 2 cm; bottom – 2 cm; left – 3 cm; right 1 cm; the size of a paper – A4 (210×297 mm); font «Times New Roman» № 14; line spacing – 1.5.

5.5. Notes and quotations incorporated in the body of the text should be numbered consecutively.

6. Materials without substantiated research support or not corresponding to the rules mentioned higher will not be considered. Manuscripts will not be returned.

7. The following data about the author should be attached to the manuscript: first name, middle name initial, last name, scientific degree, academic status, place of work, postal address, work address, home address, office phone number, home telephone number, fax, e-mail.

8. An abstract of the article of 6-10 lines in Russian and English, the title of the article in English and the list of key words (no more than 15) are to be attached.

9. Please address the materials to the following address: 47, Seryshev Str., Khabarovsk, 680021, Far Eastern State Transportation University (FESTU) Editorial board of the journal "The Humanities and Social Studies in the Far East".

E-mail: journal@festu.khv.ru
<<mailto:journal@festu.khv.ru>>.

Научное издание

**СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ**

Научно-теоретический журнал № 1 (29) 2011

Под общей научной редакцией Ю.М. Сердюкова

Редактор *А.А. Иванова*
Технический редактор *О.В. Сенчихина*

Подписано в печать 14.03.2011 г. Поз. 12.1. Формат 60×84¹/₈.
Уч.-изд. л. 25,1. Усл. печ. л. 23,4. Зак. 133. Тираж 500 экз.

Издательство ДВГУПС
680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47.